Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Петрозаводский государственный университет»

На правах рукописи

Короткий Артем Юрьевич

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА, РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ РОССИЙСКИХ ВОЕННЫХ ЭМИГРАНТОВ (1918–1939 ГГ.)

5.6.5 Историография, источниковедение, методы исторического исследования (исторические науки)

Диссертация на соискание ученой степени
Кандидата исторических наук

Научный руководитель
доктор исторических наук, доцент
А. В. Антощенко

Петрозаводск – 2026

Оглавление

Введение 3
Глава 1. Первая мировая война в работах русской пореволюционной эмиграции 27
1.1. Осмысление Первой мировой войны в трудах Н. Н. Головина..... 31
1.2. Первая мировая война в трудах А. А. Керсновского 51
1.3. Первая мировая война в работах Ю. Н. Данилова 71
1.4. Две школы военно-исторической мысли в историографии Первой мировой войны..... 86
Глава 2. Революция и Гражданская война в работах русской пореволюционной эмиграции . 101
2.1. Революция и гражданская война в работах А. И. Деникина 106
2.2. Контр-нарративы «Смуты» в трудах П. Н. Краснова и П. Н. Врангеля 157
2.3. Гражданская война в аналитическом дискурсе А. А. Зайцова 199
2.4. Социально-психологический подход Н. Н. Головина к осмыслению революции и Гражданской войны 216
2.5. Метафорические основания исторических нарративов военных эмигрантов 246
Заключение 254
Список использованных источников и литературы 260

Введение

Актуальность темы исследования. Начало третьего тома «Очерков русской смуты» А. И. Деникина содержит важный гносеологический тезис: объективное, абсолютное историческое знание недостижимо, поскольку как творцы истории, так и ее исследователи неизбежно детерминированы контекстом своей эпохи, национальной, социальной и политической принадлежностью. Эта мысль, иллюстрируемая бывшим главнокомандующим ВСЮР отсылками к Н. М. Карамзину и Ж. Жоресу, обнажает проблему глубокого перспективизма – формирования принципиально разных, а зачастую и антагонистических, нарративов об одних и тех же событиях[1]. Данная проблема является центральной для историографии любого переломного периода, в частности, Первой мировой войны, Революции 1917 г. и Гражданской войны в России.

Актуальность данного диссертационного исследования, посвященного письменному наследию русской военной эмиграции 1920-1930-х гг. (interbellum) о Первой мировой войне, Революции 1917 года и Гражданской войне, обосновывается следующим образом. Во-первых, существует историографическая лакуна. Несмотря на наличие ряда работ, вводящих в научный оборот сочинения военных эмигрантов, комплексное смысловое исследование их взглядов проведено не было. Историография преимущественно фокусировалась на фактографическом содержании или политической оценке их трудов (начиная с советской исторической традиции), оставляя в тени систему идей, ценностных установок и мотивов, породивших эти конкретные исторические нарративы. Таким образом, актуальность темы обусловлена необходимостью перехода от описания и обобщения высказываний к реконструкции и пониманию внутренней логики мысли их авторов.

Во-вторых, для преодоления указанной лакуны предлагается методологическая установка, восходящая к понимающей парадигме Марка Блока. Следуя его тезису о том, что цель историка – «стремление к лучшему пониманию»[2], данное исследование ставит во главу угла не пересказ положений источников, а процесс постижения их смысла. Такой подход предполагает анализ наследия белой эмиграции как целостного мировоззренческого феномена, сформированного травматичным опытом участия в событиях, их осмысления в изгнании и напряженного диалога с прошлым.

В-третьих, важным представляется возросший общественный интерес к военной истории, понимаемой не столько как описание боевых действий, сколько как исследование войны (по

[1] Деникин А. И. Очерки русской смуты. Белое движение и борьба Добровольческой армии: май-октябрь 1918 г. Минск : Харвест, 2002. С. 3.
[2] Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М. : Наука, 1973. С. 11.

объекту) и способов ее осмысления. Особый интерес в этой связи вызывает опыт эмигрантского осмысления крупнейших военных событий начала XX в., не ориентированный на воспроизведение интерпретационных практик, сложившихся в рамках марксистско-ленинской исторической науки, утвердившейся в СССР в межвоенный период.

Следовательно, актуальность работы заключаются в том, что она направлена на заполнение существующего пробела путем герменевтического анализа корпуса текстов военной эмиграции. Исследование призвано выявить и объяснить, как и почему в специфической социокультурной среде interbellum складывались именно такие интерпретации ключевых событий российской истории начала XX века, что вносит вклад как в частную историографию Первой мировой войны, Революции и Гражданской войны в России, так и в общую теорию исторического познания, демонстрируя механизмы работы «перспективизма» на конкретном материале.

Степень разработанности темы исследования. Военно-историческое наследие русской эмиграции первой волны долгое время оставалось маргинализированным в отечественной, советской, историографии. Его интеграция в научный оборот началась лишь в постсоветский период и сопровождалась рядом методологических и концептуальных проблем. Постараемся определить в данном разделе некоторые функциональные детерминанты, которые могут послужить предпосылками[3] данного исследования, которые мы сможем уточнить в результате диссертационной работы.

В современной историографии при категоризации воззрений военных эмигрантов преобладает подход, трактующий их прежде всего как источник сведений о прошлом. Б. Д. Козенко, анализируя историографию Первой мировой войны, определял эмигрантские работы именно в этом ключе, особо отмечая их длительную недоступность для отечественных исследователей[4]. Аналогичной позиции придерживалась и С. Ф. Свилас[5]. Более содержательный анализ предложила Л. П. Муромцева, сместившая акцент с сугубо источниковедческого восприятия этих трудов как мемуарных памятников на рассмотрение мемориально-культурного аспекта деятельности эмиграции. С ее точки зрения, представляющейся обоснованной, работы эмигрантов выступают в первую очередь как форма сохранения исторической памяти о Первой мировой войне, противостоявшей целенаправленной советской политике забвения, выраженной в стигматизирующем концепте «империалистической войны». Вместе с тем исследовательница

[3] Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы филос. герменевтики. М.: Прогресс, 1988. С. 322-323
[4] Козенко Б. Д. Отечественная историография Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2001. № 3. С. 20-21.
[5] Свилас С. Ф. Российская историография Первой мировой войны // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2004. № 4. С. 68-72.

констатирует, что последующая интеграция этого наследия в научный оборот носила зачастую некритичный и односторонний характер. Она же указала на значительный корпус собственно научных трудов, созданных военными эмигрантами (Ю. Н. Данилов, Н. Н. Головин, А. В. Геруа и др.)[6]. В целом можно заключить, что проблематика изучения военно-эмигрантского письменного наследия, посвященного Первой мировой войне, остается периферийной. Сложившейся ситуации, как представляется, способствует его устойчивая категоризация исключительно как информационного источника по истории войны, а также подход, априори трактующий эти материалы как сугубо субъективные и мемуарные.

В советской историографии революции и Гражданской войны труды представителей военной эмиграции использовались для решения нескольких задач: разоблачения «антинародной политики свергнутых эксплуататорских классов», анализа социального состава их войск и внутренней структуры «вражеского лагеря», а также для характеристики морального состояния и духовного облика эксплуататорских классов и оценки воздействия революционных сил на враждебные и промежуточные слои[7]. Наиболее значительными среди военно-эмигрантских трудов признавались сочинения Н. Н. Головина и А. А. Зайцова. Показательна оценка, которую В. Д. Поликарпов дал работе А. А. Зайцова: помимо негативной стигматизации, он указывал на «вульгарность» ее объяснения, подменяющего классовый анализ геополитическим и исходящего из логики продолжения Первой мировой войны на фронтах Гражданской[8]. Подобные характеристики полностью укладывались в рамки классового анализа, господствовавшего в советской исторической науке.

При рассмотрении историографического наследия военной эмиграции целесообразно обратиться к одному из наиболее примечательных ранних постсоветских трудов – работе «Белое дело: идеология, основы, режимы власти. Историографические очерки». В этом исследовании представлен максимально полный на сегодняшний день обзор эмигрантской историографической литературы, в которой авторы выделяют два основных направления: мемуарно-исследовательское и исследовательско-мемуарное[9]. К числу первых, авторы относили «Очерки русской смуты» А. И. Деникина, «Записки» П. Н. Врангеля, «Борьба с большевизмом на Юге России. Участие в борьбе Донского казачества» В. В. Добрынина, «1918. Очерки по истории русской гражданской войны» А. А. Зайцова, «Российская контрреволюция в 1917–1918 гг.»

[6] Муромцева Л. П. Первая мировая война в памяти российской эмиграции // Россия и современный мир. 2014. № 4 (85). С. 155-165.
[7] Поликарпов В. Д. Пролог Гражданской войны в России. М. : Издательство «Наука», 1976. С. 26-30.
[8] Поликарпов В. Д. Начальный этап Гражданской войны. История изучения. М. : Издательство «Наука», 1980. С. 346-351.
[9] Бордюгов Г. А. Белое дело: идеология, основы, режимы власти. Историографические очерки / Г. А. Бордюгов, А. И. Ушаков, В. Ю. Чураков. М. : Русский мир, 1998. С. 53.

Н. Н. Головина. В числе вторых авторы определили мемуары следующих военных деятелей: А. С. Лукомского, А. П. Родзянко (подчеркивая высокую объективность данных авторов), К. В. Сахарова, П. Н. Краснова, С. В. Денисова и других. В целом следует отметить, что авторам удалось создать один из наиболее полных и систематизированных обзоров военно-эмигрантской литературы межвоенного периода, сохраняющий свою значимость до настоящего времени.

В изучении Гражданской войны эмигрантское наследие, особенно мемуары военачальников, изначально заняло более заметное место. Однако уже в ранних постсоветских работах проявились проблемы его рецепции. В диссертационном исследовании «“Очерки русской смуты” А. И. Деникина как источник по изучению Гражданской войны на юге России» И. М. Ходакова прямо указывает на «самодеятельный» и часто публицистический характер восприятия многих эмигрантских работ (не исключая самих «Очерков»), с одной стороны, и «академический» – с другой. В целом исследователь констатирует, что в рамках академической историографии постепенно устраняются лакуны, касающиеся достоверности сведений, содержащихся в работе А. И. Деникина. Ключевой вывод И. М. Ходакова, предпринявшего попытку источниковедческого анализа (главным образом военных описаний) данного текста (это следует рассматривать как своеобразный пик источниковедческого рассмотрения этого памятника мысли), заключался в том, что это произведение не следует относить исключительно к источникам личного происхождения, то есть к мемуарам. Правильнее квалифицировать его как текст «мемуарно-публицистического» характера, написанный «под определенным – белогвардейским – углом зрения. В этой связи нет оснований считать “Очерки” научным исследованием, ибо один из важнейших критериев научности – объективность – ни в коей мере не был присущ пятитомнику генерала»[10].

Большой интерес для репрезентации современных оценок работ военных эмигрантов имеют воззрения В. Д. Зиминой. В сочинении «Белое дело взбунтовавшейся России» она отмечала общую плюралистичность и «многоголосицу» в письменном наследии белых[11]. Центральной фигурой для нее становится генерал Головин, которого она называет «белым теоретиком российской контрреволюции». Зимина репрезентирует его концепцию как диалектическую: контрреволюция у Головина – это не просто противодействие, а необходимый контртезис в революционном процессе, что сближало его воззрения, по мнению Мельгунова, с марксистской логикой[12]. Она фиксирует, что отсутствие единой платформы, неспособность

[10] Ходаков И. М. «Очерки Русской Смуты» А.И. Деникина как источник по изучению гражданской войны на юге России : автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.09 / Ин-т рос. истории РАН. — Москва, 2006. С. 24.
[11] Зимина В. Д. Белое дело взбунтовавшейся России: Политические режимы Гражданской войны 1917-1920 гг. М. : Рос. Гуманит. Ун-т, 2006. С. 19.
[12] Там же. С. 16-17.

поступиться партийными догмами мешали консолидации антибольшевистских сил. При этом исследовательница подчеркивает, что в эмиграции сложились два основных течения: одни (преимущественно левые) трактовали революцию как историческую неизбежность, другие (правые) – как катастрофу[13]. Зимина также обращает внимание на то, что долгое время труды этих авторов были невостребованы в советской историографии, и лишь в постсоветский период началось их объективное изучение.

Мысль о некритичности восприятия эмигрантского письменного наследия развивается в статье И. В. Михайлова, который констатировал, что в 1990-е годы эмигрантские нарративы зачастую воспроизводились некритично, порождая новую мифологизацию Белого движения. Он предостерегает от «нерассуждающей агиографичности» и подчеркивает, что сами белогвардейцы в мемуарах далеко не всегда идеализировали себя[14].

Значительный интерес в контексте изучения военно-эмигрантской историографии представляет диссертационное исследование Л. А. Антоновой, в котором автор предприняла попытку реконструкции процесса формирования и основных тенденций эволюции политических воззрений А. И. Деникина. Важным источником для данного анализа выступил основной труд генерала – «Очерки русской смуты». В результате проведенной работы она пришла к выводу, что под влиянием меняющейся исторической обстановки и ее личного осмысления политические взгляды А. И. Деникина эволюционировали в сторону большей либерализации при сохранении приверженности идее сильного государства[15].

С историографической точки зрения существенный вклад в осмысление наследия эмиграции вносят статьи И. С. Баклановой, посвященные различным аспектам репрезентации военно-политического противостояния периода Гражданской войны в трудах русской эмиграции. В частности, в статье «Военно-стратегические планы командования Вооруженных сил Юга России на 1919 год: историография вопроса» исследовательница зафиксировала, что в центре эмигрантских нарративов по данной проблематике находилась дискуссия между двумя военачальниками – А. И. Деникиным, выступавшим за развитие операций в направлении Донецкого бассейна, и П. Н. Врангелем, отстаивавшим стратегическую важность Царицынского направления[16].

---

[13] Зимина В. Д. Белое дело взбунтовавшейся России: Политические режимы Гражданской войны 1917-1920 гг. М. : Рос. Гуманит. Ун-т, 2006. С. 22.

[14] Михайлов И. В. Современная историография Гражданской войны в России // Россия и современный мир. 2007. № 3. С. 31-32.

[15] Антонова Л. А. Политические воззрения А. И. Деникина в России и эмиграции: формирование и эволюцию : автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Антонова Л. А.; [Место защиты: Юж. федер. ун-т]. Ростов-на-Дону, 2011. С. 11-26.

[16] Бакланова И. С. Военно-стратегические планы командования Вооруженных сил Юга России на 1919 год: историография вопроса // Военно-исторический журнал. 2011. №3. С. 69-73.

В другой своей работе, анализирующей оценку организационных принципов строительства Добровольческой армии в эмигрантской литературе, И. С. Бакланова пришла к выводу о преобладании в этих трудах критического анализа ее основ. В фокусе внимания авторов-эмигрантов находились проблемы высшего командования, принципов комплектования, состояния дисциплины и иные факторы, которые, по их мнению, стали существенными причинами последующего поражения белых сил на юге России[17].

В статье «К вопросу об оценке эмигрантскими авторами преобразований в военной сфере главнокомандующего ВСЮР (Русской армией) генерала П. Н. Врангеля» исследовательница акцентировала внимание на том, что в эмигрантских работах этим преобразованиям давались преимущественно положительные оценки, которые, однако, не всегда отличались объективностью[18].

Наконец, в работе «Военные действия в 1920 году на юге России: анализ эмигрантских авторов» Бакланова заключает, что, с точки зрения самих эмигрантов (включая военных профессионалов), ключевой причиной конечного поражения армии П. Н. Врангеля стали ошибки главного командования, усугубленные объективными трудностями, а не исключительно подавляющее превосходство красных войск[19].

В целом следует заметить, что работы Ирины Семеновны носят, главным образом, обобщающий характер. Для них свойственно стремление к систематизации и демонстрации широкого спектра зачастую противоречивых трактовок различных аспектов Гражданской войны, представленных в эмигрантской историографии, что представляет собой значимый шаг в развитии историографических исследований данной проблематики.

Существенным вкладом в развитие как источниковой, так и историографической базы стало введение в научный оборот в отечественной историографии ранее не публиковавшейся работы А. И. Деникина «Навет на Белое движение», осуществленное в статье К. Н. Куркова и А. В. Мельничука «Проблемы стратегии Белой армии на Южном фронте в работе А. И. Деникина “Навет на Белое движение”». Авторы подчеркивают, что данная рукопись, хранящаяся в фондах Гуверовского института, представляет собой ответ бывшего главнокомандующего ВСЮР на исследование Н. Н. Головина «Российская контрреволюция в 1917–1918 гг.». По их оценке, А. И. Деникину удалось аргументированно опровергнуть ряд критических тезисов

[17] Бакланова И. С. Организационные принципы строительства Добровольческой армии в зеркале эмигрантской историографии // Научный вестник МГТУ ГА. 2010. №155. С. 107-110.
[18] Бакланова И. С. К вопросу об оценке эмигрантскими авторами преобразований в военной сфере главнокомандующего ВСЮР (Русской армией) генерала П. Н. Врангеля // Научный вестник МГТУ ГА. 2011. №166. С. 21-25.
[19] Бакланова И. С. Военные действия в 1920 году на Юге России: анализ эмигрантских авторов. // Научный вестник МГТУ ГА. 2012. №182. С. 13-17.

Н. Н. Головина, в частности, касавшихся ошибочности выбора оперативного направления действий Добровольческой армии перед 2-м Кубанским походом (Н. Н. Головин считал необходимым наступление на Царицын). Таким образом, данная публикация подтверждает тезис о плюралистичном и конкурентном характере военно-эмигрантской историографии[20].

Взглядам деятелей восточного фронта Белого движения посвящена статья В. Л. Кожевина «Причины поражения армии А. В. Колчака в дневниках и воспоминаниях белогвардейских генералов». Исследователь, сознательно не ставя задачи прямой верификации выводов белых генералов, приходит к заключению, что представления о причинах поражения на востоке России, отраженные в их мемуарах и дневниках, в целом демонстрируют значительную степень общности. При этом, как отмечает автор, эти оценки зачастую несли отпечаток самооправдания и критики в адрес внутренних политических и военных оппонентов[21].

Завершая обзор современных исследований, необходимо отметить работу В. И. Голдина «Гражданская война в России. 1917–1922: осмысление через столетие», в которой значительное внимание уделено репрезентации нарративов эмиграции, включая военных деятелей. Историк выделяет эмигрантскую историографию в отдельный раздел, систематизируя ключевые проблемы, находившиеся в центре ее внимания. Согласно его анализу, основными темами осмысления для авторов-эмигрантов были истоки и причины Гражданской войны, программа и практическая деятельность антибольшевистских сил, сущность Белого движения и причины его поражения[22].

Особый акцент В. И. Голдин делает на двух фундаментальных для данной диссертации работах – «Очерках русской смуты» А. И. Деникина и «Российской контрреволюции» Н. Н. Головина. Характеризуя труд А. И. Деникина, исследователь отмечает, что первый том носит преимущественно мемуарный характер, что было обусловлено, как признавал сам автор, отсутствием у него в эмиграции необходимого документального комплекса; последующие тома в большей степени соответствуют жанру исторического очерка. Интерпретируя позицию А. И. Деникина, В. И. Голдин указывает, что ключевой причиной поражения белых сил тот считал отсутствие широкой поддержки со стороны народных масс[23].

---

[20] Курков К. Н., Мельничук А. В. Проблемы стратегии Белой армии на Южном фронте в работе А. И. Деникина «Навет на Белое движение» // Вестник архивиста. 2018. № 1. С. 260-272.

[21] Кожевин В. Л. Причины поражения армии А. В. Колчака в дневниках и воспоминаниях белогвардейских генералов / В. Л. Кожевин // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие : материалы IV Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Западно-Сибирского восстания и 10-летию Центра изучения истории Гражданской войны (Омск, 20–21 октября 2021 г.). Омск : Издательство ОмГТУ, 2021. С. 141-147.

[22] Голдин В. И. Гражданская война в России: осмысление сквозь столетие. В 2 т. Т.1. М. : Кучково поле. 2025. С. 114.

[23] Там же. С. 115-118.

Что касается работы Н. Н. Головина, то В. И. Голдин оценивает ее как наиболее обстоятельное исследование истории российской контрреволюции 1917–1918 годов. Он заключает, что, по мнению Н. Н. Головина, феномен общероссийской контрреволюции был порожден выступлением генерала Л. Г. Корнилова, а Октябрьский переворот лишь интенсифицировал ее развитие. Однако, как подчеркивает В. И. Голдин вслед за автором, даже перед лицом общего противника – большевиков – различные политические силы не смогли консолидироваться в едином лагере, что в значительной степени предопределило исход вооруженной борьбы[24].

Следует отметить, что в современной историографии был сформирован весьма устойчивый корпус текстов эмигрантский военной историографии, активно используемый в нарративах современных историков. Основу его составляют: мемуаристика и, шире, пласт опубликованных источников личного происхождения (А. И. Деникин, А. С. Лукомский, Ю. Н. Данилов, П. Н. Краснов, П. Н. Врангель); военно-научные труды, включающие как сочинения о войнах и революции, так и военно-теоретические работы (Н. Н. Головин, А. А. Зайцов, А. А. Керсновский); наконец, архивные источники, главным образом, вывезенные эмигрантами и возвращенные впоследствии документы.

Подводя итоги историографического обзора, следует сосредоточиться на одном, как представляется, ключевом аспекте восприятия всего корпуса письменного наследия военной эмиграции в современной исторической науке, а именно – на его трактовке преимущественно как исторического источника личного происхождения. Такой подход нельзя назвать ошибочным; он вполне закономерен, особенно учитывая, что многие авторы-эмигранты и сами рассматривали свои труды как материал для будущих, более объективных оценок[25]. Однако данную перспективу необходимо дополнить пониманием того, что тексты, созданные многочисленными военными и гражданскими авторами, представляют собой уникальные и сложные нарративные памятники, воплотившие индивидуальное мировосприятие их создателей. Именно эта субъективность чаще всего называется причиной, по которой к подобным «источникам» рекомендуется применять критический анализ (что, при всей своей очевидности, звучит парадоксально, поскольку любой источник, репрезентирующий прошлое, требует критического осмысления). Вследствие этого им часто отказывают в статусе полноценного историографического явления, поскольку

[24] Голдин В. И. Гражданская война в России: осмысление сквозь столетие. В 2 т. Т.1. М. : Кучково поле. 2025. С. 128-129.
[25] См.: Деникин А. И. Очерки русской смуты. Белое движение и борьба Добровольческой армии: май-октябрь 1918 г. Минск : Харвест, 2002. С. 3.; Зайцов А. А. 1918 год : Очерки по истории русской гражданской войны. [Б. м.] : [б. и.], 1934. С. 1.

историография традиционно ассоциируется с идеей объективистского письма[26]. В настоящем исследовании предлагается подход, основанный на концепции нарративной\репрезентативной философии истории Ф. Анкерсмита, который позволяет преодолеть указанный теоретико-методологический барьер и рассмотреть комплекс работ военной эмиграции как полноценные историографические тексты.

Объект исследования. В качестве объекта в данном исследовании выступает историографическое наследие русской военной эмиграции межвоенного периода (1920-1930-е годы), представленное в трудах ее ведущих представителей (А. А. Керсновского, Н. Н. Головина, Ю. Н. Данилова, А. И. Деникина и др.).

Предмет исследования. Предметом исследования являются историографические представления российских военных эмигрантов о причинах, характере, взаимосвязи и последствиях Первой мировой войны, Революции 1917 года и Гражданской войны, а также нарративные стратегии, посредством которых эти представления репрезентировались в их трудах, в частности, определяемые следующими факторами: темпоральной установкой (преимущественно диахронной, ориентированной на прошлое как основу для проектирования будущего); идеологическими и политико-мировоззренческими позициями авторов; способами репрезентации событий Первой мировой и Гражданской войн; ограничениями источниковой базы и условиями интеллектуальной работы в эмиграции; индивидуальными способностями авторов и степенью их знакомства с источниками.

Цель исследования. Целью данного исследования является: реконструировать и систематизировать историографические представления российских военных эмигрантов межвоенного периода о Первой мировой войне, Революции 1917 года и Гражданской войне, а также выявить нарративные стратегии, лежащие в основе их интерпретации. Ключевая проблема, возникающая в связи с данной целью, звучит следующим образом: как в условиях эмиграции, архивной изоляции, травматического опыта и политико-идеологической фрагментации русские военные авторы 1920-1930-х гг. конструировали исторические нарративы о Первой мировой войне, Революции 1917 года и Гражданской войне, и в какой мере эти тексты следует понимать не только как мемуарные свидетельства, но как самостоятельные историографические репрезентации прошлого.

Задачи исследования. В соответствие объектом, предметом и целью исследования, конкретными задачами будут являться: 1) раскрыть содержание интерпретаций событий Первой

[26] См.: Ходаков И. М. «Очерки Русской Смуты» А.И. Деникина как источник по изучению гражданской войны на юге России : автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.09 / Ин-т рос. истории РАН. — Москва, 2006. С. 24.; Голдин В. И. Гражданская война в России: осмысление сквозь столетие. В 2 т. Т.1. М. : Кучково поле. 2025. С. 114.

мировой войны в трудах ключевых авторов военной эмиграции; 2) выявить и типологизировать концептуальные подходы военных эмигрантов к осмыслению Первой мировой войны, сложившиеся под влиянием дореволюционных военно-исторических школ; 3) проанализировать нарративные стратегии осмысления Великой российской революции 1917 года и Гражданской войны в сочинениях военачальников-эмигрантов (А. И. Деникина, П. Н. Врангеля, П. Н. Краснова); 4) охарактеризовать эволюцию предметного поля военно-эмигрантской историографии: переход от собственно военно-стратегического анализа к политическим, социальным и психологическим аспектам; 5) выявить общие смысловые и метафорические основания в исторических нарративах военных эмигрантов.

Хронологические рамки. Хронологические рамки исследования охватывают период с 1918 по 1939 гг. Нижняя граница – 1918 год – знаменует не просто начало Гражданской войны, но момент, когда военные деятели оказываются перед необходимостью осмыслить случившееся как целостную катастрофу. Именно в этом году из «корниловского движения» формируется то, что в будущем будет обозначено Белым движением; гибнут его первые лидеры (Л. Г. Корнилов, М. В. Алексеев, А. М. Каледин), а Брестский мир окончательно закрепляет раскол страны. Для нарративной практики это точка бифуркации: прошлое перестает быть линейным продолжением настоящего и превращается в объект рефлексии. Верхняя граница не менее значима. Начало Второй мировой войны кардинально поменяло условия существования эмиграции, что также знаменовало собой точку бифуркации: разрушились прежние политические ориентиры, у многих появилась надежда на возвращение, а сама военная среда оказывается втянутой в новый глобальный конфликт[27].

Таким образом, хронологические рамки охватывают именно тот период, когда военная эмиграция существовала как относительно автономная интеллектуальная среда, вырабатывавшая собственные нарративные стратегии в условиях изоляции от родины и без внешних военно-политических потрясений, способных радикально изменить сам способ осмысления прошлого. Выход за указанные рамки в отдельных случаях (например, при анализе поздних работ Деникина) не противоречит данному подходу, но лишь уточняет эволюцию взглядов, не меняя основной конфигурации исследовательского поля.

Теоретико-методологическая основа исследования. Поскольку настоящее исследование посвящено историографическому наследию русской военной эмиграции, то прежде всего следует рассмотреть ряд теоретических идей, которые позволят нам отойти от представленной выше парадигмы восприятия текстов военных деятелей.

[27] Núñez Seixas, X. M. «Defeat, Victory, Repeat»: Russian Émigrés between the Spanish Civil War and Operation Barbarossa, 1936–1944 / X. M. Núñez Seixas, O. Beyda // Contemporary European History. — 2024. — Vol. 33, No. 3. — P. 1078–1093.

Начать следует с прояснения двух ключевых аспектов, прямо влиявших на письменную практику эмигрантов. С одной стороны, речь идет о морально-психологическом надломе, вызванном утратой родины. Как писал военный публицист Василий Васильевич Орехов: «рухнула в бездну <…>, покрылась мраком и ужасом и не было в ней места, где бы не господствовал зверь, торжествующий и ревущий»[28]. С другой о практическом ограничении – невозможности доступа к архивным материалам, оставшимся в Советской России.

Говоря о первом, следует отметить, что военные эмигранты, где бы они ни оказались, стремились – в рамках имевшихся условий – воссоздать утраченную ими Россию. Подобная установка являлась выражением морально-психологического фактора оторванности от родины, который обуславливал стремление к компенсации утрат, пусть и воспринимаемых как временных. Так, российские военные эмигранты во Франции в 1920-1945 гг. воспринимали эмиграцию как краткий эпизод, сопровождающийся надеждой на скорое возвращение после, как им представлялось, неизбежного крушения советской власти[29].

Указанная установка тесно связана с проблематикой временнóй ориентации. Признавая на макроуровне существование объективного времени – прошлого, в котором произошли ключевые исторические события (Первая мировая война, революция 1917 года, падение монархической России), – следует учитывать и субъективное восприятие времени, сопряженное с индивидуальным отношением к прошлому, настоящему и будущему.

Для целей представленного историографического анализа представляет интерес типология временных ориентаций, предложенная Дж. Р. Холлом. Он выделяет четыре основных типа темпоральности: 1) синхронный, при котором фокус сознания сосредоточен на настоящем, а прошлый опыт не оказывает влияния на принятие решений; 2) диахронный, предполагающий игнорирование настоящего ради воспроизведения прошлого опыта в целях проектирования будущего; 3) стратегический, в котором приоритет отдается будущему, определяющему значимость настоящих действий; 4) постоянный, при котором прошлое, настоящее и будущее воспринимаются как слитое воедино целое[30].

Переходя к прагматическим аспектам, связанным с недоступностью отечественных военных архивов, обратимся вновь к трудам Н. Н. Головина и А. А. Керсновского. В первом томе своего монументального исследования «Военные усилия России в мировой войне» Николай Николаевич с предельной ясностью отмечал трудности, с которыми сталкивался как

[28] Орехов В. В. Белая идея // Часовой. Париж, 1929. № 9–10. С. 24.
[29] Сотников С. А. Русская военная эмиграция во Франции 1920-1930 гг.: проблемы адаптации // Вестник Московского государственного университета сервиса. 2007. №2. С. 124
[30] Антощенко А. В., Жуковская Т. Н. Об особенностях исторического познания в России во второй трети XIX века // Сборник материалов по отечественной историографии (вторая треть XIX века) : учебное пособие; ПетрГУ. Петрозаводск, 2001. С. 11.

исследователь. Он прямо указывал на невозможность работы с русскими военными архивами – прежде всего из-за их разрушения в результате революции и гражданской войны[31]. Уже один этот фактор серьезно ограничивал его как автора. Важно подчеркнуть, что Головин как ответственный ученый отдавал себе в этом отчет.

Действительно в годы Первой мировой войны был четко отлажен механизм сбора военно-исторических материалов. С этой целью при штабах фронтовых войсковых объединений были созданы отделения Военно-учетного архива, а при армейских штабах – особые делопроизводства. Все материалы, собранные данными отделениями архива, поступали в Москву во временное Центральное хранилище, созданное в 1914 году при Московском отделении Общего архива Главного штаба. Непосредственно в Военно-учетный архив сдавались документы Ставки Верховного главнокомандующего[32]. Впоследствии, после прихода к власти большевиков, документы по конфликту пополнили Военно-исторический архив РСФСР, доступ к которому, по понятным причинам, у русских эмигрантских историков не было[33]. Недоступны были и материалы, зафиксировавшие военное противостояние в годы гражданской войны в России. Данные материалы также в большинстве своем остались в РСФСР, а потом в СССР и хранились в Архиве Красной армии[34]. Документы войсковых соединений Белой армии содержались в Центральном Государственном Архиве Октябрьской революции[35].

Вышеизложенное не означает, что эмигрантские историки опирались в своих работах исключительно на собственные воспоминания. Напротив, спектр использованных ими источников был достаточно широк. Так, в письме П. Ф. Петрову-Александрийскому А. А. Керсновский отмечал: «Огромный ворох тетрадей, бумаг и бумажонок – это мой архив, выписки из книг, мемуаров и газет»[36].

Следует четко указать, что в межвоенные десятилетия русская эмиграция оказалась вынуждена опираться на тот набор документальных свидетельств, который удалось вывезти во время эвакуаций, собрать в частных архивах или сосредоточить в новых учреждениях «второй России». Весь корпус доступных эмиграции материалов по Первой мировой войне, революции и

---

[31] Головин Н. Н. Военные усилия России в Мировой войне. В 2 т . Т. 1. Париж : Т-во объединенных издателей, 1939. С. 5.

[32] Харитонов С. А., Чистяков О. В. Военно-учетный архив. 1917-2017. http://history.milportal.ru/voenno-uchyonyj-arxiv-1797-2017-2/?print=print (3.07)

[33] Гаркуша И. О. Российский государственный военно-исторический архив – крупнейшее хранилище документальных источников по истории Первой мировой войны: из истории формирования // Последняя война Российской империи: Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов : материалы Международной научной конференции, Москва, 7–8 сентября 2004 года. М. : Наука, 2006. С. 56.

[34] Российский государственный военный архив в документах и материалах (1920-2020 гг.). М.: Фонд «Связь Эпох», 2020. С. 13-14

[35] Там же. С. 22

[36] Керсновский А. А. История русской армии в 4 т. Т. 4 : 1915–1917 гг. М. : Голос. С. 337.

Гражданской войне складывался, в сущности, из трех взаимодополняющихся пластов: официально-институциональных документов, «военных» и административных фондов, вывезенных при эвакуациях или переданных за рубеж, и богатого массива частных личных фондов, семейных архивов и музейных реликвий. Так была сформирована «архивная россика» – совокупность российских документов, оказавшихся за рубежом по разным причинам после 1917 г. Эта совокупность складывалась как из материалов, вывезенных в ходе эвакуаций, так и из тех, что собирала эмиграция целенаправленно в 1920-1930-е гг.[37]

К официальным документам, доступным, хотя бы гипотетически, эмигрантским исследователям в межвоенный период, относились, прежде всего, фонды дипломатических учреждений и военных структур, сохранившиеся за границей или переданные иностранными архивными инстанциями. Уже в 1920-1930-е гг. значительные дипломатические коллекции сконцентрировались во Франции (включая архивы, связанные с деятельностью посольства и консульств Российской империи), а военные документы о деятельности русских войск во Франции и ряде других стран находили хранение в национальных архивах принимающих государств[38].

Еще одним центром аккумулирования «военных» материалов стала сеть полковых и ветеранских учреждений: музеи и архивы офицерских обществ (Русская военная библиотека в Белграде, Музей русской конницы, общества ветеранов в Сан-Франциско и т.д.), которые хранили как предметные реликвии, так и документы конкретных полков и отдельных участников войны[39].

Ключевым архивным проектом эмиграции стал Русский заграничный исторический архив (РЗИА) в Праге – крупнейшее собрание эмигрантских фондов, сформированное в 1920-х годах при широкой поддержке чехословацких властей и русской научной среды. РЗИА систематически принимал личные фонды, материалы офицерских обществ и донских казачьих архивов, и фактически исполнял роль центрального хранилища документов «зарубежной России» в межвоенный период[40]. Этот архив стал важнейшим источником по истории двух войн – Первой мировой и Гражданской. После Второй мировой войны он был вывезен в СССР, но до этого активно использовался эмигрантскими исследователями[41].

---

[37] Попов А. В. Архивная россика во Франции и российско-французское архивное сотрудничество. История и архивы. 2015. № 2. С. 129-130.

[38] Муромцева Л. П. Зарубежные архивы российской эмиграции. Россия и современный мир. 2016. № 2 (91). С. 197.

[39] Попов А. В. Архивная россика во Франции и российско-французское архивное сотрудничество. История и архивы. 2015. № 2. С. 47.; Катагощина М. В. Первая мировая война в зеркале частных и корпоративных историко-культурных коллекций России и Российского зарубежья. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18, № 1. С. 165-166.

[40] Родионова Н. А. Русский заграничный исторический архив в Праге: история становления и деятельности. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2015. № 4. С. 109.

[41] Попов А. В. Русское зарубежье и архивы: история российской эмиграции в отечественных и зарубежных хранилищах // История и архивы, 2008. №8. С. 166.

Наиболее полно в эмигрантских архивах 1920-1930-х гг. представлены личные фонды, которые составили основу коллекций по Первой мировой и Гражданской войнам. Это были дневники, переписки, фотографии, мемуары, а также отрывки дореволюционных полковых архивов и музейных коллекций, вывезенные офицерами, казаками и интеллигенцией. Подлинные «полковые» и личные дела формировали тот пласт источников, на который эмигранты могли опираться в своих публикациях и музейных экспозициях, и именно частные фонды в значительной мере легли в основу фондов РЗИА и зарубежных полковых музеев[42]. Особо активны в сборе и сохранении оказались казачьи общества: Донской казачий архив, сформированный еще в Новочеркасске, был вывезен сначала в Константинополь, затем в Белград, а в 1925 г. оказался в Праге, где затем был объединен с РЗИА[43].

Значительное количество документов также оказалось в Соединенных Штатах. Важную роль в их сборе и перевозке сыграл Н. Н. Головин, который представлял в Европе интересы Гуверовского института. Архив, основанный на базе Стэнфордского университета, был специально создан для сбора материалов, непосредственно относящихся к Первой мировой войне и сопутствующим событиям[44]. Документы, собранные в Гуверовском архиве, активно использовались русскими военными историками за рубежом.

Таким образом, эмигрантам были доступны прежде всего те документы, которые можно было физически вывезти, передать или скопировать до наступления Красной армии в годы Гражданской войны. Это означало, что в распоряжении зарубежья оказались журналы и протоколы эмигрантских учреждений, фонды офицерских и казачьих обществ, личные переписки и мемуары, фрагменты полковых архивов и музейные коллекции. В то же время доступ к масштабным государственным фондам был закрыт; многие такие документы, оказавшись в советских архивах, либо были уничтожены, либо остались недоступными в силу политических причин.

И все же, несмотря на представленный выше спектр использованных военными эмигрантами источников, следует отметить ограниченность источниковой базы. Именно эта ограниченность породила одну из ключевых характерных особенностей эмигрантской историографии (что должно повлечь за собой и изменение подхода к анализу – иначе, классический анализ не даст ничего, за исключением обвинений конкретных авторов, что не

[42] Катагощина М. В. Первая мировая война в зеркале частных и корпоративных историко-культурных коллекций России и Российского зарубежья. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18, № 1. С. 166.
[43] Муромцева Л. П. Зарубежные архивы российской эмиграции. Россия и современный мир. 2016. № 2 (91). С. 194-195.
[44] Сабенникова И. В. Архивы русской эмиграции в контексте исторических событий \\ История и архивы. 2020. № 3. С. 92.

должно являться целью). Так, масштабность работ (а сочинения Н. Н. Головина, А. И. Деникина, А. А. Керсновского и др. были именно такими) зачастую связывалась с ограничениями в проверке фактов (что подчеркивали, а следовательно, и понимали, сами авторы): чтобы преодолеть дефицит документальной базы, авторы широко использовали чрезвычайно широкий, но не всегда глубокий спектр источников (что, вкупе с политико-идеологическим содержанием, которое нельзя отрицать, придавало несколько тенденциозный характер повествованиям).

Подытоживая, можно отметить: корпус источников эмигрантской военной историографии формировался в вынужденной изоляции – главным образом из доступной за рубежом эмигрантской и западной печати, архивов (публичных и личных), мемуаров, а также вывезенной документации антибольшевистских правительств и армий. Ограниченный доступ к первичным государственным материалам делал их конструкцию односторонней, но, в то же время, индивидуальной, хорошо отражавшей их личное понимание предмета собственных нарративов.

Ключевым понятием, на основе которого будет выстраиваться дальнейшее понимание эмигрантских позиций автором – а понимание здесь предполагается в русле философии истории, восходящей к В. Дильтею[45] и неокантианской традиции, – выступает идея нарратива или исторической репрезентации, если опираться на последние исследования Ф. Анкерсмита. Нарратологический подход сегодня занял устойчивое место в дискурсе исторического познания. Наиболее полно он представлен в трудах таких мыслителей, как П. Рикер, Й. Рюзен, Ф. Анкерсмит.

В основе понимания нарратива лежит идея о том, что он есть форма придания смысла описываемым событиям или явлениям путем их упорядочивания, кроме того, нарратив выступает важным познавательным средством[46]. Структурирование и осмысление в этом контексте являются краеугольными понятиями: первое предполагает наличие определенной композиционной логики в историческом изложении, второе – выражает субъективную интенцию автора, которая организует опыт прошлого в соответствии с определенной смысловой рамкой. Таким образом, мы приближаемся к пониманию авторского замысла и его внутренней логики, что составляет суть «понимающего подхода».

Вместе с тем необходимо очертить рамки дальнейшего исследования: речь не идет о безусловном принятии постмодернистской идеи множественности равнозначных интерпретаций,

[45] Самуилова М. О., Банникова Н. Ф. Концепция исторического познания Вильгельма Дильтея // XIII Королевские чтения : Международная молодежная научная конференция, Самара, 6–8 октября 2015 года : тезисы докладов : в 2 т. – Самара : Изд-во СГАУ, 2015. Т. 2. С. 350-351.

[46] Антощенко А. В. Зачем изучать историографию? // Мавродинские чтения 2018 : Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения профессора Владимира Васильевича Мавродина, Санкт-Петербург, 29–31 октября 2018 года. – Санкт-Петербург: Общество с ограниченной ответственностью "Нестор-История", 2018. С. 562.

поскольку она, будучи доведенной до крайности, лишает историческое знание научного статуса. Задача исследования – предложить метод, позволяющий приблизиться к реконструкции авторского смысла, не утрачивая критической дистанции и возможности научного анализа.

Обратимся к рассуждениям Ф. Р. Анкерсмита обосновывавшим научный статус исторического знания через монадологию Лейбница и традицию историзма. Ключевым для него является перспективистский аргумент И. Хладениуса, подорвавший эпистемологическую позицию, ориентированную на «autopsy» – буквальное соответствие текста прошлому.

Как отмечает Анкерсмит, участники событий редко видят их целиком и склонны к пристрастности; напротив, историк, дистанцированный во времени, способен собрать большее число источников и критически их проанализировать. Введение «перспективы» есть не уступка субъективности, а открытие «логического пространства доводов»: наилучшая точка зрения возможна лишь при наличии множества перспектив и рациональной дискуссии между ними. Парадоксальным образом, именно субъективность гарантирует объективность[47].

Таким образом, принятие данной теоретической позиции, аргументированной Анкерсмитом, позволяет признать, что исторические репрезентации/нарративы военных эмигрантов о событиях Первой мировой и Гражданской войн в России обладают объективностью, несмотря на кажущуюся субъективность. Это, в свою очередь, требует рассматривать их сочинения не просто как автобиографические (где собственно автобиографическое содержание зачастую минимально), а как полноценные нарративные исследования.

Что же представляет собой историческая репрезентация с точки зрения нидерландского исследователя? По его мнению, это не идеальное отражение прошлого, а скорее замкнутая система высказываний о нем, определяемая исключительно своими внутренними свойствами; своего рода точка зрения на историческую реальность, которая сама состоит из других репрезентаций. Такой подход позволяет вывести сочинения эмигрантов из-под критики, основанной на их «ненаучности» – особенно когда главным критерием последней считается прямое соответствие событиям, недостижимое в принципе (признание последнего устраняет философский тупик, полемика же с ним ведет к тому, что все тексты о историческом прошлом будут ненаучны). Более того, он предлагает новый критерий научности: внутренняя непротиворечивость репрезентации и ее способность включить в свою структуру максимум других точек зрения[48].

[47] Ankersmit F. R. Representation: The Birth of Historical Reality from the Death of the Past [Репрезентация: рождение исторической реальности из смерти прошлого]. New York : Columbia University Press, 2024. P. 6. (перевод автора)
[48] Ankersmit F. R. Representation: The Birth of Historical Reality from the Death of the Past [Репрезентация: рождение исторической реальности из смерти прошлого]. New York : Columbia University Press, 2024. P. 46. (перевод автора)

Ключевым также является тезис Анкерсмита о конкурентном взаимодействии нарративов на уровне «phaenomena bene fundata» (PBF сами по себе не являются фактами, почерпнутыми из репрезентаций-источников, а выступают когерентными связями, обосновывающими максимально широкую выборку фактов) – обоснованных феноменов, возникающих внутри самого текста[49]. Именно этот механизм порождает полемику между авторами и стимулирует интегративность их работ. Как станет ясно из глав I и II, эти черты в полной мере характеризуют военную эмигрантскую историографию: ее полемический характер и стремление авторов обосновать собственное видение прошлого с позиций перспективизма.

Как отмечает И. В. Троцук, Ф. Анкерсмит видел главное упущение традиционной философии истории в игнорировании проблемы интерпретации данных: фактов, свободных от нарративной интерпретации, не существует[50]. Эта мысль позволяет перейти к ключевому элементу любого исторического сочинения – к историческому факту, поскольку именно он формирует научность и достоверность нарратива.

На вопрос о причинах обращения военных эмигрантов к теме прошлого, особенно в случаях личного участия в описываемых событиях, отвечает концепция исторического сознания немецкого теоретика Йорна Рюзена. Размышляя о функциях исторического нарратива, Й. Рюзен связывает его с преодолением кризисов исторического сознания – и, шире, кризисов самой исторической науки[51]. Он выделяет несколько типов таких кризисов: 1) нормальный – когда новые события органично включаются в существующие исторические объяснительные схемы; 2) критический – когда возникает необходимость в создании нового смысла и нового способа описания; и 3) катастрофический – означающий разрушение прежней системы смыслов и невозможность интеграции произошедшего в имеющиеся историографические парадигмы[52].

Именно катастрофический кризис, несомненно, был импульсом для создания исторических нарративов русских военных эмигрантов. Это отчетливо видно в размышлениях А. И. Деникина и некоторых других авторов, о которых будет подробнее сказано далее. Историческое сознание, травмированное событиями революции и Гражданской войны, порождало необходимость в детравматизации – восстановлении исторического смысла через акт письменного осмысления прошлого. Именно эта потребность становилась побудительным мотивом к созданию масштабных мемуарных и историографических трудов, цель которых

[49] Ibid. P. 35-43.
[50] Троцук И. В. Анкерсмит Ф. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков // Социологический журнал. 2005. № 4. С. 169.
[51] Линченко А. А. Проблема исторического сознания в философии и теории истории Йорна Рюзена // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2013. № 4-1. С. 23
[52] Линченко А. А. Проблема исторического сознания в философии и теории истории Йорна Рюзена // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2013. № 4-1. С. 25

заключалась в интерпретации военного опыта – как побед, так и поражений – на фронтах Первой мировой и Гражданской войн.

Источниковая база исследования. Ключевым источником исследования выступают исторические репрезентации, или нарративы, созданные представителями русской военной эмиграции. Эти тексты — монографии, мемуары и иные труды — представляют собой не фиксацию, а осмысленные реконструкции прошлого, сформированные в условиях отрыва от родины, идеологической борьбы и ограниченного доступа к архивам. Их анализ требует инструментария, ориентированного на авторские интенции, смысловые структуры и способы репрезентации.

В рамках данного исследования необходимо уточнить понятие историографического источника. В советской историографии С. О. Шмидт определял историографический источник как «все те данные, изучение которых способствует познанию историографических явлений»[53], предложив тем самым его функциональную трактовку. В современной историографии, следуя подходу, разработанному в работах А. В. Антощенко, под историографическим источником понимается не только собственно научная продукция (монографии, статьи, диссертации), но и более широкий комплекс текстов, в которых отражаются исторические представления авторов о тех или иных событиях прошлого[54]. Эти тексты являются также носителями исторической памяти, позволяющей их создателям осмыслять прошлое в доступных им категориях. Подобное расширение корпуса источников дает возможность включить в анализ работы, которые в рамках традиционной историографии часто рассматривались как излишне субъективные или необъективные: публицистику, эпистолярное наследие, литературные произведения, а также разнообразные источники личного происхождения – мемуары, дневники, воспоминания и заметки.

Для терминологической ясности и единообразия в данном диссертационном исследовании будут преимущественно использоваться два ключевых понятия: нарратив (как повествование, упорядочивающее и осмысляющее события прошлого) в случаях источников личного происхождения и репрезентация (как исторический текст, содержащий определенные

[53] Чирков С. В. Источниковедение историографии в трудах С. О. Шмидта // Археографический ежегодник. – 2019. – Т. 1, № 1. С. 167-168.

[54] Антощенко А. В. Зачем изучать историографию? // Мавродинские чтения 2018 : Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения профессора Владимира Васильевича Мавродина, Санкт-Петербург, 29–31 октября 2018 года. – Санкт-Петербург: Общество с ограниченной ответственностью "Нестор-История", 2018. С. 562.

высказывания о прошлом[55]) в случаях, когда речь идет о научных трудах эмигрантов. Эти категории позволяют обобщить все перечисленные типы источников.

Далее источники, привлекаемые в работе, разделяются на две основные тематические группы: посвященные Первой мировой войне и Гражданской войне в России.

К числу основных историографических источников по Первой мировой войне, анализируемых в данной работе, относятся следующие: «Очерки русской смуты» (том 1) А. И. Деникина, «Воспоминания» А. С. Лукомского, а также труды Ю. Н. Данилова («Россия в мировой войне 1914-1915 гг.», «На пути к крушению», «Великий князь Николай Николаевич»), А. А. Керсновского («Философия войны», 3-й и 4-й тома «Истории русской армии») и Н. Н. Головина («Наука о войне. О социологическом изучении войны», «Мысли об устройстве будущей Российской вооруженной силы: общие основания», «Военные усилия России в мировой войне» в двух томах). Указанные работы составляют ядро источниковой базы и будут подвергнуты детальному анализу.

Помимо этого, в исследовании в качестве дополнительного материала привлекаются нарративы других авторов эмиграции – А. К. Баиова, В. К. Кондзеровского и А. Д. Бубнова. Особое внимание уделяется также периодическому изданию «Часовой», являвшемуся ключевым журналом русской военной эмиграции.

Говоря об основных историографических источниках, посвященных тематике Гражданской войны и предшествовавшей ей революции, которые будут тщательно проанализированы в данной диссертационной работе, следует обозначить: «Очерки русской смуты» А. И. Деникина, а также его мемуары «Путь русского офицера», которые, выходя за хронологические рамки данного исследования, привлекаются для более точной реконструкции политических воззрений автора. Важными объектами изучения также станут произведения П. Н. Краснова – «Всевеликое войско Донское», «Венок на могилу неизвестного солдата Императорской российской армии» и «На внутреннем фронте», труд А. А. Зайцова «1918 год. Очерки по истории русской гражданской войны», «Воспоминания» П. Н. Врангеля и многотомная работа Н. Н. Головина «Российская контрреволюция в 1917–1918 гг.». Кроме того, для иллюстрации многообразия оценок в военно-эмигрантской историографии будут использоваться работы таких авторов, как С. В. Денисов, Б. А. Штейфон, А. П. Будберг, П. С. Махров (с учетом выхода за хронологические границы исследования), а также ранее упомянутый А. С. Лукомский.

[55] Ankersmit F. R. Representation: The Birth of Historical Reality from the Death of the Past [Репрезентация: рождение исторической реальности из смерти прошлого]. New York : Columbia University Press, 2024. P. 17.

Обоснование предложенной выборки историографических источников требует отдельного пояснения, поскольку именно методологическая прозрачность в отборе материалов позволяет снять возможные вопросы относительно объективности исследования, так как не только выбор аналитического инструментария, но и принципы формирования источниковой базы непосредственно влияют на характер и результаты научного анализа.

Выбор авторов и произведений в данной работе обусловлен несколькими критериями. Основу корпуса составляют труды, созданные в ключевой для военно-эмигрантской историографии период (1918-1939 гг.), хотя отдельные значимые работы привлекаются и за этими хронологическими рамками. Приоритет отдан авторам из военной среды, непосредственно участвовавшим в событиях и обладавшим реальным влиянием на ход вооруженной борьбы; исключением являются фундаментальные труды А. А. Керсновского, чей концептуальный масштаб компенсирует отсутствие у него командного опыта. Наконец, отбирались работы с целостной нарративной структурой, предлагающие системное осмысление ключевых аспектов военно-политического противостояния в Первой мировой и Гражданской войнах. Таким образом, сформированный корпус источников репрезентативен для изучения военно-исторической мысли русской эмиграции в рамках обозначенных хронологических и содержательных параметров.

Научная новизна. Настоящее исследование вводит в научный оборот комплексный анализ историографического наследия русской военной эмиграции межвоенного периода, осуществляя герменевтическую деконструкцию ее нарративных практик. Его научная новизна определяется преодолением традиционного аналитического подхода, который часто ограничивался критикой фактологической точности работ эмигрантов в условиях их архивной изоляции. Вместо этого работа фокусируется на том, как и почему в специфических условиях эмиграции формировались именно такие, а не иные интерпретации ключевых событий российской истории начала XX века.

Впервые в историографии корпус трудов военных эмигрантов рассмотрен не как совокупность мемуарных или публицистических свидетельств, а как целостный и внутренне полемичный историографический дискурс, обладающий собственной когерентной логикой развития.

Выявлены и обоснованы две преемственные по отношению к двум дореволюционным «школам» военно-исторической науки («академическая» и «националистическая») линии осмысления Первой мировой войны.

Впервые проведена типологизация субъективных темпоральных установок авторов-эмигрантов (диахронная у А. И. Деникина, синхронная у П. Н. Врангеля и Н. Н. Головина) и показана их роль в формировании политических и общих историософских воззрений.

Аргументирован тезис о том, что ключевым метафорическим и смыслообразующим принципом, объединяющим различные эмигрантские нарративы, является осмысление большевизма как «болезни» национального организма, что позволяло ряду авторов выстраивать логику «изживания» и «выздоровления» как альтернативу военно-политическому реваншу.

Теоретическая значимость. Теоретическая значимость работы определяется возможностью использования предложенных в ней исследовательских алгоритмов и понятий: разработан и верифицирован алгоритм анализа историографических текстов как «репрезентаций», позволяющий оценивать их научный статус не по критерию документальной «автопсии», а по внутренней когерентности и способности структурировать факты через phaenomena bene fundata; предложена модель, позволяющая выявлять политико-идеологические предпосылки исторических построений не через внешнюю критику, а через анализ внутренней структуры нарратива и его смысловых доминант; сформулирован подход к изучению заочных полемик между авторами как к механизму взаимного уточнения и развития историографических концепций (нарратив – контр-нарратив), что может быть применено к другим случаям внутрикорпоративных дискуссий.

Практическая значимость. Практическая значимость исследования проявляется в нескольких аспектах. Во-первых, оно предлагает методологический инструментарий для работы с текстами, созданными в условиях культурной и архивной изоляции. Во-вторых, материалы диссертационного исследования могут быть использованы в рамках учебных курсов, посвященных различным аспектам жизни русской пореволюционной эмиграции, а также при проведении дальнейших историографических исследований, относящихся к данной проблематике.

Структура диссертации. Диссертационное исследование имеет следующую структуру: введение, две главы и заключение. Главы посвящены соответственно: интерпретации событий Первой мировой войны в трудах русской пореволюционной эмиграции; а также осмыслению Революции и Гражданской войны в работах военных авторов данного периода.

Выбор данной структуры, как представляется, наиболее точно отражает мысль самих военно-эмигрантских авторов, которые, как будет показано далее, четко обозначали смысловую связь ключевых событий «русского лихолетья». Так, Первая мировая война стала катализатором, многократно ускорившим, по мысли Н. Н. Головина, социальные процессы внутри империи. Мировой конфликт поставил реакцию социума, власти и политических движений в тесную зависимость от военно-политической ситуации. Последнее сыграло ключевую роль в революционных событиях 1917 г., детерминируя их. Гражданская война в данной связи выступила, с одной стороны, продолжением мировой войны, а с другой, реакцией на сами

революционные потрясения. Все события оказывались тесно связаны в причинно-следственных цепочках авторов, имея собственную нарративную логику и обеспечивая, с разной степенью успешности, когерентность их мыслей и представлений (в тексте). Соответственно, вычленение какой-либо части событий из нарративов эмигрантских авторов, приведет к потере их внутренней логики и, как следствие, к неверным выводам относительно их исторического сознания и идентичности.

Апробация результатов исследования. Полученные в ходе исследования результаты были изложены в ряде отдельных докладов на ряде конференций: 77-я Всероссийская (с международным участием) научная конференция обучающихся и молодых ученых, посвященная 85-летию ПетрГУ и 80-летию Победы в Великой Отечественной войне (доклад «Государство, национальный вопрос и военные усилия России в годы Перовой мировой войны в творческом наследии российской военной эмиграции»); III Писаревские чтения Последние победы империи (к 110-летию наступательных операций русской Кавказской армии и Брусиловского прорыва 1916 г.) (доклад «И лавры Луцка сменились терновым венцом Ковеля»: Брусиловский прорыв в работах русской военной эмиграции 1920–1930-х гг.»); Всероссийская научная конференция Север Евразии – пространство взаимодействия: многообразие подходов (100-летию со дня рождения профессора Михаила Ильича Шумилова) (доклад «История найдет тесную связь, суровую закономерность и, может быть, трагическую неизбежность: историософские взгляды А. И. Деникина»); Всероссийская научная конференция «Россия в Гражданской войне: история, память, уроки» (доклад «Восприятие большевизма в историографии и документах Белого движения: патологический аспект»); Всероссийская научная конференция с международным участием «Столетие русской эмиграции: история и современность» (доклад «Идея непредрешенчества: взгляд военных эмигрантов»).

Кроме того, в рамках подготовки диссертационного исследования были опубликованы следующие статьи (в журналах перечня ВАК): Н. Н. Головин об участии России в Первой мировой войне: истоки институционального подхода[56]; Пореволюционная русская военная эмиграция о проблеме национальной консолидации в Первую мировую войну[57]; «Очерки русской

[56] Короткий А.Ю. Н. Н. Головин об участии России в Первой мировой войне: истоки институционального подхода / А.Ю. Короткий // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – Петрозаводск, 2024. – Т.46, №.2. – С. 8-17.

[57] Короткий А.Ю. Пореволюционная русская военная эмиграция о проблеме национальной консолидации в Первую мировую войну / А.Ю. Короткий // Ученые записки Петрозаводского государственного университета / Петрозаводский государственный университет. – Петрозаводск, 2025. – Т.47, №.8. – С. 8-15.

смуты»: опыт тропологической интерпретации[58]; Историософские представления А. И. Деникина[59].

Положения, выносимые на защиту. 1. Эмигрантская военная историография представляет собой автономную форму исторической репрезентации – нарратив-практику, научный статус которой следует оценивать не по «автопсии» архивов, а по внутренней непротиворечивости репрезентации и ее способности конструировать обоснованные феномены («phaenomena bene fundata»).

2. Военно-эмигрантская историография событий Первой мировой войны развивалась не только на основе эмпирических данных, но и на основании накопленного опыта, сформулированного в рамках двух, традиционно выделяемых в дореволюционной военно-исторической науке традиций («школ») – академической и русской, порой обозначаемой, как националистическая.

3. Политико-идеологическая фрагментация эмигрантской среды порождала конкурирующие «нарративы», осмыслявшие опыт Гражданской войны, причем различия между ними определяли отбор фактов, способ осмысления и назначение историографии как политического инструмента памяти и программной проекции (либеральный – областнический – правомонархический).

4. Несмотря на значительные различия в интерпретации отдельных аспектов рассматриваемых событий, военные эмигранты были склонны уподоблять Россию организму, пораженному «вирусом большевизма». Тем самым общая оценка состояния страны и народа выстраивалась в рамках устойчивого патологического дискурса, который определял и логику «исцеления»: углубление самой болезни рассматривалось, рядом авторов, как необходимый этап, за которым должно последовать постепенное выздоровление через ее изживание.

5. Эмигрантская военная историография, несмотря на ограниченность источниковой базы, заложила ряд продуктивных интерпретационных моделей Первой мировой и Гражданской войн, а также революции, которые предвосхитили несколько значимых направлений в современной исторической науке (в частности, психосоциальный подход к революции, системный анализ взаимосвязи Первой мировой и Гражданской войн, а также изучение роли окраинных национализмов).

---

[58] Короткий А. Ю. «Очерки русской смуты»: опыт тропологической интерпретации // КЛИО. - Санкт-Петербург, 2026. - № 3 (231). – С. 13-18.

[59] Короткий А. Ю. Историософские представления А. И. Деникина / А. Ю. Короткий // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2026. Т. 13, No 2 (50). – С. 62-66. DOI: 10.24147/2312-1300.2026.13(2).62-66.

6. Субъективная темпоральная ориентация, присущая разным авторам-эмигрантам, играла важную роль в их нарративах, во многом определяя как политические воззрения самих авторов, так и, в ряде случаев, структурные особенности созданных ими сочинений.

7. Развитие историографической практики военной эмиграции сопровождалось расширением предметного поля: наряду с собственно военными событиями в сферу анализа вовлекались политические, социальные и психологические аспекты, что отражало эволюцию личных и корпоративных взглядов авторов, а также их идентификационные устремления.

ГЛАВА 1. ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В РАБОТАХ РУССКОЙ ПОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ЭМИГРАЦИИ.

Прежде всего, предваряя исследование, необходимо обратить внимание на важный фактор, связанный с корпоративной идентичностью военно-эмигрантского сообщества, оказавшей влияние, как имплицитное, так и эксплицитное, на историографическую практику группы. В данном исследовании этот фактор является скорее контекстуальной рамкой, дополняющей обоснованный теоретико-методологический подход. Военные эмигранты не были случайной совокупностью авторов, писавших на схожие темы, а представляли собой профессиональное сообщество, объединенное общим этосом, коллективной идентичностью и системой коммуникации.

Как отмечает В. Л. Кожевин, русское офицерство имело к началу XX в. собственные многовековые традиции, «формы социальной активности», а также развитые институты профессиональной социализации[60]. Эти структуры формировали не только профессиональные навыки, но и модели поведения, мышления и коммуникации, сохранившиеся и в эмиграции. Этому способствовало, в частности, воссоздание системы профессионального образования – от кадетских корпусов до высших военно-учебных заведений[61].

Важным институтом поддержки профессиональной идентичности и коммуникации военных эмигрантов стали Курсы высшего военного самообразования, созданные Н. Н. Головиным в 1922 г. По данным, приводимым К. М. Александровым «в 1925 г. существовало 52 подобных кружка, объединяющих 550 слушателей»[62]. Уже через пять лет в Париже были открыты Зарубежные высшие военно-научные курсы, дававшие подготовку «по академической программе Генерального штаба», а в 1931 г. их отделение появилось в Белграде[63]. Деятельность этих курсов стимулировала развитие военного и военно-исторического знания. Показательным примером служит труд А. А. Зайцова «1918 год. Очерки по истории русской гражданской войны», во многом ставший результатом его научно-педагогической работы на курсах. В их стенах формировались и концептуальные связи между преподавателями и слушателями, наиболее примечательным образом – в творческом взаимодействии Н. Н. Головина

[60] Кожевин, В. Л. Российское офицерство и Февральский революционный взрыв : монография. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2011. С. 12.
[61] Гребенкин А. Н. Развитие социокультурных традиций российской военной школы в кадетских корпусах Русского Зарубежья: преемственность и новации // Эмиграция как текст культуры: историческое наследие и современность: сборник научных статей. Будапешт : Изд-во Selmeczi Bt. ; Киров : ООО «Издательство «Радуга-Пресс», 2020. С. 241.
[62] Александров К. М. «Желаю лишь одного – принести пользу нашей возрождающейся в муках Родине». Жизнь и судьба генерал-лейтенанта Н. Н. Головина // Труды I международных исторических чтений, посвященных памяти профессора, Генерального штаба генерал-лейтенанта Николая Николаевича Головина. Санкт-Петербург, 27 ноября 2010 года. Сборник статей и материалов. СПб. : Скрипториум, 2011. С. 12.
[63] Там же.

и А. А. Зайцова. Сам Головин получил международное признание: его научные контакты с П. А. Сорокиным, а также сотрудничество с французской Военной академией, Парижским университетом, Гуверовским институтом, Стэнфордским университетом и Военным колледжем в Вашингтоне свидетельствуют о его включенности в мировое академическое пространство[64].

Поддержанию коммуникационной среды и распространению военно-исторических знаний способствовало существование добровольных объединений – кружков, сообществ, например кружка по истории мировой войны 1914-1918 гг. при Русском народном университете в Праге, Общество ветеранов Великой войны в Сан-Франциско, Первое Русское военно-научное сообщество в Китае и множество других[65].

Важную роль играла профессиональная периодика, представленная множеством изданий, наиболее важными из которых были «Русский инвалид», «Часовой», «Армия и Флот» и другие. Особенно примечателен пример «Часового», на страницах которого разворачивались дискуссии, публиковались рецензии и статьи, что превратило журнал в пространство публичной коммуникации. Так, горячий отклик в нем находили публичные выступления А. И. Деникина, например в заметках Е. В. Тарусского[66] и Г. Э. Вуича[67].

Однако наиболее значимой в военно-исторической среде стала полемика между Н. Н. Головиным и А. И. Деникиным по спорным вопросам Гражданской войны. Ее прервали начало Второй мировой войны и кончина Головина в 1944 г.; ответ Деникина на многие тезисы оппонента – труд «Навет на Белое движение» – был опубликован уже после окончания конфликта[68]. Из иных наиболее примечательных полемик, следует отметить дискуссию о проблемах военного развертывания и стратегических операций накануне и на первом этапе Первой мировой войны между Ю. Н. Даниловым и Н. Н. Головиным.

Важным элементом историографии быта была личная переписка, наиболее ярким ее примером является переписка между бывшими соратниками по борьбе на юге России А. И. Деникиным и А. С. Лукомским, отражающая идейные взгляды авторов, их оценки событий недавнего прошлого[69]. Данная форма коммуникации позволяла получать не только частные

[64] Александров К. М. «Желаю лишь одного – принести пользу нашей возрождающейся в муках Родине». Жизнь и судьба генерал-лейтенанта Н. Н. Головина // Труды I международных исторических чтений, посвященных памяти профессора, Генерального штаба генерал-лейтенанта Николая Николаевича Головина. Санкт-Петербург, 27 ноября 2010 года. Сборник статей и материалов. СПб. : Скрипториум, 2011. С. 11.

[65] [65] Муромцева Л. П. Первая мировая война в памяти российской эмиграции // Россия и современный мир. 2014. № 4 (85). С. 159.

[66] Тарусский Е. Теория и практика (на докладе ген. А. И. Деникина). Часовой. Париж, 1935. № 145. С. 26.

[67] Вуич Г. Э. Об «оборончестве» и «пораженчестве». Часовой. Париж, 1939. № 232–233. С. 34.

[68] Курков К. Н., Мельничук А. В. Проблемы стратегии Белой армии на Южном фронте в работе А. И. Деникина «Навет на Белое движение» // Вестник архивиста. 2018. № 1. С. 260-272.

[69] См. :Деникин А. И. Старая армия. Офицеры. М. : Айрис-пресс, 2005. С. 41-61.

сведения о перипетиях борьбы с большевиками[70], но и официальные документы, часть которых вошла в «Очерки русской смуты», особенно начиная с третьего тома.

Последнее, то есть доступ к архивным документам, о чем уже говорилось во введении, было одним из важнейших особенностей интеллектуальной работы в изгнании. Очевидно, что неравный доступ к таким ценным источникам оказывал влияние на характер нарративов – от мемуаров до академических работ.

Таким образом, учет корпоративной специфики в эмиграции, позволяет рассматривать анализируемые тексты не как изолированные произведения, а как элементы коллективного дискурса, имевшего свои особенности.

Необходимо отметить, что, обращаясь к изучению событий Первой мировой войны, русские военные деятели стремились не только выявить причины краха военных усилий страны, но и раскрыть сущность Революции и крушения исторической России. Так, военный социолог Н. Н. Головин полагал, что именно война ускорила ряд социальных процессов в позднеимперской России[71]. Схожей по общей направленности, хотя и различающейся в конкретных аспектах, позиции придерживались и другие авторы: А. А. Керсновский, указывавший на «развращение» крестьянства в ходе конфликта[72], Ю. Н. Данилов, анализировавший кризис самодержавия и реакцию общества на него в годы войны[73], А. И. Деникин, подчеркивавший истощение моральных сил в условиях затяжного противостояния[74] и др. Мировая война, таким образом, выступала для них катализатором, подготовившим последующее крушение национальной России. Поэтому анализ причин поражения Империи становился для этих авторов необходимой предпосылкой для осмысления грядущих Революции и Гражданской войны.

Особое значение для данной главы приобретает вопрос зависимости послевоенных историографических взглядов от интеллектуальной и идеологической атмосферы довоенного времени. Б. Меннинг в своем исследовании «Пуля и штык. Армия Российской империи, 1861 – 1914», справедливо отмечал, что в конце XIX века конкуренция между «классической» (отсылая к А. А. Керсновскому) и академической школами в русской историографии усилила националистические настроения среди части офицерского корпуса, стремившегося отстоять «чистоту» отечественного военного наследия от иностранных влияний[75]. Эта мысль созвучна

[70] Так, А. И. Деникин получил письма с воспоминаниями от А. П. Кутепова, П. С. Махрова, А. П. Богаевского, А. Г. Шапрон-дю Ларре. См. : ГА РФ Ф. 5827. Оп. №1. Д. 97.
[71] Головин Н. Н. Российская контр-революция в 1917-1918 г.г. Большевистский переворот превращает контрреволюцию в противобольшевистское движение Ч. II, кн. 3. Париж. : Иллюстрированная Россия, 1937. С. 11.
[72] Керсновский А. А. История русской армии в 4 т. Т. 4 : 1915–1917 гг. М. : Голос. 1994. С. 245.
[73] Данилов Ю. Н. На пути к крушению. М. : XXI век—Согласие, 2000. С. 54.
[74] Деникин А. И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917. Минск : Харвест, 2002. С. 5.
[75] Меннинг Б. У. Пуля и штык. Армия Российской империи 1861-1914. М. : Модест Колеров, 2016. С. 300

идеям Антона Антоновича Керсновского, выделявшего три направления в русской довоенной мысли: рутинеров, младотурок и классиков. По его мнению, рутинеры отражали интересы консервативных элит, младотурки – сторонников западной модели модернизации, а классики – идеологов отечественной традиции, близких к славянофильству.

Поскольку в современной исторической науке до сих пор нет серьезных работ, которые были бы посвящены научному противостоянию данных «школ», то обозначим их контуры, необходимые для данного исследования.

Б. Меннинг и А. А. Керсновский не были единственными, кто указывал на существование и противоборство этих научных групп. Советский историк Л. Г. Бескровный в монографии о военной историографии в России отмечал, что совместно с процессом развития самой военно-исторической науки, начался и процесс деления историков, по-разному оценивавших развитие военного дела. Первую школу он называл – академической, а вторую – русской[76], в терминологии Б. Меннинга - националистической. Первые указывали на «отсутствие самостоятельных путей развития русской военной истории, а вторые отстаивали самость, то есть независимость пути военного развития России от западных стран»[77]. Л. Г. Бескровный также подчеркивал социально-политические детерминанты двух школ, академическая была выразителем консервативно-дворянского направления, а русская – либерально-буржуазной[78].

Схожую типологию представил В. А. Золоторев. Он обозначал академическую школу как носителя прозападных установок, тогда как «русская» (в его терминологии – националистическая) школа подчеркивала самобытность военного искусства России, связанного с уникальными историческими и социальными условиями [79].

Несколько иной взгляд на существовавшие историографические школы присущ западным историкам. Уже упоминавшийся Б. Меннинг, не отрицая существования двух направлений в области военно-исторической мысли России, предлагал несколько отличное от советского их позиционирование. Он отмечал, что развитие военной истории в стране было тесно переплетено с вопросом пути развития самих вооруженных сил, а в этих обстоятельствах данный спор принимал политический подтекст. Представители русской, националистической школы, выступали за тесную преемственность военной доктрины страны с военной историей собственного отечества. С этой точки зрения, они были скорее консерваторами, поскольку выступали за более медленное развитие, но с опорой на прошлое. Иных представлений

[76] Бескровный Л. Г. Очерки военной историографии России. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1962. С. 185-186.
[77] Там же. С. 185.
[78] Там же. С. 187.
[79] Золотарев В. А. Русско-турецкая война 1877-1878 гг. в отечественной историографии конца XIX - начала XX в. М. : Наука, 1978. С. 21-25.

придерживались «академики», прозванные, весьма пренебрежительно – «младотурками» (такое прозвище, очевидно, сформировалось еще до Первой мировой войны, на что указывал не только А. А. Керсновский, но и А. С. Лукомский). Они полагали, что современная армия требует быстрой модернизации в русле западноевропейских тенденций[80].

Однако, полагаю, что данное направление являлось не просто военной школой, но и политическим направлением. Причина заключалась в куда более тесной спайке государства и армии «вооруженного народа»: то есть нельзя было реформировать армию, не реформировав при этом и само государство. Посему, вопросы бывшие историческими перекинулись на сферу военную, вылившись в полемику о доктрине[81]. В конечном итоге, окончательную точку в споре двух школ, как писал Б. Меннинг, поставил сам царь, заявив, фактически, что пути развития вооруженных сил будет определять только он сам. Дальнейшие события мировой войны, как отмечал американский историк, подтверждали верность позиций академической школы, настаивавшей на больших реформах[82].

С учетом вышеизложенного представляется вполне закономерным, что данная идейная полемика оказала значительное влияние на взгляды военных эмигрантов, писавших о событиях Первой мировой войны. Их историографические построения развивались в контексте той довоенной дискуссии, участниками или свидетелями которой они были. Поэтому анализ этих взглядов невозможен без учета прежнего идейного конфликта между двумя школами военной историографии и военного мышления в целом.

1.1. Осмысление Первой мировой войны в трудах Н. Н. Головина.

Свой главный труд, посвященный военным усилиям России в конфликте, Н. Н. Головин начинал со следующей программной установки: «Действительно, судьба России представляет явление еще небывалое в истории войн: Россия оказалась пораженной без решительной победы ее врагов … Империя, занимавшая 1/6 часть суши … начала разлагаться изнутри; это разложение передалось армии; развал же армии в свою очередь привел к развалу государства. Трагический для России исход войны заслуживает особого научного интереса, ибо его изучение способствует освещению социальных процессов, происходящих в государствах как следствие огромного военного напряжения, вызываемого условиями современной войны»[83]. Уже в этом фрагменте

[80] Меннинг Б. У. Пуля и штык. Армия Российской империи 1861-1914. М. : Модест Колеров, 2016. С. 300
[81] Подробнее можно ознакомиться: Российский военный сборник / [ред. А. Е. Савинкин]. Русская военная доктрина. Материалы дискуссий 1911–1939 годов / [сост.: А. Е. Савинкин, Ю. Т. Белов, И. В. Домнин]. — М. : ГА ВС, 1994. — 297 с.
[82] Меннинг Б. У. Пуля и штык. Армия Российской империи 1861-1914. М. : Модест Колеров, 2016. С. 300
[83] Головин Н. Н. Военные усилия России в Мировой войне. В 2 т . Т. 1. Париж : Т-во объединенных издателей, 1939. С. 5.

четко обозначается теоретическая установка исследователя, для которого история войны – это не только хроника боевых действий, но прежде всего отражение глубинных структур социальной динамики.

Н. Н. Головин (род. 1875) происходил из старинного боярского рода; его отец, генерал, участник Крымской войны, предопределил выбор сыном военной карьеры. В 1900 г. Головин окончил Николаевскую академию Генерального штаба, а затем стажировался во Франции, где ознакомился с новейшими военно-образовательными тенденциями. Результатом стало внедрение в России «прикладного метода» подготовки офицеров, ориентированного на практическую выучку, – в противовес традиционной системе Г. А. Леера[84]. Как отмечает А. В. Ганин, Головин принадлежал к реформаторски настроенным преподавателям Академии и активно участвовал в «Обществе ревнителей военных знаний»[85] – платформе продвижения военно-теоретических новаций[86].

Его реформаторские устремления, направленные на модернизацию армии по западноевропейскому образцу, получили в военной среде ироничное прозвище «младотурки»[87]. Кружок был создан по инициативе А. И. Гучкова для экспертной помощи думской комиссии по обороне[88]. Головин обладал не только глубокой военной подготовкой, но и широким гуманитарным кругозором, что особенно проявилось в его эмигрантских трудах, испытавших влияние социологических и философских идей времени.

В годы Первой мировой войны Головин командовал Гродненским гусарским полком – опыт, обобщенный им в работе «Современная конница»[89]. Затем он занимал должности генерал-квартирмейстера 9-й армии и начальника штаба 7-й армии под началом генерала Д. Г. Щербачева, с которым завершил войну на посту начальника штаба Румынского фронта, получив уникальный опыт действий в условиях дипломатической напряженности.

После Октябрьской революции Головин оказался в Одессе, затем эмигрировал в Париж. В 1919 г. желал присоединиться к Белому движению в Сибири, где колчаковские войска были уже дезорганизованы. В ноябре 1921 г. эвакуировался из Крыма с остатками Русской армии, что положило начало его зарубежной интеллектуальной деятельности[90]. В 1922 г. он организовал

---

[84] Ростовцев О. Профессор Николай Николаевич Головин. Часовой. 1933. № 99. С. 7-8.
[85] Ганин А. В. Подготовка кадров Генерального штаба в русской эмиграции межвоенного периода (1921–1939 гг.) // Военно-исторический журнал. 2015. № 11. С. 51
[86] Латышов С. Л. Общество ревнителей военных знаний [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия : [сайт]. URL : https://old.bigenc.ru/military_science/text/2675807 (дата обращения: 03.08.2024).
[87] Керсновский А. А. История русской армии в 4 т. Т. 3 : 1881–1915 гг. М. : Голос. 1994. С. 143.
[88] Кожевин, В. Л. Российское офицерство и Февральский революционный взрыв : монография. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2011. С. 43.
[89] Головин Н. Н. Современная конница / Н. Н. Головин. — Белград : б. и., 1923. — 67 с.
[90] Russia at war : from the Mongol conquest to Afghanistan, Chechnya, and beyond. A-M. Santa Barbara, Calif. [etc.] : ABC-CLIO, cop. 2015, cop. 2015. P. 331.

«Курсы высшего военного самообразования», впоследствии преобразованные в «Зарубежные высшие военно-научные курсы» (действовали до начала Второй мировой войны), ставшие ключевой площадкой трансляции профессионального военного знания в эмиграции. В период оккупации Франции, по некоторым данным, сотрудничал с немецкими властями; скончался в Париже в 1944 г.[91].

Биография Головина позволяет реконструировать его концептуальную матрицу – систему координат, через которую он осмыслял войну. В ее формировании выделяются три ключевых аспекта: социология и полемология, военная теория и собственный практический опыт.

Фундаментальным аспектом мировоззрения Головина была социология. Он рассматривал войну как объект научного анализа, требующий строгого инструментария. «Чистая наука о войне», с его точки зрения, должна представлять собой социологическое исследование процессов и явлений войны с точки зрения их существования, сосуществования, сходства и последовательности[92]. Война, в его понимании, предстает как последовательность причинно-следственных связей, неотделимых от социума, и потому подчиняется объективным закономерностям. Этому типу исследования он противопоставлял прикладную науку, сосредоточенную на изучении способов ведения войны. Его «чистая»[93] военная наука, таким образом, должна быть нацелена на раскрытие закономерностей, определяющих функционирование войны как социального явления[94].

В области методологии Головин лишь намечал общую канву, признавая подчинение метода объекту, который видоизменяется в ходе развития военного дела. Среди методологических инструментов он выделял проблему источниковой базы: ранее война исследовалась преимущественно «на основании документов, исходящих от тех, кто непосредственно не видел и не воспринимал всем своим существом явлений боя»[95], то есть «сверху» – из штабов и Ставки. Неверность такого подхода, по мнению Головина, заключалась не в его принципиальной ошибочности, а в неполноте получаемых выводов[96].

Автор декларировал необходимость исследования «внутренней» стороны войны, для чего необходимо применить ряд новых для данной сферы методов. Первый – психологический анализ, позволяющий проникнуть в суть личного измерения рядового участника войны. Основным

---

[91] Квакин А. В. Головин Николай Николаевич / Квакин А. В. [Электронный ресурс] // Русская национальная философия в трудах ее создателей : [сайт]. URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_g/golovin_nn.html (дата обращения: 03.08.2024).
[92] Головин Н. Н. Наука о войне : О социологическом изучении войны. Париж : Сигнал, Сор. 1938. С. 19.
[93] Там же. С. 20.
[94] Там же. С. 22.
[95] Там же. С. 92.
[96] Автор весьма красноречиво писал о такого рода исследовании, что оно превращается «в историю того, кто куда пошел и кто, где сражался».

кладезем для изучения его становятся источники личного происхождения, массово появившиеся в Великую войну[97].

Головин выступал здесь как один из первых теоретиков военной антропологии. Он подчеркивал необходимость изучения не только индивидуальной психологии солдата, но и коллективных психологических состояний, таких как моральный дух войск или феномен разложения армейских структур[98]. В этом контексте он говорил о необходимости создания новой дисциплины – психологии войны, задачей которой станет обеспечение адекватного инструментария для анализа войсковой среды[99].

Другим важным методом он считал статистику, отмечая, что количественное изучение войн способно привести к получению новых качественных знаний о происходящих в обществе трансформациях[100]. Однако, автор отмечал, что ученым преодолеть некоторую догматичность, существующую в военной статистике, поскольку она ориентирована на «обслуживание» прикладного уровня науки, изучающей способы ведения последней. Для преодоления данной догматичности, также как и в случае с психологией, он намечает создание науки о «Статистике войны», в задачи которой будет входить изучение «применения военно-статических методов»[101].

Головин также демонстрирует знакомство с идеями М. Вебера. В частности, его рекомендация выдвигать первичные конструкции на основе «хотя бы небольшого знания свойств и особенностей объекта»[102] с последующей проверкой и опровержением, что сближается с веберовским понятием «идеального объекта». Однако столь выраженный интерес к социологии был связан, прежде всего, с П. А. Сорокиным, привлекшим Головина к совместной работе над «Социальной и культурной динамикой»[103].

Таки образом социологический инструментарий Головина соответствовал неопозитивистским установкам своего времени. Сам он обобщал свою позицию через три методологические установки В. Парето: признание сложной функциональной зависимости между социальными явлениями; необходимость их совокупного изучения; отказ от преждевременной генерализации в пользу выявления закономерностей через анализ социальной динамики[104].

---

[97] Головин Н. Н. Наука о войне : О социологическом изучении войны. Париж : Сигнал, Сор. 1938. С. 133.
[98] Там же. С. 119.
[99] Там же. С. 215.
[100] Там же. С. 159.
[101] Там же. С. 215.
[102] Там же. С. 220
[103] См.: Быков А. С. Питирим Сорокин и Николай Головин – ученые в изгнании. Грани научного сотрудничества // Питирим Сорокин и парадигмы глобального развития XXI века (к 130-летию со дня рождения): Международная научная конференция, Сыктывкар, 10–12 октября 2019 г. : сборник научных трудов. Сыктывкар : Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2019. С. 30-37.
[104] Головин Н. Н. Наука о войне : О социологическом изучении войны. Париж : Сигнал, Сор. 1938. С. 225-226

Говоря о военной теории и ее роли в воззрениях Н. Н. Головина следует отметить, что она в большей степени соотносилась с тем, что автор называл «способами ведения войны». Военная теория, присущая определенному историческому периоду времени, формируемая целым рядом крупных военных мыслителей, составляет определенный набор систематизированных принципов организации вооруженных сил и их применения. Непосредственным практическим отражением военной теории является военная доктрина. В связи с этим важно понять какие военно-теоретические идеи легли в основу взглядов Головина и как они впоследствии проявились при анализе Первой мировой войны. Замечу, что военная теория занимает роль матрицы понимания боевых операций, характера их организации, проистечения и развития во времени.

Важнейшее место в системе военного знания Российской императорской армии конца XIX – начала XX вв. занимали взгляды прославленного русского полководца А. В. Суворова, выраженные им в работе «Наука побеждать», обильно обсуждавшиеся в том числе и перед войной в журнале «Русский инвалид» в полемике, посвященной военной доктрине[105]. В послевоенной работе «Мысли об устройстве будущей Российской вооруженной силы», Н. Н. Головин, следуя довоенным взглядам В. Н. Доманевского, пишет «Суворовская “Наука побеждать” есть суворовская доктрина»[106]. Может выглядеть странным обращение к идеям полководца XVIII столетия, когда сами методы вооруженных противостояний и военная техника значительно видоизменились. Однако, многие суворовские принципы, с точки зрения военного теоретика, имели существенное значение во второй трети XX в. Николай Николаевич исходил из идеи важности привития войскам необходимого духа, в особенности наступательного характера, что было актуально после Первой мировой войны, знаменитой своим окопным противостоянием. Автор подчеркивал важность «суворовской нападельной тактики», которая должна помочь войскам в стремлении преодолеть сопротивление защищающегося врага и проникнуть вглубь его оборонительных позиций[107]. Таковой дух должен был, по мнению генерала, пронизывать весь личный состав вооруженных сил, чему должна способствовать выработанная и утвержденная доктрина.

Второй важнейший элемент военно-теоретических воззрений Николая Николаевича – влияние германской военной мысли, заложенной в трудах двух теоретиков К. фон Клаузевица и Г. фон Мольтке старшего. Их взгляды позволяют лучше всего понять масштаб нового поколения военных конфликтов, в том числе Мировой войны 1914-1918 гг., в которую оказались вовлечены

[105] Российский военный сборник / Русская военная доктрина. Материалы дискуссий 1911–1939 годов. М . : ГА ВС, 1994. С. 17-59
[106] Головин Н. Н. Мысли об устройстве будущей российской вооруженной силы [очерк 1-13]. Белград : Русская типография, 1925 (обл. 1927). С. 6.
[107] Там же. С. 13.

не армии, а все массы народонаселения стран участниц. Карл фон Клаузевиц заложил теоретические основы концепции «вооруженного народа», которая пришла на смену профессиональным армиям[108]. Сам историк, в совместной с К. В. Хвольсоном лекции, отмечал: «Современные армии в военное время разворачиваются до пределов, которые позволяет наличное количество боеспособного мужского населения страны. Война, благодаря этому, принимает теперь <…> характер борьбы двух или нескольких вооруженных народов»[109]. Н. Н. Головин очень высоко оценивал вклад немецкого мыслителя, отмечая, что именно он является основоположником рассмотрения войны не в узкоограниченном смысле, а как полноценного явления социальной жизни[110].

Большое значение для понимания взглядов русского военного теоретика имеет терминологический аппарат фон Клаузевица. Большие войны нового поколения, начавшиеся с революционных войн, которые вела Франция на рубеже XVIII-XIX столетий, привели к значительному росту вооруженных сил как в плане их численности, так и в плане увеличения числа родов войск, войсковых управлений, штабов и т.д. Все эти обстоятельства настоятельно требовали нового понимания координации действий боевых сил для преодоления того, что немецкий мыслитель называл «трением»: «Трение это единственное понятие, которое в общем отличает действительную войну от войны бумажной. Военная машина – армия и все что к ней относится, – в основе своей чрезвычайно проста, и потому кажется, что ею легко управлять. Но вспомним, что ни одна из ее частей не сделана из целого куска; все решительно составлено из отдельных индивидов, из которых каждый испытывает трение по всем направлениям. <…> Трение или то, что мы обозначали здесь этим термином, делает легкое с виду трудным на деле»[111]. Из данного отрывка становится ясно, что под «трением» понималась концепция, обозначавшая совокупность «неопределенностей, ошибок, случайностей, технических трудностей, непредвиденных обстоятельств, а также влияние, которое они оказывают на решения, моральный дух и действия»[112]. По мысли русского военного теоретика, подхватившего эти идеи, все военные усилия по подготовке войск к войне государства должны быть направлены на уменьшение «трения», для чего необходимо выработать доктрину, в которой будут заложены основные мысли о межвидовом взаимодействии войск.

Влияние другого немецкого военачальника – генерала-фельдмаршала Г. фон Мольтке старшего, находит свое проявление в несколько иной области, но связанной с «трением»,

[108] Харман Г. Введение в Клаузевица // Логос. — 2019. — Т. 29, № 3. С. 25-58.
[109] Хвольсон К. В., Головин Н. Н. Основные идеи организации западноевропейских армий // Армия и Флот. Вестник сухопутных, морских и воздушных сил / Париж. – 1939. – № 7. С. 6
[110] Головин Н. Н. Наука о войне : О социологическом изучении войны. Париж : Сигнал, Сор. 1938. С. 19.
[111] Клаузевиц К. фон. О войне. М. : Логос : Наука, 1998. С. 105-106.
[112] Цит. по: Харман Г. Введение в Клаузевица // Логос. 2019. Т. 29, № 3. С. 25-58.

проявляясь в том, что Николай Николаевич обозначал «единством действий». Вот что он писал по данному поводу: «Успех на войне <…> зависит от единства действий. Поэтому в военном деле путь коллективной работы чреват большими опасностями. Гениальность Мольтке и заключается в том, что он находит нужный регулятор. Этим регулятором и должно служить единство доктрины. Для постоянной творческой работы над нею он создает свой Большой Генеральный Штаб»[113]. Генеральный Штаб – детище прусских прогрессивных военных реформаторов начала XIX века, после объединительных войн, преобразованный фон Мольтке в «Большой» Генеральный штаб, был необходим для координации всех военных усилий, поначалу объединенных в четыре отделения[114].

Благодаря единой и скоординированной работе коллектива Генерального штаба все офицеры, даже отклонившись от выполнения военного плана в результате «трения», будут работать в соответствие с имеющимися уставами, что будет приводить все боевые усилия к единому пункту. При этом не стоит полагать, что это провоцирует шаблонность действий. Наоборот, обращая большое внимание на разницу в подходах управления массами войск, которые создают две антагонистические военные школы – французскую и немецкую, именно последнюю Н. Н. Головин признавал «децентрализованной» по своей сути, то есть стремящейся к возможно большему проявлению частной инициативы на местах[115]. Следуя мысли немецкой военной теории, Н. Н. Головин фактически выступал сторонником тотального характера войны, когда в нее были вовлечены не только вооруженные силы, но и все гражданское население страны: «Данный факт логично вытекал из концепции вооруженного народа, предложенной Клаузевицем, и послужил основанием для системы массовой мобилизации во время военных действий гражданского населения в вооруженные силы и военную промышленность. Вооруженный конфликт при таких условиях охватывал все стороны жизни общества, что убедительно продемонстрировала Первая мировая война»[116].

Подводя итог, можно выделить несколько ключевых положений военно-теоретической системы Н. Н. Головина: (1) война является неотъемлемой частью общественной жизни и подчиняется ее закономерностям; (2) массовый характер войн нового времени обусловил втягивание в них гражданского населения; (3) расширение масштабов войны усиливает феномен

[113] Головин Н. Н. Мысли об устройстве будущей российской вооруженной силы [очерк 1-13]. Белград : Русская типография, 1925 (обл. 1927). С. 6.
[114] См.: Герлиц В. Германский Генеральный штаб. История и структура, 1657-1945. М. : Центрполиграф, 2005. С. 36-40.
[115] Головин Н. Н. Мысли об устройстве будущей российской вооруженной силы. Белград : Русская типография, 1925. С. 32-33.
[116] Короткий А. Ю. Н. Н. Головин об участии России в Первой мировой войне: истоки институционального подхода // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Петрозаводск, 2024. Т.46, №.2. С. 11.

«трения», препятствующего эффективному командованию; (4) для его преодоления необходима разработка целостной военной доктрины, создание Генерального штаба как координирующего органа и активная военно-аналитическая работа, рассматривающая войну как сложный социальный процесс.

Таким образом, система взглядов Н. Н. Головина – это синтез социологической, военно-теоретической и практической перспектив, оформленный в единую, последовательно реализуемую концептуальную схему.

Рассмотрим теперь практический опыт Головина. Первая мировая война застала Головина командиром лейб-гвардии Гродненского гусарского полка. В брошюре «Современная конница» (Белград, 1923) он подвел итоги боевого опыта, подвергнув критике командиров, применявших тактику «шока» (атака в конном строю) при любом соприкосновении с противником[117]. Такая тактика, по его мнению, не соответствовала реалиям войны из-за пулеметного огня. На основе анализа конкретных эпизодов он сформулировал новую доктрину: «1) кавалерия бьет не силой шока, а быстротой маневра; 2) кавалерия не боится широких фронтов; 3) управление даже небольшими частями принимает характер стратегического руководства»[118]. Головин настаивал на переосмыслении тактики в изменившихся условиях боя.

В целом Головин предстает как реформаторски настроенный теоретик и практик, сочетавший военную подготовку с интересом к социологии. Его сциентистская (наукоцентричная) установка позволяла рассматривать войну как социальное явление, функционально связанное с политикой, экономикой и культурой. Эти взгляды определили характер его исторического анализа Первой мировой войны.

Для того чтобы понять, каким испытанием стала Великая война 1914-1918 гг. для Российской империи, Николай Николаевич полагал необходимым прежде всего определить, чем являлось само государство накануне конфликта. Он акцентировал внимание на особой социальной среде – российской государственности, которой предстояло вступить в качественно новый, ранее неизвестный тип вооруженного противостояния, к которому, как он отмечал, в наибольшей степени стремилась подготовиться немецкая военно-теоретическая мысль. Однако, дело в том, что даже она не сумела подняться до степени осознания будущего конфликта, выраженного лучше всего в понятии – «materialschlacht», – фактически битва материальных ресурсов, битва на истощение[119].

---

[117] Головин Н. Н. Современная конница. Белград : б. и., 1923. С. 7.
[118] Там же. С. 8.
[119] Юнгер Э. Рабочий. Господство гештальт; Тотальная мобилизация; боли. СПб.: Наука, 2000. С. 185-186.

Схожие оценки давал и военспец А. М. Зайончковский, служивший в РККА, отмечавший: «Все участники готовились задолго до войны. Они были глубоко убеждены в ее скоротечности, так как считали, что ни одно государство не в силах выдержать напряжения длительной войны»[120]. Этот вывод имеет фундаментальное значение для последующей историографической традиции: ни одно из воюющих государств не оказалось готовым к той форме войны, которую в итоге принял конфликт. Россия не была исключением, однако, как подчеркивал Н. Н. Головин, именно ее внутренние слабости – административные, экономические и организационные – делали ее особенно уязвимой в условиях затяжной войны нового типа.

Военный историк определял три условия, необходимых для будущего уяснения значения конфликта для России, которые оказывали решающее влияние на готовность вести новую войну, вытекавшую из воззрений К. фон Клаузевица: русское военное законодательство, социально-демографические аспекты страны и материально-технические и экономические условия.

Особое внимание Головин уделял русскому военному законодательству, в частности, «Уставу о воинской повинности» – одной из центральных реформ либеральной эпохи правления Александра II. Принятый в 1874 году, устав оставался основой комплектования армии до 1912 года, когда был принят новый закон[121]. Однако, как подчеркивал Головин, последний не успел оказать существенного влияния на структуру вооруженных сил, и армия, по существу, продолжала формироваться по моделям, устаревшим почти на четыре десятилетия. Эту оценку развивает Д. Бушнелл, полагающий, что реформирование российских вооруженных сил, осуществленное в начале XX века, было весьма поверхностным, не устранявшим коренных причин ее неэффективности, начиная от бытовых практик (распространение вредных привычек и азартных игр), заканчивая институтами повышения по службе и поверхностностью военного обучения[122].

С точки зрения Головина, устав имел ряд принципиальных недостатков. Прежде всего, он не соответствовал доктрине «вооруженного народа». Сравнивая российский и германский законы о воинской повинности, теоретик отмечал: первый охватывал 22 возрастные категории военнообязанных, тогда как германский – 28, причем последнему была присуща большая гибкость и более развитая система категорий. Главное же, по его мнению, российское законодательство нарушало принцип моральной справедливости, предполагающий равномерное

[120] Зайончковский А. М. Мировая война 1914–1918 гг. : в 2 т. Т.1 Кампании 1914–1915 гг. М. : Гос. воен. изд., 1938. С. 73.
[121] Головин Н. Н. Военные усилия России в Мировой войне. В 2 т . Т. 1. Париж : Т-во объединенных издателей, 1939. С. 11.
[122] Bushnell J. The Tsarist Officer Corps, 1881-1914: Customs, Duties, Inefficiency. The American Historical Review. 1981. Vol. 86, No. 4. P. 775-780.

распределение тягот службы[123] во благо всего «социального организма»[124]. Исключение, по его словам, составляли казачьи воинские уставы, наиболее близкие к германскому идеалу. Однако политические и социальные обстоятельства Российской империи не позволяли распространить этот опыт на общеимперском уровне.

Таким образом, Н. Н. Головин делал вывод: для эффективной реализации передовых военных практик России недоставало того, что в Германии было достигнуто даже при сохранении монархической власти, а у казачества имелось исторически, – относительной демократизации политического строя и участия граждан в делах обороны[125].

Глубоко укоренившийся традиционализм в вопросах военного строительства и непонимание высшей властью принципов формирования современной армии, по Н. Н. Головину, и составляли подлинные причины слабости Российской императорской армии. Он подчеркивал, что война 1914-1918 гг. была войной «вооруженных народов» в клаузевицевском смысле, тогда как российская армия в значительной мере оставалась порождением устаревшего Рекрутского устава 1831 года[126]. Поражение в русско-японской войне, казалось, открыло путь к реформам, однако надежды на преобразование армии не оправдались после назначения на пост военного министра В. А. Сухомлинова.

Фигура В. А. Сухомлинова в глазах историка и его единомышленников олицетворяла собой поворот к реакционной политике в сфере военного управления. Назначенный в 1909 году, В. А. Сухомлинов вскоре вступил в острое соперничество с великим князем Николаем Николаевичем младшим и так называемой группой «русских младотурков», к которой принадлежал и сам автор. Это противостояние продолжалось до отставки министра в 1915 году и выражало собой столкновение двух придворных фракций: одной – условно либеральной[127], ориентированной на модернизацию, другой – консервативной, стремящейся к сохранению традиционных порядков.

С этим обстоятельством связано и возможное влияние личной ангажированности Головина на его оценку деятельности Сухомлинова. Тем не менее, его критика последнего основывалась не только на политических разногласиях, но и на глубоком анализе институциональных процессов. Он считал, что Владимир Александрович занял данный высокий

[123] Головин Н. Н. Военные усилия России в Мировой войне. В 2 т . Т. 1. Париж : Т-во объединенных издателей, 1939. С. 16.
[124] Там же. С. 13.
[125] Там же. С. 22.
[126] Там же. С. 23-24.
[127] В. И. Голдин отмечал явные либеральные идеи великого князя в плане реформирования страны, даже несмотря на монархизм последнего. См.: Голдин В. И. Солдаты на чужбине: Русский Обще-Воинский Союз, Россия и Русское зарубежье в XX–XXI веках : электронное издание. М. : Русский Обще-Воинский Союз, 2011. С. 51- 52.

пост в связи с практикой «социального подбора» в «больном <…> организме»[128]. Таким образом, он демонстрировал связь между разными структурами государства и практиками управления, такими как, интриги, ручное управление, и то, как они влияли на состояние вооруженных сил[129]. Главная претензия, которую скорее следует обозначить критикой на основе личностного суждения, заключалась в том, что В. А. Сухомлинов был проводником бессистемности и безыдейности, а в области реформ сводил преобразования к поверхностным, формальным изменениям[130]. Причем, важно отметить, что данные аспекты стали ярким проявлением личного характера военного министра, отличавшегося легкомыслием, что отмечалось не только Н. Н. Головиным, но и другими деятелями эпохи[131].

Следует понимать, что Н. Н. Головин критиковал не столько непосредственно реформы военного министра, а последние, как указывали деятели того времени, были достаточно успешны, сколько их непоследовательность. Недостаток военно-научной подготовки военного министра привел к тому, что он так и не смог понять сущность вопроса становления принципиально новой по типу армии, выстроенной по системе «вооруженного народа»[132].

Таким образом, положение русской армии накануне войны Н. Н. Головин характеризовал как парадоксальное. Обладая современной техникой и достаточно квалифицированным кадровым составом, она оставалась концептуально отсталой. Это была армия, выстроенная по лекалам прежней эпохи, под влиянием людей, не обладавших целостным представлением о принципиально новом типе вооруженных сил, каковыми стали армии германской школы – армии индустриального общества и мобилизованных наций.

Николай Николаевич Головин уделял значительное внимание вопросам взаимосвязи вооруженных сил и экономической сферы государства. Ранее уже отмечалось, что в условиях войны, в соответствии с принципами концепции «вооруженного народа», в армию должны были мобилизовываться значительные массы военнообязанных, что неизбежно сказывалось на состоянии национальной экономики. Этот фактор, по его мнению, обязательно должен был учитываться при разработке уставов и мобилизационных расписаний.

---

[128] Головин Н. Н. Военные усилия России в Мировой войне. В 2 т . Т. 1. Париж : Т-во объединенных издателей, 1939. С. 24.

[129] См.: Бей Е. В., Евдокимов А. В. Министерская чехарда. Последние военные министры Российской империи // Военно-исторический журнал. 2020. № 3. С. 46-53.

[130] Головин Н. Н. Из истории кампании 1914 года на русском фронте. Начало войны и операции в Вост. Пруссии, С прил. карт и схем на отд. листах. Прага : Пламя, 1926. С. 7.

[131] Бей Е. В. Приводит характеристику, которую давал новому военному министру А. Ф. Редигер. См.: Бей Е. В. Генерал В. А. Сухомлинов. Военный министр эпохи Великой войны. М. : Центрополиграф, 2021. С. 108

[132] Головин Н. Н. Военные усилия России в Мировой войне. В 2 т . Т. 1. Париж : Т-во объединенных издателей, 1939. С. 27.

В этой связи он справедливо указывал на существовавшую в Российской империи проблему: ее промышленность и сельское хозяйство явно отставали от аналогичных отраслей в странах Западной Европы. Это означало, что масштабная мобилизация в России наносила более серьезный ущерб экономике, чем в государствах с более развитой производственной базой. В связи с этим командованию следовало крайне осторожно распоряжаться человеческими ресурсами, особенно на передовой[133]. При этом он подчеркивал и еще один острый вопрос – низкий культурно-образовательный уровень значительной части мобилизуемых, что сказывалось на боеспособности армии и ее способности к адаптации к условиям современной войны[134].

Исходя из этого, ключевым выводом, характеризующим степень подготовленности Российской императорской армии к Первой мировой войне, по мнению Головина, было то, что армия занимала промежуточное положение между профессиональной и массовой по принципу своей организации. Внешне она соответствовала требованиям времени – формировалась на основе идеи «вооруженного народа», однако по сути своей сохраняла черты профессионального воинства. При этом до начала войны кадровый состав армии отличался высокой личной подготовкой. Однако с объявлением мобилизации и началом массовых потерь, масштабы которых были немыслимы в эпоху профессиональных армий, боевые качества армии быстро снижались. Эта уязвимость становилась фактором постепенной эрозии вооруженных сил, оказавшим, по мнению теоретика, фатальное воздействие на исход войны для России.

Следует подчеркнуть, что данный анализ Н. Н. Головина нельзя считать исчерпывающим только в рамках военной тематики. Последовательно применяя свой метод, он помещал войну в широкий социальный и институциональный контекст российской действительности. Он уделял внимание состоянию экономики, уровню развития инфраструктуры – в частности, недостаточной плотности железнодорожной сети, малым объемам военного производства, низкому уровню грамотности и общей культуры призывного контингента. Этот анализ отличался глубиной и системностью, редкой даже по меркам современного военного мышления.

Особую ценность в работах Головина представляет то, что его аналитические наблюдения не сводились к перечислению количественных показателей – таких как объемы производства винтовок или боеприпасов. Напротив, количественные данные в его изложении становились не самоцелью, а функциональным элементом более широкого рассуждения. Они служили аргументом в пользу системного подхода, при котором каждый показатель раскрывался как

[133] Головин Н. Н. Военные усилия России в Мировой войне. В 2 т . Т. 1. Париж : Т-во объединенных издателей, 1939. С. 31.
[134] Там же. С. 45.

активный компонент в общей конструкции военного и государственного устройства России накануне и в ходе мировой войны.

Особого внимания заслуживает анализ управленческих практик и механизмов принятия решений в вооруженных силах, которым уделял внимание Н. Н. Головин. Как уже было показано, политические решения в Российской империи до 1914 года носили преимущественно консервативный характер, что неизбежно отражалось и на военной сфере.

Одним из первых и наиболее значимых изъянов армейского управления, на котором акцентировал внимание Головин, было систематическое искажение представлений о реальной обстановке на фронте. Это приводило к выдвижению заведомо невыполнимых требований к войскам. Военный теоретик критиковал распространенную в офицерской среде установку, согласно которой предъявление чрезмерных, «непосильных» задач воспринималось как проявление начальнической энергии и решительности. Подобная практика, по его словам, «дорого» обходилась армии[135].

Подобный управленческий подход, особенно опасный на уровне высшего командования, вел к стратегическим просчетам, излишним потерям и, как следствие, к деморализации войск. Это, в свою очередь, углубляло раскол между солдатами и офицерским корпусом, снижало боеспособность армии и подрывало доверие к командованию. Неотъемлемо связанной с этой проблемой была и другая негативная практика – распространение ложных донесений. Головин иллюстрирует данный феномен на примере кампании в Восточной Пруссии в 1914 году, когда в ряде частей сложилась система искаженных, условных донесений, отрывавших штаб от реальной ситуации на передовой[136]. Это еще более подрывало авторитет командиров и углубляло пропасть между линией фронта и тыловыми структурами управления.

Итогом этих управленческих деформаций – свойственных, по мнению Н. Н. Головина, даже наиболее известным представителям российского высшего командного состава – становилось пренебрежение человеческой жизнью, особенно жизнями нижних чинов и младших офицеров. Стратегические просчеты, проистекавшие из искаженной информации и ошибочной тактики, становились прямой причиной высоких потерь и внутреннего кризиса военной машины империи[137].

Подводя итог характеристике состояния вооруженных сил и самого государства накануне Первой мировой войны, которую предлагал Н. Н. Головин, необходимо отметить его ключевой вывод. Несмотря на многочисленные системные изъяны – от неадекватного представления о

[135] Головин Н. Н. Наука о войне : О социологическом изучении войны. Париж : Сигнал, Сор. 1938. С. 128.
[136] Там же.
[137] Головин Н. Н. Военные усилия России в Мировой войне. В 2 т . Т. 1. Париж : Т-во объединенных издателей, 1939. С. 152-153.

характере современной войны до организационной архаичности – Россия, по мнению автора, сохраняла шансы на успех. Однако необходимым условием для этого являлось наличие сильной, централизованной власти, способной компенсировать внутренние слабости и обеспечить эффективное руководство[138]. Именно отсутствие такой власти в критический момент и стало, по мнению историка, одной из главных причин грядущего военного и политического краха.

Каким образом обозначенные выше структурные и организационные проблемы отразились на общем состоянии воюющей страны? На этот вопрос Н. Н. Головин отвечал во втором томе своего труда «Военные усилия России в мировой войне».

Одной из первых серьезных трудностей, с которыми столкнулась русская армия, стал дефицит боевого обеспечения, проявившийся уже на четвертом месяце войны. Истоки этой проблемы, по мнению историка, носили двоякий характер. С одной стороны, она была обусловлена общей экономической отсталостью Российской империи по сравнению с ведущими странами Западной Европы. С другой – более глубокой и системной причиной являлась неспособность правящих кругов эффективно организовать усилия экономических субъектов на нужды фронта. Н. Н. Головин подчеркивал, что в этих условиях невозможно было осуществить полноценный перевод экономики на военные рельсы и обеспечить устойчивое снабжение армии[139].

Отдельно автор полемизировал с точкой зрения некоторых современников[140], возлагавших вину за утрату материальной части на «низкий культурный уровень» солдатских масс. Он отвергал подобные обвинения, указывая на значительные усилия, которые предпринимались строевыми подразделениями для сохранения вооружения и имущества, и, напротив, критиковал военное руководство за его равнодушие к данной проблеме[141].

Существенную трудность представлял дефицит квалифицированной рабочей силы на оборонных предприятиях. С началом войны значительная часть промышленных рабочих, включая высококвалифицированных специалистов, была мобилизована в действующую армию. Эта ошибка, по мнению Н. Н. Головина, объяснялась неучастием Военного министерства в разработке мобилизационных мероприятий и неверным представлением о характере войны – в частности, доминировавшей в руководстве иллюзией о ее краткосрочности. Ссылаясь на

---

[138] Головин Н. Н. Военные усилия России в Мировой войне. В 2 т . Т. 1. Париж : Т-во объединенных издателей, 1939. С. 156.
[139] Головин Н. Н. Военные усилия России в Мировой войне. В 2 т . Т. 2. Париж : Т-во объединенных издателей, 1939. С. 5.
[140] Речь о Данилове Ю. Н. Стоит отметить, что в зарубежной литературе не только он отмечал данный негативный аспект личного состава армии. Более всего критике подвергал П. Н. Краснов. – прим.авт. А.К.
[141] Головин Н. Н. Военные усилия России в Мировой войне. В 2 т . Т. 2. Париж : Т-во объединенных издателей, 1939. С. 9-10.

начальника Главного артиллерийского управления генерала А. А. Маниковского, автор указывал, что в дальнейшем, когда встал вопрос о возвращении специалистов в промышленность, Министерство отказалось от этого шага, ссылаясь на отсутствие необходимой законодательной базы[142]. Таким образом, значительная часть квалифицированной рабочей силы оказалась задействована не по назначению, что нанесло ощутимый ущерб оборонной промышленности.

Особое внимание автор уделял проблеме снабжения армии артиллерийскими снарядами, дефицит которых он считал одной из главных причин отступления русской армии в 1915 году. Эта неудача привлекла внимание общества к слабости военно-хозяйственного управления. Общественные круги, особенно представители Государственной думы, начали активно вмешиваться в вопросы снабжения, стремясь расширить свое влияние. Военное министерство и лично военный министр В. А. Сухомлинов, напротив, всеми силами сопротивлялись этому процессу[143]. Головин приводил мнение исследователя Ф. Ребуля, полагавшего, что главной проблемой российской промышленной мобилизации было отсутствие централизованного руководства[144]. Сам Н. Н. Головин также приходил к выводу, что причиной кризиса снабжения стала институциональная неподготовленность военного и политического руководства к ведению войны в условиях индустриальной эпохи[145]. Подытоживая рассмотрение экономического вопроса, военный историк приводил и соглашался с мнением помощника военного министра В. А. Сухомлинова А. С. Лукомского, который зафиксировал фактический коллапс военного обеспечения российской армии силами национальной экономики[146].

Обобщая изложенное, он формулировал ключевой вывод: в годы Первой мировой войны государство оказалось заложником собственной инерции. Правящие круги оказались неспособны не только организовать эффективное управление, но даже осознать глубину системных проблем. Вместо пересмотра устаревших моделей, они продолжали воспроизводить довоенные практики принятия решений. На этом фоне складывалась парадоксальная ситуация: общество демонстрировало большую способность к самоорганизации, чем сама государственная система. Осознав это, общественные силы начали выдвигать требования к власти о расширении своего участия в управлении, однако политическое руководство не было готово к подобному перераспределению полномочий, что еще более усугубляло внутренний кризис.

Н. Н. Головин прослеживал влияние довоенных условий на состояние воюющей России не только в экономической сфере, хотя, по его мнению, именно этот аспект является наиболее

[142] Головин Н. Н. Военные усилия России в Мировой войне. В 2 т . Т. 2. Париж : Т-во объединенных издателей, 1939. С. 50.
[143] Там же. С. 54-55.
[144] Там же. С. 51-52.
[145] Там же. С. 53.
[146] Там же. С. 88.

отчетливо выраженным и логически первым в его репрезентации о Великой войне. В первом томе «Военных усилий России» историк фиксировал низкий уровень культуры основной массы населения страны. До войны этот фактор не играл решающей роли, однако с ее началом он приобрел первостепенное значение, особенно в условиях массовых потерь обученных солдат и офицеров. Государство, не обеспечившее в довоенный период надлежащего уровня народного образования, оказалось неспособным сформировать у населения чувство единой символической идентичности – осознания себя как части «русского народа». Н. Н. Головин указывал, что крестьяне воспринимали себя не как «русские», а как «вятские», «тульские», «пермские» – то есть идентифицировали себя с местной, а не с национальной общностью[147]. Историк при этом подчеркивал, что подобное явление следует считать не виной самих крестьян, а просчетом власти, не сумевшей своевременно, в мирное время, позаботиться о формировании той общности, которая в военное время должна была бы стать опорой государства[148].

Он сравнивал русский патриотизм с восточным мистицизмом, указывая на его ритуализированный характер. По его мнению, именно соблюдение определенного «обряда» обеспечивало внутреннюю устойчивость патриотического чувства у солдат[149]. Нарушение этого обряда в 1917 году, как утверждал автор, привело к разрушению самого патриотизма. Это разрушение лишило фронт одного из последних удерживающих факторов, после чего произошло символическое и фактическое разложение армии. Примечательно, что схожие оценки, но с другим обоснованием, в современной историографии, декларирует в своих сочинениях В. П. Булдаков, утверждая, что «Для национального патриотизма европейского типа Россия еще не созрела»[150].

Значительное внимание в рассуждениях историка уделялось качеству и структуре военных решений. Как уже отмечалось, система их принятия в Российской императорской армии имела существенные изъяны, что в совокупности приводило к чрезмерным потерям – большим, чем страна могла себе позволить. Важным направлением анализа становится и влияние союзников на стратегию русского командования. Подобно другим военным историкам как в эмиграции, так и в советской традиции, Н. Н. Головин подчеркивал, что российское руководство с первых дней

---

[147] Головин Н. Н. Военные усилия России в Мировой войне. В 2 т . Т. 2. Париж : Т-во объединенных издателей, 1939. С. 121.

[148] Это мнение поддерживают и развивают современные исследователи. Так, историк Д. Бранденбергер отмечает: «Несомненно, были попытки воздействовать на царское правительство <…> в 1905 году граф Н. С. Мусин-Пушкин убеждал Министерство Народного Просвещения исправить “космополитический” уклон учебных программ российских школ, изменив его на патриотический и “национальный”. Он особенно подчеркивал в своем отчете, что российские чиновники, обращаясь на Запад за моделями и примерами образовательных систем, так и не поняли важность общеевропроейской тенденции: образование становится все более национально ориентированным». См.: Бранденбергер Д. Л. Национал-большевизм : Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания. 1931-1956 . Санкт-Петербург : Акад. проект, Изд-во ДНК, 2009. С. 21-22.

[149] Головин Н. Н. Военные усилия России в Мировой войне. В 2 т . Т. 2. Париж : Т-во объединенных издателей, 1939. С. 121.

[150] Булдаков В. П. Война, породившая революцию. М.: Новый хронограф, 2015. С. 158.

войны вынуждено было учитывать требования союзников. Это диктовалось как политическими обязательствами в рамках союзнического долга, так и соображениями военно-стратегического характера, основанными на конкретной ситуации на фронтах.

Историк указывал, что в основе давления союзников, прежде всего Франции, лежали как довоенные конвенции, так и переоценка боевых возможностей русской армии[151]. Этот фактор оказывал постоянное и подавляющее воздействие на стратегические решения, вынуждая российское командование отказываться от собственных оперативных планов в пользу поддержки союзников. Историк приводил в качестве примеров Восточно-Прусскую и Лодзинскую операции 1914 года. Обе кампании были инициированы под влиянием союзных обязательств и имели целью ослабить давление на Францию, находившуюся под угрозой поражения. Тем не менее, стратегическим итогом кампании 1914 года стало поражение Центральных держав, вынужденных отказаться от своих первоначальных планов ведения войны и перейти к поиску новых решений. Таким образом, несмотря на высокую цену, российское участие в кампании, обусловленное союзными обязательствами, сыграло значимую роль в изменении общего хода войны[152].

Кампания 1915 года, по оценке Н. Н. Головина, отличалась прежде всего так называемым «Великим отступлением» русской армии из стратегического выступа, известного как «Польский мешок». Проведение данной операции стало неизбежным в условиях глубокого кризиса снабжения войск и переноса стратегической инициативы германского командования на Восточный фронт. Принятие решения об отступлении (несколько запоздалого, с точки зрения историка) стало следствием консенсуса в высшем военном руководстве – великого князя Николая Николаевича и генерала М. В. Алексеева. Хотя с военно-стратегической точки зрения данная мера была необходима, в психологическом и моральном аспекте она имела разрушительные последствия. Как подчеркивал историк, в войсках и, особенно, в тылу началось распространение слухов о предательстве и заговоре[153].

При этом Головин указывал, что последствия отступления оказались значительно болезненнее восприняты в тылу, чем на самом фронте. Он подробно описывал механизм формирования общественного упадка: «Пессимистические настроения фронта передавалось в тыл при посредстве тысячи нитей, связывающих современную многомиллионную армию с народом. Письма к родным, жалобы раненых рассказы возмущенных представителей общественности являлись теми каплями, составлявших целые потоки мрачных настроений,

[151] Головин Н. Н. Военные усилия России в Мировой войне. В 2 т . Т. 2. Париж : Т-во объединенных издателей, 1939. С. 130.
[152] Там же. С. 135-136.
[153] Там же. С. 139-142.

которые в конце сливались в океан общего недовольства и растерянности»[154]. Таким образом, углублялось недопонимание между фронтом – несмотря на пессимистические настроения, сохранявшим готовность к продолжению борьбы, – и правительственными кругами, что в условиях общего ослабления доверия к власти становилось все более опасным. Стратегически оправданное решение верховного командования об отступлении воспринималось в Петрограде не как проявление военной рациональности, а как паника.

Кризис доверия к Ставке Верховного главнокомандования, при сохранении авторитета великого князя Николая Николаевича, попытался разрешить сам император Николай II, приняв в сентябре 1915 года на себя верховное командование армией. Исследователь квалифицировал это решение как ошибочное, объясняя его воздействием придворных кругов, в том числе императрицы, а также высших эшелонов власти, прежде всего Совета министров. Суть просчета, по его мнению, состояла в неверном восприятии царем реального положения дел: убежденность в неизбежном коллапсе армии была следствием искаженных представлений о ситуации на фронте, сформировавшихся в тылу и в правительственных кругах. Дополнительным обстоятельством являлся высокий моральный авторитет великого князя в солдатской среде, где он воспринимался как защитник от некомпетентных действий собственного командования. Трагизм же ситуации заключался в том, что отныне все военные поражения, неудачи и просчеты русского командования автоматически связывались с личностью государя, что не только подрывало авторитет Николая II, но и ускоряло эрозию легитимности всей монархической системы[155].

Даже успех летней кампании 1916 года – знаменитого Брусиловского прорыва, по мнению историка, уже не мог принципиально изменить негативную динамику политического и социального развития страны. Несмотря на достигнутые на фронте результаты, в том числе спасение Франции и Италии от серьезного поражения от Центральных держав, внутреннее положение России продолжало ухудшаться[156]. Последовательные ошибки в управлении, неспособность к проведению эффективной внутренней политики, отсутствие стратегического видения, а также несправедливое перераспределение приоритетов среди политических элит подводили страну к кризису во всех ключевых сферах – экономике, армии, государственном управлении и социальной структуре[157].

[154] Головин Н. Н. Военные усилия России в Мировой войне. В 2 т . Т. 2. Париж : Т-во объединенных издателей, 1939. С. 143.
[155] Там же. С. 149-152.
[156] Там же. С. 164.
[157] Там же. С. 60.

Сама операция – «Луцкий прорыв», подчеркивал историк, была скорее провальной, причиной чему, по его мнению, стало «несоответствие действительного положения вещей – его замыслу»[158]. Отдельно стоит отметить, что в эмигрантской военной историографии сложился аналитический подход, ставящий во главу угла не статистические итоги операции, а степень ее соответствия изначальному замыслу. Придерживаясь этой логики, исследователи видели причину стратегической неудачи в решениях командующего Юго-Западным фронтом А. А. Брусилова. Сосредоточив основные силы на ковельском направлении, он, по мнению историков, действовал по логике вспомогательной операции в поддержку главного удара Западного фронта. Однако, как отмечал, в частности, Н. Н. Головин, после того как Ставка (пусть и с опозданием) определила южное направление как основное, Брусилову следовало пересмотреть план и перенести усилия на львовское направление, чтобы отвечать обновленным стратегическим целям[159]. Схожих мыслей придерживался и другой знаменитый военный историк-эмигрант А. А. Зайцов. Он полагал, что ключевая ошибка командования проявилась уже после удачного прорыва и заключалась в выборе дальнейшего направления. Перед руководством фронта стояла дилемма: «технический» вариант (удар на Ковно в поддержку Западного фронта) или «оперативный» (наступление на Владимир-Волынский с выходом на юго-запад). Несмотря на то, что Ставка склонялась ко второму варианту, которого придерживался А. М. Каледин, командующий А. А. Брусилов настоял на первом. В результате основные силы были брошены в труднопроходимую местность под Ковно. Как отмечал Зайцов, это решение привело к тому, что тактический прорыв так и не был развит в стратегический успех[160].

Как подчеркивал Н. Н. Головин, в условиях нарастающего внутреннего напряжения политическая верхушка продолжала отстаивать не столько интересы страны, находящейся в состоянии войны, сколько идею сохранения самодержавия как самоцели. В результате власть оказалась неспособной мобилизовать общество и ресурсы для успешного завершения войны, что предопределило ее падение и углубление кризиса государственности.

В указанных обстоятельствах, по мысли Н. Н. Головина, с особой остротой проявилась главная проблема Российской империи – отсутствие институционально сильной и ответственной власти. Одним из симптоматичных проявлений стремления к таковой он считает проект создания «Общеимперского Управления особым лицом с диктаторскими полномочиями», изложенный в записке начальника штаба Верховного Главнокомандующего генерала М. В. Алексеева,

[158] Головин Н. Н. Галицийская битва (Лекция проф. ген. Н. Н. Головина) // Часовой. – Париж, 1931. – № 55. С. 6.
[159] Там же. С. 6.
[160] Зайцов А. А. Луцкий прорыв // Часовой. – Париж, 1929. – № 9–10. С. 13.

адресованной императору Николаю II[161]. Генерал, выражавший взгляды и настроения значительной части высшего военного руководства, не получил поддержки со стороны монарха, что, вероятно, стало одной из причин его последующей лояльности Временному комитету Государственной Думы в дни Февральской революции.

Итогом обострения системного кризиса стала революция февраля 1917 года. Однако вместо ожидаемой сильной власти и мобилизующей ответственности новое политическое руководство предложило стране дальнейшую дестабилизацию. Наиболее разрушительным, по мнению Н. Н. Головина, последствием первых дней революции стал знаменитый «Приказ № 1» Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, запустивший процесс распада армии[162]. Постепенная утрата боеспособности вооруженных сил происходила на фоне все более ожесточающейся внутриполитической борьбы, что кратно ослабляло Россию в противостоянии с внешним врагом и делало ее окончательное поражение практически неизбежным.

Согласно оценке Н. Н. Головина, произошло совпадение интересов противника и широких народных масс, стремившихся любой ценой покончить с войной. Это стремление вывело многомиллионные массы с фронта в тыл и фактически разрушило возможность продолжения войны. Однако достигнутый ценой коллапса регулярной армии «мир» обернулся для России новой, куда более кровопролитной и разрушительной войной – Гражданской[163].

Произведения Н. Н. Головина существенно выделяются на фоне трудов других авторов, освещавших события Первой мировой войны. Его подход позволял рассматривать военный конфликт на фоне более широкого социального контекста. Это концептуальное решение, во многом определенное его интересом к социологии и влиянием современных ему научных направлений, придавало его историческим реконструкциям глубину и структурную логику. Н. Н. Головин последовательно отказывался от приписывания решающего значения исключительно боевым действиям. Напротив, он подчеркивал, что характер этих операций предопределялся социальным фоном и практиками, на котором они разворачивались.

К числу ключевых факторов, обусловивших неблагоприятное развитие войны для России, Н. Н. Головин относил: непонимание руководством страны природы современной войны, управленческую примитивность и инерционность, а также зависимость вооруженных сил от союзников. Эти условия в совокупности делали империю институционально и структурно неготовой к участию в глобальном военном конфликте. Государство, с точки зрения автора, оказалось исторически незрелым и не соответствующим духу времени, игнорировавшим

[161] Головин Н. Н. Военные усилия России в Мировой войне. В 2 т . Т. 2. Париж : Т-во объединенных издателей, 1939. С. 81.
[162] Там же. С. 183.
[163] Там же. С. 215.

реальные процессы социального развития. Данный тезис (о социальной незрелости государственного механизма Российской империи) и является искомым pbf автора, когерентностью, которая позволила ему обосновать широкий набор фактов, почерпнутых из репрезентаций-источников.

«Та же приверженность наших верхов к примитивным формам являлась весьма существенной помехой для совместной работы с общественными силами … участие этих сил требует гораздо более сложных форм управления»[164], – отмечал историк. При этом, по его мнению, ни правительство, ни сами народные массы не были подготовлены к функционированию в рамках таких сложных форм, что делало трансформацию политической системы особенно затруднительной[165]. Потенциальным агентом модернизации могла стать русская интеллигенция, однако ее фактическая маргинализация и отчуждение от власти определили ее переход в оппозиционный лагерь, а впоследствии – в лагерь революции[166].

Таким образом, репрезентированное Н. Н. Головиным положение страны в 1917 году представляется исторически безысходным: государство оказалось не в состоянии справиться с вызовами модернизирующегося мира. Выводы историка носят пессимистический, но в то же время аналитически обоснованный характер, отражая стремление русского военного мыслителя к научному осмыслению катастрофы, постигшей Российскую империю в годы Великой войны и революционных потрясений.

1.2. Первая мировая война в трудах А. А. Керсновского.

«Рационализм и позитивизм отравил и лучших из военных деятелей той упадочной эпохи. <…> За арифметикой проглядели душу, не учли того, что полк – это вовсе не три или четыре поставленных друг за другом по порядку номеров батальона ... Не видели, что полки – хранители главного сокровища армии – ее духа и что, разбивая опрометчиво эти сосуды, они угашают дух»[167]. Эти слова принадлежали А. А. Керсновскогому, одному из наиболее интересных и радикальных историографов Первой мировой войны в межвоенном русском зарубежье. В данном случае употребление категоричной лексемы как «радикальный», характеризует в первую очередь историографическую концепцию всей русской армии, на протяжении всего времени ее существования в работах данного автора. Ни в коем случае мы не прибегаем к данному слову для

[164] Головин Н. Н. Военные усилия России в Мировой войне. В 2 т . Т. 2. Париж : Т-во объединенных издателей, 1939. С. 79.
[165] Там же. С. 167.
[166] Там же. С. 167.
[167] Керсновский А. А. История русской армии в 4 т. Т. 4 : 1915–1917 гг. М. : Голос. 1994. С. 113.

характеристики личности самого Антона Антоновича. Хотя несомненно, что трудный жизненный путь непосредственным образом отразился и на его историософских взглядах.

А. А. Керсновский родился в 1905 г. в Одессе в семье присяжного поверенного. В 1919 г. арест отца ЧК потряс 14-летнего юношу и побудил его уйти добровольцем к белым[168]. После эвакуации из Крыма с армией П. Н. Врангеля он получил образование за границей: окончил венскую Консульскую академию, затем Дижонский университет и прослушал курсы в Сен-Сирской военной школе.

С 1927 г. Керсновский сотрудничал с «Русским военным вестником». Его статьи, воспринимавшиеся офицерами как труды профессионального военного, вызывали удивление, когда выяснялось, что их автор не служил в императорской армии. К концу 1930-х гг. он завоевал признание в военной эмиграции. В 1940 г. мобилизован во французскую армию, но после разгрома Франции Вермахтом оставил службу. Скончался 24 июня 1944 г. в Париже от туберкулеза в нищете[169].

Несмотря на раннюю смерть, Керсновский оставил обширное письменное наследие. Его идеи, органично соотносящиеся со славянофильской традицией и примененные к военной сфере, получили научную проработку. Ключевые положения его теоретической концепции могут быть изложены в следующих тезисах.

Рассматривая соотношение науки и искусства в военном деле, А. А. Керсновский пришел к выводу о примате искусства над наукой. Если наука по своей природе интернациональна и ее выводы универсальны, то искусство, напротив, носит национальный характер. Как отмечал А. А. Керсновский: «Военное искусство, подобно всякому искусству, национально, так как отражает духовное творчество народа … “Науку побеждать” мог создать только русский гений – “О войне” мог написать только немец»[170]. Данный тезис о национальной природе военного искусства является фундаментальным для понимания его историографической позиции. Важнейшим аспектом теории историка являлось противопоставление русского и немецкого военных искусств. Воплощением первого он считал А. В. Суворова, второго – К. фон Клаузевица.

Основу русского военного искусства, по выражению А. А. Керсновского, можно найти в тесном сплетении с духовностью народа, которая в полной мере отражала сущность русского военного искусства[171]. Духовность русского народа определялась его глубокой православной культурой, которая оказывала влияние на все сферы народной жизни. Основные черты

[168] Всех старших мальчиков в семье называли Антоном.
[169] Шевченко М. М. Страница истории русской военной мысли // Керсновский А. А. Философия войны. М. : Изд-во Московской Патриархии, 2010. С. 9-12.
[170] Керсновский А. А. Философия войны. М. : Изд-во Московской Патриархии, 2010. С. 50.
[171] Там же. С. 83.

отечественной военной мысли историк связывал с превосходством «духа над материей»[172]. Конкретизируя данный принцип, военный историк указывал, что он под собой подразумевает, что наша военная доктрина полагает войну злом, и данному злу нужно всячески противостоять для чего, в свою очередь, необходимо повсеместно укреплять государство. Далее, превосходство качества над количеством – еще одно важнейшее положение отечественной военной мысли. Следующее – «смотрение на дело в целом», то есть синтетическое видение военных проблем. В воспитательном аспекте русская военная доктрина, по А. А. Керсновскому, носит религиозный и сознательный характер.

В противоположность этому, немецкая военная мысль, в оценке А. А. Керсновского, по своей сути являлась именно наукой. Если русское военное искусство несло на себе отпечаток православной культуры и подчас иррационального начала, то немецкая военная доктрина представляла собой его полную антитезу, будучи основанной на строго рациональных принципах, свойственных научному знанию[173]. Трагедию Российской императорской армии историк усматривал в упадке традиционных принципов и забвении суворовского наследия. Однако подлинная катастрофа, по его мнению, заключалась в том, что на смену духовному по своей природе военному искусству пришел германский научный академизм. Именно с этим процессом А. А. Керсновский связывал последовательный упадок и постепенное разрушение российской армии[174].

Формирование данной позиции историка, вероятно, было обусловлено не только катастрофическими событиями в масштабах страны, но и личным травматическим опытом. Как уже отмечалось, для русской военной мысли сама предпосылка материализма была глубоко чужда и противоестественна. С точки зрения А. А. Керсновского, русский солдат сражается с врагом исключительно чтобы победить, а не руководствуясь иными мотивами[175]. Венцом материалистического учения он полагал «”клаузевицко-ленинскую” теорию интегральной войны с ее терроризацией населения неприятельской страны»[176]. В. И. Ленин, как считал историк, был главным продолжателем дела К. фон Клаузевица. Октябрьская революция и установление террора стали логическим завершением этих теоретических принципов, которые А. А. Керсновский связывал с интегральностью К. фон Клаузевица. Этот террор, зачастую мало последовательный, нанес серьезный удар по семье Антона Антоновича.

[172] Керсновский А. А. Философия войны. М. : Изд-во Московской Патриархии, 2010. С. 136.
[173] Там же. С. 47.
[174] Там же. С. 48-49.
[175] Там же. С. 37.
[176] Там же. С. 137.

Следует отметить, что А. А. Керсновский трактовал теорию прусского военного теоретика Карла фон Клаузевица весьма произвольно. Это позволило ему осуществить интеллектуальный синтез концепций фон Клаузевица и В. И. Ленина. Однако в данном случае необходимо учитывать, что и сам лидер большевиков интерпретировал идеи прусского мыслителя с сугубо перспективистских – в терминологии И. Хладениуса – позиций. На этот факт, в частности, указывал французский философ Раймон Арон, подчеркивая, что для Ленина была принципиально важна классовая интерпретация взглядов фон Клаузевица, тогда как для самого прусского теоретика подобное наполнение его идей было бы некорректным в силу исторического дистанцирования и глубоко контекстуального характера его работ[177]. Более того, вопреки распространенным представлениям, фон Клаузевиц никогда не постулировал и не отстаивал концепцию «тотальной войны», то есть войны, свободной от политических ограничений[178]. Таким образом, попытка А. А. Керсновского объединить две теоретические системы основана на субъективной интерпретации текстов обоих авторов, не учитывающей исторический контекст их создания.

Эти события – террор, а особенно их массовость, сделали, по-видимому, из А. А. Керсновского непримиримого противника советской власти, определив его взгляды и дух нарративов, преисполненных монархических и консервативных идей. Последние стали для автора префигуративной матрицей, через которую он полагал свой нарратив, отбирая факты и суждения и интерпретируя их в своей манере.

Однако, помимо выраженных политических взглядов, эти идеи нашли также теоретико-методологическое проявление, которое, на мой взгляд, недостаточно было замечено в исследовательской литературе. Речь идет об антиконтекстуализме А. А. Керсновского, который ярко проявляется в анализе его отношения к «Науке побеждать» А. В. Суворова: «Для преподавания “Науки побеждать” в военных училищах надлежит учредить особую кафедру. Преподавать, конечно, без изуверского дословного толкования, но и без еретической поправки “на современные условия”»[179]. Таким образом, на методологическом уровне А. А. Керсновский выступал против эпистемологического контекстуализма. Это касается как прошлого, которое он не намерен интерпретировать в духе «дословного толкования», так и настоящего, когда он отвергает «поправки на современные условия».

Автор полагал, что возникшее однажды, как проявление гения, военное искусство, является вневременным, не контекстуальным, долженствующим проявляться только при наличии

[177] Aron R. Clausewitz, Philosopher of War. New York: Simon & Schuster, 1986. P. 272-277.
[178] Там же. P. 7.
[179] Керсновский А. А. Философия войны. М. : Изд-во Московской Патриархии, 2010. С. 139

«духовных очей», способных к пониманию сокровенного смысла суворовского искусства. Неспособность, отсутствие дарования, приводит к наивному представлению об основных военных принципах. Это военный историк демонстрировал на примере личности генерала М. И. Драгомирова, совершенно непонявшего великого русского полководца[180]. Преобладание материалистического подхода при недостатке духовного начала, за исключением отдельных военных деятелей, предопределило, согласно концепции историка, системный кризис русской армии, с которым она вступила в Первую мировую войну.

Состояние, в котором страна подходила к началу войны, для историка было признаком упадка. Он отмечал «изнашивание» имперской инерции, которая была привнесена в государственный организм Петром I. Империя в его представлении была противоестественной для русской почвы, не имевшей прочной основы, а значит, обреченной на крах с течением времени. Организм, использовал органисцистскую метафору Антон Антонович, требовал не просто устранения симптомов, но незамедлительного лечения. Необходимо было вернуться к основам духовного пути допетровской России, истинному самодержавию, как о нем рассуждали славянофилы[181]. Вместо этого правительство выбрало путь самоуничтожения, погрузившись в либерально-демократические реформы. Эта траектория развития, по мнению автора «Истории русской армии», была заранее обречена на провал[182]. Таким образом, А. А. Керсновский через свою историческую призму пролонгировал дискуссию «западников» и «славянофилов», поддерживая вторых, которые учитывали самобытность исторического пути России.

Одним из ключевых последствий избранного либерально-демократического курса, как подчеркивал историк, стало создание Государственной думы, которая, по его оценке, превратилась в «огромный клуб всероссийской оппозиции», чьим ориентиром служило практически все российское общество. А. А. Керсновский также полагал, что все либеральные институты – университеты и земства – носили антигосударственный характер. При этом, согласно его концепции, главной радикально-оппозиционной силой являлись не интеллигенция, буржуазия или студенчество, а пролетариат, находившийся под определяющим влиянием марксистов[183]. Кроме того, историк констатировал неспособность правительства к принятию решительных мер. События политической жизни, с точки зрения Керсновского, свидетельствовали о неизбежном крахе петровской империи, а государственная власть оказалась бессильной перед этим процессом, особенно после неудачи реформ П. А. Столыпина.

[180] Керсновский А. А. Философия войны. М. : Изд-во Московской Патриархии, 2010. С. 83.
[181] Керсновский А. А. История русской армии в 4 т. Т. 3 : 1881–1915 гг. М. : Голос. 1994. С. 6-7.
[182] Там же. С. 7.
[183] Там же. С. 121.

Аналогично кризисным явлениям в государственном управлении в армии наблюдались сходные процессы, связанные с ее реформированием. Автор выделяет три основных идейных течения, соответствовавших ключевым направлениям государственных преобразований: «рутенеры», стремившиеся сохранить существующее положение (главный представитель – военный министр В. А. Сухомлинов); «младотурки», аналогичные «западникам», выступавшие за преобразование армии по западноевропейским образцам; и «классики», по своему характеру напоминавшие «славянофилов» и ратовавшие за возрождение «русского национального военного искусства»[184]. По мнению автора, доминирующей группой, как по своему положению, так и по влиянию, были «рутенеры», что имело крайне негативные последствия для состояния армии. К этому противостоянию добавлялись другие внутренние конфликты.

Офицерский корпус, после поражения в русско-японской войне, делился на две большие группы. Первая состояла из старших военачальников, вторая – из молодых офицеров. Старшим офицерам были свойственны косность, упадочность и уныние, что, в свою очередь, передавалось на весь организм вооруженных сил. Молодая группа, напротив, была активной и деятельной, готовой к большой работе, но, будучи отстраненной от принятия основных управленческих решений, она не имела существенного влияния в тот момент. Это противостояние, однако, не ограничивалось лишь этими двумя группами. Автор также выделяет борьбу между великим князем Николаем Николаевичем младшим и В. А. Сухомлиновым. Эти два деятеля определили две важные эпохи в межвоенный период: великокняжескую (1905–1908) и сухомлиновскую (1908–1914)[185].

Антону Антоновичу принадлежит яркая характеристика обоих этих деятелей. Великого князя он считал человеком противоречивым и анархичным, что всегда негативно сказывалось на отношениях с императором. Эти качества, по мнению историка, предопределили его недолговечную «власть» в вооруженных силах. Образовав Совет Государственной обороны и выведя Главное управление Генерального штаба из прямого подчинения военного министра, великий князь и его сторонники лишь усилили анархию и беспорядок в и без того проблемном органе. Со сменой главенствующих лиц в вооруженных силах, обе реформы были ликвидированы. В отличие от этого, деятельность В. А. Сухомлинова, несмотря на некоторые отрицательные черты его характера, прежде всего легкомыслие, автор рассматривал как более удачную: «…Сухомлиновым был произведен ряд важных реформ. Как бы к ним не относиться,

[184] Керсновский А. А. История русской армии в 4 т. Т. 3 : 1881–1915 гг. М. : Голос. 1994. С. 143-144.
[185] Там же. С. 130

следует признать, что новый военный министр оказал русской армии огромную услугу, выведя ее из той анархии и маразма, в котором она пребывала»[186].

Интерес представляют характеристики, которые А. А. Керсновский давал военно-стратегической мысли предвоенного времени. По его мнению, эта мысль отражала общее упадочное состояние эпохи, характеризуясь отказом от инициативы и полной зависимостью от действий врага[187]. Такое несколько тенденциозное описание обусловлено тем, что историк рассматривал вооруженные силы через призму «упадка». Особенно это становится очевидным в контексте критики Ю. Н. Данилова, порой, не до конца необоснованной. Однако важно понимать, что такая критика исходила не из личных предвзятых оценок, а из более широкой концептуальной рамки. В данном случае она подчинена представлению о «упадке» вооруженных сил.

Это приводит к выявлению еще одной важной особенности историописания А. А. Керсновского – склонности к бинарным оппозициям, составляющим основу его теоретической конструкции. Противопоставления «расцвет – упадок» государства и армии, великокняжеских и сухомлиновских планов, борьбы низов и верхов в офицерской среде, противостояния «рутенеров», «младотурок» и «классиков» позволяли историку давать категоричные оценки действиям и личностям. Таким образом, теоретико-методологический подход А. А. Керсновского подчинял себе эмпирический материал источников, что становится очевидным при анализе его фундаментального труда «История русской армии».

Возвращаясь к стратегическим вопросам, выдвигаемым автором, следует отметить, что всю критику А. А. Керсновский направляет на записку Ю. Н. Данилова 1908 года, в которой рисуется война с широкими антироссийскими коалициями, при безучастии Франции, а также план стратегического развертывания 1910 года. Однако, историк практически не упоминал план развертывания войск на 1914 год, который, как известно, не исходил от записки 1908 года[188]. Этот факт может указывать на то, что А. А. Керсновский либо не располагал точной информацией о данном плане, либо сознательно избегал его обсуждения. Учитывая, что труды Ю. Н. Данилова, в которых детально рассматривался этот вопрос, уже были доступны на момент написания работы, скорее всего, историк осознанно опустил детали. Однако я полагаю, что в данном случае важную роль сыграла теоретическая призма, через которую автор анализировал материал, что позволило «процеживать» факты таким образом, чтобы они соответствовали концептуальной модели «упадка» вооруженных сил.

---

[186] Керсновский А. А. История русской армии в 4 т. Т. 3 : 1881–1915 гг. М. : Голос. 1994. С. 134.
[187] Там же. С. 145.
[188] Айрапетов О. Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917): 1914. Начало. М.: Кучково поле, 2014. С. 28-31.

Сопутствующей проблемой, подчеркиваемой А. А. Керсновским, была слабость материально-технического оснащения армии. Ко всем данным явлениям прибавлялось еще одно – внешнеполитическое, а именно – зависимость русской стратегической мысли от союзников. Оно начало сказываться с первых же дней развертывания вооруженных сил на передовом театре военных действий, под влиянием французских требований о начале российского наступления на Берлин, что лишь еще больше распыляло усилия командования на разных направлениях действий[189].

Интересно мнение историка относительно общих планов развертывания Российской императорской армии в начале войны. Он отмечал, что если «обстановка русского театра войны повелительно требовала наступления на Австро-Венгрию, то обстановка всей Мировой войны еще повелительнее требовала наступления на Германию»[190]. Таким образом Антон Антонович выступал сторонником двунаправленного стратегического развертывания армии, что сближало его позиции с Ю. Н. Даниловым[191].

Резюмируя оценку степени готовности российских вооруженных сил к мировой войне, следует отметить, что А. А. Керсновский выделяет два обобщающих фактора: материально-техническое состояние армии и ее моральный дух, воплощавшийся прежде всего в командном составе. По заключению историка, армия оказалась неготовой по обоим параметрам, что неизбежно должно было негативно отразиться на ведении боевых операций.

Рассматривая проявление данного методологического императива в описании конкретных событий войны, обратимся к первому крупному сражению – битве при Гумбиннене в ходе Восточно-Прусской операции. Как отмечает А. А. Керсновский, одержавшая победу 1-я армия под командованием генерала П. К. Ренненкампфа вместо активного преследования и уничтожения противника ограничилась сдержанным продвижением. Эта пассивность позволила немецким войскам оторваться и нанести скоординированный удар по оказавшейся в изоляции 2-й армии генерала А. В. Самсонова[192]. На этом примере Антон Антонович демонстрировал проявление императива упадка вооруженных сил, акцентируя внимание на действиях полководцев, но при этом игнорируя контекстуальные факторы, которые могли повлиять на принятые ими решения. Тем не менее, несмотря на поражение, одним из главных итогов сражения стало спасение союзника России – Франции, что имело огромный политический стратегический успех.

[189] Керсновский А. А. История русской армии в 4 т. Т. 3 : 1881–1915 гг. М. : Голос. 1994. С. 180.
[190] Там же. С. 181.
[191] Данилов Ю. Н. Россия в мировой войне 1914-1915 гг. Берлин : Слово, 1924. С. 92-95.
[192] Керсновский А. А. История русской армии в 4 т. Т. 3 : 1881–1915 гг. М. : Голос. 1994. С. 185-187.

Другим проявлением «упадочности» в ходе данной операции стал географический детерминизм, присущий Ставке Верховного главнокомандующего. Историк замечал: «Весь смысл войны Ставка видела во владении территорией и захвате географических объектов. Эта ересь была характерной для всей русской стратегии Мировой войны и вела к тому, что войска крепко пришивались к занимаемому им району. Это “ни шагу назад” исключало всякий маневр, делало невозможным заблаговременное парирование, приводило в конце концов к разгрому живой силы и, как неизбежное последствие, утрате той территории, для сохранения которой и приказывалось стоять и умирать»[193]. Данное утверждение представляется не вполне последовательным, особенно в свете успешных маневренных операций в Польше, описанных генерал-квартирмейстером Ю. Н. Даниловым[194]. В этой связи мы вновь наблюдаем влияние методологического императива А. А. Керсновского, в системе которого географический детерминизм выступает как один из определяющих факторов стратегии русской армии в годы Первой мировой войны. Данный пример демонстрирует, как теоретическая установка историка доминирует над многообразием исторического материала.

Галицийская битва была, с точки зрения историка, для Российской императорской армии более успешной операцией. В ее ходе русским войскам удалось нанести фланговый удар и разгромить основные силы австро-венгерской армии, наступавшей в Привислинский край, с последующим ее вытеснением из Галиции («Червоной Руси»). Достигнутая победа во многом стала следствием превосходства в оперативном искусстве со стороны командования Юго-Западного фронта, а именно начальника штаба М. В. Алексеева. По оценке историка, его «глазомер» превзошел «натиск» генерала Конрада, что терминологически отсылает к суворовской «Науке побеждать». Однако, несмотря на захват значительных трофеев, А. А. Керсновский и в данном случае вновь актуализировал свой оценочный «императив», характеризуя победу как «посредственную», «вымученную» и «тусклую»[195].

Подобные выводы, репрезентированные в последующих главах его «Истории русской армии», закономерно ставят вопрос об их адекватности применительно к анализируемым операциям. Представляется, однако, что прямой пересмотр этих оценок на основе недоступных А. А. Керсновскому архивных материалов (приказов, донесений) не является плодотворным, поскольку его выводы детерминированы не столько источниковой базой, сколько индивидуальной, во многом субъективной, исследовательской парадигмой. Следовательно,

[193] Керсновский А. А. История русской армии в 4 т. Т. 3 : 1881–1915 гг. М. : Голос. 1994. С. 196.
[194] Данилов Ю. Н. Россия в мировой войне 1914-1915 гг. Берлин : Слово, 1924. С. 198-244.
[195] Керсновский А. А. История русской армии в 4 т. Т. 3 : 1881–1915 гг. М. : Голос. 1994. С. 216-218.

критика, основанная на новых данных, была бы некорректна, так как опровергает не фактическую сторону его труда, а его собственную интерпретацию.

Для реконструкции методологической позиции А. А. Керсновского исследователю необходимо обратиться к его труду «Философия войны», который служит ключом к интерпретации его более известной «Истории русской армии». Именно в «Философии войны» эксплицировано фундаментальное основание его подхода: анализ событий Первой мировой войны осуществлялся им сквозь призму военных доктрин последней трети XVIII века[196]. Такой методологический ход имплицирует признание выводов военных теоретиков того периода универсальными и вневременными.

Подобная позиция, однако, порождает ряд имманентных вопросов, остающихся за рамками работ А. А. Керсновского. В какой степени сохраняют свою эвристическую ценность концепции авторов более ранних эпох? И, напротив, насколько доктрины XVIII века сами были детерминированы наследием предшественников? Эти вопросы, отнюдь не умозрительные, вытекают из внутренней логики рассуждений самого историка.

Основная же проблема столь категоричных оценок А. А. Керсновского заключается в самой применимости парадигмы XVIII столетия к анализу войны принципиально иного типа. Войны эпохи Просвещения характеризовались действиями ограниченных по численности профессиональных армий на единой операционной линии, стратегической целью которой было генеральное сражение. В этом конфликте явственнее всего проявляется оперативный уровень противостояния, которому свойственно увеличение пространства и появление категории времени важного для его заполнения[197]. Битвы – операции, ведутся в XX веке не в одной точке, а во многих, раскинутых на многокилометровом фронте. Эти условия задавали совершенно иные перспективы действий, не свойственные войнам прошлого. Можно предположить, что данное методологическое упущение историка отчасти обусловлено отсутствием у него личного опыта командования крупными войсковыми соединениями – опыта, которым обладали некоторые из критикуемых им военных деятелей (например, Ю. Н. Данилов).

К началу 1915 г. Российская императорская армия столкнулась с системным кризисом снабжения, выразившимся в острой нехватке основных видов вооружения, прежде всего артиллерийских снарядов и стрелкового оружия. В данной оперативной обстановке Ставка Верховного главнокомандующего, при ключевой роли генерала Ю. Н. Данилова, приступила к разработке планов кампании на новый год. А. А. Керсновский в своем нарративе дал резко негативную оценку этим усилиям, утверждая, что генерал-квартирмейстер в условиях отсутствия

[196] Керсновский А. А. Философия войны. М. : Изд-во Московской Патриархии, 2010. С. 85.
[197] Иссерсон Г. С. Эволюция оперативного искусства. М. : Гос. воен. изд., 1932. С. 19-23.

четкой стратегической позиции со стороны номинального главнокомандующего великого князя Николая Николаевича принял решение о повторном вторжении в Восточную Пруссию[198]. Военный историк не вдавался в аргументацию подобного решения, которое было обусловлено насущными стратегическими соображениями, в частности неудачной конфигурацией фронта для обороны и уязвимостью линий коммуникаций и узлов снабжения.

Реализации русского плана помешал упреждающий удар германских войск, приведший к разгрому 10-й армии в Мазурском сражении в январе 1915 г. Однако, стремясь стабилизировать фронт, армии Северо-Западного фронта нанесли контрудар по вклинившейся германской группировке и в ходе Праснышской операции отбросили противника с территории Российской империи. По оценке крупного военного специалиста и историка А. М. Зайончковского, это поражение германских войск не позволило им «развить крупный тактический успех в операцию глубокого обхода правого фланга русских»[199]. Следствием этого являлась переработка немецким командованием своих планов на кампанию 1915 года на восточном фронте, сыгравшая важное положительное значение для русских войск. Однако, А. А. Керсновский не приводил подобных рассуждений, причиной чего могут быть два субъективных фактора: недостаточность хорошего военного оперативно-стратегического опыта у автора, либо – несоответствие данных суждений императиву нарратива.

В марте 1915 года русские армии добились триумфа, овладев Перемышлем, крупнейшей австро-венгерской крепостью в Галиции, а также преодолев основные карпатские перевалы. Однако, несмотря на эти успехи, захват венгерской равнины оказался невозможным для российских войск.

В дальнейшей перспективе, с учетом развернувшихся масштабных сражений на Кавказском театре военных действий, именно туда, по мнению А. А. Керсновского, следовало перенести основные усилия русской армии. Он полагал, что без предварительного вывода из войны Османской империи «нечего было и надеяться на сокрушение Германии и Австро-Венгрии»[200]. Данный тезис акцентирует исключительную важность, по его оценке, данной стратегической задачи. Вместе с тем, как отмечал историк, Ставка Верховного главнокомандования воздерживалась от планирования десантной операции с целью овладения Константинополем, что свидетельствовало, в его интерпретации, о неспособности руководства транслировать политические цели в область конкретной стратегии. Таким образом, эта ситуация

[198] Керсновский А. А. История русской армии в 4 т. Т. 3 : 1881–1915 гг. М. : Голос. 1994. С. 253.
[199] Зайончковский А. М. Мировая война 1914–1918 гг. : в 2 т. Т.1 Кампании 1914–1915 гг. М. : Гос. воен. изд., 1938. С. 260
[200] Керсновский А. А. История русской армии в 4 т. Т. 3 : 1881–1915 гг. М. : Голос. 1994. С. 270.

представлялась А. А. Керсновскому еще одним свидетельством системного кризиса как вооруженных сил, так и государственного управления Российской империи.

В апреле австро-германские войска прорвали российский фронт под Горлице, что привело к медленной эрозии всего русского фронта и в конечном итоге переросло в Великое отступление 1915 года. Стратегические ошибки германского командования, действия отдельных русских генералов, а также самоотверженность гарнизона Осовца сыграли решающую роль в том, что Российской императорской армии удалось в августе 1915 года выйти из так называемого «польского мешка»[201].

Ухудшение военно-стратегической ситуации на фронте, по словам А. А. Керсновского, привело к потере боевого духа у Ставки и вызвало решение о непродуманной эвакуации населения вглубь России. Как отмечал историк: «Ставка надеялась этим мероприятием “создать атмосферу 1812 года”, но добилась как раз противоположных результатов»[202]. Данное мнение является дискуссионным, поскольку Ю. Н. Данилов, выразитель позиции 1-го состава Ставки, во всех своих работах отмечал пагубность возникновения подобных исторических параллелей[203]. Наоборот, он отмечал изменившийся контекст двух войн, делавших большое отступление вглубь страны невозможным. Такие сравнения приходили в голову гражданским лицам, нежели профессиональным военным штабным работникам.

Тем не менее, А. А. Керсновский приходил к выводу, что Ставка утратила «нити управления» ситуацией на фронте, что создавало реальную угрозу его коллапса. В этом контексте вступление Николая II в должность Верховного главнокомандующего представлено в его труде как мера, спасшая армию от разгрома. Данная историографическая позиция примечательна тем, что А. А. Керсновский выступал одним из главных в эмиграции апологетов тезиса о «спасении» армии императором. Речь, подчеркнем, идет не о военно-стратегических решениях нового главкома, а исключительно о моральном эффекте его назначения. Однако конкретные механизмы этого влияния оставались нераскрытыми, поскольку сам историк констатировал отсутствие у Николая II военных талантов и отмечал, что «армия отнеслась к смене Верховных скорее безучастно»[204]. Таким образом, целесообразность замены популярного главнокомандующего, великого князя Николая Николаевича, на фигуру императора, лишенную, по оценке самого автора, реального оперативного влияния, предстает в изложении А. А. Керсновского внутренне противоречивой и методологически необоснованной.

[201] Керсновский А. А. История русской армии в 4 т. Т. 3 : 1881–1915 гг. М. : Голос. 1994. С. 304.
[202] Там же. С. 305.
[203] Данилов Ю. Н. На пути к крушению. М. : XXI век — Согласие, 2000. С. 176.
[204] Керсновский А. А. История русской армии в 4 т. Т. 3 : 1881–1915 гг. М. : Голос. 1994. С. 307.

Фактически, командовать всей Российской императорской армией на фронте боевых действий предстояло начальнику штаба – М. В. Алексееву. Осенью русские войска остановили противника, но главным результатом «упадочного» командования прошлой Ставки стало уничтожение кадровой армии и превращение ее в ополчение[205].

Всю зиму шла подготовка армии к новым боевым операциям, однако уровень боеготовности частей продолжал падать, особенно это касалось новых подразделений, укомплектованных преимущественно новобранцами срока 1919 года и «белобилетчиками». Особенно печальную ситуацию отмечал военный историк с подготовкой личного состава. Главная критика при этом адресовывалась Ставке, неспособной составить никаких боевых наставлений на основе опыта войны[206]. Критика обрушивалась даже на самую обычную и распространенную практику подсчета вражеских сил на фронте. Антон Антонович считал эту практику глубоко неправильной по смыслу – подсчет сил противника нужно было вести по дивизиям, а не по личному составу частей; и более жестко – откровенно рудиментарной, и ненужной, заявляя: «лучше – не считать врага, а бить его»[207]. В сущности, эта практика, как и все предыдущие, выявившиеся в период войны, были для него свидетельством упадка «петровской армии».

В тоже время ситуация со снабжением артиллерийскими боеприпасами, а также с производством тяжелых орудий, гаубиц и минометов – новинок этой войны – улучшилась. Основная заслуга в этом, по мнению историка, принадлежала государственным предприятиям, а не либеральным военно-промышленным комитетам. В то же время ситуация с обеспечением винтовками и авиационной техникой оставалась по-прежнему плачевной[208].

В данной оперативной обстановке российское командование испытывало значительное давление со стороны союзников по Антанте, в первую очередь Франции, которые настаивали на проведении Российской императорской армией решительных наступательных операций. Именно в этих условиях, по оценке А. А. Керсновского, проявилось наиболее уязвимое качество начальника штаба Ставки М. В. Алексеева – нерешительность[209]. Наряду с этим историк указывал на низкие боевые качества значительной части высшего командного состава армии. Особенное неприятие у него вызвало назначение генерала А. Н. Куропаткина на пост командующего Северным фронтом. Примечательно, что это кадровое решение было принято по прямому распоряжению императора Николая II, что давало основания для выводов о

[205] Керсновский А. А. История русской армии в 4 т. Т. 3 : 1881–1915 гг. М. : Голос. 1994. С. 318.
[206] Там же. С. 7.
[207] Там же. С. 10.
[208] Там же. С. 13-16.
[209] Там же. С 119.

дестабилизирующем влиянии монарха на армейское управление. Хотя в терминологии А. А. Керсновского подобный факт мог бы трактоваться как свидетельство системного «упадка» вооруженных сил, он, несмотря на свои монархические убеждения, ограничился в данном случае лишь констатацией и сожалением, не раскрывая полноты последствий этого назначения.[210].

21 февраля 1916 года германская армия начала наступление под Верденом с целью истощить людские и материально-технические резервы французов. Первые успехи немецких войск и полная обескураженность французского военного командования привели к очередным просьбам о помощи к русской армии. Историк справедливо отмечал, что просьба об отвлекающем наступлении была нарушением принятой в Шантильи конвенции о планах боевых операций на 1916 год. Российской армии предстояло нанести неподготовленный удар за три месяца до изначально спланированного наступления. В марте началось печально известное «Нарочьское побоище», обошедшееся двум фронтам в 150 000 человек погибшими и раненными. Французский Верден был спасен. Однако столь огромные потери войск за пять дней атак произвели удручающее влияние на командующих фронтов – А. Н. Куропаткина (Северный фронт) и А. Е. Эверта (Западный фронт). Они полностью потеряли боевой дух и в летней кампании 1916 года фактически оставили фронт генерала А. А. Брусилова в одиночестве[211].

В этих условиях командующий Юго-Западным фронтом А. А. Брусилов был единственным, по мнению военного историка, решительным полководцем на всем российско-германско-австрийском фронте, осмелившимся убедить пассивную Ставку в необходимости наступать. Общий стратегический замысел летней наступательной кампании был следующим: «Юго-Западному фронту надлежало открыть кампанию демонстрацией из Ровненского района. Решительное же наступление должно было состояться к северу от Полесья. Западному фронту – нанести главный удар из Молодеченского района на Ошмяны и Вильну, Северному фронту – вспомогательный удар из Двинского района на Свенцяны. Эверту надлежало бить, Куропаткину – помогать, Брусилову – демонстрировать»[212]. Однако, Антон Антонович отмечал важную психологическую черту двух русских командующих фронтами (Северного и Западного): они ужасно боялись решительных боевых операций. Эти психологические мотивы надломили их, подчинили их волю, поэтому и действия их войск были такими же надломленными и нерешительными. Другой вид приобрели бои в полосе действий Юго-Западного фронта, вошедшие в мировую историю под названием «Брусиловский прорыв». А. А. Керсновский

[210] Керсновский А. А. История русской армии в 4 т. Т. 3 : 1881–1915 гг. М. : Голос. 1994. С. 25-27.
[211] Там же. С. 29-31.
[212] Там же. С. 32.

подробно рассказывал о ряде боевых операций, составивших этот прорыв. Остановлюсь только на наиболее важных моментах, хорошо иллюстрирующих мысль автора об этих событиях.

Первое, что отмечал историк, операция фронта А. А. Брусилова была четко подчинена воле Ставки, а потому изначально организовывалась как демонстративный, отвлекающий удар, а потому и ограниченный в своих изначальных целях. Комфронта был учтен богатый опыт мировой войны с учетом боев на французском и русском театрах боевых действий. В связи с этим Алексей Алексеевич принял решение об отказе от массирования сил в один «кулак» в пользу ряда локальных прорывов в полосе каждой из подчиненных ему армий. Кроме того, принимая во внимание материально-техническую слабость русских войск, было решено отказаться от длительной артиллерийской подготовки, ограничившись коротким, но мощным артиллерийским ударом, что способствовало достижению тактической внезапности[213].

Вследствие тяжелого поражения итальянских союзников наступление Юго-Западного фронта началось досрочно, однако оно достигло значительных успехов. В ходе операции обозначились два основных направления – на Луцк и на Ковель, причем последнее вскрыло ключевую стратегическую проблему всего наступления. А. А. Брусилов и начальник штаба Ставки М. В. Алексеев ошибочно признали Ковельское направление главным, что впоследствии привело к крупным стратегическим просчетам. В болотисто-лесистой местности вокруг этого важного логистического узла были скованы и понесли значительные потери крупные силы российских войск, включая элитный Гвардейский корпус. Дабы мотивировать это решение двух генералов, А. А. Керсновский обращался к мнению знаменитого отечественного военного теоретика А. А. Свечина, служившего в рядах РККА. Последний полагал, что причиной стала обеспокоенность А. А. Брусилова уязвимостью своего правого фланга для немецкого контрудара из района Ковеля, что и побудило его считать овладение этим городом первостепенной задачей[214]. Только в сентябре, спустя три месяца боев, Ставка предложила командующему Юго-Западного фронта перенести главный удар южнее, в зону действий «российских младотурков», добившихся больших успехов с ограниченными силами. Но Алексей Алексеевич пренебрег этим мнением вышестоящего начальства, что также являлось важной чертой «упадочности» армии того времени, и продолжил атаки на ковельскую крепость[215].

Оценивая итоги прорыва, А. А. Керсновский акцентировал внимание на тщетности тех усилий, которые были принесены прекрасными войсками Юго-Западного фронта. Потеряв 750 000 человек личного состава убитыми и раненными, армии фронта так и не смогли достичь

[213] Керсновский А. А. История русской армии в 4 т. Т. 3 : 1881–1915 гг. М. : Голос. 1994. С. 37.
[214] Керсновский А. А. История русской армии в 4 т. Т. 4 : 1915–1917 гг. М. : Голос. 1994. С. 43.
[215] Там же. С. 90.

большого стратегического успеха, а именно – вывода Австро-Венгрии из войны. Никакие тактические успехи: завоевание Буковины, 420 000 пленных солдат и офицеров неприятеля, большие материально-технические трофеи, отвлечение германских войск с французского фронта и австро-венгерских – с итальянского и даже вступление в войну Румынии, не могли перевесить тяжесть потерь самых опытных кадров бойцов и сохранение, пусть и ослабленной, Дунайской монархии в войне[216].

С точки зрения историка, причины стратегического провала были характерны для императорской армии в состоянии кризиса: ошибочные решения Ставки, выразившиеся в изначальном планировании главного удара на Западном фронте; упорство как Ставки, так и А. А. Брусилова в нанесении главного удара на самом укрепленном участке – в направлении Ковеля; а также неэффективное использование кавалерии, которую не применяли для развития первоначального успеха[217].

Вступление Румынии в войну на стороне Антанты открывало, по мнению историка, новые стратегические перспективы. А. А. Керсновский настойчиво указывал на возможность окружения двух австро-венгерских армий на крайнем правом фланге всего фронта. Для реализации этого замысла требовалась, по его выражению, «небольшая интуиция», которой, как он полагал, недоставало начальнику штаба Ставки М. В. Алексееву, олицетворявшему собой «упадочность» военного управления. Автор отмечал, что М. В. Алексеев видел во вступлении Румынии лишь негативные последствия: удлинение линии фронта, необходимость оказания помощи новому союзнику и нагрузку на российскую транспортную систему[218].

Однако вскоре, вследствие просчетов в оперативном планировании и переоценки собственных сил, румынская армия потерпела поражение и была вынуждена отступать на восток, под прикрытие русских войск. Для обороны на новом рубеже был создан Румынский фронт, более половины сил которого составили русские соединения. Эта победа Центральных держав, как подчеркивал А. А. Керсновский, придала им уверенности, вплоть до попытки предложить Антанте мирные переговоры в декабре 1916 года, которые, однако, были отвергнуты, и война продолжилась.

Среди всех театров военных действий Первой мировой войны, где сражалась Россия, Кавказский фронт, по оценке А. А. Керсновского, являлся единственным, на котором проявилось подлинное русское военное искусство. Эта характеристика связана с деятельностью генерала Н. Н. Юденича, последовательно занимавшего посты командующего Кавказской армией, а затем

[216] Керсновский А. А. История русской армии в 4 т. Т. 4 : 1915–1917 гг. М. : Голос. 1994. С. 96-97.
[217] Там же. С. 97-98.
[218] Там же. С. 99-100.

– Кавказским фронтом. Его победы над превосходящими османскими силами под Сарыкамышем и Эрзурумом были достигнуты не только благодаря личному таланту и высокой стойкости войск, но и вследствие следования принципам традиционного русского военного искусства и отказа от «псевдонаучного рационализма»[219].

При этом А. А. Керсновский не давал развернутого определения «русскости» в военном деле, полагая, что ее подлинная сущность доступна лишь тому, кто обладает особым, «духовным» восприятием, недоступным для формального анализа[220]. Ярким проявлением этого искусства он считал штурм Эрзурума, в ходе которого Н. Н. Юденич сумел убедить главнокомандующего Великого князя Николая Николаевича рискнуть на решительную атаку в высокогорных зимних условиях. Противник, не ожидавший удара в столь сложной обстановке, был разгромлен. По мнению автора, эти действия, противоречившие сугубо рационалистическому подходу (поскольку последний исключал бы наступление в столь неблагоприятных условиях), стали триумфом нерационалистической русской военной школы и ее главным достижением за всю войну.

Описанием успехов Н. Н. Юденича А. А. Керсновский предварял свою резкую критику в адрес большей части российского генералитета, который, по его мнению, утратил понимание истинных основ национального военного искусства.

В условиях крупных военных и политических просчетов и проблем внутри государства были силы, всячески усугублявшие положение и без того непрочной империи. Таких групп, Антон Антонович, выделял три. Каждая из них исходила из своих причин деятельности, имела свои отличительные особенности подрывной деятельности и состояла из разных людей. Первая, по выражению автора: «придворные круги – уклонявшиеся от фронта великие князья и представители “высшего света”. Их интриги были направлены особенно против царствовавшей Императрицы. Предметом их мечтаний был дворцовый переворот – устранение Государя и, во всяком случае, Государыни, а предельным их достижением отвратительное и бессмысленное убийство Распутина»[221]. Вторая группа – либерально-буржуазная общественность, деятели Государственной думы, Земгора и Военно-промышленного комитета. Эти люди, составлявшие богатейшее сословие страны, использовали все свое влияние для дискредитации власти и привлечения на свою сторону малограмотной в политических вопросах армии в лице ее высшего офицерства. Лидерами группы являлись виднейшие думские политики, составившие «триумвират» «Родзянко – Львов – Гучков». Историк прямо заявлял, что все самые

[219] Керсновский А. А. История русской армии в 4 т. Т. 4 : 1915–1917 гг. М. : Голос. 1994. С. 162.
[220] Керсновский А. А. Философия войны. М. : Изд-во Московской Патриархии, 2010. С. 138.
[221] Керсновский А. А. История русской армии в 4 т. Т. 4 : 1915–1917 гг. М. : Голос. 1994. С. 237.

высокопоставленные лица вооруженных сил были под контролем этих трех деятелей и ждали отмашки для начала «переворота», который не состоялся лишь из-за болезни начальника штаба Ставки М. В. Алексеева[222]. Третья группа – германо-большевистская. Главой ее был В. И. Ленин, желавший установления социалистической власти сначала в России, а потом во всем мире. Основной состав этой группы: политические эмигранты и революционные подпольщики в России[223].

Расшатанная власть не могла оказать серьезной конкуренции этим группам, она сама по себе являла собой стадию «упадка», как и вооруженные силы страны. В политическом классе отсутствовали сильные фигуры, подобные убитому в 1911 году П. А. Столыпину. Верхи интеллигенции вели праздный образ жизни, прикрываясь броней от фронта. Крестьянство было «развращено» огромными доходами от войны, обусловленными подорожанием хлеба[224]. В вооруженных силах происходила эрозия офицерского корпуса из-за тяжелых потерь, солдаты не понимали целей войны, а транспорт был полностью расстроен.

События Первой мировой войны неотделимы от двух русских революций, рассмотрение которых является логически необходимым для целостности авторской концепции. В конце февраля 1917 года под влиянием большевистской агитации, поддерживавшейся германским правительством, в Петрограде начались массовые забастовки. А. А. Керсновский утверждает, что стремление объяснить растущие народные выступления «нехваткой хлеба» было обусловлено не столько реальной ситуацией, сколько особым складом мышления («психологией каптенармусов») – имея в виду нестроевых офицеров, склонных сводить любые проблемы к дефициту и неспособных к применению жестких мер, что лишь усиливало протестную активность[225].

В этих условиях, для либеральной оппозиции непредсказуемых, ее лидер М. В. Родзянко принял решение действовать и «превратить бунт в революцию»[226]. Так автор представлял картину перевода неорганизованных бунтов в организованную революцию под руководством буржуазии. На стороне либеральных революционеров, как уже было отмечено, находилась верхушка русского генералитета, готовая поддержать их в нужный момент. В результате искусной манипуляции М. В. Родзянко, который не поставил в полную известность о своих планах даже ближайших сподвижников, 3 марта 1917 года Николай II отрекся от престола сначала за себя, а после консультаций с лейб-медиком и за своего сына. Подобная интерпретация событий стала ярким вызовом старому генералитету, главным представителем которого за рубежом оказался великий

[222] Керсновский А. А. История русской армии в 4 т. Т. 4 : 1915–1917 гг. М. : Голос. 1994. С. 237-241.
[223] Там же. С. 241-242.
[224] Там же. С. 245.
[225] Там же. С. 256-257.
[226] Там же. С. 258.

князь Николай Николаевич младший, а также Ю. Н. Данилов. К работам последнего обратимся в следующей главе, где будет представлена позиция либерально-демократических сил в историографии Мировой войны и революций 1917 года.

После описанных событий ситуация вступила в свою завершающую фазу. Внутренняя логика упадка, определяющая авторское повествование, достигла в этот период своего логического завершения, что выражено в характеристике А. А. Керсновского: «Россия рухнула в бездну»[227]. Любые попытки стабилизировать положение оказывались бессильны перед неумолимой логикой стремительного развития кризиса. Наступательные операции, предпринятые после издания Приказа №1 Петроградским Советом, были изначально обречены, поскольку к этому времени была деморализована сама армия. В этих условиях, по оценке историка, в стране оставалось лишь две фигуры, пытавшиеся кардинально изменить ситуацию в противоположных направлениях: Л. Г. Корнилов и В. И. Ленин. Провал выступления первого нанес армии окончательный удар и открыл путь к власти большевикам под руководством второго[228].

Интересны размышления историка о причинах гибели армии и империи Петра Великого. Он уподоблял оба института – вооруженные силы и государство – организму, в котором с течением времени иссякли жизненные силы, выраженные, прежде всего, в «силе духа». Вместе с упадком духа происходит и упадок интеллектуальных сил, что проявлялось в отсутствии творческой интуиции, «путеводной звезды» Российской монархии и армии, заключенной в национальном естестве государственной и военной мысли[229]. Эта традиционная основа заменяется тем, что автор называл материализмом и позитивизмом, идеями, полностью противоречащими самой национальной почве империи и ее вооруженных сил. Виновниками этих процессов, по мнению автора, были представители высшего класса страны – император, проявивший слабость в решающий момент истории; «растерявшиеся сановники», не предвидевшие революции; «предатели-политиканы», стремившиеся достичь своих эгоистических целей, и «недостойные военачальники», которые, несмотря на искреннее желание служить Родине, оказались игрушками в руках вторых[230].

Подведем итоги анализа концепции А. А. Керсновского, изложенной в его «Истории русской армии». В условиях недоступности многих архивных материалов системообразующую роль в его работе сыграла центральная идея, определившая логику интерпретации событий Первой мировой войны. Этой идеей стал тезис о неуклонном упадке двух ключевых институтов,

[227] Керсновский А. А. История русской армии в 4 т. Т. 4 : 1915–1917 гг. М. : Голос. 1994. С. 266.
[228] Там же. С. 318.
[229] Там же. С. 322.
[230] Там же. С. 326-327.

созданных Петром Великим, – государства и армии. Во всех событиях предвоенного и военного периода историк усматривал проявление системного кризиса имперского организма, вызванного, с одной стороны, истощением «живительного духа» – духовных сил нации, а с другой – деградацией интеллектуальной элиты, подвергшейся влиянию западных материалистических и позитивистских учений XIX века.

Важно отметить, что автор отдавал себе отчет в методологических сложностях своей работы. Как он сам писал: «” История русской армии” писалась в тяжелых условиях изгнания. Погрешности были неизбежны, и их оказалось немало. Закончим же нашу летопись словами инока Лаврентия: “Господа отцы и братья! Если где-либо я описался и переписал, или не дописал, читайте и исправляйте ради Бога и не кляните, ибо книги ветхи, а ум молод и не дошел ...”»[231]. Эта цитата показывает, что Антон Антонович ясно понимал проблемы, связанные с его главным историческим трудом. Он осознавал не только фактические ошибки своего нарратива, но и более глубокие проблемы, выраженные в «молодости ума», не дошедшего до полного понимания истинности рассматриваемых событий. Именно эта «молодость ума», понимаемая как становящийся, а не завершенный характер исследовательской мысли, и выступает в данном исследовании тем организующим началом, которое следует определить как личный нарративный императив автора.

Таким образом, анализ А. А. Керсновского представляет сложную и многомерную картину участия России в Первой мировой войне, интерпретированную через призму упадка империи. Повествовательная логика историка выстроена вокруг исследования морального и интеллектуального состояния армии и государства, подчиняя все рассматриваемые процессы общей концепции органического упадка. Через призму института армии, специфики военного искусства и философской критики наследия Клаузевица он объяснял национальную трагедию, коренившуюся, по его мнению, в неготовности страны к вызовам современной войны и утрате ею суверенитета в сфере военной мысли, подчинившейся западной материалистической рациональности. Именно данные размышления автора и составляют его pbf – идея упадка имперской государственности России как следствие интеллектуальной зависимости от западной мысли. Данная pdf позволяла историку охватить большое число фактов военной истории России не только начала XX в., но и всего имперского периода времени.

А. А. Керсновский рассматривал идею упадка как движущую силу и основную причину внутриполитической и военной катастрофы, связывая ее со сменой духовных ориентиров и отказом от принципов традиционного русского военного искусства домодерного периода.

[231] Керсновский А. А. История русской армии в 4 т. Т. 4 : 1915–1917 гг. М. : Голос. 1994. С. 332.

Центральное место в его построениях занимало противоречие между православно-духовным подходом к военному делу и рационалистической, «научной» парадигмой, заимствованной у западных теоретиков. Именно этот методологический конфликт, в рамках которого «духовное» начало русской армии противопоставлялось холодному западному рационализму, становилось стержнем его историографической концепции.

При этом А. А. Керсновский критиковал не только «глупые» действия военного командования, но и внешний контекст, в который были втянуты российские вооруженные силы. Для него трагедия заключалась не только в военных неудачах, но и в общем упадке общества, неспособного сопротивляться внешним и внутренним угрозам. Он подчеркивал ошибочность политики русского командования, которое слишком часто следовало за западными образцами, игнорируя национальную специфику и душу русского народа. Это приводило его к жесткой критике либеральной и буржуазной элиты, а также самих высших офицеров, которые не смогли понять истинный дух русской армии.

Таким образом, нарратив А. А. Керсновского отражал глубокий трагизм конца Российской империи и ее вооруженных сил, связанный с тем, что армия и государство не смогли адаптироваться к новой исторической реальности, отвергнув свою традицию в пользу западных теорий и методов.

1.3. Первая мировая война в работах Ю. Н. Данилова.

Юрий Никифорович Данилов, в начальный период Первой мировой войны (1914–1915) оказывал существенное влияние на ключевые решения Ставки, что придает его трудам особую ценность как источнику стратегических замыслов. Родился в Киеве в военной семье, окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1892). До войны занимал высокие административно-штабные должности, включая должности начальника отделения Главного управления Генштаба (1905) и генерал-квартирмейстера Генштаба (1908)[232].

В условиях сумбурных реформ и частой смены руководства после Русско-японской войны он фактически стал одним из главных архитекторов мобилизационных планов, стратегического развертывания и первоначальных боевых операций[233].

С началом войны Ю. Н. Данилов занял пост генерал-квартирмейстера штаба Верховного главнокомандующего. Согласно Военной энциклопедии, эта должность традиционно предполагала преимущественно логистические и хозяйственные функции: руководство осмотром

[232] Данилов Юрий Никифорович [Электронный ресурс] // Хронос: всемирная история в интернете. — URL: https://www.hrono.ru/biograf/bio_d/danilov_yu.php (22.08.24)
[233] Керсновский А. А. История русской армии в 4 т. Т. 3 : 1881–1915 гг. М. : Голос. 1994. С. 131-133.

местности, расположением войск и возведением укреплений[234]. Однако из-за сложившихся организационных обстоятельств и недочетов начальника штаба ВГК генерала Н. Н. Янушкевича именно Данилов стал ключевым субъектом оперативно-стратегического планирования, все чаще принимая решения, выходившие за рамки тыловых вопросов. Осознавая свое положение, генерал-квартирмейстер реже ограничивался чисто тыловыми вопросами и все чаще принимал ключевые решения, формулируя основные стратегические решения[235].

Современники отмечали в нем сочетание выдающихся профессиональных качеств и личных черт, вызывавших критику. По словам П. К. Кондзеровского, Данилов: «занял в нашем Штабе более возвышенное положение, чем ему полагалось»; его считали умным, но склонным к самоуверенности, порой изображавшим из себя гения[236]. А. Д. Бубнов также подтверждал его компетентность и высокую самооценку[237].

В дальнейшем нам предстоит четко определить «границы» компетентности и военные, а также, шире, общие взгляды Юрия Никифоровича, дабы понимать суть его суждений и высказываемых идей.

С августа 1915 года Ю. Н. Данилов был назначен командующим 25-м армейским корпусом, а через год – начальником штаба командующего Северным фронтом. После февральской революции занял должность командующего 5-й армии, в должности которого проявил решительность и добился некоторых успехов в борьбе с «демократизацией» армии. После октябрьского переворота в течение короткого времени сотрудничал с большевиками, но после отвергнутых планов преобразований вооруженных сил ушел в отставку и присоединился к белым. В 1920-м году эмигрировал из страны и обосновался в Париже[238]. На чужбине он стал одним из заметнейших военных публицистов, активно сотрудничал с эмигрантской прессой и был постоянным колумнистом «Часового».

Для более глубокого понимания мировоззрения Ю. Н. Данилова и его концептуальных основ – матрицы – целесообразно обратиться к, на первый взгляд, неочевидному историографическому источнику. Проиллюстрируем это следующим положением из классического исследования В. Герлица: «<…> Шарнхост ясно представлял, что создание

---

[234] Военная энциклопедия : в 8 т. Т. 7 / М-во обороны Российской Федерации, Ин-т воен. истории ; гл. ред. комис.: П. С. Грачев (пред.) [и др.]. Москва, 2003. С. 230.
[235] Айрапетов О. Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917): 1914. Начало. М.: Кучково поле, 2014. С. 134.
[236] Кондзеровский П. К. В Ставке Верховного, 1914-1917 : Воспоминания дежурного генерала при Верховном Главнокомандующем. Париж, 1967. С. 23.
[237] Бубнов А. Д. В царской ставке. Москва : Вече, 2008. С. 45.
[238] Данилов Юрий Никифорович [Электронный ресурс] // Хронос: всемирная история в интернете. — URL: https://www.hrono.ru/biograf/bio_d/danilov_yu.php (23.08.24)

милиции[239], введение всеобщей воинской повинности неизбежно повлекут за собой ослабление крепостной зависимости. Освобождение крестьян и принятие всеобщей воинской повинности – два взаимосвязанных условия. Гегель, ставший впоследствии философом всемогущего государства, уже предавался мыслям о идеальном немецком устройстве. Для Шарнхоста была очевидна зависимость между всеобщей воинской повинностью и освобождением народа, и он требовал и того и другого»[240].

Этот отрывок из классического исследования В. Герлица «Германский генеральный штаб. История и структура. 1657–1945» точно отражает связь между либеральными преобразованиями XIX века в западноевропейских странах и военными реформами. Долгое время такую взаимосвязь не замечали, считая военных, прежде всего, реакционерами, нежели агентами модернизации. Однако пример Пруссии первой половины XIX века, особенно в посленаполеоновский период, показал обратное: военные могли мыслить либерально и становиться проводниками масштабных модернизационных преобразований. Существенной частью тех процессов было противостояние между модернистски настроенными офицерами, добивавшимися реформ в различных сферах общественной жизни, и реакционным дворянством, сохранявшим свои руководящие позиции в государстве[241].

Россия приступила к модернизации почти на полвека позже, и сам этот процесс носил прерывистый характер, чередуясь с периодами консервативной стагнации. По своему концептуальному складу и методологии Ю. Н. Данилов принадлежал к числу наиболее аналитически ориентированных военных мыслителей либерального толка в России рубежа XIX-XX веков. Можно утверждать, что он глубоко усвоил исторический урок прусских преобразований XIX века, осознав стратегическую роль либеральных реформ в укреплении военного потенциала государства. Именно поэтому в своих работах он последовательно указывал на отсутствие подобных системных реформ в России как на одну из ключевых причин крушения государства и армии в условиях современной войны, требовавшей мобилизации всего «вооруженного народа».

Фактически, ситуация в Пруссии начала XIX века, описанная В. Герлицем, оказывается структурно близкой к положению в России конца XIX – начала XX века в интерпретации Ю. Н. Данилова. Немецкий историк также писал: «В программе Шарнхоста эти люди усматривали особый акцент на образовании и культуре, что было глубоко чуждо прусским офицерам старой школы. Кроме того, дворянство Померании протестовало против введения

[239] В российском варианте – ополчения. – прим.авт.А.К.
[240] Герлиц В. Германский Генеральный штаб. История и структура, 1657-1945. М. : Центрполиграф, 2005. С. 23.
[241] Там же. С. 37.

всеобщей воинской повинности, называя ее “революционным равенством торгашей”. Реакционеры считали, что вооруженные подданные поднимут революцию, и, вообще говоря, король разделял их точку зрения»[242].

Как явствует из исследования В. Герлица, ключевой проблемой Пруссии начала XIX века было доминирование узкосословных интересов аристократии в решении государственных вопросов. Реформы, нацеленные на ускорение общественного развития и кардинальное повышение боеспособности армии, неизменно отодвигались на второй план ради сохранения феодальных привилегий. Несмотря на это сопротивление, прусским реформаторам удалось провести в жизнь большую часть намеченных преобразований, которые в исторической перспективе заложили основу для объединения Германии и превращения ее в мировую державу. Германия стала первой страной, осуществившей не только военную, но и полномасштабную социальную мобилизацию.

В трактовке Ю. Н. Данилова, ситуация в России представляла собой разительный контраст. Он указывал: «Современная война требует, в интересах доведения ее до победного конца, крайнего напряжения всех сил наций, как материальных, так и моральных. К такой всесторонней мобилизации Россия уже совсем не была готова. Среди отдельных частей ее и различных слоев населения сознание государственного единства было развито чрезвычайно слабо <…>, население было разбросано по деревням, разъединенным между собою огромными расстояниями, плохими сообщениями и погружено с головою в свою трудовую неприглядную хозяйственную жизнь. <…> Значительная часть русской интеллигенции настойчиво требовала от правительства решительных мер к выведению великой страны из мрачного тупика самодержавного строя. Власть, однако, упорствовала, она считала, что самодержавие, опирающееся на дворянско-помещичий класс, – непереступимая особенность уклада русской жизни, и этот взгляд, как увидим дальше, отбросил постепенно массы населения в оппозицию»[243].

В приведенном описании перед читателем раскрывалась картина глубокой архаики и сохранявшегося политического феодализма, при котором интересы узкого сословия доминировали над стратегическими потребностями государства. Ситуация в России конца XIX – начала XX века, по оценке Ю. Н. Данилова, во многом напоминала описанную В. Герлицем Пруссию начала XIX столетия: в обоих случаях ключевой задачей являлось преодоление сословных ограничений для осуществления подлинно всенародной мобилизации. С точки зрения Ю. Н. Данилова, России были необходимы системные либеральные реформы, способные инициировать глубокую модернизацию и сформировать ту социально-политическую основу, без

[242] Керсновский А. А. История русской армии в 4 т. Т. 4 : 1915–1917 гг. М. : Голос. 1994. С. 37.
[243] Данилов Ю. Н. На пути к крушению. М. : XXI век—Согласие, 2000. С. 54.

которой эффективная мобилизация в эпоху войны «вооруженных народов» оказывалась невозможной.

При этом необходимо подчеркнуть важный методологический аспект: сопоставление двух государств, относящихся к разным историческим эпохам и объединенных лишь общностью проблематики у двух авторов, отнюдь не свидетельствует о прямом заимствовании Ю. Н. Даниловым концепции В. Герлица – тем более, что работы последнего публиковались значительно позже. Речь идет не о буквальном переносе идей, а о типологическом сходстве концептуальных моделей, сформировавшихся под влиянием схожего анализа исторических вызовов. Такое совпадение интеллектуальных конструкций следует рассматривать не как плагиат, а как проявление единой логики осмысления проблем модернизации в условиях традиционного общества.

Вместе с тем важно констатировать, что политические воззрения выступали у Ю. Н. Данилова префигуративной матрицей – той исходной опорой, через призму которой он выстраивал свое историописание. Эта предуготовленность смыслов определяла подбор фактического материала, интерпретационные акценты и методологические ходы. Далее следует проследить, как именно этот тип префигурации влиял на авторский нарратив о событиях Первой мировой войны: какие аспекты он преувеличивал, какие – недооценивал, и как это сказывалось на оценке причин и следствий ключевых решений и преобразований.

Военные конфликты нового поколения, к которым относилась и Первая мировая война, представляли, как отмечалось в предыдущих параграфах, войну «вооруженных народов». Это означало, что в конфликт вовлекались уже не только регулярные вооруженные силы и не только отдельные театры военных действий, но и все слои населения воюющей страны, становившиеся единым тылом армии и тем самым – военной целью противника. По наблюдению Юрия Никифоровича, к таким конфликтам нельзя было подготовиться полностью заранее: по своей природе они требовали не просто концентрации кадровых войск и материальных складов, но всесторонней мобилизации общества в целом[244].

Ранее государствам следовало готовить к войне преимущественно кадровые воинские подразделения и создавать материально-техническую базу; с началом XX века ситуация усложнилась многократно. В силу своей должности Ю. Н. Данилов отвечал за вопросы мобилизации, подготовки театра военных действий и логистики, что открывало ему широкую перспективу для оценки степени готовности вооруженных сил и страны в целом. Характеризуя подготовку России к войне на западных границах, он делал однозначно неблагоприятные выводы:

[244] Данилов Ю. Н. На пути к крушению. М. : XXI век—Согласие, 2000. С. 5.

« <…> Россия к началу войны 1914-го года далеко не была к ней готова – ни политически, ни по состоянию своих финансов и промышленности, ни в узко-военном отношении»[245].

Эта резкая констатация дополнялась у Ю. Н. Данилова важным замечанием, что Россия была совсем не готова к войне наступательного характера, какой та и стала, что истощило и без того скудные ресурсы военного ведомства, правительства и народа. Возникает вопрос: как допускалось, что держава, долгие годы гордившаяся силой своей армии и флота, оказалась технологически и организационно позади своих прямых геополитических соперников? Военный историк давал на это исчерпывающий ответ, соотнося причины с общим отставанием страны и низкой степенью социально-политической консолидации населения. Далее следовал подробный разбор названных факторов.

«Сближение с новой группой европейских государств логически должно было сказаться самым коренным образом не только на внешней политике России, но и на внутреннем ходе н всем строе ее жизни. Верность германскому Союзу обеспечивала России продолжительный мир на ее наиболее важной западной границе и потому – возможность охранять прежние устои русской жизни, при которых народ не был привлечен к активному участию в государственной жизни страны. <…> Грандиозный масштаб надвигавшейся войны и современные условия ведения таковой, требующие индивидуального развития и сознательного отношения от каждого бойца и тылового работника, не должны были оставлять сомнений в необходимости глубокой и притом заблаговременной перестройки всего внутреннего уклада русской жизни с тем, чтобы в необходимый момент явилась возможность вызвать полное напряжете всех народных сил и средств, без которых шансы на победу не могли быть значительными»[246], – писал Ю. Н. Данилов о задачах внутренней политики России после заключения союза с Францией. Он подчеркивал неразрывную связь между внешней и внутренней политикой – связь, которую правящие круги последовательно игнорировали. Представители высшего сословия, стремившиеся сохранить вековые устои, продолжали отстаивать самодержавную систему и доминирование дворянства, не учитывая требований современной эпохи[247].

С позиции этой теоретической модели внутриполитическая ситуация в России рубежа XIX-XX веков, описанная Ю. Н. Даниловым, получает последовательную интерпретацию. В его характеристиках Россия предстает как государство, где правящие элиты сознательно

[245] Данилов Ю. Н. На пути к крушению. М. : XXI век—Согласие, 2000. С. 52.
[246] Там же. С. 25-26.
[247] Данные рассуждения русского генерала находят убедительное соответствие в теории национализма и социальной модернизации, разработанной социальным антропологом Э. Геллнером. Ср.: Лях К. И. Функционалистская теория национализма Эрнеста Геллнера // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2014. № 11-1 (49). С. 126-127.

ограничивали развитие массового образования и культуры, сохраняя монополию на «высокую культуру» как инструмент социального доминирования. Именно неспособность преодолеть узкосословные интересы, что вызвало системное отставание в модернизационных процессах, определялась Юрием Никифоровичем как ключевая проблема Российской империи. Эта оценка находит подтверждение в его многочисленных высказываниях, критикующих государственный строй за его «узкоклассовый» характер[248], особенно в условиях нарастающих демократических устремлений в обществе.

Еще один фактор, оказывавший негативное влияние на готовность страны к войне – подбор основных начальствующих лиц и элит. Главным действующим лицом государственной иерархии России, конечно, был ее монарх – Николай II, характеристике которого, военный исследователь уделял достаточно много места и времени. Главной чертой, определявшей все поведение в государственных делах императора, была его глубокая религиозность, перетекавшая в откровенный мистицизм. Горячие религиозные переживания последнего российского монарха играли роль «тормоза» в развитии всей страны, поскольку последний уверовал в божественность своей власти, мистическую связь с народом и незыблемость самодержавных порядков. Под влиянием этих идей Николай II постоянно стремился замедлить модернизацию «уклада» России, что, в конечном счете, стало еще одной причиной, приведшей империю к крушению[249].

Другой пагубной чертой самодержца была слабохарактерность, которой умело пользовалась его жена – Александра Федоровна. Последняя, как судил Юрий Никифорович, являлась «серым кардиналом» русской государственной жизни, выступая за сохранение на ответственных постах политической иерархии страны лиц совершенно малопригодных для них. Кроме того, императрица всячески в своих письмах поддерживала религиозные и мистические переживания своего мужа, едва ли не отделяя последнего от реальной жизни[250]. Малокомпетентными были министр императорского два барон В. Б. Фредерикс, а также И. Л. Горемыкин – председатель Совета министров Российской империи во время войны с 1914 по 1916 гг. Положительных оценок удостаивались С. Ю. Витте[251] и П. А. Столыпин[252]. Оба сознавали важность и необходимость проведения реформ в стране, изменения старого уклада жизни. Однако оба государственных деятеля так и не смогли переломить ситуацию в пользу либеральных реформ.

[248] Данилов Ю. Н. На пути к крушению. М. : XXI век—Согласие, 2000. С. 112.
[249] Там же. С. 147-151.
[250] Там же. С. 159-160.
[251] Там же. С. 90.
[252] Там же. С. 94-95.

Среди военных деятелей специального внимания заслуживают его характеристики уже хорошо известных В. А. Сухомлинова, великого князя Николая Николаевича и М. В. Алексеева. В. А. Сухомлинова, Юрий Никифорович характеризовал в целом так же, как и другие авторы того времени, отмечая его мягкость и уступчивость, так сильно импонировавшие императору, и его легкомысленность. Отмечая эти негативные черты, автор был далек от мысли считать бывшего военного министра предателем[253]. По сути, В. А. Сухомлинов предстает безвольным человеком, полностью устраивавшим монарха.

Совершенно иную, позитивную оценку получал великий князь Николай Николаевич. Здесь следует отметить определенную тенденциозность в характеристиках Юрия Никифоровича, являвшегося одним из первых биографов члена правящей династии. Военный историк отвергал обвинения в стратегической некомпетентности великого князя, утверждая, что «он являлся вполне подготовленным крупным военачальником»[254]. Но, пожалуй, главными добродетелями данной личности служили его общественно-политические воззрения и четкое понимание необходимости реформ, которые он, ввиду своей приближенности к монарху, имел возможность донести. Ю. Н. Данилов прямо заявлял, что несмотря на приверженность монархическому принципу, великий князь являлся с 1905 года убежденным конституционалистом и либералом[255]. Военный историк склонялся к мысли, что именно Николай Николаевич был негласным лидером либерально настроенной группы военных и политических деятелей, особенно после отхода от дел С. Ю. Витте.

Последним деятелем, о котором следует сказать отдельно и которого исследователь характеризовал довольно глубоко, является М. В. Алексеев – начальник штаба Ставки с августа 1915 года. Михаил Васильевич, ставший, фактически, преемником Юрия Никифоровича, несмотря на разницу военных должностей, в вопросах определения стратегии и ключевых оперативных решений на фронте, представлял собой личность, обладавшую множеством военных добродетелей. Исследователь отмечал высокую военную подготовку М. В. Алексеева, достаточную для занятия столь важного поста. Однако, наряду с его достоинствами, историк выделял и недостатки, такие как отсутствие волевых качеств и нетерпимость к чужому мнению[256].

Такое внимание военного историка к личностным чертам ключевых деятелей выявляет еще одну важную особенность его метода – уверенность в роли личности в истории. Юрий Никифорович стремился четко обозначить, какие качества разных деятелей влияли на их

[253] Данилов Ю. Н. На пути к крушению. М. : XXI век—Согласие, 2000. С.36-37.
[254] Там же. С.35.
[255] Данилов Ю. Н. Великий князь Николай Николаевич. Париж : Impr. de Navarre, 1930. С. 53-56.
[256] Данилов Ю. Н. На пути к крушению. М. : XXI век—Согласие, 2000. С.50.

поступки и решения. Методологический принцип, при котором история изображена через поступки и характеры людей, а не через абстрактные идеи, – это важная черта стиля его исторического письма. Либеральная направленность его взглядов также неизменно проявлялась в описаниях исторического процесса, что можно проследить по его трудам.

Ю. Н. Данилов выделял несколько факторов, оказавших существенное влияние на Российскую императорскую армию перед началом Первой мировой войны. Во-первых, это неподготовленность населения и общества, как основного выразителя мнения граждан страны, что значительно ослабило внутреннюю поддержку войны. Во-вторых, неподготовленность военно-промышленной базы, что существенно затруднило обеспечение армии необходимыми ресурсами. Третьим фактором являлся недостаточный запас боевого снаряжения и боеприпасов, что также осложняло ведение боевых действий в условиях войны «вооруженных народов». К тому же, частые смены начальников Генштаба негативно сказались на оперативно-стратегическом планировании, что затрудняло быструю адаптацию армии к меняющимся условиям. Не менее важным фактором, по мнению историка, было высокое влияние французского Генштаба на решения российского командования, что также ограничивало самостоятельность России в принятии военных решений. Наконец, поздно проведенные положительные реформы, направленные на укрепление обороноспособности государства и армии, не успели дать ожидаемых результатов до начала войны.

Помимо этих ключевых аспектов, Ю. Н. Данилов выделял и ряд частных факторов, которые, по его мнению, также оказывали влияние на эффективность армии. Однако эти моменты проявились в большей степени уже в ходе боевых операций.

Повествование о войне Юрий Никифорович начинал с анализа мобилизационных мероприятий, проведенных в России. Несмотря на задержки в принятии окончательного решения, вызванные частной перепиской между монархами Николаем II и Вильгельмом II, мобилизация была осуществлена на высоком уровне. Ю. Н. Данилов подчеркивал, что успех мобилизации стал возможен благодаря отказу от первоначального частичного варианта, который мог бы запутать все планы русского командования[257].

Интересным моментом является также его рассуждение о назначении верховного главнокомандующего Ставки. С началом войны на этот пост был назначен великий князь Николай Николаевич. Однако, как отмечал военный историк, это назначение имело временный характер, так как Николай II с первых дней войны хотел сам возглавить командование армией на фронте.

[257] Данилов Ю. Н. Россия в мировой войне 1914-1915 гг. Берлин : Слово, 1924. С. 16.

Ю. Н. Данилов приводил это утверждение, ссылаясь на слова самого великого князя, который «всегда учитывал, особенно подчеркивая его в периоды пребывания Государя в армии»[258].

Автор подробно останавливался на вопросе, связанном с обязанностями верховного главнокомандующего Ставки и командующих фронтов. Данный вопрос был решен в русской армии неудовлетворительно. Вся армия на передовом театре делилась на два самостоятельных фронта – Северо-западный и Юго-западный, каждый из которых был создан для борьбы с отдельным противником – Германией и Австро-Венгрией. Каждый из командующих данными фронтами выступал по закону самостоятельным относительно как своего соседа, так, что особенно примечательно, Ставки. Как отмечал Юрий Никифорович, функции верховного главнокомандующего не должны были «выходить за пределы постановки этим начальникам более или менее широких задач, назначения в их распоряжение соответствующих целям средств и согласования их действий»[259]. В таких условиях армии пришлось вступать в войну, открывая боевые действия на обоих фронтах.

Первая боевая операция на восточном фронте – Восточно-Прусская кампания – завершилась поражением русской армии. Автор детально анализировал причины этой неудачи, связывая их с рядом факторов, которые не непосредственно зависели от Ставки и, в некоторых случаях, даже от командующих армиями и от командующего фронтом. К таким причинам он относит плохую работу службы связи Северо-западного фронта, неудовлетворительную разведку, неверную оценку обстановки и неэффективное управление войсками[260].

В своих выводах Юрий Никифорович указывал на системную слабость, носившую не личный, а институциональный характер. С этой точки зрения, неудачные решения генерала П. К. Ренненкампфа на посту командующего 1-й армией следовало рассматривать не столько как следствие его личной некомпетентности, сколько как результат порочной системы кадровых назначений, позволившей ему занять столь ответственный пост. Показателен в этом отношении следующий эпизод: после оперативных провалов, выявивших несостоятельность П. К. Ренненкампфа, Ставка намеревалась отстранить его от командования. Однако под влиянием придворных кругов император не только оставил генерала в должности, но и назначил его командующим всем фронтом. Этот пример наглядно иллюстрирует методологический подход Ю. Н. Данилова, который видел корень проблем не в отдельных личностях, а в самой системе, не только не исправлявшей ошибки, но и усугублявшей их[261].

[258] Данилов Ю. Н. Россия в мировой войне 1914-1915 гг. Берлин : Слово, 1924. С. 109.
[259] Там же. С. 139.
[260] Там же. С. 152.
[261] Там же. С. 193.

Этот пример ярко иллюстрирует взгляды историка, который видел проблему не только в действиях отдельных личностей, но и в самой системе, которая вместо исправления ошибок порой приводила к еще более худшим решениям. Это позволяет взглянуть на Юрия Никифоровича как на внимательного и аналитичного историка, способного глубоко анализировать структуру и функционирование исторических процессов.

Данный лейтмотив повествования нашел свое отражение и в других сюжетах. Галицийская битва 1914 года стала важным триумфом российских войск. Успех был достигнут благодаря проницательному видению стратегического замысла австро-венгерского командования, которое отодвинуло место сосредоточение своих войск западнее изначально предполагавшегося рубежа. Это позволило русскому командованию четко определить планы врага на удар в северо-восточном направлении, то есть под основание варшавского выступа. Такая конфигурация наступления противника позволяла нанести ему сокрушительный удар во фланг[262].

Однако осуществление этой операции было затруднено действиями главнокомандующего Юго-Западным фронтом Н. И. Иванова, который был известен своей упорностью и скрытностью. Эти черты его характера ярко проявлялись на протяжении всего времени его командования фронтом. Результаты первой кампании в Галиции стали решительным успехом русских армий, но они не привели к полной победе, поскольку значительная часть австрийских войск сумела избежать окружения и поражения[263]. В то время как результаты операции могли бы быть более значительными, медлительность и упорство Н. И. Иванова, который порой действовал вразрез с решениями Ставки, позволили австро-венгерскому командованию избежать полного поражения.

Описание данной кампании Ю. Н. Даниловым очень хорошо иллюстрирует его методологический принцип: внимание к роли личности в истории, в данном случае действий главнокомандующего Юго-западным фронтом.

Следующими крупными кампаниями 1914 года стали операции под Варшавой, Ивангородом и в районе Лодзи. Примечательным фактом этих операций являлось то, что в них наиболее ярко проявилось оперативно-стратегическое мастерство всей Ставки и лично Юрия Никифоровича. Эти операции были маневренными, и на начало боевых действий у русского командования не было крупных группировок войск, что заставляло действовать быстро и решительно. Обе операции завершились поражением германских войск, но, как сам военный историк отметил, они не привели к стратегической победе Российской императорской армии. Важность этих операций, по свидетельству автора, заключалась в том, что «с очевидностью

[262] Данилов Ю. Н. Россия в мировой войне 1914-1915 гг. Берлин : Слово, 1924. С. 154.
[263] Там же. С. 173-174.

выяснили (члены русского командования – А. К.) необходимость сократить в будущем наши оперативный задания и привести их в большее соответствие с нашими возможностями и трудным общим стратегическим положением на театре войны»[264].

Боевые операции начального периода войны выявили системную проблему российской армии – неспособность реализовывать сложные оперативные замыслы высшего командования. С точки зрения историка, причины этого были многогранны и включали структурные недостатки военной организации, просчеты в кадровой политике, несовершенство связи между различными уровнями управления, а также личностные качества отдельных военачальников.

Важным этапом в осознании этих проблем стало совещание в Ставке в конце ноября 1914 года с участием командующих фронтами, где обсуждалось положение на фронтах и планы на следующую кампанию. Основу дискуссии составила аналитическая записка, подготовленная в управлении генерал-квартирмейстера – то есть под руководством Ю. Н. Данилова. Этот документ, отражавший видение ситуации Ставкой, концентрировался на ключевых проблемах: значительном некомплекте офицерского и рядового состава, недостатке стрелкового вооружения для пополнений, дефиците конского состава. Особое внимание уделялось необходимости реформы системы назначения высшего командования, продемонстрировавшего свою несостоятельность. Также отмечалась острая нехватка боеприпасов в действующих частях[265]. Эти проблемы требовали решительных мер правительства для их устранения, однако оно оказалось неподготовленным к войне такого масштаба.

На совещании было принято стратегическое решение о переходе к наступательным действиям на Юго-Западном фронте при сохранении обороны на Северо-Западном. Ю. Н. Данилов занял последовательно критическую позицию в отношении данного плана, обосновывая ее военно-стратегическими соображениями. По его оценке, основные усилия следовало сосредоточить на северном направлении, поскольку удерживать занимаемые войсками генерала Н. В. Рузского позиции было практически невозможно. Контроль противником Восточной Пруссии создавал постоянную угрозу флангового удара по русским армиям, выдвинутым в Польшу. В этих условиях решительное наступление германских войск, опиравшихся на развитую железнодорожную сеть, могло поставить российские соединения в критическое положение. Однако командующий Северо-Западным фронтом скептически относился к перспективам наступательных операций. В то же время настойчивость командующего Юго-Западным фронтом генерала Н. И. Иванова склонила верховное командование и великого князя Николая Николаевича к выбору южного направления для главного

[264] Данилов Ю. Н. Россия в мировой войне 1914-1915 гг. Берлин : Слово, 1924. С. 245.
[265] Там же. С. 246-255.

удара[266]. Позднее был утвержден план ограниченного наступления Северо-Западного фронта, но его реализации помешало германское наступление в районе Прасныша, завершившееся тяжелым поражением русской 10-й армии. Лишь энергичный удар во фланг наступавшей группировке противника позволил стабилизировать обстановку и предотвратить дальнейшую дезорганизацию русских войск.

Положение перед весной 1915 года Юрий Никифорович описывал в крайне мрачных тонах. Растянутый и плохо приспособленный для обороны фронт русских войск, по его убеждению, неизбежно должен был быть сокрушен, если не принять решительных мер. В качестве выхода он настаивал на необходимости его «выпрямления». Однако германо-австрийский прорыв у Горлице перечеркнул многие замыслы русского генералитета, поставив вопрос о начале масштабного отступления вглубь страны.

В условиях прорыва войск Центральных держав, усугублявшегося острым дефицитом боеприпасов, нехваткой обученных пополнений и общим ослаблением армии, началось Великое отступление русских войск. Именно в этот период в обществе распространилась примечательная, но, с профессиональной точки зрения военного историка, крайне вредная интерпретация событий, основанная на аналогии с Отечественной войной 1812 года. Часть общественности, включая императора, считала стратегию глубокого отступления вглубь страны адекватным ответом на германо-австрийское наступление, апеллируя к судьбе наполеоновской армии.

Юрий Никифорович, обладавший глубоким стратегическим мышлением, решительно отвергал такие параллели, указывая на коренные изменения в характере войны. В 1812 году армия Наполеона продвигалась по единственной операционной линии к Москве, которая одновременно служила ей коммуникацией. Территории вне этого направления оставались неподконтрольными французам, а снабжение затруднялось огромными расстояниями и примитивной транспортной системой. В условиях Первой мировой войны ситуация была принципиально иной: сплошной фронт протянулся на сотни километров, охватывая огромные пространства. Отступление по образцу 1812 года привело бы к потере ключевых губерний с их людскими и экономическими ресурсами, необходимыми для продолжения войны. Кроме того, в отличие от наполеоновской эпохи, снабжение германских армий осуществлялось по развитой сети железных дорог, что исключало возникновение серьезных кризисов в их тыловой организации[267].

Таким образом, стратегия, принесшая победу в 1812 году, в условиях войны 1914–1918 годов превратилась бы в катастрофу. Необходимы были совершенно иные меры, которые выходили за рамки чисто военной стратегии и требовали решений политического,

[266] Данилов Ю. Н. Россия в мировой войне 1914-1915 гг. Берлин : Слово, 1924. С. 261-265.
[267] Там же. С.124-126.

экономического и социального характера, способных обеспечить устойчивость государства и армии в условиях затяжного и всестороннего конфликта.

Частично необходимые меры были предприняты: в частности, для улучшения снабжения армии было создано Особое совещание по обороне, а также военно-промышленные комитеты. Однако ключевым решением стала смена верховного главнокомандующего: с августа 1915 года эту должность занял император Николай II. В том же месяце свой пост покинул генерал-адъютант Ю. Н. Данилов, замененный по указанию М. В. Алексеева на М. С. Пустовойтенко.

Автор резко критиковал решение Николая II принять командование в свои руки, разделяя в данном случае общую историографическую оценку, согласно которой именно великий князь Николай Николаевич являлся наиболее подходящей фигурой для этой роли. Его огромная популярность в армии и среди народа, по мнению Ю. Н. Данилова, оставалась непоколебимой, несмотря на череду поражений и вынужденных отступлений, что делало его естественным символом сплочения. Особый интерес вызывает объяснение причин такого шага со стороны царя. Историк отмечал: «Для меня, однако, несомненно, что среди этих причин играли не последнюю роль – мистическое понимание Государем своих обязанностей, любовь к углублениям в великое историческое прошлое России, едва ли правильно ему освещавшееся, а быть может и некоторые слабости общечеловеческого характера. Но я не могу не остановиться перед недоуменным вопросом, как могли окружавшие Государя лица, пользовавшиеся его доверием, не только не противодействовать столь неосторожному шагу, но даже укреплять в сознании Государя необходимость и своевременность такового. Как велика должна была быть недальновидность и ослепление этих людей, не оценивших всей тяжести предстоявших событий и считавших возможным связать с ними уже колебавшийся авторитет Царской власти!»[268].

Таким образом, Юрий Никифорович в одном рассуждении объединил несколько важнейших для его анализа мотивов: мистические взгляды Николая II, неблагоприятное влияние его ближайшего окружения и постепенное падение авторитета самодержавной власти. В совокупности они, по мысли историка, и предопределили роковую ошибку, которая не только не укрепила, но еще более подорвала государственное управление и доверие к верховной власти в годы тяжелейшей войны.

Автор довольно бегло останавливался на описании военных действий 1916–1917 годов, выделяя лишь ключевые моменты, имевшие значение для его общей интерпретации событий. Центральное место среди них занимал Брусиловский прорыв. По мнению автора, главным стратегическим результатом этой операции стало не столько непосредственное достижение

[268] Данилов Ю. Н. Россия в мировой войне 1914-1915 гг. Берлин : Слово, 1924. С. 384-385.

Россией собственных целей, сколько спасение союзников, причем в данном случае не только французов, но, прежде всего, итальянцев, потерпевших тяжелое поражение от австро-венгров на своем фронте[269]. Вторым важным следствием наступления Ю. Н. Данилов считал вступление в войну Румынии. Однако это обстоятельство, по его оценке, оказалось для России скорее бременем, чем успехом: румынская армия, не обладавшая достаточным военным опытом и вооружением, вскоре была разгромлена концентрированными ударами Центральных держав. В результате и без того чрезмерно растянутый фронт российских армий получил дополнительное удлинение, что усугубило трудности командования и снабжения[270].

Особое внимание Ю. Н. Данилов уделял событиям, связанным с отречением Николая II. Для него этот вопрос имел личное значение, поскольку в дни Февральской революции он занимал должность начальника штаба командующего Северным фронтом генерала Н. В. Рузского. Именно Н. В. Рузский и Ю. Н. Данилов вели напряженные переговоры с представителями Государственной думы, со Ставкой и с самим императором. Историк категорически отвергал обвинения в том, что они оказывали давление на государя, подчеркивая, что решения о его судьбе принимались в совершенно иной обстановке. В своем нарративе Ю. Н. Данилов настойчиво отрицал версию о «срежиссированности» Февральских событий, представленную позднее некоторыми публицистами. Напротив, он подчеркивал неподконтрольность Петрограда центральной власти и стихийность начавшегося «солдатского мятежа». Представители же Думы, по его словам, напротив, пытались не допустить полного разложения государственной власти и наступления хаоса, что и объясняет их настойчивость в вопросе об отречении императора. В этом контексте становится понятной и конечная цель всех предпринятых ими шагов: сохранение возможности продолжения войны до победного конца. Для Ю. Н. Данилова отречение Николая II не было актом предательства или заговором, но вынужденной мерой, продиктованной необходимостью удержать государственный аппарат и фронт в условиях надвигающейся катастрофы[271].

Однако и эти меры были, как показали будущие события, недостаточны. Для продолжения войны требовалась армия, но именно она начала стремительно разлагаться под воздействием революционной агитации, направленной на самую чувствительную сторону психологии русского человека – его жажду справедливости. Указание подобной причины выглядит весьма нетрадиционным аналитическим приемом, использованным Ю. Н. Даниловым. Историк подчеркивал, что стремление к справедливости в русском народном сознании опиралось не

[269] Данилов Ю. Н. На пути к крушению. М. : XXI век—Согласие, 2000. С.319.
[270] Там же. С. 322.
[271] Там же. С. 322.

столько на земные, человеческие законы, сколько на «божеские»[272]. Это религиозно-нравственное измерение придавало чаяниям народа особую глубину и силу. Именно поэтому любые преобразования Временного правительства, построенные на рационально-правовых основаниях, оказывались в глазах народа «гласом вопиющего в пустыне». Русский человек ориентировался на иное понимание мироздания, и в этом отношении наиболее радикальные революционные силы сумели использовать данную особенность массовой психологии. Они предложили народу то, что соответствовало его глубинным ожиданиям и надеждам: землю и мир. Эти лозунги, укорененные в архетипических представлениях справедливости, оказались сильнее любых политико-правовых схем и государственных реформ.

В заключении следует отметить, что труды Ю. Н. Данилова предлагали уникальную интерпретацию событий Первой мировой войны, существенно отличавшуюся от подходов других исследователей. Его анализ содержал выраженный либеральный «идеологический подтекст». Историк последовательно акцентировал внимание на системных недостатках государственного устройства, от эффективности которого, по его мнению, напрямую зависел исход войны и судьба вооруженных сил. В его понимании России требовалась конституционная, парламентская монархия, способная заменить архаичный самодержавный строй. Именно парламент, в российском случае представленный Государственной думой, мог стать тем «мостом», который связывал бы усилия государственного аппарата, ответственного перед народными избранниками, с широкими слоями общества[273]. Однако подобное единство так и не было достигнуто: Госдума фактически оставалась в оппозиции к власти, а значит, связь между народом и правительством оказалась разорванной.

Это, по мнению Ю. Н. Данилова, стало главной и роковой ошибкой правительства и лично Николая II. Отсутствие политических реформ, неспособность власти обеспечить прочное согласие с обществом привели не только к падению трона и гибели монарха, но и к краху всей государственности. Итогом этого стала революция, унизительное поражение в войне и последовавшая за ними Гражданская война, расколовшая Россию и предопределившая ее трагическую судьбу в XX веке. Именно эти рассуждения автора являются его pbf – обосновывающим суждением, охватывающим множество разрозненных во времени событий.

1.4. Две школы военно-исторической мысли в историографии Первой мировой войны.

Было бы неправильно в рамках данной главы ограничиться лишь представлением взглядов основных авторов, чьи идеи мы рассматривали выше. Безусловно, указанные военные авторы

[272] Данилов Ю. Н. Россия в мировой войне 1914-1915 гг. Берлин : Слово, 1924. С.351.
[273] Там же. С. 127.

выделялись своей системностью и целостностью взглядов на мировой конфликт. Однако в данном параграфе стоит обратить внимание на других русских военных эмигрантов, которые затронули ряд отдельных, но значимых проблем участия России в Первой мировой войне.

Ю. Н. Данилов, чьи взгляды были рассмотрены выше, четко осознавал, что война индустриальной эпохи представляет собой противостояние не только армий, но и народов. Следовательно, он полагал, что готовность к военному конфликту определялась не столько уровнем подготовки кадровой армии, сколько степенью консолидации общества, объединенного в политическую нацию. Это, в свою очередь, требовало вовлечения народа в государственное управление, чего, как демонстрировалось ранее, в Российской империи достигнуто не было[274].

Тем не менее, несмотря на отсутствие таких условий, все слои российского общества приняли участие в Мировой войне. Однако почему же, при всем масштабе участия, военные усилия России потерпели крах? Этот вопрос становился центральным для военной мысли русской эмиграции, и Ю. Н. Данилов не являлся исключением. В качестве одной из ключевых причин он указывал на ментальную и социальную разобщенность крестьянства: «Крестьянство <…> поглощенное своими узкохозяйственными интересами, ограниченными небольшими горизонтом <…> рассуждало: “Мы вятские, тульские или пермские, до нас немец не дойдет” <…> без организации народных сил современные войны не могут быть ведены, а тем более выигрываемы»[275]. Данная оценка фактически означала признание системной неготовности страны к большой войне.

Схожими по конечному смыслу, но с более развернутой аргументацией, были рассуждения другого прославленного военачальника-эмигранта, А. И. Деникина. Его исторические и историографические взгляды будут более полно рассмотрены в следующей главе, однако в рамках данной работы мы сосредоточимся на том, как Антон Иванович подходил к анализу проблемы крушения армии и военных усилий России в мировой войне.

В рамках данного раздела обратимся непосредственно к анализу причин коллапса русской армии в период 1914-1918 гг. Генерал А. И. Деникин утверждал, что армия, как и государство в целом, распалась в чрезвычайно сжатые сроки – за 3-4 месяца, несмотря на многовековые традиции их существования[276]. В чем же заключались причины этого процесса, предпосылки которого начали проявляться еще в годы Первой русской революции?

По мнению А. И. Деникина, эти месяцы были не более чем концом «психологического перерождения». Причины разрушения армии он усматривал не только в чисто военных факторах,

[274] Данилов Ю. Н. На пути к крушению. М. : XXI век—Согласие, 2000. С. 55.
[275] Там же. С. 117-118.
[276] Деникин А. И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917. Минск : Харвест, 2002. С. 4.

таких как усталость от войны и неудовлетворительные условия на фронте, но и в психологии солдат, которые стали более восприимчивыми к влиянию радикальной социалистической пропаганды. Важнейшей составляющей этого процесса была психология неудач на фронте, которая сыграла ключевую роль в подрыве морального духа армии[277].

Главные причины были скрыты в глубине социально-психологических процессов, происходивших в толще общенародного сознания, выражавшегося некогда в верности идеологическому принципу «За веру, царя и Отечество». Анализируя данный процесс, Антон Иванович позиционировал себя как большого знатока вопросов народного быта, а также классовой психологии. Он отмечал изменение основ духовного самосознания русского народа, проявившееся со всей отчетливостью в его смене на «власть утробных, материальных интересов, в которых сам ли учился, или другие учили его видеть единственную цель и смысл жизни»[278].

Казарма, то есть армейский коллектив, ранее являвшаяся моральным авторитетом для солдат, отныне теряла свой духовно-нравственный, воспитательный потенциал по причине поверхностности последнего[279]. Таким образом пошатнулся первый идеологический постулат.

Идея царя и монархии также переживала эрозию в сознании народных масс. Так, несмотря на то что большинство офицеров было лояльно монархии, в нем зародились накануне войны протестные настроения, на которые, по свидетельству Антона Ивановича, его толкала сама жизнь. Причина – нездоровая атмосфера в армии из-за развившейся системы внутреннего сыска в рядах вооруженных сил[280]. Еще одной причиной являлся процесс утраты офицерским корпусом своего значения в обществе. А. И. Деникин считал эту причину первоочередной и выраженной в двух аспектах: потеря сословного характера офицерским корпусом[281] и убыль кадровых офицеров в годы войны. Эти аспекты понизили боевую ценность офицеров, но в тоже самое время сделали его демократичным[282]. Гвардия оставалась монархически ориентированной, но оторванной от остального офицерства.

Говоря о народе, русский генерал отмечал, что «вопреки сложившемуся убеждению, идея монархизма глубоких мистических корней не имела»[283]. Речь шла скорее о «привычке» масс существовать в рамках традиционного уклада, что не наделяло монархию сакральным статусом,

---

[277] Деникин А. И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917. Минск : Харвест, 2002. С. 5.
[278] Там же. С.6.
[279] Там же.
[280] Там же. С. 8-9.
[281] Причина заключалась в изменении самих принципов комплектовании вооруженных сил – всесословная воинская повинность, сам А. И. Деникин рассуждал об этом в: Деникин А. И. Старая армия. Офицеры. М. : Айрис-пресс, 2005. С. 93.
[282] Деникин А. И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917. Минск : Харвест, 2002. С.10.
[283] Там же. С. 14.

а воспринималось как естественный порядок жизненного устроения крестьянства[284]. Таким образом, и второй постулат государственной идеологии не обладал прочной основой – как в армии, так и в народной среде.

Наиболее сложной представляется проблема третьего элемента идеологической системы – Отечества. Характеризуя ее, генерал отмечал: «<…> затуманенные громом и треском привычных патриотических фраз, <…> мы проглядели внутренний органический недостаток русского народа – недостаток патриотизма. Теперь уже незачем ломиться в открытую дверь, доказывая это положение после Брест-Литовского договора, не вызвавшего сокрушительного народного гнева»[285]. Дело в том, что русский народ, как отмечал не только А. И. Деникин, но и многие другие авторы[286], вследствие своей малокультурности не представлял собой сложившейся национальной общности, а потому не вполне понимал, что означает данная категория[287]. Следует подчеркнуть, что эти суровые для любого патриотически настроенного человека слова, по существу, были упреком не столько народу, сколько правительству, не предпринимавшему последовательных усилий для преодоления этой социокультурной отсталости. В данном аспекте позиция автора демонстрирует полное соответствие с идеями, высказанными Ю. Н. Даниловым.

Из этого «органического» недостатка произрос феномен «самостийничества» – регионального партикуляризма, борьба с которым, как будет показано далее и как осознавал сам А. И. Деникин, во многом предопределила исход Гражданской войны на Юге России. Данный феномен, имевший глубокие психологические корни, был обусловлен, с точки зрения генерала, локальной ментальной ограниченностью русского крестьянства: «” Мы тамбовские, до нас немец не дойдет”»[288]. А. И. Деникин не случайно говорит об этой глубокой и устойчивой в психологии русского человека идее, которая была прекрасно описана историком В. О. Ключевским[289] – автором, более всего повлиявшим на исторические и политические воззрения генерала.

Нехваткой патриотизма отличалось не только крестьянство, но интеллигенция, особенно революционная, которая при выборе между спасением Родины и Революции, выбрала

[284] Деникин А. И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917. Минск : Харвест, 2002. С. 14-15.
[285] Там же. С. 17.
[286] Прим.: Головин Н. Н. Российская контр-революция в 1917-1918 г.г. Зарождение контр-революции и первая ее вспышка Ч. I, кн. 1. Париж. : Иллюстрированная Россия, 1937. С. 81-82.
[287] Данное утверждение – не понимающее идеи патриотизма крестьянство – находит свое подтверждение и в архивных документах: ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 995. Л. 1407.
[288] Деникин А. И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917. Минск : Харвест, 2002. С. 19.
[289] Ключевский В. О. Курс русской истории Ч. 1. М. : Соцэкгиз, 1937. С. 325.

последнее[290]. Идея Отечества, оказалась затуманена, ситуацию спасало только офицерство – представители власти в глазах солдат. Деятельность власти по унижению командного состава после Февральской революции, понизило авторитет последнего, но параллельно убило веру солдат и в само Временное Правительство.

Полководец очень много и скрупулезно на страницах первого тома разбирал деятельность Временного Правительства и Петросовета. Главным образом его, как военного человека, интересовали мероприятия политиков в отношении вооруженных сил. А. И. Деникин констатировал, что новой власти досталось тяжелое армейское наследство. В организме армии существовало много внутренних проблем, которые новая российская власть должна была помочь исправить, оздоровив его. О каких проблемах говорил Антон Иванович: наличие большого числа неквалифицированных кадров на важных постах, зачастую нездоровые, неуставные, отношения между офицерским и рядовым составом вооруженных сил, коррупционность и хищения, царившие в военном тыле[291].

Однако, пришедшие к власти политические группы, лишь усиливали своими мерами военный развал. Ключевым в данном отношении оказался «Приказ №1» Петросовета, который, по словам генерала дал «первый и главный толчок к развалу армии». Приказ, предназначенный для войск петроградского гарнизона, стал быстро распространяться по всей армии. Он выбил власть внутри вооруженных сил из рук офицерства и передал ее выборным комитетам. Главную ответственность за постепенное, как отмечал сам автор, уничтожение армии, несла революционная демократия, в особенности – меньшевики и эсеры. Однако его позиция не сводилась к простому обвинению. Еще в труде «Старая армия» генерал указывал, что корень проблемы лежал не столько в злом умысле, сколько в фатальном непонимании: «не злая воля только, но чаще именно это полное непонимание было причиной гибельного бездействия (здесь, вероятно, речь шла о «русских демократах» – А. К.) или же гибельных действий (речь о «революционных демократах» – А. К.)»[292]. Таким образом, позиция А. И. Деникина относительно вины за развал армии представляется гораздо более сложной, учитывавшей глубокий контекст довоенных отношений, политических перегородок (поставленных правительством – знаменитое – «армия вне политики»), психологии (революционная интеллигенция не видела различий между старой армией – «патриархальной», дореформенной и новой, набранной на всесословных началах и укомплектованной и руководимой выходцами из

[290] Деникин А. И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917. Минск : Харвест, 2002. С. 19.
[291] Там же. С. 20-30.
[292] Деникин А. И. Старая армия. Офицеры. М. : Айрис-пресс, 2005. С. 191.

народа), цензурой (военного ведомства[293]). Общий итог подобного влияния порожденного незнанием военного института был один – «в раны» старой царской армии и всей воюющей страны был влит «яд», как отмечал Антон Иванович[294].

Что же могло спасти армию от полного развала, сделав ненапрасными все жертвы войны? Целительным средством могло стать наступление, но оно же, по мнению полководца, могло открыть «перед государством бездонную пропасть»[295]. Таким образом, летнее наступление было риском, но оно могло привести к оздоровлению армии и страны, а также принести победу во всей мировой войне.

Наступление завершилось поражением российских войск, но что представлялось наиболее тревожным для историка – его причиной являлся уже не дефицит вооружения или снабжения, а глубокий моральный надлом, в результате которого: «Армии в полном беспорядке отступали»[296]. Несмотря на катастрофический исход операции, она вывела на авансцену истории фигуру, сыгравшую важнейшую роль в дальнейшем развитии событий, – Л. Г. Корнилова.

Подводя итоги анализа в первом томе «Очерков русской смуты», посвященном коллапсу имперской государственности и вооруженных сил, А. И. Деникин формулировал принципиальный вывод: «<…> причиной развала армии послужили не большевики, я протестую. Это неверно. Армию развалили другие, а большевики – лишь поганые черви, которые завелись в гнойниках армейского организма»[297]. Тем самым автор подводил читателя к выводу о первоочередной ответственности революционной демократии (меньшевиков и эсеров), для которых интересы Революции оказались выше спасения национальной государственности.

Временное Правительство, по логике генерала, должно было сопротивляться разрушительным действиям Петросовета, но ему, в условиях отсутствия решительных деятелей, которые могли бы переломить ситуацию, не удавалось это сделать. В обстановке нарастающей дисфункции государственной власти, коллапса транспортной системы и снабжения, усугубляющегося кризиса на фронте, а также – по убеждению автора – сговора германского генерального штаба с «антинародными элементами революционной демократии» против самой этой демократии, единственным выходом могла стать лишь диктатура. Она должна была возглавляться человеком, готовым принять крайние меры для сохранения государственности[298].

---

[293] Деникин А. И. Старая армия. Офицеры. М. : Айрис-пресс, 2005. С. 191.
[294] Деникин А. И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917. Минск : Харвест, 2002. С. 116.
[295] Там же. С. 192
[296] Там же. С. 379.
[297] Там же. С. 395.
[298] Там же. С. 135.

При этом Антон Иванович утверждал, что идея диктатуры не несла в себе никакого реставраторства или контрреволюционности, что, как будет показано в следующей главе, было действительно так. Она исходила из ситуации времени, когда в условиях войны вооруженных народов, нужна была «управленческая практика»[299], подходившая бы для координации всех национальных усилий, обеспечивавшая четкую работу всех организаций и общественных групп страны. То есть того, чего была лишена воюющая Россия, и что отмечалось всеми представленными в данной главе диссертации авторами.

В данном месте следует перейти к другому автору, как того требует логика нарратива. Антон Иванович в своем сочинении не употреблял уже знакомого нам термина упадочности, характеризуя им состояние Российской императорской армии конца XIX – начала XX вв. Вместо этого, бывший главнокомандующий ВСЮР описывал постепенный процесс эрозии старой армии, а именно тех столпов, на которых она ранее стояла.

Как было отмечено А. А. Керсновский связывал процесс, применительно к которому было употреблен термин «эрозия», с «упадочностью», которая, как мы ранее определили, означала «изнашивание» имперской инерции после смерти Петра I[300]. В военной сфере она проявлялась в утрате тактической инициативы, реактивности при принятии решений и, что наиболее существенно, в деградации духовного потенциала и связанном с ним упадке творческих интеллектуальных способностей.

Однако, Антон Антонович был не единственным и даже не первым автором эмиграции, который использовал этот термин применительно к военной действительности России конца XIX – начала XX вв. А. С. Лукомский (1868–1939) был одним из самых видных штабных деятелей Российской императорской армии начала XX века. В довоенной период он, поднимаясь по карьерной лестнице, дослужился до должности начальника мобилизационного отдела Главного Управления Генерального Штаба, отвечая таким образом за сложнейшую работу по налаживанию мобилизационных механизмов и законодательства страны после провальной русско-японской войны. В военные годы последовательно занимал должности: начальника канцелярии Военного министерства, совмещая этот пост с июня 1915 года с должностью помощника военного министра. С апреля 1916 года командовал 32-й пехотной дивизией, позже назначен начальником штаба 10-й армии. В конце октября 1916 года назначается на должность генерал-квартирмейстера Ставки. После Февральской революции назначен командующим I-м армейским корпусом, но летом того же года вновь переводится на работу в Ставку на этот раз на должность начальника

[299] Лизина Н. В. Практики власти как управленческие отношения в работах М. Фуко // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 2-2. С. 206.
[300] Керсновский А. А. История русской армии в 4 т. Т. 3 : 1881–1915 гг. М. : Голос. 1994. С. 6-7.

штаба Верховного главнокомандующего. Участник «Корниловского мятежа», один из организаторов Добровольческой армии[301]. Этот, безусловно, внушительный послужной список, тем не менее не отражает совокупность взглядов Александра Сергеевича на военную действительность России того времени.

А. С. Лукомский раньше А. А. Керсновского употребляет по отношению к Российской императорской армии термин «упадочность». В своих «Воспоминаниях» он писал: «Блестящий для русской армии период “екатерининских орлов” со смертью императрицы Екатерины II сменился упадочным периодом краткого царствования Павла I»[302]. Этот упадок, растянувшийся вплоть до окончательного крушения армии в 1917 году, автор связывает с деградацией «суворовской школы», замененной «прусской муштрой». Ключевой характеристикой первой системы являлось наличие института воспитания войск, то есть формирования у военнослужащих духовных качеств. Вторая же система, по оценке генерала, выродилась в «аракчеевщину». Современная историография предлагает различные оценки данного феномена, однако для целей настоящего исследования особую ценность представляют те из них, современниками которых являлись рассматриваемые деятели. В этой связи важными представляются оценки «аракчеевщины», данные отечественным военным историком А. К. Баиовым – видным представителем национальной военной школы, оказавшим влияние как на А. А. Керсновского, так и на А. С. Лукомского.

В «Курсе истории русского военного искусства» А. К. Баиов связывает данный феномен с отрицанием личного боевого опыта и основанных на нем рациональных военных принципов. Примечательно, что именно Алексей Константинович, чей «Курс» стал значительным событием в дореволюционной военной мысли, ввел в научный оборот и популяризировал исходное понятие «упадка» вооруженных сил. Под упадком понималась замена «жизненных начал»[303], мертвыми догмами, лишенными традиционного русского духа. Такая трактовка термина демонстрирует концептуальную преемственность между тремя исследователями – А. К. Баиовым, А. С. Лукомским и А. А. Керсновским.

Кроме того, следует акцентировать внимание на динамике развития и важности самого употребления термина у трех авторов. Если А. К. Баиов был зачинателем традиции, то А. С. Лукомский развил его применительно к рубежу XIX–XX вв., а в системе А. А. Керсновского

[301] Залесский К. А. Кто был кто в Первой мировой войне биографический энциклопедический словарь. М. : Астрель, АСТ, 2003. С. 374-375.
[302] Лукомский А. С. Очерки из моей жизни. Воспоминания. М. : Айрис-пресс, 2012. С. 99
[303] Баиов А. К. Курс истории русскаго военнаго искусства : [Вып. 1-7]. Эпоха императора Александра I. Санкт-Петербург : тип. Г. Скачкова, 1909-1913, 1913. С. 475-481.

данный термин подчиняет себе все изложение военной истории России после Отечественной войны 1812 года.

Обратимся к позиции А. С. Лукомского относительно упадка армии в Первую мировую войну. С его точки зрения, попытку возрождения «суворовской школы» предпринял видный военный теоретик А. М. Драгомиров, стремившийся восстановить суворовскую систему воспитания войск. Однако, столкнувшись с жесткой критикой, он не смог реализовать свои идеи[304]. Поражение А. М. Драгомирова, по мнению А. С. Лукомского, предопределило духовный облик армии в период Первой мировой войны.

Ко всем описанным проблемам с потерей духовного элемента добавлялись другие причины упадка армии: неспособность осознать облик грядущей войны, ее позиционный характер, хотя, как отмечал Александр Сергеевич, это можно было понять, но если бы только был в достаточной степени осмыслен опыт русско-японской войны[305]; проволочки в пополнении боеприпасов и самой организации работы военной системы страны, которую генерал раскрывал на данном примере[306]; неправильный подбор кадров на важные места военной иерархии[307]. Тем не менее, все эти проблемы до поры преодолевались доблестью солдат и офицеров, но приводили порой к неоправданно высоким потерям. Это с особенной отчетливостью, с позиции Александра Сергеевича, проявилось в операциях лета и осени 1916 года, известных под названием Брусиловского прорыва. Именно огромные потери, вкупе с большим переутомлением офицеров, привели к появлению сомнений в войсках на третьем годе войны[308].

С таким бэкграундом армия и страна подошли к революционному февралю. Александр Сергеевич, описывая данные события из Ставки, в которой он тогда находился, отмечал причины конечного согласия главного военного органа управления войсками с революцией, то есть будущим Временным правительством. Главной причиной являлась неспособность страны воевать на два фронта: на внешнем – с Германией и Австро-Венгрией и на внутреннем – с революционными частями. Согласие с произошедшей революцией и отречением императора (отметим, что А. С. Лукомский был монархистом) являлось, по мнению генерала, необходимой жертвой ради продолжения борьбы с захватчиком[309].

Революция, однако, набирала обороты. В дополнение к «Приказу №1», «который в корне подрывал дисциплину, лишая офицерский командный состав какой-либо власти над

[304] Лукомский А. С. Очерки из моей жизни. Воспоминания. М. : Айрис-пресс, 2012. С. 100.
[305] Там же. С. 252-253.
[306] Там же. С. 257-262.
[307] Там же. С. 198.
[308] Там же. С. 305-306.
[309] Там же. С. 317-330.

солдатами»[310], к власти на поприще военного института пришли «младотурки», уже хорошо знакомые нам по работам А. А. Керсновского. Именно последние, будучи представителями военного цеха, пойдя на поводу тех, «кто сознательно» шел на «развал дисциплинированной, регулярной армии», окончательно довершали разгром вооруженных сил страны[311].

Единственным средством спасения гибнущего государства и армии являлось установление диктатуры. Таким образом, различные авторы, впоследствии ставшие деятелями Белого движения, приходя разными путями к осмыслению коллапса военных усилий страны, сходились в признании необходимости принципиально иной системы управления воюющим государством. Война выступала детерминантой диктатуры, а не следствием личных амбиций будущих лидеров белого движения. Без преувеличения можно утверждать, что их работы содержат прямые обоснования этому.

Российская императорская армия рухнула, но ее война длилась с лета 1914 года, и за это время она внесла весомый вклад в общесоюзное дело победы над врагом. Об этом, в частности, рассуждал, уже упомянутый выше, А. К. Баиов. Он был одним из крупнейших военных историков России начала XX века, специалистом в области отечественного военного искусства, которому посвятил свое многотомное исследование «Курс истории военного искусства»[312]. Характеризуя его взгляды на мировую войну в целом следует обратить внимание на следующие моменты: главными виновниками мировой войны или «драмы», как он ее называл, были Германия и Великобритания, но только в возможностях последней было предотвратить войну. Для этого британским политикам нужно было более четко высказать свою позицию относительно полной поддержки нейтрального статуса Бельгии. Если бы они это сделали заранее, с точки зрения А. К. Баиова, то немецкий император никогда бы не рискнул начать войну. Все расчеты немцев в начале войны строились именно на сохранении британского нейтралитета[313].

В работе «Вклад России в победу союзников», посвященной, главным образом, проблеме признания бывшими союзниками Российской империи СССР как морально-нравственной проблемы, он указывал на ряд важных фактов, способствовавших конечной победе Антанты. Этот вопрос не являлся для А. К. Баиова праздным, так как он считал, что победа Антанты была бы невозможна без военных усилий России. Первый фактор, который приводил автор, – возможность наладить военное производство во Франции и Великобритании. Она появилась именно благодаря усилиям русских войск, которые в самые тяжелые дни военного

[310] Лукомский А. С. Очерки из моей жизни. Воспоминания. М. : Айрис-пресс, 2012. С. 334.
[311] Там же. С. 334-335.
[312] Военная энциклопедия. Т.4. – СПб.: т-во И. В. Сытина, 1911–1915. С. 343-344.
[313] Баиов А. К. Истоки великой мировой драмы и ее режиссеры. Таллин : [б. и.], 1927. С. 106-119.

противостояния, и особенно в 1915 году, оттягивали на себя лучшие дивизии противника[314]. Второй фактор – фактическое прямое подчинение российского Генерального штаба французскому. Это позволило союзникам направлять российские военные усилия в тех направлениях, которые были более всего выгодны им, но не русской Ставке[315].

Приведенными выше факторами, однако, не ограничивался суммарный вклад Российской императорской армии в конечную победу над Центральными державами. Алексей Константинович приводил и ряд частных, а именно: гибельная для российских войск операция в районе озера Нарочь была осуществлена только для того, чтобы немцы ослабили военное давление на французский Верден[316]; более ранние, чем было изначально предусмотрено, сроки начала наступления в 1916 году были следствием продолжающегося военного коллапса итальянского фронта[317]. В конце работы автор привел свою личную оценку потерь императорской армии, оценив их в 5 миллионов убитых солдат и офицеров[318].

Подводя итоги настоящей главы, следует четко обозначить основные направления осмысления Первой мировой войны в трудах представителей военной эмиграции. Прежде всего, необходимо констатировать преемственность между дореволюционной военно-исторической традицией, представленной двумя основными направлениями (националистическом и академическом), и послереволюционной эмигрантской историографией.

Сторонники первого направления, судя по всему, сближались в своих методологических установках со славянофильской историко-философской мыслью. Как отмечает И. С. Белезняк: «В основу славянофильства была положена идея об исторической самобытности России. <…> Особенности исторического пути России, по мнению идеологов славянофильства, определялись православием, исповедавшим идею соборности. По мнению славянофилов, дух соборности пронизывал все сферы жизни русского общества. Особенно ярко он проявился в общине, в которой отношения строились на основе взаимного согласия и мира. Мир, как они считали, царил и в отношениях между общиной и властью. В русском обществе не было классов и классовой борьбы. Но это продолжалось до Петра I, его попытки европеизации страны разрушили первоначальный порядок, внеся дух вражды. Вместе с тем ошибочно было бы думать, что они отрицали значение европейской культуры для России и призывали к возврату к допетровским

[314] Баиов А. К. Вклад России в победу союзников. Ревель : [б. и.], 1924. С. 14.
[315] Там же. С.27-30.
[316] Там же. С. 46.
[317] Там же. С. 49.
[318] Там же. С. 59. Следует отметить, что на сегодняшний день эти потери являются серьезно завышенными. – прим.авт. А.К.

порядкам»[319]. Эти теоретические установки обнаруживают значительное сходство с исходными позициями представителей «националистической» школы в дореволюционной военной историографии. Речь идет, в частности, о концепции отклонения России от ее органического пути развития в период правления Петра I. Наиболее последовательно данная идея выражена в работах А. А. Керсновского – наиболее яркого представителя этого направления в эмигрантской историографии. Схожие мысли высказывались и другими авторами. А. К. Баиов, которого общепринято причисляют к «националистической» школе, также считал, что в определенный момент времени, Россия сходит с национальных путей в области организации военного дела и искусства, чрезмерно увлекаясь западными идеями в данной области. Но с точки зрения Алексея Константиновича происходит это окончательно, только после Отечественной войны 1812 года[320]. Таких же воззрений придерживался испытавший воздействие на себя данной идеи А. С. Лукомский.

Важнейшим лейтмотивом, который объединяет нарратив в единое целое у данных авторов, выступала идея упадка российской армии в XIX – начале XX вв. Она предопределяла восприятие исторических событий через такое видение, ориентируя как исследователя, так и любого читателя, формируя их воззрения на предмет исследования, подчиняя себе все размышления о нем. У разных авторов она находила разное по жесткости выражение, то есть, если у А. А. Керсновского она подчиняла своей интерпретации все буквальное измерение нарратива, то у А. К. Баиова и А. С. Лукомского этого все же не происходило.

За данным направлением скрывалась консервативная политическая мысль, утверждавшая важность исторической преемственности в развитии страны и вооруженных сил. К примеру, в одном из своих исследований А. К. Баиов писал: «она (эпоха Миниха – А. К.) не разрывает с Петровской эпохой, что она не является эпохой поворота от данных Петром национальных начал в военном деле к основам, выработанным на западе, эпохой упадка военного искусства в России»[321]. А. А. Керсновский отмечал: «оно (правительство – А. К.) не замечало третьего выхода из положения: обновления государственного организма не в “демократически-катастрофическом” духе “влево”, а в обновлении его “вправо” – в духе сохранения всей неприкосновенности самодержавного строя путем применения его к создавшимся условиям, отказа от петровско-бюрократически-иноземного его уклада, поведшего к разрыву некогда единой российской нации и утрате правительством пульса страны. Этот третий путь стихийно

[319] Белезяк И. С. Различение типов общества как альтернативный взгляд на дискуссию западников и славянофилов // Сибирский аэрокосмический журнал. 2007. Т. 16, № 2. С. 169.
[320] Баиов А. К. Курс истории русскаго военнаго искусства : [Вып. 1-7]. Эпоха императора Александра I. Санкт-Петербург : тип. Г. Скачкова, 1909-1913, 1913. С. 475-481.
[321] Там же. С. 90.

чувствовался славянофилами, но они не сумели его формулировать, не владея государственной диалектикой»[322]. Схожие с представленными выше мысли высказывал и А. С. Лукомский, но менее категорично и более явно.

Все представленные авторы находили в историческом пути России наличие резкого поворота. Поворота в совершенно конкретную сторону – на Запад. Это приводило историков и мыслителей данного направления к осознанию потери преемственности исторического развития страны в прошлом, что, с течением времени, привело не просто к упадку, но и к крушению всего здания российской государственности в тотальной войне 1914–1918 гг. Эта идея открывает нам сущность политических воззрений представленных авторов – консерватизм, то есть важность сохранения преемственности общественного уклада[323].

Сторонники второго течения – «академического» – в качестве базовой установки ориентировались на западническую историко-философскую мысль. Последние «были убеждены, что Россия в определенных отношениях отстала от Запада и должна, проходя, в принципе, тот же путь развития, кое-чему у него и поучиться, что вполне естественно для всех стран мира и в чем ничего зазорного нет. Они стремились, чтобы Россия усвоила высшие достижения европейских наук и плоды Просвещения, достигла тех же высот социально-экономического и политического развития …»[324]. Данная идея особенно четко прослеживается у Н. Н. Головина и Ю. Н. Данилова. Учитывая, что они являлись военными авторами и мыслителями, следует отметить, что их идейные представления распространялись более на военную организацию страны. Но, сознавая, что последняя не является замкнутой и оторванной от других институтов в эпоху национальных, индустриальных войн, они полагали зависимость военной сферы от всего организма государства.

Так, в своем двухтомном исследовании, посвященном военным усилиям России в Первую мировую войну, Н. Н. Головин определял диагноз государства, указывая на его общую «примитивность». Эта примитивность форм, а также «отсталость» и «отставание», в работах военного мыслителя проявлялась в следующих сферах: культуре народных масс[325], формах хозяйствования[326], сельском хозяйстве[327], снабжении войск[328], взаимодействии с

[322] Керсновский А. А. История русской армии в 4 т. Т. 3 : 1881–1915 гг. М. : Голос. 1994. С. 7.
[323] Ашкеров А. Ю. Метаистория метаистории, или Декодирование Хейдена Уайта // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2, № 1 С. 94.
[324] Богданов А. В. Западничество в России: история и современность // Философия и общество. 2008. № 3. С. 163.
[325] Головин Н. Н. Военные усилия России в Мировой войне. В 2 т . Т. 1. Париж : Т-во объединенных издателей, 1939. С.41.
[326] Там же. С.41.
[327] Головин Н. Н. Военные усилия России в Мировой войне. В 2 т . Т. 2. Париж : Т-во объединенных издателей, 1939. С.71
[328] Там же. С. 79.

общественностью[329], технической сфере[330], русском патриотизме (отметим, что он не отрицал его наличие, а лишь указывал на общее состояние)[331], отношении к «современной сложной социальной жизни»[332]. Данный список является неполным. Остается лишь привести последнюю цитату Николая Николаевича, которая выражает четкое сознание того, что данный историк не боялся обвинений в западничестве. Комментируя речь А. И. Шингарева, посвященную вопросу использования людского потенциала России, военный мыслитель подытоживал: «Автор думает, что это (халатное отношение к использованию человеческого ресурса – А. К.) было следствием всего сложного комплекса причин, вызвавших общее запоздание развития России по сравнению с западноевропейскими народами»[333]. Схожих воззрений придерживался и Ю. Н. Данилов, отмечавший неподготовленность страны к войне, коренившуюся в политической системе страны[334].

Главенствующей метафорой, организовывавшей и пронизывавшей все рассуждения академистов, являлась метафора отсталости страны, которую они распространяли на все сферы жизни общества. Этот факт вытекал напрямую из самой логики рассуждений, которая была изложена выше.

Наконец, если за националистическим направлением скрывалась консервативная политическая мысль, то для академистов таковой являлся либерализм. Достаточно обратиться к словам Ю. Н. Данилова по случаю открытия I-й Государственной Думы: «Знаменательная дата! Отказ от самодержавия и вступление России на новый путь представительного строя! Начало осуществления надежд либеральных кругов <…>! Тесная совместная работа правительства и народных избранников! Увы! Ни то, ни другое, ни третье …»[335]. Не приходится сомневаться в том, что описанные выше формы: представительный строй и «совместная работа правительства и народных избранников» - были именно теми формами, которые Н. Н. Головин считал определенно не примитивными, поскольку последние как никакие другие, лучше всего подходили для работы в сложных современных социальных условиях.

Таким образом, кардинальное расхождение между двумя историографическими направлениями обнаруживалось в оценке самого вектора исторического развития России. Если представители «националистического» направления усматривали в прошлом страны роковой

[329] Головин Н. Н. Военные усилия России в Мировой войне. В 2 т . Т. 2. Париж : Т-во объединенных издателей, 1939. С. 80.
[330] Там же. С. 100.
[331] Там же. С. 125.
[332] Там же. С. 157.
[333] Головин Н. Н. Военные усилия России в Мировой войне. В 2 т . Т. 1. Париж : Т-во объединенных издателей, 1939. С.97.
[334] Данилов Ю. Н. На пути к крушению. М. : XXI век—Согласие, 2000. С. 54-65.
[335] Там же. С.90.

разрыв с органической традицией, повлекший за собой упадок и конечный крах империи, то «академисты», напротив, исходили из того, что ключевой проблемой являлась как раз незавершенность модернизации и консервация архаичных институтов, не преодоленных своевременным «поворотом на Запад». На уровне политических воззрений эта антитеза проявлялась в противостоянии консервативной установки на сохранение исторической преемственности и либерального идеала представительного строя, призванного обеспечить эффективную мобилизацию общества в условиях тотальной войны. Становится очевидным фундаментальный разрыв между этими подходами в осмыслении политического, социального и военного устройства России.

ГЛАВА 2. РЕВОЛЮЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РАБОТАХ РУССКОЙ ПОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ЭМИГРАЦИИ.

Революция 1917 года и Гражданская война (1918-1922 гг.) на сегодняшний день являются одними из наиболее историографически разработанных событий отечественной истории. Репрезентации этих переломных процессов прошли путь от идеологически ангажированных интерпретаций в ранней советской историографии к современному плюралистическому подходу, в рамках которого сосуществуют различные трактовки, включая элементы прежней советской оценки[336].

В советской историографии 1920-1930-х годов, формировавшейся в условиях идеологического диктата, Белое движение интерпретировалось исключительно через призму классово-идеологических категорий. Оно рассматривалось как контрреволюционная сила, выражающая интересы буржуазии, помещиков и иностранных империалистических держав, противостоящих социалистической революции и Советской власти. Основу такого подхода составляла марксистская концепция классовой борьбы, согласно которой контрреволюция трактовалась как реакционный и закономерный антагонист пролетарского движения[337].

Тем не менее, уже в работах ранних советских историков, несмотря на стремление к созданию образа монолитной контрреволюции, отмечалась внутренняя неоднородность этого явления. Она связывалась с рядом факторов: социально-экономических, политических, региональных и личностных. В этом отношении особый интерес представляет позиция А. И. Анишева, который выделял в рамках южной контрреволюции два направления: мелкобуржуазное автономистское и буржуазно-помещичье великодержавное[338]. К первому он относил местные и национальные движения с монархической окраской, ко второму – сторонников «бюрократически-централизованной государственной системы» в лице ВСЮР[339].

Таким образом, уже в рамках раннесоветской историографии высказывались суждения, подчеркивающие неоднородность и противоречивость контрреволюции как исторического феномена. Эта мысль приобретает принципиальное значение для дальнейшего анализа эмигрантской историографии, поскольку показывает невозможность создания единой нарративной конструкции: труды русских военных эмигрантов 1920-1930-х годов также характеризуются внутренней смысловой фрагментарностью (т.е. отсутствием единой

[336] Михайлов И. В. Современная историография Гражданской войны в России // Россия и современный мир. 2007. № 3. С. 30-31.
[337] Какурин Н. Е. Как сражалась революция : в 2 т. Т. 1 : 1917–1918 гг. 2-е изд., уточн. М. : Политиздат, 1990. С. 79.
[338] Анишев А. Очерки истории гражданской войны 1917-1920 гг. Л. : Гос. изд-во, 1925. С. 256.
[339] Там же. С. 256.

интерпретации), объединенной лишь общим антагонизмом по отношению к большевистской власти.

Говоря о пореволюционном зарубежном (эмигрантском) осмыслении революции и Гражданской войны, следует отметить, что целый ряд интерпретаций, которые в современной российской историографии позиционируются как концептуальные «открытия», на деле давно присутствовали в произведениях эмигрантских авторов. Это касается таких важнейших смысловых блоков, как взаимосвязь революции с опытом Первой мировой войны, характеристика психосоциального состояния общества, внутренняя конфликтность антибольшевистского лагеря, специфика Белого движения как одного из его фрагментов, а также феномен «атаманщины» и других аспектов[340]. Как будет показано в данной главе, эти и другие положения получили весьма высокую степень аналитической проработки в военной и мемуарной литературе русской эмиграции. Так, например, психосоциальный подход к Великой российской революции 1917 года и ее предпосылкам, декларируемый еще П. В. Волобуевым и В. П. Булдаковым (ныне развиваемый последним)[341], имеет точных предшественников среди военных историков-эмигрантов, чьи труды рассматриваются в данной главе. Речь идет прежде всего о Н. Н. Головине, а отчасти и об А. И. Деникине.

Следует также учитывать целевую установку, присущую эмигрантской историографии, которую, в частности, зафиксировала О. В. Авдошкина: «вскрыть причины поражения белых, учесть совершенные ошибки и внести коррективы в новый политический курс антибольшевистской борьбы»[342]. При этом необходимо отметить и внутреннюю политическую дифференциацию эмигрантской историографической традиции, которая складывалась из нескольких идейных направлений: условно консервативного, нередко ошибочно обозначаемого как монархическое и белогвардейское (что, как будет показано, является существенным упрощением); либерально-демократического; а также правосоциалистического[343].

Таким образом, мы подходим к рассмотрению феномена военно-исторической литературы офицерской эмиграции, посвященной событиям революции и гражданской войны. Употребление термина «феномен» в данном контексте представляется обоснованным, поскольку характер исторического письма и способ размышлений ряда ключевых авторов военной эмиграции заметно отличается от традиционных военно-исторических сочинений. Особенностью их

---

[340] Михайлов И. В. Современная историография Гражданской войны в России // Россия и современный мир. 2007. № 3. С. 32.
[341] См.: Волобуев П. В. Октябрьская революция: новые подходы к изучению / П. В. Волобуев, В. П. Булдаков. – 1996 // Вопросы истории. – 05/1996. – №5-6. – С. 28-39.
[342] Авдошкина О. В. Российский революционный процесс и политические партии в эмигрантской историографии 1920-1930-х гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2012. № 4 (20). С. 47.
[343] Там же. С. 48-49.

подхода является то, что в структуре повествования акцент переносится с описания боевых действий на политические обстоятельства – как внешние, так и внутренние. Данное обстоятельство, на наш взгляд, отражает влияние немецкой военной мысли, в частности концепции Карла фон Клаузевица[344].

К. фон Клаузевиц, как известно, определял войну как продолжение политики иными средствами. Под этим он понимал, что война представляет собой форму политической деятельности, в которой насилие и принуждение используются как, хотя и не единственные, инструменты достижения целей. В этом контексте нельзя не согласиться с В. Ш. Шармой, который подчеркивал, что именно политическая логика и целесообразность должны рассматриваться в качестве рамок, определяющих военное противостояние[345].

В свете этого не вызывает удивления, что в условиях гражданской войны политика зачастую становилась доминирующим фактором, превалирующим над соображениями военной целесообразности. Это обстоятельство отмечалось многими участниками Белого движения, порой выражавшими упреки в адрес командования за пренебрежение к базовым принципам военного искусства[346].

Одним из важнейших мотивов историографической деятельности русского военного зарубежья было стремление к опровержению и деконструкции советского исторического дискурса. Так, А. А. Зайцов в предисловии к своим «Очеркам по истории русской гражданской войны» писал: «Отдельные труды красных, стремящиеся обнять ее (то есть Гражданскую войну) в целом, сбиваются на стремление все объяснить противопоставлением побеждающего пролетариата “отмирающему капитализму”. Конечно, подобное толкование очень поверхностно, если не наивно»[347]. Аналогичная установка прослеживается в работах А. И. Деникина, П. Н. Врангеля, П. Н. Краснова, Н. Н. Головина и других авторов, чье творчество будет подробно рассмотрено в данной главе.

Следует при этом подчеркнуть, что эта системная установка, то есть критика советской историографии, не вызвала существенных разногласий внутри эмигрантского военного сообщества. Однако, как справедливо отмечает Д. Н. Панов в своей диссертации, посвященной анализу «Очерков русской смуты» А. И. Деникина, именно этот текст стал катализатором

[344] См.: Короткий А. Ю. Н. Н. Головин об участии России в Первой мировой войне: истоки институционального подхода // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Петрозаводск, 2024. Т.46, №.2. С. 10.
[345] Sharma V. S. A Social Theory of War: Clausewitz and War Reconsidered. Cambridge Review of International Affairs. 2015. Vol. 28, No. 3. P. 334-335
[346] См.: Штейфон Б. А. Кризис добровольчества / Б. А. Штейфон. – Белград: Русская типография, 1928. – 131 с.
[347] Зайцов А. А. 1918 год : Очерки по истории русской гражданской войны. [Б. м.] : [б. и.], 1934. С. 2

масштабной дискуссии среди русской эмиграции[348]. Следовательно, для большинства деятелей того времени, информация, содержащаяся в них, выходила далеко за рамки узкого мемуарного творчества бывшего главкома ВСЮР.

Сам Антон Иванович, об историософских воззрениях которого мы еще поговорим в отдельном параграфе, отмечал, что его субъективные по форме оценки, как и, впрочем, оценки других деятелей, могут дать ключ «к разгадке многих сокровенных побуждений и действий людей, партий, общественных групп. Свидетельства эти – те кирпичи, из которых история возводит свое величественное здание»[349]. Исходя из приведенной цитаты становится видна более глобальная задача, которую видел перед собой мыслитель, а в данном труде А. И. Деникин раскрывается именно с такой точки зрения, а не как узкий военный писатель или мемуарист, а именно – раскрыть истину в отношении ряда людей, партий, общественных групп. Та дискуссия, о которой в своем исследовании писал Д. Н. Панов – ответ этих людей и групп на точку зрения Деникина. Таким образом, внутренние размежевания в среде военной эмиграции представляют собой не случайное явление, а результат осмысления событий «русского лихолетья», закрепленный в историографической практике.

На примере второй главы было показано, каким образом взаимосвязь между довоенной и послевоенной эмигрантской историографией, в частности на уровне политических мировоззрений (консервативных и либеральных позиций), отразилась на характере интерпретаций событий Первой мировой войны.

Не следует полагать, что в историографическом осмыслении Гражданской войны политико-идеологические установки утрачивают свою значимость. Напротив, они продолжают играть ключевую роль в формировании исторических репрезентаций. Как отмечал Х. Уайт: «По-видимому, в каждом историческом описании реальности действительно существует нередуцируемый идеологический компонент. <…> Сама по себе претензия на отыскание некоторого типа формальной связности в историческом источнике привносит с собой теории природы исторического мира и самого исторического знания, которые имеют идеологический подтекст, ибо пытаются понять “настоящее”, как бы это “настоящее” ни определялось. Иначе говоря, сама претензия на разграничение прошлого мира социальной мысли и практики от его настоящего и на определение формальной связности этого прошлого мира предполагает

[348] Панов Д. Н. «Очерки русской смуты» А. И. Деникина в общественно-политической борьбе 20-х – начала 30-х гг. XX века : автореф. дис. … канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2003.
[349] Деникин А. И. Очерки русской смуты. Белое движение и борьба Добровольческой армии: май-октябрь 1918 г. Минск : Харвест, 2002. С. 4.

представление о том, какую форму должно принять это знание о современном мире, предполагает постольку, поскольку он непрерывен с этим прошлым миром»[350].

Таким образом, уже сам факт выявления взаимосвязей между «прошлым миром», связанным со сферой исторического повествования и миром настоящего, в котором действует историк или мемуарист, неизбежно ведет к включению в текст политико-идеологического компонента. При этом изменение предмета исторического осмысления приводит и к определенным трансформациям характера этого компонента, поскольку меняется и сам контекст противостояния: от преимущественно военно-стратегического к политическому. Многие военные эмигранты, чьи тексты анализируются в данной главе, в силу новых обстоятельств были вынуждены сменить профессиональную идентичность, полностью или частично, превратившись в политиков, а не оставшись исключительно военачальниками. Это особенно характерно для таких фигур, как А. И. Деникин, П. Н. Краснов, П. Н. Врангель, А. С. Лукомский.

Данный процесс был точно подмечен одним из авторитетных военных исследователей русской эмиграции – Н. Н. Головиным. В своем исследовании, посвященном формированию русской контрреволюции, он отмечал, что офицерство, вступив на путь политической борьбы, привносило в нее ряд специфических установок, таких как: (1) безусловная необходимость продолжения войны с Центральными державами; (2) ставка на офицера как основную опору государственного строительства; (3) необходимость установления военной диктатуры как формы власти, способной реализовать первые два положения[351]. Эти установки, как подчеркивал Головин, стали своего рода нормативной рамкой для многих деятелей Белого движения и получили выражение в политическом подтексте их сочинений и мемуаров.

Однако при всей точности наблюдений Головина, он, как представляется, не уделил должного внимания разнообразию интерпретаций самого политического фактора внутри Белого движения. Более того, его собственная работа также носит на себе отпечаток определенных политико-идеологических установок, будучи не только исследованием, но и выражением определенной позиции внутри военного сообщества эмиграции.

На этом основании можно утверждать, что в историографических текстах русской военной эмиграции политико-идеологический аспект выходит на первый план, оттесняя сугубо военную проблематику. Подобная трансформация логично вытекает из обстоятельств, в которых оказались эмигрантские авторы, оказавшиеся в роли «генералов-политиков». Различия же в подходах к определению идеальных форм политического устройства и идейной платформы

[350] Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX в. Екатеринбург : Изд-во Ур. ун-та, 2002. С. 41.
[351] Головин Н. Н. Российская контр-революция в 1917-1918 г.г. Зарождение контр-революции и первая ее вспышка Ч. I, кн. 1. Париж. : Иллюстрированная Россия, 1937. С. 135.

антибольшевистского сопротивления становились важнейшими точками напряжения, ведущими к внутреннему расколу, несмотря на кажущееся внешнее единство военной среды.

В качестве одной из ключевых точек такого раскола, ставшей предметом как дискуссий, так и взаимных обвинений, можно, следуя за Д. Н. Пановым, рассматривать «Очерки русской смуты» А. И. Деникина – труд, который спровоцировал значительный отклик в эмигрантской среде и стал важным эпизодом в истории формирования взглядов на события Гражданской войны.

2.1. Революция и гражданская война в работах А. И. Деникина.

Прежде чем перейти к рассмотрению идейных оснований, выраженных А. И. Деникиным в его публицистике и воспоминаниях, а также к анализу качественных характеристик ключевых событий и феноменов революции и Гражданской войны, необходимо вкратце остановиться на биографии самого деятеля.

А. И. Деникин родился 4 декабря 1872 г. во Влоцлавеке (российская Польша) в семье офицера пограничной стражи и польской дворянки[352]. С ранних лет отличался глубокой религиозностью, что повлияло на формирование его мировоззрения. Образование получил в реальных училищах Влоцлавека и Ловича[353]; среди его любимых дисциплин были математика, но рано проявились и литературные способности[354].

Военная карьера стала его выбором: в 1890 г. поступил в Киевское юнкерское училище, в 1895 г. – в Николаевскую академию Генерального штаба, но через год был отчислен после экзамена по истории военного искусства[355]. Однако уже через несколько месяцев он восстановился. Перед выпуском, из-за корректировки списков генералом Н. А. Сухотиным, Деникин, как представитель провинциального офицерства, не был рекомендован к зачислению в Генштаб[356]. Попытки добиться справедливости не увенчались успехом, что стало для него глубоким разочарованием в «правде воли монаршей»[357]. Лишь в 1901 г., после личного письма А. Н. Куропаткину, он был зачислен в списки Генерального штаба.

В 1904-1905 гг. Деникин участвовал в русско-японской войне, зарекомендовав себя смелым и грамотным командиром. После войны занимал штабные должности, а перед Первой мировой назначен генерал-квартирмейстером 8-й армии (командующий – А. А. Брусилов). В сентябре 1914 г., стремясь на передовую, принял командование 4-й стрелковой бригадой

[352] Деникин А. И. Путь русского офицера. М. : Прометей, 1990. С. 4-8.
[353] Там же С. 20-23.
[354] Ипполитов Г. М. Деникин. М. : Молодая гвардия, 2006. С. 24.
[355] Там же. С. 56.
[356] Там же. С. 60-63.
[357] Деникин А. И. Путь русского офицера. М. : Прометей, 1990. С. 73.

(впоследствии дивизией), с которой оставался до назначения командующим VIII-м армейским корпусом.

После Февральской революции назначен начальником штаба Верховного главнокомандующего М. В. Алексеева; несмотря на сложности в отношениях, они наладили конструктивное сотрудничество[358]. После смены главнокомандующего на А. А. Брусилова покинул Ставку и в июне 1917 г. возглавил Западный фронт, выступая за проведение летнего наступления[359].

В августе 1917 года он сменил Л. Г. Корнилова на посту командующего Юго-Западным фронтом и стал одним из участников Корниловского выступления. Вследствие этого был арестован и заключен в тюрьму в Бердичеве, а позднее переведен в Быхов, где находились другие арестованные участники выступления. Дальнейшие действия А. И. Деникина, являющиеся центральной темой его исторического наследия в контексте революции и Гражданской войны, в рамках данного краткого обзора рассматриваться не будут. Отметим лишь, что 4 апреля 1920 года он покинул территорию России. В эмиграции дистанцировался от большинства политических и военных организаций (включая РОВС), его позиция вызывала критику[360]. В годы Второй мировой войны жил на юге Франции, отказавшись от сотрудничества с оккупантами. В 1945 г. переехал в США, где скончался 7 августа 1947 г.

«Очерки русской смуты» представляют собой одну из ключевых работ русской эмиграции, посвященную событиям революции и Гражданской войны. Однако, на наш взгляд, для полноценного понимания этого пятитомного сочинения недостаточно ограничиться его простым прочтением или пересказом того, что принято обозначать как «авторская позиция». Более того, как уже отмечалось во введении, осмысление этой позиции требует анализа совокупности идей и тех культурно-исторических феноменов, которые формировали мировоззрение А. И. Деникина и, в конечном счете, определили характер его интерпретации ключевых событий и процессов революционной эпохи.

Таким образом, мы вновь подходим к проблеме реконструкции смысловой матрицы – комплекса идей и представлений, через призму которых автор воспринимал окружающий мир и

---

[358] Ипполитов Г. М. Деникин. М. : Молодая гвардия, 2006. С. 218-219.

[359] Деникин А. И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917. Минск : Харвест, 2002. С. 189-190

[360] Голдин В. И. Солдаты на чужбине: Русский Обще-Воинский Союз, Россия и Русское зарубежье в XX–XXI веках : электронное издание. М. : Русский Обще-Воинский Союз, 2011. С. 84.
Выступления и позиция генерала находились под серьезным вниманием одного из центральных военных периодических изданий – журнала «Часовой». См.: Бабкин Н. Неосторожные слова. Генерал Деникин и «Измена». Часовой. Париж, 1935. № 150. С. 21-23; Вуич Г. Э. Об «оборончестве» и «пораженчестве». Часовой. Париж, 1939. № 232–233. С. 34; Тарусский Е. Теория и практика (на докладе ген. А. И. Деникина). Часовой. Париж, 1935. № 145. С. 26.

наделял его значением. Для воссоздания этой матрицы необходимо обратиться к различным аспектам авторского опыта: экзистенциальному, а также к сложной системе интертекстуальных влияний – военных, исторических, литературных и религиозных.

Особую роль в формировании мировоззрения А. И. Деникина сыграла служба и обучение в Николаевской академии Генерального штаба. Именно в этот период он усвоил ряд ключевых идей в области стратегии, оперативного искусства и тактики, которые впоследствии оказали значительное влияние как на его военную практику, так и на интерпретацию событий в его исторических трудах. Сам генерал отмечал, что годы его академического обучения пришлись на доминирование в русской военной теории взглядов Г. А. Леера[361].

Суть военной концепции последнего можно представить в виде следующих основных положений: (1) идея предшествует действию – стратегия опирается прежде всего на систему теоретических представлений, а не на ситуативные импровизации; (2) любая операция подчинена двум ключевым силам: цели, как порождению идеи, и направлению, как способу ее развертывания; (3) сама стратегия, по Г. А. Лееру, – это учение о развитии операции в рамках конкретного театра военных действий; (4) операции он делил на три типа: главные (выбор операционной линии, маневр, генеральное сражение), подготовительные (развертывание сил и создание баз снабжения), и дополнительные (обеспечение тыла, логистика, фортификационные работы)[362].

Как справедливо замечал Б. Мэннинг, концепции Г. А. Леера внесли значительный вклад в развитие русской военной мысли. Эта теория опиралась на исторический опыт наполеоновских войн, что, как признавал сам А. И. Деникин, накладывало ограничения на ее применимость в условиях армий «вооруженного народа». Теоретика критиковали за недостаточное внимание к анализу последних германских военных кампаний – австро-прусской и франко-прусской войн, а также германской военной теории в целом. Однако, судя по ряду признаков, Г. А. Леер был хорошо знаком с трудами К. фон Клаузевица, в частности с его фундаментальной работой «О войне». Он, в общем, не ставил под сомнение один из ее ключевых постулатов – примат политических целей над военной стратегией[363]. Эта идея четко прослеживается в сочинении теоретика «Метод военных наук», где он писал: «Война является крайним средством политики для достижения ее целей. Политика ставит войне (стратегии) цель, дает ей средства и берет на себя всю подготовку к ней (политическую)»[364]. Данные мысли напрямую коррелируют с

[361] Деникин А. И. Путь русского офицера. М. : Прометей, 1990. С. 59.
[362] Меннинг Б. У. Пуля и штык. Армия Российской империи 1861-1914. М. : Модест Колеров, 2016. С.186-187.
[363] Клаузевиц К. фон. О войне. М. : Логос : Наука, 1998. С. 59.
[364] Леер Г. А. Метод военных наук (стратегии, тактики и военной истории). Санкт-Петербург : тип. С.Н. Худекова, 1894. С. 74.

взглядами прусского теоретика, что находит подтверждение в этой же работе, где Г. А. Леер ссылался на «О войне».

Эти концептуальные установки были, несомненно, знакомы А. И. Деникину и позволяют глубже понять как его взгляд на войну, так и структуру его главного труда – «Очерков русской смуты». В данном произведении бывший главнокомандующий ВСЮР выстраивал повествование в логике двойного уровня: политического и военно-стратегического, причем политический уровень всегда предшествовал военному. Такое структурное решение, в терминах П. Рикера, можно соотнести с фазой мимесис I, то есть этапом, на котором еще не оформлена окончательная нарративная логика, но уже существует концептуальное понимание, как она будет выстраиваться. При этом доминирование политического измерения явно отражало усвоенную идею приоритета политики над военным действием.

Следует подчеркнуть, что А. И. Деникин, как военный мыслитель, стремился показать: его стратегические решения были ограничены политическим контекстом. Однако многие его критики, в том числе в эмиграции, не учитывали этого обстоятельства, что особенно проявилось в интерпретации так называемой «Московской директивы»[365].

Однако, данная критика являлась упрощенной, так как предполагала отсутствие политических рамок для военного планирования. Всюду и неизменно в «Очерках» А. И. Деникин подчеркивал наличие политического и иных контекстов, суживавших военный маневр. Последнее особенно характерно при анализе автором предыстории 2-го Кубанского похода. Его детерминировала политика: наличие большого числа кубанских казаков и их политических представителей в Добровольческой армии, политические расхождения с атаманом П. Н. Красновым (часто об этом пишут, как о споре «ориентаций»: про-немецкой и про-союзной), и сам германский фактор[366].

Иной характер, метафорически выражаясь, «иную сторону одной медали», имел случай с так называемой «Московской директивой». Ее издание стало первым случаем за все время вооруженного противостояния, когда план стратегического наступления основывался на политическом оптимизме. Как отмечал сам А. И. Деникин, «никогда еще до тех пор советская власть не была в более тяжелом положении и не испытывала большей тревоги», – именно эта политическая оценка сложившейся ситуации легла в основу директивы. Политические обстоятельства впервые представлялись благоприятными для Белого движения на юге России (с перспективы генерала), и именно из них вытекал замысел наступления. В военном отношении

[365] Врангель П. Н. Воспоминания: в 2 частях.1916-1920. М. : ЗАО Центрополиграф, 2006. С. 197.
[366] Не будет преувеличением сказать, что детерминирующим факторам посвящены, в разном объеме, главы I-XX третьего тома «Очерков». См.: Деникин А. И. Очерки русской смуты. Белое движение и борьба Добровольческой армии: май-октябрь 1918 г. Минск : Харвест, 2002.

директива в части выбора операционных направлений также была подчинена политическим установкам и предполагала движение к Москве по кратчайшим маршрутам[367].

Таким образом, военная критика «Московской директивы», основанная на обвинениях в пренебрежении стратегическими принципами, представляется узкой в своем обосновании. Военные замыслы А. И. Деникина всегда соотносились с политическими целями; напротив, признание примата политики над военной сферой являлось основополагающим принципом его мышления. Отметим, что одному из ключевых критиков генерала – П. Н. Врангелю – еще предстояло осознать это, когда он сам возглавит Вооруженные силы Юга России. Однако эта перемена роли не изменила критической позиции последнего в отношении А. И. Деникина, что представляется существенным методологическим упущением, причины которого будут рассмотрены в дальнейшем ходе анализа.

На данном этапе следует зафиксировать, что военный опыт А. И. Деникина, включая интертекстуальный, в частности, воспринятый через лекции и идеи Г. А. Леера, оказал на него значительное и многоплановое влияние. Это отразилось как в конфигурации нарратива «Очерков» (логическая последовательность: политическая сфера – военная сфера), так и в характере описания военных операций, которые неизменно интерпретировались сквозь призму политических ограничений.

Важное значение для понимания взглядов А. И. Деникина имеют его мысли о национальном вопросе. Ключевым в данном отношении является его интертекстуальная связь с выдающимся российским историком В. О. Ключевским. Хотя в историографии данная тема почти не получила освещения (за исключением краткого упоминания у Д. В. Леховича)[368], она заслуживает внимания, поскольку для генерала, как человека чрезвычайно начитанного, знакомство с «Курсом русской истории» стало значимым интеллектуальным событием.

В чем же конкретно проявляется эта связь между взглядами историка и генерала?

Прежде всего, в «Очерках русской смуты» содержатся прямые ссылки на В. О. Ключевского. Причем они появляются не случайно, а именно в той части, где рассматриваются вопросы государственного устройства и национальной политики – ключевые для понимания взглядов А. И. Деникина[369]. Генерал последовательно отстаивал идею местного самоуправления и административной автономии, хотя из-за внутриполитических обстоятельств

[367] Деникин А. И. Очерки русской смуты : [в 3 кн.]. Кн.3 : т.4, т.5. Вооруженные силы Юга России. 3-е изд. М. : АЙРИС-пресс, 2015. С. 487-488.
[368] См.: Лехович Д. В. XXIII. Внешние сношения и внутренние нелады [Электронный ресурс] / Д. В. Лехович // Военная литература. — URL: https://militera.lib.ru/bio/lehovich_dv/23.html (дата обращения: 28.04.2026).
[369] Деникин А. И. Очерки русской смуты : [в 3 кн.]. Кн.3 : т.4, т.5. Вооруженные силы Юга России. 3-е изд. М. : АЙРИС-пресс, 2015. С. 525-541.

и влияния «правых» сил эти принципы не всегда удавалось реализовать на практике[370]. При этом он категорически отвергал как федерализм, так и конфедеративные схемы[371]. О последних он, например, писал, как о понятиях, «столь ярко выдвинутом русской смутой и столь чуждом в устах коренной русской области по отношению к своей стране»[372].

Возникает вопрос: каким образом А. И. Деникин соотносил свои взгляды с волей народа, которой были чужды обозначенные политические идеи? Он сам частично отвечал на него, характеризуя централизацию великокняжеской и царской эпох как явление, с одной стороны, жестокое, но исторически необходимое на раннем этапе становления российской государственности, а с другой – как «огромную историческую ошибку» в более поздний период[373]. В этих взглядах присутствует влияние идей историка на генерала. При этом, несмотря на критику централистской политики и признание ценности автономии, А. И. Деникин оставался приверженцем идеи единства триединого русского народа. Именно в этой идее наиболее отчетливо проявляется влияние В. О. Ключевского, сыгравшее существенную роль в формировании деникинского восприятия «Единой и Неделимой России».

Эта связь особенно ярко проявляется в размышлениях генерала по так называемому «малороссийскому вопросу». Признавая существование двух противоположных подходов –идеи самостийности и сепаратизма, с одной стороны, и концепции единства русского народа, с другой – А. И. Деникин считал теоретическим выразителем первого М. С. Грушевского, а второго – В. О. Ключевского[374]. Сам генерал по этому поводу писал: «У правительства, поддержанного тогдашним общественным мнением и научными силами, составился твердый и неизменный взгляд на национальное, религиозное и культурное единство русского народа в лице трех ветвей его – великорусской, малорусской и белорусской. Эти ветви отличаются местными особенностями, но творили купно свою историю, представляющую, по выражению профессора Ключевского, “широкий общерусский поток событий, образующийся из слияния крупных и мелких местных ручьев”. Конечно, эти особенности имели полное право на внимание к себе со стороны власти»[375].

---

[370] Раков В. В. Вопрос о земском самоуправлении в политике и государственном строительстве южнорусского Белого движения (1918-1919 годы) // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2024. № 2. С. 127-128.
[371] Деникин А. И. Очерки русской смуты : [в 3 кн.]. Кн.3 : т.4, т.5. Вооруженные силы Юга России. 3-е изд. М. : АЙРИС-пресс, 2015. С. 527.
[372] Там же. С. 173.
[373] Деникин А. И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917. Минск : Харвест, 2002. С. 322.
[374] Деникин А. И. Очерки русской смуты : [в 3 кн.]. Кн.3 : т.4, т.5. Вооруженные силы Юга России. 3-е изд. М. : АЙРИС-пресс, 2015. С. 533.
[375] Там же. С. 527-528.

В этой связи вряд ли можно утверждать, что именно взгляды В. О. Ключевского, который, как отмечал Р. Бирнс, не проводил четкой границы между этносами, составлявшими русский народ[376], стали теоретическим основанием для деникинского понимания «Единой и Неделимой России» как таковой. Однако несомненной представляется тесная связь между личными убеждениями А. И. Деникина и историческими построениями В. О. Ключевского. Эти идеи стали частью деникинского идеализма – его представления об идеальном устройстве России и быте русского народа, который он, следуя за историком, мыслил, как триединый союз великороссов, малороссов и белорусов.

Одной из ключевых черт личности А. И. Деникина, на которую указывали даже его идейные оппоненты, были высокие нравственные качества[377]. Судя по всему, эти добродетели являлись отражением его глубокого религиозного чувства. В некрологе, посвященном генералу, И. С. Шмелев писал: «Генерал Деникин остался в моей душе как подлинно русский человек-солдат: верующий, честный и волевой, целомудренно-чистый, „ответственный“; человек любви „во Христе“, человек долга и – это такая редкость! – непреклонный. Во что поверил – тому служу. До конца. Генерал Деникин был православный, глубоко религиозный человек. Эта „православность“ вела его – вождя, солдата, государственника, политика. Это великая сила: совесть, несение Креста и – непреклонность: как на посту, до смены разводящим. Его никто не сменил, до смерти. И после смерти – никто не сменит. Он так и пребудет – „на часах“ – примером чести, долга и стойкости»[378]. О глубоком православном содержании личности генерала писал И. М. Ходаков, отмечая, что А. И. Деникин с ранних лет усвоил христианские образцы поведения[379]. Представляется, что именно это религиозное мироощущение составляло неотъемлемую часть внутреннего мира А. И. Деникина и оказывало прямое влияние на его оценку событий, людей и поступков в годы революции и гражданской войны.

Сам генерал отмечал, что очень рано начал размышлять о религиозных вопросах, практически не обращаясь за разъяснениями «к старшим»[380]. Его взгляды формировались в значительной степени самостоятельно – как под влиянием религиозной литературы, так и под воздействием светского, в том числе антирелигиозного чтения[381]. В результате этих раздумий он

---

[376] Byrnes R. Kliuchevskii on the multi-national Russian state // Russian History/Histoire Russe. 1986. Vol. 13, No. 4. P. 317.
[377] Например, П. Н. Врангель отмечал честность А. И. Деникина. См.: Кисин С. В. Генерал Деникин. За Россию, Единую и Неделимую. М. : Центрополиграф, 2021. С. 293.
[378] Шмелев И. С. Памяти «непреклонного» // Русская мысль. 1947. 16 авг. № 18. С. 1-3.
[379] Ходаков И. Русское военное духовенство в 1917 году (комментарий в русле истории) [Электронный ресурс] / И. Ходаков // Седмица.RU : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия». – 2006. – 7 июля. – URL: https://www.sedmitza.ru/text/406290.html (дата обращения: 28.01.2026). – Текст: электронный.
[380] Деникин А. И. Путь русского офицера. М. : Прометей, 1990. С. 12.
[381] Там же. С. 25.

пришел к убеждению, которое можно резюмировать следующей его цитатой: «Человек – существо трех измерений – не в силах осознать высшие законы бытия и творения. Отметаю звериную психологию Ветхого Завета, но всецело приемлю христианство и православие»[382]. Данное высказывание свидетельствует о характерном для А. И. Деникина апофатическом понимании веры: он признавал непостижимость Божьего замысла, отвергал буквальное восприятие ветхозаветной жестокости как противоречащее сущности Бога, и утверждал, что человеку доступно лишь видеть отблески Вселенской правды в ее отражении – в истории, судьбе, личном опыте. Эту мысль он выразил с предельной ясностью в «Очерках русской смуты»: «Вселенская правда нам недоступна. Есть только многогранные отражения ее»[383].

Таким образом, восприятие исторического процесса, а также оценка конкретных событий и фигур гражданской войны формировались у А. И. Деникина под воздействием в том числе религиозного мировоззрения. В этом же контексте следует рассматривать его восприятие советской власти как богоборческой, что и обусловило его абсолютное неприятие большевизма и коммунизма[384]. Поскольку подлинный смысл происходящего, согласно его убеждению, человеку не дан в полноте, но может быть постигнут лишь через «отражения», А. И. Деникин и конец своей борьбы осмыслял в религиозной перспективе. Так, в письме к А. М. Драгомирову он писал: «Бог не благословил успехом войск, мною предводимых»[385]. Этот факт воспринимался им как знак свыше, как отражение божественного замысла, что, возможно, подтолкнуло его к переоценке самой природы противостояния с большевизмом.

В целях настоящего исследования следует подчеркнуть, что значительное число оценок, данных автором «Очерков», формировались в русле его религиозного восприятия действительности.

Наряду с этим, нельзя не упомянуть и еще один важный пласт формирования личности генерала – его глубокую увлеченность литературой. Сам А. И. Деникин отмечал, что еще до Первой мировой войны писал в «щедринском духе»[386]. Упоминания М. Е. Салтыкова-Щедрина и отсылки к его творчеству присутствуют и в «Очерках»[387]. Хотя прямо писатель не назван, генерал, по сути, признавал его своим «любимым» автором[388].

---

[382] Деникин А. И. Путь русского офицера. М. : Прометей, 1990. С. 26.
[383] Деникин А. И. Очерки русской смуты. Белое движение и борьба Добровольческой армии: май-октябрь 1918 г. Минск : Харвест, 2002. С. 3.
[384] Деникин А. И. Очерки русской смуты : [в 3 кн.]. Кн.3 : т.4, т.5. Вооруженные силы Юга России. 3-е изд. М. : АЙРИС-пресс, 2015. С. 15.
[385] Там же. С. 806.
[386] Деникин А. И. Путь русского офицера. М. : Прометей, 1990. С.189
[387] Деникин А. И. Очерки русской смуты : [в 3 кн.]. Кн.3 : т.4, т.5. Вооруженные силы Юга России. 3-е изд. М. : АЙРИС-пресс, 2015. С. 147.
[388] Там же. С. 524.

Влияние писателя-сатирика на оценки А. И. Деникина, по-видимому, заключалось в восприятии демократической традиции русской мысли[389]. Так в одной из речей, приведенной в «Очерках», генерал перефразировал, но, по существу, воспроизводил идею М. Е. Салтыкова-Щедрина: несмотря на многочисленные проблемы и разрушенность России, ее все равно следует любить[390]. Там же генерал подчеркивал свое стремление к эволюционному развитию страны и отмежевание от «пошехонского» прошлого, с которым он связывал реакционную идеологию дореволюционной эпохи[391]. Это позволяет говорить о глубоком восприятии А. И. Деникиным демократических интенций русской литературной традиции и их отражении в его отношении к прошлому строю.

Подводя итог, можно утверждать, что смысловая матрица, через которую А. И. Деникин осмыслял исторические события, базировалась на сочетании религиозного, нравственного и литературного мировоззрения. Этот анализ, разумеется, не является исчерпывающим, однако охватывает ключевые основания, которые обусловили характер оценок, данных автором в «Очерках русской смуты». Следует также помнить, что А. И. Деникин не был просто мемуаристом: за его взглядами стоял богатый внутренний мир, соединявший практический и теоретический военный опыт, исторические знания и мировоззренческую рефлексию, питавшуюся как из христианской традиции, так и из русской литературы.

Для понимания «Очерков» А. И. Деникина, равно как и для осмысления политических взглядов самого автора, необходимо обратиться к системе координат, в которой он воспринимал события «русского лихолетья». В данном случае в многотомном труде генерала представлена характерная политическая матрица, отражающая, с одной стороны, реальное распределение сил в традиционной дихотомии «левые – правые», а с другой –личное восприятие этого расклада самим автором. Несмотря на то, что политическим воззрениям А. И. Деникина посвящен значительный корпус исследований, как справедливо указывала Л. А. Антонова, еще в рамках советской историографии оценки варьировались от характеристики его как выразителя буржуазно-помещичьих и контрреволюционных интересов до образа консервативного монархиста[392]. В современной науке, однако, утвердилось более устойчивое представление о

[389] Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений : в 20 т. М. : Худож. лит., 1965–1977. Т. 17 : Пошехонская старина. 1887–1889. Забытые слова. 1889. Автобиографии. 1858–1889. 1975. С. 518.
[390] Деникин А. И. Очерки русской смуты : [в 3 кн.]. Кн.3 : т.4, т.5. Вооруженные силы Юга России. 3-е изд. М. : АЙРИС-пресс, 2015. С. 523-524.
[391] Там же. С. 523.
[392] Антонова Л. А. Политические воззрения А. И. Деникина в России и эмиграции: формирование и эволюцию : автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.02. Ростов-на-Дону, 2011. С. 4.

либеральном характере его политических взглядов[393]. Эта интерпретация, в целом, заслуживает признания, однако требует некоторых уточнений.

В автобиографическом сочинении, которое, по замыслу А. И. Деникина, должно было служить вступлением к «Очеркам», он указывал, что его политическое мировоззрение сложилось в годы учебы в Академии. Он отверг народничество и его продолжателей социалистов-революционеров главным образом из-за их тактики, ориентированной на «крестьянский бунт» и террор, что вступало в глубокое противоречие с его нравственными и религиозными установками. Он также не принимал и марксистское учение, выраженное в программах меньшевиков и большевиков. Его неприятие левых доктрин, как он подчеркивал, объяснялось доминированием в них материалистических ценностей над духовными и подчинением личности идеологической схеме. Эти установки, по-видимому, он отвергал как не соответствующие представлению о человеке как существе «трех измерений» – телесном, душевном и духовном[394].

Таким образом, именно нравственно-религиозные убеждения стали основой его отрицательного отношения к левым политическим течениям. Исходя из тех же принципов, он формулировал и собственные взгляды, обозначая их как русский или российский либерализм, подчеркивая при этом свое неприятие партийного догматизма. В широком смысле под этим он подразумевал приверженность идеалам конституционного монархизма, проведению глубоких реформ и мирный путь их осуществления[395]. В то же время он отмечал, что такие взгляды сохранялись у него лишь до 1917 года – рубежа, после которого политика перестала быть для него отвлеченной областью размышлений и приобрела практический, драматически острый характер[396].

Какие же события заставили его пересмотреть прежние убеждения? Американский историк П. Кенез, по-видимому, наиболее точно указал на момент, ставший поворотным. По его мнению, именно недолгое, но непосредственное общение с крестьянством в ходе «путешествия» на Дон после побега из Быховской тюрьмы сыграло решающую роль. Генерал-лейтенант, наблюдая настроения народных масс, обнажившиеся благодаря революции, получил представление об их отношении к институтам старого строя, включая саму монархию. Это привело к глубокому разочарованию в прежнем идеале конституционной монархии[397].

Однако это была лишь одна из причин. В первом томе «Очерков» он приводил целый ряд доводов, свидетельствующих о крахе монархической идеи. Царское правительство, по его

[393] Ипполитов Г. М. Деникин. М. : Молодая гвардия, 2006. С. 142.
[394] Деникин А. И. Путь русского офицера. М. : Прометей, 1990. С. 66.
[395] Там же. С. 66.
[396] Там же. С. 67.
[397] Кенез П. Подлинная история Добровольческой армии, 1917-1918. М. : Алгоритм, 2017. С. 60.

мнению, последовательно вело страну и армию к катастрофе[398], что выражалось, в частности, в ошибочной кадровой политике в военной среде[399] и в социальной плоскости –в постоянной конфронтации с обществом[400]. Особое раздражение у автора вызывало влияние придворных кругов, включая фигуру Г. Е. Распутина, на Николая II[401]. Это влияние, по его свидетельству, подрывало авторитет монарха в глазах офицеров и солдат, нивелируя сакральное значение царской власти в армейской среде. Ответственность за падение монархии, по мнению генерала, в полной мере лежала на самих Романовых[402]. Все это в совокупности, как представляется, подготовило переход А. И. Деникина от конституционно-монархических убеждений к республиканским.

Таким образом, в политической картине смуты, реконструируемой автором «Очерков», можно выделить три силы: левых – революционных демократов (эсэров, меньшевиков, большевиков); центристов – русскую демократию (в первую очередь кадетов и близкие к ним элементы); и правых – монархистов, в том числе сторонников самодержавия. Последние, по убеждению Деникина, представляли реакцию и не вызывали у него симпатии. Более того, в годы Гражданской войны многие из них заняли германофильские позиции, что еще более усилило отторжение с его стороны[403].

Революция 1917 года, по мнению А. И. Деникина, являлась общенациональным явлением, выражением «всеобщего протеста против старого строя»[404]. В то время как сама революция представлялась ему противостоянием двух идейных сил – «русской демократии» и «революционной демократии» – Гражданская война, по сути, стала этапом дальнейшего радикального размежевания с появлением на политической сцене и правых групп[405]. Заметим, что ни одна из этих политических сил, по его мнению, не выражала волю всего народа: их различия носили идеологический характер и касались прежде всего методов борьбы за власть[406]. В этих условиях генерал сделал нравственный выбор, отвергнув союзы с левыми партиями, чья

[398] Деникин А. И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917. Минск : Харвест, 2002. С. 13.
[399] Там же. С. 20-21.
[400] Там же. С. 46.
[401] Там же. С. 13-16.
[402] Там же. С. 15.
[403] Деникин А. И. Очерки русской смуты. Белое движение и борьба Добровольческой армии: май-октябрь 1918 г. Минск : Харвест, 2002. С. 230-231.
[404] Деникин А. И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917. Минск : Харвест, 2002. С. 113.
[405] Эта идея, высказанная генералом, сочетание, с одной стороны, социальных причин революции, а с другой, – политического противоборства, на сегодняшний день нашла аргументированное нарративное развитие в исследовании А. Уайлдмана. Ср.: Wildman A. K. The End of the Russian Imperial Army: The Road to Soviet Power and Peace. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1987. P. 262.
[406] Деникин А. И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917. Минск : Харвест, 2002. С. 113.

идеология и практика казались ему безнравственными и разрушительными. Его политическая ориентация на либерально-демократические силы была, судя по всему, не вынужденной, а внутренне обоснованной: именно в этих силах он видел наиболее морально чистую и приемлемую альтернативу как левому радикализму, так и правому реакционному реваншу.

Однако политические взгляды генерала не исчерпывались декларируемыми идеалами и их необходимо дополнить ситуативными факторами, в первую очередь обусловленными войной. В этом проявляется важная контекстуальная связка между Первой мировой войной, революцией и Гражданской войной – нить, проходящая через нарративы всех без исключения военных эмигрантов. Именно война выступала определяющим контекстом, вызвавшим в армейской среде стремление к «сильной власти»[407].

В предыдущей главе, посвященной историографическим подходам к Первой мировой войне, уже поднимался вопрос о появлении мысли о диктатуре в среде военного руководства. Здесь же задача заключается в реконструкции механизма, изложенного в «Очерках», который обусловил вовлечение генералов в политическую сферу. Сам генерал подчеркивал, что подобное вовлечение было немыслимо для большинства офицеров армии при нормальных условиях функционирования военного института. Он прямо указывал: «Ставка была <…> аполитична»[408].

Аполитичность армейского командования объяснялась отсутствием у него потребности в политических переменах, поскольку офицеры четко осознавали свою подчиненную роль в отношении с гражданской властью. Однако революция, а точнее – ее стремительная радикализация, изменила расстановку сил: политика проникла в сферу ответственности военных. Ключевым моментом в этом процессе стал Приказ № 1, приведший, по выражению А. И. Деникина, к «переходу фактической военной власти к солдатским комитетам, к выборному началу и смене солдатами начальников, – приказ, имеющий такую широкую и печальную известность и давший первый и главный толчок к развалу армии»[409].

Генерал последовательно фиксировал введение в армейскую среду политических норм, прежде всего принципа выборности, которые, по его мнению, были абсолютно несовместимы с нормальным функционированием войск, особенно в условиях крупнейшей войны современности. Офицерство, не соглашаясь с этим положением дел, вначале стремилось мирными средствами добиться восстановления прежних отношений между военной и политической сферами. Подробный анализ этого процесса занимал значительное место в первом томе «Очерков».

---

[407] Деникин А. И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917. Минск : Харвест, 2002. С. 109.
[408] Там же. С 86.
[409] Там же. С. 67.

Однако неспособность демократии восстановить дисциплину и обеспечить победу на фронте вынудила военных к политической активности. Единственной формой власти, приемлемой для них, оказалась та, что по своему устройству напоминала армейскую структуру: жесткая, дисциплинированная, основанная на принципе единоначалия –диктатура.

А. И. Деникин подчеркивал, что подобная диктатура отнюдь не была антидемократической или контрреволюционной. Напротив, в условиях разрушения государственного механизма, усиления анархии и торжества силы, только диктатура могла, с его точки зрения, обеспечить соблюдение законов и сохранить саму демократию от распада[410]. Если интерпретировать взгляды генерала, то три термина лучше всего описывали диктатуру в контексте революции 1917 года: сильная, национальная, демократическая[411].

Включение армейского командования в политический процесс было воспринято «революционной демократией» как угроза их гегемонии. Это противоречие вылилось в конфликт, вошедший в историю как «Корниловское движение» – термин, которым сам А. И. Деникин обозначал эти события[412]. Поражение этого движения, предопределенное исходной расстановкой сил[413], стало прологом к торжеству большевизма и дальнейшему радикальному сдвигу власти влево[414]. Для офицерства, как ключевого контрреволюционного звена, это событие послужило отправной точкой разрыва с либеральными демократами, так как последние, за немногим исключением, отвернулись в те дни от них[415].

Тем самым военные, против своей воли, с точки зрения А. И. Деникина, оказались вытеснены вправо, что открыло путь к их участию, уже как «правых», в политической борьбе в рамках Гражданской войны. При этом оторванность большинства политических группировок от народных масс создавала пространство для манипуляций общественным сознанием. А. И. Деникин писал: «Народ <…> проявлял глубокое безразличие к вопросам государственного устройства и, видя ежечасное ухудшение своего правового и хозяйственного положения, роптал и глухо волновался. Народ хотел хлеба и мира. И не мог поверить, что хлеб и мир немедленно не может дать ему никто – ни Корнилов, ни Керенский, ни Церетели, ни Ленин»[416].

Судя по всему, А. И. Деникин прекрасно осознавал, где находились механизмы привлечения на свою сторону народных масс, однако весь ход дальнейшей борьбы будто бы

[410] Деникин А. И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917. Минск : Харвест, 2002. С. 131-132.
[411] Там же. С. 132.
[412] Деникин А. И. Очерки русской смуты: Борьба генерала Корнилова. Август 1917-апрель 1918. Минск : Харвест, 2002. С. 38.
[413] Там же. С. 95.
[414] Там же. С. 92.
[415] Там же. С. 99.
[416] Там же. С. 127.

отвергал это. На самом же деле, как будет показано ниже, генерал давал исчерпывающий, со своей точки зрения, ответ на вопрос о том, почему ему, будучи главой южнорусского Белого движения, не удалось привлечь на свою сторону крестьянские массы.

Уместно отметить, что в современной историографии подробно разработан вопрос аграрного законодательства Белого юга. Так, В. Ж. Цветков отмечал характерную для властей региона амбивалентность, которая была зафиксирована в мартовской «Декларации по аграрному вопросу», «в которой говорилось об “обеспечении интересов крестьян” за счет “казенных и частновладельческих земель” и одновременно о “сохранении за собственниками их прав на земли”. Сочетание этих двух, казалось бы, взаимоисключающих принципов предполагалось в “Декларации” в форме добровольных сделок купли-продажи между крестьянином и помещиком и принудительного отчуждения части частновладельческих земель, но обязательно за выкуп. При этом особо оговаривалось (это положение было главным в законопроектах Особого совещания), что дополнительное наделение землей не разрешит земельной нужды, не увеличит производительность сельского хозяйства. Полное признание “черного передела” означало отказ от принципов “восстановления нарушенного правопорядка”. Главной задачей становилась интенсификация хозяйств, обеспечение крестьян доступным кредитом, техникой, семенами, удобрениями»[417]. На основании данной декларации, как отмечается, должны были разрабатываться дальнейшие проекты земельной реформы, сначала под руководством В. Г. Колокольцева, а после А. Д. Билимовича и В. Н. Челищева.

Примечательно, что сам А. И. Деникин полагал, что комиссия В. Г. Колокольцева была нацелена, фактически, на реституцию, так как стремилась «выиграть время и отстоять интересы класса» помещиков[418]. Таким образом, проект данной комиссии был признан главкомом не отвечающим духу его декларации и был отклонен, а сам В. Г. Колокольцев лишился своего поста. Интересно, что автор также приводил точку зрения будущего архитектора политики крымского правительства А. В. Кривошеина, настаивавшего на том, что нужно «ограничиться возобновлением деятельности Крестьянского банка и созданием землеустроительной и землемерной организации, которые “внесут в деревню успокоение вернее и скорее, чем самые красноречивые обещания!”»[419]. Как видно, А. И. Деникин четко указывал на тот факт, что дрейф воззрений в аграрном вопросе влево у ряда правых деятелей был вызван не их мировоззрением или взглядами, а практическим опытом. За всем этим он вопрошал: «Не видели или умышленно

[417] Цветков В. Ж. Аграрно-крестьянская политика Белого движения в России (1917–1920 гг.) [Электронный ресурс] / В. Ж. Цветков // Новый исторический вестник. 2006. № 15. С. 57–90. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/agrarno-krestyanskaya-politika-belogo-dvizheniya-v-rossii-1917-1920-gg (дата обращения: 15.01.2026)
[418] Деникин А. И. Очерки русской смуты : [в 3 кн.]. Кн.3 : т.4, т.5. Вооруженные силы Юга России. 3-е изд. М. : АЙРИС-пресс, 2015. С. 318.
[419] Там же. С. 319.

закрывали глаза (т.е. ранее при власти самого Деникина)?[420]». Сам не давая однозначного ответа, он, по-видимому, предлагал ответить на этот вопрос читателю.

На данном этапе важно зафиксировать, вслед за автором, ключевую трансформацию политических диспозиций накануне Гражданской войны. Если революция представляла собой противостояние «революционной демократии» и «русской демократии», то гражданская война, как показывал А. И. Деникин на примере Кубани, превратилась в маятник, колебания которого выражали настроения народных масс, склонявшихся влево или вправо в зависимости от текущего контекста[421].

Во второй главе на основе анализа «Очерков» А. И. Деникина был рассмотрен вопрос об эрозии военных усилий России в годы Первой мировой войны. Однако тема революции, органично связанная с событиями мировой войны, в предыдущем изложении не получила достаточного освещения. Между тем, как было показано ранее, в нарративе самого А. И. Деникина присутствовало логически обоснованное объяснение возникновения революционной ситуации в стране, вызванной нарастающей дисфункцией царского государственного аппарата. При этом сам автор не являлся принципиальным противником самой революции, при условии ее остановки на либерально-демократическом этапе[422]. Однако он последовательно выступал против дальнейшей радикализации революционного процесса, усматривая ее причины в деятельности блока социалистов-революционеров и социал-демократов (меньшевиков), занимавших доминирующее положение в Петроградском Совете[423], а также в неспособности Временного правительства осуществить эффективное руководство страной[424].

Для понимания причин углубления революции необходимо обратиться к роли армии – в той интерпретации, которую предлагал А. И. Деникин. В мемуарах «Путь русского офицера», анализируя революцию 1905-1907 годов, он подчеркивал, что ее подавление стало возможным благодаря позиции армии, выступившей в качестве ключевого фактора стабилизации. «Революционная демократия», извлекая уроки из поражения, перенесла основное внимание на подрыв боеспособности вооруженных сил как института[425]. Эти усилия, по его мнению, свидетельствовали о полном непонимании специфики армии как особой структуры: с одной стороны, она была аполитичной и подчиненной законной власти, с другой – обеспечивала ей

[420] Деникин А. И. Очерки русской смуты : [в 3 кн.]. Кн.3 : т.4, т.5. Вооруженные силы Юга России. 3-е изд. М. : АЙРИС-пресс, 2015. С. 320.
[421] Деникин А. И. Очерки русской смуты: Борьба генерала Корнилова. Август 1917-апрель 1918. Минск : Харвест, 2002. С. 283-284.
[422] Деникин А. И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917. Минск : Харвест, 2002. С. 111.
[423] Там же. С. 116.
[424] Там же. С. 112.
[425] Деникин А. И. Путь русского офицера. М. : Прометей, 1990. С. 178-179.

реальное удержание власти силой. Новые политические лидеры, как считал автор, не осознавали данной двойственной природы армии[426].

В результате произошедшего постреволюционного (февральского) кризиса революционно-демократический лагерь раскололся на два направления – «оборонцев» и «пораженцев». Первые, обладая в марте достаточной поддержкой не сделали ничего, чтобы взять власть в свои руки и начать «творческую» работу[427]. С точки зрения А. И. Деникина, в этот момент власть оказалась фактически покинутой ведущими политическими партиями, в стране образовался вакуум, который должна была заполнить решительная сила, способная взять на себя государственное управление. Такой силой, по его убеждению, оказались «анархо-большевики» – представители пораженческого лагеря, о способности которых к захвату власти А. И. Деникин, по-видимому, догадывался уже на ранней стадии революционного процесса[428].

Автор подчеркивал данный факт и после провального летнего наступления российской армии, считая, что уже в августе ситуация складывалась таким образом, что если не появится сила, способная дать отпор большевикам, то последние смогут захватить власть[429]. В этих условиях происходила попытка конституализации силы, способной дать отпор большевистским силам. Попытка создания такой противодействующей силы, по мнению А. И. Деникина, выразилась в «Корниловском выступлении», которое, как уже было отмечено ранее, из-за слабой подготовки оказалось обречено на провал[430]. Несвоевременность действий и провокационные шаги со стороны А. Ф. Керенского, по его оценке, открыли путь большевикам к власти. Деникин подчеркивал, что именно Керенский, ведомый личными властными амбициями, оказался неспособным распознать подлинную угрозу, исходившую не справа, а слева.

После провала «выступления» Л. Г. Корнилов, его сторонники, в том числе и сам А. И. Деникин, оказались заключенными в Быховской тюрьме, где и встретили приход к власти большевиков в октябре 1917 года. В нарративе генерала утверждалось, что победа большевиков стала возможной вследствие нескольких факторов: усталости масс от затянувшейся войны, социальной неудовлетворенности, инерции населения, «рабской психологии» как наследия крепостничества, пассивности большинства, а также решительности, организованности и социальной демагогии большевиков, обещавших народу именно то, чего он желал – мир, землю,

[426] Деникин А. И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917. Минск : Харвест, 2002. С. 68-69.
[427] Там же. С. 114-121.
[428] Там же. С. 123.
[429] Деникин А. И. Очерки русской смуты: Борьба генерала Корнилова. Август 1917-апрель 1918. Минск : Харвест, 2002. С. 11.
[430] Там же. С. 45.

фабрики. С этого момента, по логике автора, первый этап революции завершается, уступая место новому историческому этапу – дрейфу страны к Гражданской войне[431].

Переходя к анализу Гражданской войны в творческом наследии А. И. Деникина, следует отметить две характерные особенности его авторского нарратива прежде всего в рамках «Очерков русской смуты». Первая из них уже была обозначена выше – это своеобразная структура произведения, при которой главы, посвященные политическим вопросам, последовательно предшествуют разделам, рассматривающим военно-стратегическую тематику. Подобная композиция была выдержана на протяжении всего труда и явно носила неслучайный характер. Так, в первом томе, главы I–XV посвящены преимущественно политическим обстоятельствам революции (за исключением главы X, в которой дается характеристика генерала С. Л. Маркова), тогда как военно-стратегические разделы следуют далее и прерываются, по сути, вставками политического характера (главы XVIII–XXIV)[432]. А. И. Деникин сохранял эту структуру и в последующих томах. Например, во втором томе главы I–XVIII посвящены в основном политическим и социальным вопросам, тогда как главы XIX–XXX сосредоточены на анализе военных операций, при этом в них регулярно встречаются отступления к социально-политической проблематике. Глава XXXI – одна из ключевых во всем произведении – также целиком посвящена вопросам политического характера[433].

В связи с композиционной структурой труда показательны размышления А. И. Деникина о природе стратегии в условиях Гражданской войны. Признавая, как уже было показано, вслед за Г. А. Леером наличие определенных закономерностей в области военного искусства, А. И. Деникин в то же время подчеркивал специфику гражданской войны, радикально модифицировавшую ряд положений классической стратегии. Одним из центральных принципов, на которых настаивал автор, являлась недопустимость распыления ограниченных сил по растянутому фронту. Однако именно такая ситуация, по его собственному признанию, сложилась у Вооруженных сил Юга России в середине 1919 года.

Причины подобного отклонения от канонов стратегии, с точки зрения автора, заключались прежде всего в психологическом факторе, который приобретает приоритетное значение в условиях гражданского конфликта. В условиях истощения как материальных, так и людских ресурсов, белому командованию, по мнению генерала, следовало использовать благоприятную ситуацию: падение морального духа в Красной армии и одновременно –подъем боевого настроя

[431] Деникин А. И. Очерки русской смуты: Борьба генерала Корнилова. Август 1917-апрель 1918. Минск : Харвест, 2002. С. 152-158.
[432] Деникин А. И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917 / А. И. Деникин. — Минск : Харвест, 2002. — 464 с.
[433] Деникин А. И. Очерки русской смуты: Борьба генерала Корнилова. Август 1917-апрель 1918 / А. И. Деникин. — Минск : Харвест, 2002. — 400 с.

в собственных войсках (т.е. психологический фактор детерминирует оперативные решения). Начав масштабное наступление, командование предполагало не только удержать высокий моральный уровень белых армий и усугубить деморализацию противника, но и овладеть экономически значимыми районами: Екатеринославской, Таврической и Киевской губерниями[434].

Вообще следует отметить, что А. И. Деникин был склонен помещать в центр своих военных рассуждений именно фактор боевого духа войск. В сущности, один из главных лейтмотивов его повествования в данном аспекте заключался в том, что казачество, в отличие от добровольческих «цветных» частей, было склонно к колебаниям боевого духа. Примечательно, что автор «Очерков» был не единственным, кто видел данную проблему. Так, генерал А. П. Будберг, один из видных военно-политических деятелей белой Сибири, считал, что «возможность сопротивления» в Гражданской войне «вообще» очень сильно зависела именно от боевого духа, который, в условиях такого типа конфликта, падал очень быстро, особенно в следствии отступлений, утомления[435] и фланговых обходов[436].

Обобщая свои стратегические соображения, бывший главнокомандующий ВСЮР писал: «Освобождение нами огромных областей должно было вызвать народный подъем, восстание всех элементов, враждебных советской власти, не только усиление рядов, но и моральное укрепление белых армий. Вопрос заключался лишь в том, изжит ли в достаточной степени народными массами большевизм и сильна ли воля к его преодолению»[437]. По убеждению А. И. Деникина, ответ на этот ключевой вопрос Гражданской войны оказался отрицательным. Именно в этом он видел одну из главных причин поражения Белого движения.

Таким образом, последовательное чередование и приоритет политических тем над военными в композиции труда, на наш взгляд, отражают глубинную установку автора: с одной стороны, признание примата политики над военной стратегией, с другой – указание на органическое взаимопроникновение и взаимозависимость этих сфер. Из этого вытекает логичное допущение, что причины поражения Белого движения, по мысли самого А. И. Деникина, коренились прежде всего в области политических противоречий и неурегулированности взаимоотношений между основными субъектами «русской смуты».

Отсюда проистекает и вторая принципиальная особенность деникинского нарратива: Гражданская война предстает как форма борьбы между ключевыми политическими силами, равноудаленными от широких народных масс, но стремившимися повлиять на них, чтобы

[434] Деникин А. И. Очерки русской смуты : [в 3 кн.]. Кн.3 : т.4, т.5. Вооруженные силы Юга России. 3-е изд. М. : АЙРИС-пресс, 2015. С. 498-500.
[435] Будберг А. Я. Дневник белогвардейца: Воспоминания. Мемуары. Минск. : Харвест, М.: АСТ, 2001. С. 74-75.
[436] Там же. С. 55.
[437] Деникин А. И. Очерки русской смуты : [в 3 кн.]. Кн.3 : т.4, т.5. Вооруженные силы Юга России. 3-е изд. М. : АЙРИС-пресс, 2015. С. 500.

склонить общественные настроения, условный «маятник», в свою пользу. Не претендуя на исчерпывающее перечисление всех таких сил, следует, тем не менее, выделить основные из них: русская либеральная демократия, революционная демократия, большевизм, правоконсервативные течения, казачество, национальные сепаратистские движения («самостийничество»), иностранная интервенция и, наконец, стоящая особняком, Добровольческая армия.

А. И. Деникин неоднократно и вполне определенно отождествлял себя с либерально-демократическим лагерем[438]. Последнее, судя по его логике, было обычным отражением общего демократизма русского офицерства, после введения всеобщей воинской повинности, открывшей дорогу в офицерский корпус для представителей широких народных масс (т.е. демократизм в его рассуждениях предстает не столько политическим термином, сколько социально-политическим: демократичен, прежде всего, тот, кто происходил из «народных масс»). Это, в свою очередь, способствовало сближению офицерства с демократической интеллигенцией (общность происхождения), что, по мнению А. И. Деникина, создавало предпосылки для потенциального сотрудничества в период революции и Гражданской войны[439]. Однако, как он подчеркивал, представители революционной демократии, несмотря на произошедшие изменения (офицер – человек из народа), продолжали воспринимать армию, особенно офицерский корпус, как сугубо контрреволюционную силу (дворянско-помещичью). В этом автор усматривал признак глубокого непонимания реального положения дел со стороны последних[440].

Таким образом, с одной стороны, А. И. Деникин идентифицировал значительную часть офицерства с подлинной «русской демократией», а с другой – констатировал утрату шанса на диалог и взаимодействие между демократически ориентированным офицерским корпусом и силами «революционной демократии». Говоря о политических воззрениях русских демократов, понимаемых автором в широком смысле (социально-политическом), следует акцентировать внимание не столько на политических программах – генерал, как видно из «Очерков», всячески стремился избежать «доктринерства», – сколько на двух ключевых принципах: народоволии[441] и национальности политики[442]. Именно они, по мнению А. И. Деникина, позволяли объединяться с различными, вплоть до социалистических, силами ради борьбы с большевизмом.

---

[438] Деникин А. И. Путь русского офицера. М. : Прометей, 1990. С. 66.; Деникин А. И. Очерки русской смуты : [в 3 кн.]. Кн.3 : т.4, т.5. Вооруженные силы Юга России. 3-е изд. М. : АЙРИС-пресс, 2015. С. 705.

[439] Деникин А. И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917. Минск : Харвест, 2002. С. 10.

[440] Там же. С. 84.

[441] Деникин А. И. Очерки русской смуты : [в 3 кн.]. Кн.3 : т.4, т.5. Вооруженные силы Юга России. 3-е изд. М. : АЙРИС-пресс, 2015. С. 197.

[442] Деникин А. И. Очерки русской смуты. Белое движение и борьба Добровольческой армии: май-октябрь 1918 г. Минск : Харвест, 2002. С. 5.

Отдельно стоит отметить ключевой лозунг Белого движения, верность которому А. И. Деникин рассматривал как непреложную – это доктрина «Великой, неделимой, единой России»[443]. Следует подчеркнуть, что этот тезис не был новаторским для российской политической мысли, поскольку элементы данной идеи уже присутствовали в правовой практике XIX века[444]. Однако, применительно к Гражданской войне 1918-1922 гг., как отмечал К. А. Конев, «каждый элемент лозунга <…> нес в себе определенный набор смыслов и при этом мог быть истолкован достаточно свободно»[445]. В контексте взглядов генерала эта триада получает следующую интерпретацию.

«Великая» ассоциировалась с идеей защиты национальных интересов России, отказом от любых территориальных уступок, даже перед лицом союзников. Это четко проявлялось в позиции генерала относительно британских претензий в Дагестане и французских в Одессе. «Неделимая» связана с концепцией территориального устройства России. В данном контексте А. И. Деникин абсолютно отвергал идею федерации, считая ее чуждой для терской области и других русских регионов[446]. Эти рассуждения позволяют понять, какие области он считал «коренными». Безусловно, к таким регионам он относил Великороссию, Малороссию и Белоруссию, поскольку был сторонником триединства, но к этим территориям добавлялись и регионы компактного проживания казачества, такие как тот же Терек. Федерацию, которую А. И. Деникин воспринимал как двустороннюю модель, разрушавшую «идею национального единства России», он противопоставлял идее автономии для «отдельных народностей и самобытных образований» (включая казачество), а также широкой децентрализации государственного управления[447]. Наконец, «единая» в его интерпретации означала непризнание идеи сепарации окраин от России[448].

Приверженность этим принципам А. И. Деникин иллюстрировал на примере фигуры, ставшей для него национальным символом, – Л. Г. Корнилова: «он был далек и чужд всякого партийного догматизма; по взглядам, убеждениям примыкал к широким слоям либеральной демократии»[449]. На основе аргументов, приведенных самим автором, можно заключить, что

---

[443] Деникин А. И. Очерки русской смуты : [в 3 кн.]. Кн.3 : т.4, т.5. Вооруженные силы Юга России. 3-е изд. М. : АЙРИС-пресс, 2015. С. 736.
[444] Ирхин Ю. В. Политология : учебник для вузов. М. : Юристъ, 2000. С. 148
[445] Конев К. А. Лозунг «Великая, единая и неделимая Россия» и формирование образа союзников в официальной и проправительственной печати белой Сибири (июнь 1918 – декабрь 1919 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 399. С. 81.
[446] Деникин А. И. Очерки русской смуты : [в 3 кн.]. Кн.3 : т.4, т.5. Вооруженные силы Юга России. 3-е изд. М. : АЙРИС-пресс, 2015. С. 173.
[447] Там же. С. 525.
[448] Там же. С. 734-735.
[449] Деникин А. И. Очерки русской смуты: Борьба генерала Корнилова. Август 1917-апрель 1918. Минск : Харвест, 2002. С.14.

офицерство в своей массе представляло собой достаточно демократическую силу и, особенно в лице своих лидеров, воплощало «русскую демократию» в целом. Генерал стремился выстроить образ если не полного единства, то, по крайней мере, тесной сопричастности этих двух социальных и политических начал. В его интерпретации выходило, что именно либеральные демократы, а не правые, составили наиболее боеспособную часть русской контрреволюции. Этот нарратив последовательно пронизывает все произведение.

В то же время А. И. Деникин отмечал и причины, позволившие другим политическим силам бороться за влияние в среде офицерства. Он писал: «связанное с прошлым русской истории крепкими военными традициями и представляя по природе своей элемент охранительный, оно легче поддавалось влиянию правых кругов и своего сохранившего авторитет, также правого по преимуществу, старшего командного состава»[450]. То самое охранительство, как глубинная психологическая черта (не узко политическая с точки зрения А. И. Деникина), несмотря на первоначальную готовность к взаимодействию с либеральной и революционной демократией, в условиях Гражданской войны сыграло роль фактора, препятствовавшего такой кооперации. Ключевым переломным моментом, по мнению А. И. Деникина, стала пассивность либеральной демократии во время корниловского выступления: «Это обстоятельство они учли и запомнили. Оно сыграло впоследствии немаловажную роль в создании известных политических настроений в стане антибольшевистских армий»[451].

В итоге генерал подводил определенный итог роли русских демократов в годы революции и Гражданской войны, фиксируя «кризис русского либерализма»[452], – его неспособность в экстремальных условиях выработать принципиально новые формы, способные заменить устаревшие и неработающие политические механизмы[453].

Подведем промежуточные итоги. В «Очерках русской смуты» А. И. Деникин уделял значительное внимание русской либеральной демократии, видя в ней важнейший фактор формирования идеологической платформы антибольшевистского движения (через принципы народоволия и национальности политики). Однако он также констатировал неспособность демократов завоевать доверие широких кругов армии в критический момент – в августе 1917 года. При всей потенциальной возможности кооперации с другими антибольшевистскими силами, то есть частью революционной демократии и правыми, либералы оказались под ударом со стороны

[450] Деникин А. И. Очерки русской смуты : [в 3 кн.]. Кн.3 : т.4, т.5. Вооруженные силы Юга России. 3-е изд. М. : АЙРИС-пресс, 2015. С. 298.
[451] Деникин А. И. Очерки русской смуты: Борьба генерала Корнилова. Август 1917-апрель 1918. Минск : Харвест, 2002. С. 99.
[452] Деникин А. И. Очерки русской смуты : [в 3 кн.]. Кн.3 : т.4, т.5. Вооруженные силы Юга России. 3-е изд. М. : АЙРИС-пресс, 2015. С. 710.
[453] Там же. С. 717.

обеих из-за своего центризма, что в итоге поставило крест на надежде создания единого антибольшевистского фронта. Далее рассмотрим, каким образом автор репрезентировал революционную демократию и правых.

Ранее уже были обозначены ключевые характеристики, которые, по мнению А. И. Деникина, определяли суть «революционной демократии» в трактовке, представленной в «Очерках русской смуты». Прежде всего речь идет о непонимании последней роли армии и офицерского корпуса в системе государственных институтов, что, в свою очередь, привело к отчуждению значительной части командного состава, настроенного, по убеждению генерала, вполне демократически. Вторым существенным моментом был выбор курса на радикальное революционное переустройство страны. Это дало основание автору выстроить в своем нарративе бинарную оппозицию: Родина или Революция. Для представителей «революционной демократии», как показали события 1917-1922 гг., приоритет принадлежал второму, в то время как для офицерства и либерально-демократической интеллигенции, напротив, важнее была идея Родины.

Это фундаментальное расхождение, по мысли А. И. Деникина, делало практически невозможной кооперацию между умеренными левыми силами и представителями политического центра (либералы и, в том числе, он сам), чью стратегию он называл «средней линией»[454]. Для понимания природы революционной демократии в период революции особенно важным был ее внутренний раскол на «оборонцев» (эсеры и умеренные меньшевики) и «пораженцев» (большевики, левые эсеры и меньшевики-интернационалисты)[455]. И, по утверждению автора, первые сами были ответственны за утрату власти – сначала в рамках социалистических органов, таких как Петросовет, а затем и на всероссийском уровне, отказавшись от решительных действий[456].

Во время Гражданской войны, по оценке автора, революционные демократы вновь проявили политическую близорукость. Несмотря на наличие в их рядах отдельных патриотически настроенных деятелей[457], они отказались от поддержки, в том числе, командования Добровольческой армии, а впоследствии и вовсе перешли к открытой борьбе против нее, вместо борьбы с большевиками[458]. Такая позиция, обусловленная узкопартийными

[454] Деникин А. И. Очерки русской смуты : [в 3 кн.]. Кн.3 : т.4, т.5. Вооруженные силы Юга России. 3-е изд. М. : АЙРИС-пресс, 2015. С. 298.
[455] Деникин А. И. Очерки русской смуты: Борьба генерала Корнилова. Август 1917-апрель 1918. Минск : Харвест, 2002. С. 9.
[456] Там же. С. 123.
[457] Деникин А. И. Очерки русской смуты. Белое движение и борьба Добровольческой армии: май-октябрь 1918 г. Минск : Харвест, 2002. С. 158.
[458] Деникин А. И. Очерки русской смуты : [в 3 кн.]. Кн.3 : т.4, т.5. Вооруженные силы Юга России. 3-е изд. М. : АЙРИС-пресс, 2015. С. 19, С. 576.

интересами и укорененным восприятием армии как враждебной силы, фактически исключала возможность объединения трех идейных направлений контрреволюции – революционных демократов, русских демократов и правых[459].

Тем не менее, по мнению А. И. Деникина, сохранялась перспектива кооперации между либералами и правыми, которую он рассматривал значительно подробнее и системнее. Однако, прежде чем перейти к анализу его отношения к правому лагерю, необходимо рассмотреть взгляды автора «Очерков» на феномен большевизма, представлявшего собой радикальное выражение левого фланга политического спектра.

В своей последней, неоконченной работе «Путь русского офицера» А. И. Деникин указывал, что большевики, будучи органической частью революционной демократии, как и все социалисты, стремились к «второй революции»[460]. При этом начало Первой мировой войны, по его признанию, внесло коррективы в расстановку сил внутри левого лагеря, вызвав раскол на два течения – «оборонцев» и «пораженцев» (причем к последним он относил, в том числе, и А. Ф. Керенского).

Наиболее разрушительной критике, однако, подвергались именно большевики. По словам А. И. Деникина, «социал-демократы большевики с самого начала войны и до конца оставались интегральными пораженцами, пойдя на оплачиваемое сотрудничество со штабами воевавших с нами центральных держав и ведя за границей широкую пропаганду на тему, преподанную Лениным: “наименьшим злом будет поражение царской монархии”»[461]. В рамках данной работы не ставится задача оценки масштабов помощи, оказанной немцами большевикам; однако, опираясь на результаты современных исторических исследований, следует отметить, что ключевым является не столько объем этой поддержки, сколько ее идеологическое содержание и последствия[462]. В данном случае, для А. И. Деникина важнейшим было не столько сотрудничество как таковое, сколько антинациональная направленность позиции большевиков.

Кроме того, существенным объектом критики большевизма у А. И. Деникина выступала его материалистическая основа, апеллирующая к бездуховному восприятию мира. Как отмечалось ранее, подобная мировоззренческая установка была для автора принципиально неприемлема, поскольку противоречила религиозному основанию его понимания человека. Он

[459] Деникин А. И. Очерки русской смуты : [в 3 кн.]. Кн.3 : т.4, т.5. Вооруженные силы Юга России. 3-е изд. М. : АЙРИС-пресс, 2015. С. 561.
[460] Деникин А. И. Путь русского офицера. М. : Прометей, 1990. С. 181.
[461] Там же. С. 239.
[462] См.: Космач В. А. Большевики и Германия в годы Первой мировой войны // Псковский военно-исторический вестник. 2016. № 2. С. 195–209.

подчеркивал, что материализм обладает разлагающим воздействием на духовные ценности общества[463].

В первом томе «Очерков» генерал подробно анализировал действия большевиков после свершившейся Февральской революции. Опираясь на «Апрельские тезисы» В. И. Ленина, он приходил к выводу, что стратегической целью большевиков являлось «упразднение всего буржуазного строя страны и дезорганизация армии, чтобы подготовить тем самым почву для пришествия большевизма»[464]. А их основной тактикой, по мнению А. И. Деникина, была демагогия и потакание настроениям масс, зачастую лишенным какого-либо представления о политических программах, включая и большевистскую[465]. В конечном итоге, важным было не столько ослабление обороноспособности страны перед лицом врага от такой демагогии, сколько от прямой связи большевиков с немцами[466]. Последнее углубляло восприятие большевиков как чуждой и даже враждебной силы, а негативное отношение к немцам в целом А. И. Деникин связывал прежде всего не с их целями победы в войне, а с аморальной тактикой, избранной для их достижения – использование большевиков. В данной связи вновь укажу на господство морально-этических оценок в позиции генерала.

Как уже отмечалось выше, приход большевиков к власти в октябре 1917 года А. И. Деникин трактовал как «окончательное затмение народного сознания» и вырождение революционного процесса[467]. Это определение является ключевым для понимания восприятия большевизма автором «Очерков». Он видел в нем не столько политическую доктрину, сколько «болезнь», порабощающую сознание народа и обладающую экзогенным, нерусским происхождением[468]. В подтверждение своей мысли генерал-историк ссылался на опыт Германии и Венгрии, где, по его мнению, благодаря «индивидуальным чертам народного характера, особенностям социально-политического устройства и – не в последнюю очередь – вследствие наглядного русского опыта», удалось избежать судьбы, постигшей Россию[469].

При этом до определенного момента, признавал А. И. Деникин, большевизм можно было сравнительно легко преодолеть. Однако этому воспрепятствовали, вновь, немцы, заключившие

---

[463] Деникин А. И. Путь русского офицера. М. : Прометей, 1990. С. 66.
[464] Деникин А. И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917. Минск : Харвест, 2002. С. 123.
[465] Там же. С. 128.
[466] Там же. С. 188.
[467] Деникин А. И. Очерки русской смуты: Борьба генерала Корнилова. Август 1917-апрель 1918. Минск : Харвест, 2002. С. 158.
[468] Деникин А. И. Очерки русской смуты : [в 3 кн.]. Кн.3 : т.4, т.5. Вооруженные силы Юга России. 3-е изд. М. : АЙРИС-пресс, 2015. С. 67.
[469] Там же. С. 12.

Брест-Литовский мир, который, по логике автора, спас большевиков от неминуемого падения[470]. Мир дал им время и пространство для укрепления власти и еще более глубокого внедрения в народное сознание[471]. Само же излечение от большевизма, согласно ему, возможно было только при наличии двух качеств, которых, как он полагал, русскому народу в тот момент недоставало, – воли и духа. Эти качества, по его убеждению, подтачивались и разрушались большевистским материализмом[472]. Только они могли привести к нравственному оздоровлению нации, но именно этого, в нужный момент активной фазы борьбы, не произошло[473].

Перейдем к анализу «правых» и их репрезентации в «Очерках». В отличие от других субъектов, борющихся за влияние в условиях войны, правые представляли собой наиболее сложную группу в репрезентации А. И. Деникина. Причина заключается в том, что автор долгое время (в рамках нарративного времени) не предоставлял развернутых характеристик этой части политической общественности (аспект содержания), однако одновременно давал им негативную оценку (аспект сути). Попробуем комплексно разобраться в этом вопросе, включая причины такой негативной характеристики.

Практически с самого начала своего повествования автор, комментируя феномен «революции справа» (термин, заимствованный у В. М. Волконского – одного из ведущих деятелей Союза русского народа) на рубеже 1916-1917 гг. (предположительно, имея в виду деятельность условно правого Совета министров), указывал на тесную связь этого течения с узкими монархистскими кругами, окружавшими Николая II, а также с самим правительством[474]. Исходя из этого, можно предположить, что, по мнению А. И. Деникина, правые группы в значительной степени являлись сторонниками «самодержавного принципа»[475]. Последнее вдвойне очевидно на фоне того, что один из ближайших друзей автора – генерал С. Л. Марков являлся конституционным монархистом[476], но автор нигде не писал о нем как о «правом». Это наводит на мысль о существовании у А. И. Деникина определенной градации в политических группировках, где крайними правыми были сторонники «самодержавного принципа», а крайними левыми –

[470] Деникин А. И. Очерки русской смуты. Белое движение и борьба Добровольческой армии: май-октябрь 1918 г. Минск : Харвест, 2002. С. 148.
[471] См.: Деникин А. И. Очерки русской смуты : [в 3 кн.]. Кн.3 : т.4, т.5. Вооруженные силы Юга России. 3-е изд. М. : АЙРИС-пресс, 2015. С. 460, 500.
[472] Там же. С. 93.
[473] Там же. С. 500.
[474] Деникин А. И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917. Минск : Харвест, 2002. С.13.
[475] В данном случае я заимствовал термин у И. А. Ильина – прим.авт. См.: Ильин И. А. Национальная Россия. Наши задачи / И. А. Ильин. – М. : Родина, 2023. – 416 с.
[476] Деникин А. И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917. Минск : Харвест, 2002. С. 106.

большевики, при этом остальные политические силы занимали промежуточное положение между этими полюсами.

Возвращаясь к событиям, представленным в нарративе, после февральской революции А. И. Деникин фактически исключал правых из обсуждения и не уделял им внимания в бурной политической жизни революционного времени. Из этого умолчания можно сделать вывод о потере правыми политического влияния в стране. Эта мысль подтверждается первым решительным, но неподготовленным, актом контрреволюционного выступления –движением Л. Г. Корнилова. Восприятие этого движения в «Очерках» указывает на то, что оно ориентировалось на «среднюю линию», способную привлечь широкие круги демократии, включая революционеров-«оборонцев», при этом избегая уклонений в сторону «мракобесия и реакции»[477]. Полагаю, что первая характеристика относилась к крайним левым (они анти-духовны по А. И. Деникину, но совершенно точно не реакционны), а вторая к крайним правым. Но, как было замечено в «Очерках», после поражения Л. Г. Корнилова и его дела офицерство начинает отворачиваться от либеральной демократии (и не только) «в поисках тех общественных группировок, которые удовлетворяли бы элементарным запросам их оскорбленного человеческого достоинства и возмущенного чувства патриотизма»[478]. Автор при этом не писал о том, какие общественные силы готовы были удовлетворить запросы униженного офицерства, выдерживая нарративную паузу до появления сильных правых течений.

После Октябрьской революции, когда А. И. Деникин перечислял главные политические силы страны, правые не упоминались вообще, что подтверждает отсутствие их влияния на политические процессы[479]. Это еще раз подтверждает мысль о том, что автор не считал их влиятельной политической силой «смуты» в то время.

Данная ситуация изменилась лишь весной 1918 года, когда, по признанию генерала, политика вступила в ряды Добровольческой армии, причем это вторжение преимущественно исходило от правых, ориентировавшихся на лозунги «“создания неделимой России <…> под скипетром законного монарха”»[480]. Такая пропаганда, особенно в условиях: (1) растерянного офицерства[481] и (2) значительного числа монархистов среди них, сильно усложняла работу командования армии[482]. За этими рассуждениями скрывается явная мысль, хотя и не высказанная

[477] Деникин А. И. Очерки русской смуты: Борьба генерала Корнилова. Август 1917-апрель 1918. Минск : Харвест, 2002. С. 47-48.
[478] Там же. С. 98-99.
[479] Там же. С. 167.
[480] Деникин А. И. Очерки русской смуты. Белое движение и борьба Добровольческой армии: май-октябрь 1918 г. Минск : Харвест, 2002. С. 158.
[481] Там же.
[482] Там же. С. 231-232.

напрямую, о том, что правые начали вести опасную политическую пропаганду среди войск, как и левые годом ранее. Более того, часть офицерства стала требовать монархических лозунгов взамен «непредрешенчества». Однако, по мнению А. И. Деникина, такие идеи могли бы оттолкнуть народ, которому они были «противны»[483]. Таким образом, автор поднимал одну из ключевых проблем южнорусского белого движения – разрыв между чаяниями значительной офицерства (монархического) и желанием народа (он видел их, т.е. желания, как антимонархические), как его видел автор. В сущности, А. И. Деникин имплицитно выражал мысль о том, что правые, прикрываясь патриотическими лозунгами и единством страны, в действительности вели тонкую политическую игру против военного руководства армии, которую они считали «социалистической»[484].

В конечном итоге, характеризуя правых и их действия в 1919-1920-х гг. он делил их на два течения (условных): крайнее и умеренное. Каждое из них имело свои планы и программы, а также отношение к власти, в том числе лично к нему. Крайние правые, группировавшиеся вокруг Русского собрания в Ростове, вели активную, но не всегда успешную работу среди армии и народа, занимая весьма критическую позицию в отношении власти и командования ВСЮР. Их политическим идеалом была монархия дореволюционного типа, а лозунги «почвенности» и народной поддержки были для них второстепенны[485]. Умеренно правые группы, по свидетельству автора, «не отличались такой активностью, как их соседи справа»[486]. К ним он причислял Южнорусский Национальный Центр и Всероссийский национальный союз, которые занимали четкую позицию поддержки армии, но, при этом, были оппозиционны власти, считая ее более левой[487].

Далее поговорим о феномене казачества и его оценке, как одного из наиболее интересных и важных в судьбах белой борьбы в «Очерках». Следует сразу указать, что А. И. Деникин признавал определяющую роль казачества, особенно «южнорусского», для хода вооруженного противостояния с Красной армией. Вот что, к примеру он писал: «Взаимоотношения, сложившиеся между властью Юга и Кубанью <…> я считаю одной из наиболее серьезных “внешних” причин неудачи движения»[488]. Этим аспектом автор подчеркивал борьбу с самими властями кубанского казачества за рядовое казачество, которое было необходимо для

[483] Деникин А. И. Очерки русской смуты. Белое движение и борьба Добровольческой армии: май-октябрь 1918 г. Минск : Харвест, 2002. С. 232-233.
[484] Там же. С. 243.
[485] Деникин А. И. Очерки русской смуты : [в 3 кн.]. Кн.3 : т.4, т.5. Вооруженные силы Юга России. 3-е изд. М. : АЙРИС-пресс, 2015. С. 550-552.
[486] Там же. С. 552.
[487] Там же. С. 552-556.
[488] Там же. С. 598.

противостояния большевикам. Однако, этим аспектом не исчерпывалась борьба за умы рядовых казаков, другим являлось противостояние с правыми, которые не питали больших надежд относительно первых, что особенно проявилось с зимы 1919 года: «С тех пор правая оппозиция <…> стала вести агитацию за разрыв с казачеством»[489].

Для А. И. Деникина казачий вопрос представал как сложный и многогранный феномен, для понимания которого он погружался в сопутствующие контексты. Одним из таких контекстов являлась геополитическая ситуация в начале белого антибольшевистского движения. Изначально главным оплотом этого движения виделись именно юго-восточные территории – Донское, Кубанское и Терское казачьи войска, так как предполагалось (генералом М. В. Алексеевым), что казаки, даже если не решат идти на Москву, по крайней мере, не допустят вторжения большевиков на свою малую родину[490]. Однако, подобные надежды, как показывал сам автор, были с самого начала слишком оптимистичны, так как регион находился в состоянии близком к анархии, а сила казачества была «мистификацией»[491]. Дело было в том, что казачество, особенно «молодежь», не желало воевать, что, по мнению автора, привело, в том числе, к глубокому поколенческому конфликту внутри казачества[492].

Однако, кроме этого, существовал еще один важный конфликт, коренящийся в истории региона. Автор отмечал, что отношения царской власти с казачеством имели свою специфику, отличную от взаимодействия властей с другими регионами, особенно с великорусскими. Казачество всегда стремилось к автономии, и государство до определенного времени мирилось с его самобытностью. Однако, централизаторская политика Петербурга в XVIII веке привела к длительной борьбе, итогом которой стало сокращение автономии казачества, утрата его оппозиционности центру, а также приобретение казачеством репутации «наиболее консервативного, государственного элемента, опоры престолу и режиму»[493]. Это последнее соображение, по мнению автора, привело к тому, что народ (имел ввиду крестьян) всегда считал казаков реакционной силой, что вело к практически непреодолимой проблеме взаимоотношений между ними: дело в том, что генерал всегда подчеркивал, что белым нужна была поддержка обеих сил, ставка же на кого-то одного была гибельной[494].

---

[489] Деникин А. И. Очерки русской смуты : [в 3 кн.]. Кн.3 : т.4, т.5. Вооруженные силы Юга России. 3-е изд. М. : АЙРИС-пресс, 2015. С. 723.
[490] Деникин А. И. Очерки русской смуты: Борьба генерала Корнилова. Август 1917-апрель 1918. Минск : Харвест, 2002. С. 185.
[491] Деникин А. И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917. Минск : Харвест, 2002. С. 332
[492] Там же. С. 333.
[493] Там же. С. 321-322.
[494] Там же. С. 324.

Не менее важной проблемой для взаимоотношений казачества с «народом» на юге России стал земельный вопрос. С одной стороны, казачество традиционно владело большими и лучшими земельными угодьями, с другой – «иногородние», т.е. переселенцы из Великороссии, которые становились все более многочисленными, имели значительно меньше земель. Нерешенность этого вопроса привела, по мнению автора, к возникновению двух явлений в годы вооруженной борьбы: взаимному истреблению двух групп населения и казачьему сепаратизму или, как писал А. И. Деникин, «самостийности»[495]. Казачество, включая обычных граждан, не желало терять свою землю в результате перераспределения, что одновременно вело к неприятию большевистской власти, но и к неприятию общей российской ориентации. Автор описывал парадоксальную ситуацию: из трех возможных путей для южнорусского казачества – большевизм (а казаки были им заражены, о чем писал не только А. И. Деникин, но и один из его критиков С. В. Денисов[496]), общероссийский антибольшевизм (Белое движение) и самостийность – казачество выбрало наименее жизнеспособный, последний. В этом отношении примечательно то, как генерал описывал момент оставления Дона накануне 1-го Кубанского похода: «Послано было предложение походному атаману Попову присоединиться к Добровольческой армии. <…> Попов объяснял, что, считаясь с настроением своих войск и начальников, он не мог покинуть родного Дона и решил в его степях выждать пробуждения казачества. Про него говорили, что честолюбие удержало его от подчинения Корнилову. Для нас Дон был только частью русской территории, для них понятие “родины” раздваивалось на составные элементы – один более близкий и ощутимый, другой отдаленный, умозрительный»[497].

Таким образом, с точки зрения А. И. Деникина, казачья самостийность питалась двумя источниками: экономическим и психологическим. Тем не менее, «маятник» гражданской войны предоставлял шанс общероссийским силам на привлечение казачества, особенно самого многочисленного – донского, так как, как показали события, ставка П. Н. Краснова на немцев в 1918 году рухнула, а большевики не желали заключать мир с «независимой» республикой. В этой связи генерал ясно выражал критику как донских, так и кубанских властей вообще – их политика не была основана на реальной практике, а подчинялась определенным идеализированным представлениям[498].

---

[495] Деникин А. И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917. Минск : Харвест, 2002. С. 323-329.
[496] См.: Денисов С. В. Записки. Гражданская война на юге России 1918–1920 гг. Книга 1-я: Январь–май 1918 г. Константинополь : Тип. «Пресса», 1921. С. 13.
[497] Деникин А. И. Очерки русской смуты: Борьба генерала Корнилова. Август 1917-апрель 1918. Минск : Харвест, 2002. С. 277.
[498] Деникин А. И. Очерки русской смуты. Белое движение и борьба Добровольческой армии: май-октябрь 1918 г. Минск : Харвест, 2002. С.110.

Ситуация с кубанским казачеством была еще более сложной. Лидеры кубанского казачества, такие как Л. Л. Быч и Н. С. Рябовол, за исключением некоторых отдельных личностей (например, А. П. Филимонова и Н. М. Успенского), поддерживали идею «самостийности» и часто саботировали деятельность Добровольческого командования. Причина этого политического курса, по мнению генерала, заключалась в страхе потерять свою власть. Вторые, в свою очередь, придерживались позиции автономии Кубани в составе России, что было приемлемо для командования. Но кроме откровенного сепаратизма политиков, существовал еще также «казачий шовинизм» по отношению к иногородним – русским, что в итоге привело к тому, что массы иногороднего населения оказались под влиянием большевиков или «зеленых»[499]. В конечном счете, «кубанское действо» стало одной из причин краха «противобольшевистской борьбы»[500].

Примечательна при этом мысль, высказанная одним из близких сотрудников А. И. Деникина генералом А. С. Лукомским – председателем Особого совещания, которая «проливает свет» на аспект личных ожиданий главкома в отношении кубанского казачества: «генерал Деникин верил в разум кубанского казачества, ведущего решительную борьбу с большевиками, и надеялся, что Кубань не пойдет по пути самостийности»[501]. В курсе данного свидетельства становится ясно, что главнокомандующий надеялся на то, что сами казачьи массы не доверятся «самостийникам» и их пропаганде.

Единственным казачьим войском, которое А. И. Деникин считал полностью лояльным командованию, было терское войско. Причина заключалась в том, что это войско, значительно меньшее по численности, чем донцы и кубанцы, находилось в окружении воинственных народов Кавказа, которые вели партизанскую борьбу с казаками и местными властями[502].

Выше мы наметили казачество как субъект «русского лихолетья» в «Очерках», а также аргументировали, как, согласно А. И. Деникину, казалось бы, внешне верное «Великой, единой и неделимой России» казачество частично перешло на позиции «самостийничества». Однако, последний феномен, в репрезентации автора, не был единственно казачьим.

Перейдем к обсуждению «украинского вопроса» и его оценки в «Очерках». Как уже упоминалось, А. И. Деникин был сторонником идеи триединства русского народа, аргументируя свою позицию ссылкой на «профессора Ключевского»[503]. Генерал придерживался убеждения, что

[499] Деникин А. И. Очерки русской смуты. Белое движение и борьба Добровольческой армии: май-октябрь 1918 г. Минск : Харвест, 2002. С. 343-354.
[500] Деникин А. И. Очерки русской смуты : [в 3 кн.]. Кн.3 : т.4, т.5. Вооруженные силы Юга России. 3-е изд. М. : АЙРИС-пресс, 2015. С. 624.
[501] Лукомский А. С. Очерки из моей жизни. Воспоминания. М. : Айрис-пресс, 2012. С. 490.
[502] Деникин А. И. Очерки русской смуты : [в 3 кн.]. Кн.3 : т.4, т.5. Вооруженные силы Юга России. 3-е изд. М. : АЙРИС-пресс, 2015. С. 594-596.
[503] Там же. С. 527-528.

украинская государственность была искусственно создана германским военным командованием. Это мнение он подкреплял ссылкой на речь М. Гофмана, начальника штаба Главнокомандующего Восточным фронтом, одного из ключевых членов немецкой дипломатической группы в Брест-Литовске[504]. Вторым аргументом в пользу нежизнеспособности идеи независимой Украины было то, что народные массы, по мнению автора, были индифферентны к лозунгам украинской самостоятельности, что, в частности, проявилось в январе 1918 года, когда украинские войска не оказали заметного сопротивления красным в Киеве[505].

Однако, следует подчеркнуть, что А. И. Деникин в целом был скептически настроен к народному патриотизму. Для солдат-крестьян идея Родины и государственности была слишком абстрактной, чтобы вызвать у них стойкую приверженность к ней[506].

Далее генерал обращался к двойственности политики гетмана П. П. Скоропадского и С. В. Петлюры. Он считал, что независимость Украины базировалась на поддержке интервентов. Признавая марионеточность украинской самостоятельности, А. И. Деникин подчеркивал, что, как и генерал М. В. Алексеев, он был сторонником идеологии «Великой, неделимой и единой России», что делало невозможным для него переговоры с «творцами Брест-Литовского мира». Однако не все офицеры его войск поддерживали этот идеалистический подход к Украине[507]. В конечном итоге, А. И. Деникин, ссылаясь на Н. И. Костомарова, подчеркивал, что «сейчас», т.е. в период «смуты», как и «тогда», в период Северной войны 1700-1721 гг., вопрос независимости Украины решался не ей самой, а исходом борьбы («сейчас») между Германией и Антантой[508].

Стоит отметить, что влияние В. О. Ключевского на А. И. Деникина прослеживается и в этом контексте. Генерал часто интерпретировал события своего времени через исторические прецеденты, что свидетельствует о глубине его исторического мышления и приверженности поиску аналогий между прошлым и настоящим. Завершая свои размышления о «малороссийской» самостийности, А. И. Деникин отмечал, что в период «смуты» этот вопрос был ограниченно значим по двум причинам: во-первых, предложения южнорусской власти не могли привлечь на свою сторону «украинских сепаратистов», а во-вторых, и для

[504] Деникин А. И. Очерки русской смуты. Белое движение и борьба Добровольческой армии: май-октябрь 1918 г. Минск : Харвест, 2002. С. 48.
[505] Деникин А. И. Очерки русской смуты: Борьба генерала Корнилова. Август 1917-апрель 1918. Минск : Харвест, 2002. С. 201.
[506] Там же. С. 159.
[507] Деникин А. И. Очерки русской смуты. Белое движение и борьба Добровольческой армии: май-октябрь 1918 г. Минск : Харвест, 2002. С. 64.
[508] Там же. С. 65.

«малороссийского народа», и для «украинских сепаратистов» идеи В. О. Ключевского и М. С. Грушевского были чуждыми[509].

Подводя итог, можно выделить несколько ключевых моментов в понимании А. И. Деникиным проблемы самостийности на территории бывшей Российской империи. Во-первых, он осознавал, что это явление имело исторические корни, что особенно важно в контексте его подхода к осмыслению событий настоящего через прошлое. Во-вторых, он связывал обострение этого вопроса с внешним контекстом: распадом традиционной российской государственности, ослаблением контроля центра и присутствием внешних сил, на которые могли опереться сепаратистские группы. В-третьих, по его мнению, идейных самостийников было немного, и их можно было разделить на две группы: тех, кто считал сепаратизм целью, и тех, для кого это было лишь средством[510]. Наконец, четвертое, поражение сепаратистских устремлений являлось для него предзаданным самим историческим процессом, т.е. с восстановлением России, неважно в каком виде, целостность центра и окраин будет, с его точки зрения, восстановлена[511].

Еще одним важным субъектом «смуты» в интерпретации А. И. Деникина в «Очерках русской смуты» выступает феномен интервенции, который представлялся автору как многосоставное и внутренне противоречивое явление. Примечательно, что при значимости этого сюжета в общей структуре нарратива генерал использовал сам термин «интервенция» в тексте лишь немногим более тридцати раз, что, по-видимому, обусловлено особым пониманием и разграничением его составляющих.

А. И. Деникин подразделял интервенцию на два противостоящих друг другу типа: германскую и союзную. При этом его отношение к германской интервенции формировалось в рамках продолжавшейся мировой войны и, соответственно, детерминировалось ее контекстом. Многие действия Германии на территории бывшей Российской империи – политические, военные, идеологические – рассматривались им не как интервенция в традиционном понимании, а как прямое продолжение военных действий. В этом мысле он предпочитал термин «нашествие», которым, например, характеризовал германскую политику в Украине и на Юге России[512]. Ему, то есть германскому нашествию, он давал исчерпывающие характеристики: «Этот чужеземный враг,

[509] Деникин А. И. Очерки русской смуты : [в 3 кн.]. Кн.3 : т.4, т.5. Вооруженные силы Юга России. 3-е изд. М. : АЙРИС-пресс, 2015. С. 533.
[510] Деникин А. И. Очерки русской смуты. Белое движение и борьба Добровольческой армии: май-октябрь 1918 г. Минск : Харвест, 2002. С. 63.
[511] Деникин А. И. Очерки русской смуты : [в 3 кн.]. Кн.3 : т.4, т.5. Вооруженные силы Юга России. 3-е изд. М. : АЙРИС-пресс, 2015. С. 526.
[512] Деникин А. И. Очерки русской смуты: Борьба генерала Корнилова. Август 1917-апрель 1918. Минск : Харвест, 2002. С. 388-389.

– писал он, – был страшен своим бездонным национальным эгоизмом, полным отрешением от общечеловеческой морали. Он с одинаковым цинизмом жал руку палача в Брест-Литовске, обнадеживал жертву в Москве и Киеве и вносил растление в душу народа, чтобы вывести его надолго из строя столкнувшихся мировых сил»[513].

Отметим, что риторика Деникина по отношению к германскому нашествию близка к его описанию большевиков: в обоих случаях речь идет о безнравственном, разрушительном начале. Отличие заключается лишь в том, что источник разрушения у германской стороны – национальный эгоизм, а у большевиков – материализм. В этом описании сути германского нашествия он наметил и важнейшую проблему будущей германофильской ориентации, которую он связывал, как видно, с пагубным влиянием на общественные группы Москвы и Киева и растлением души народа. В таком контексте его обеспокоенность ориентацией ряда политических и казачьих кругов на Германию получает дополнительную глубину: он воспринимал ее не просто как прагматический выбор, а как морально-политическую угрозу для будущего России. Особенно пагубным он считал германское влияние на казачьи области, в первую очередь на Дон, что, по его мнению, существенно затрудняло процесс консолидации антибольшевистских сил[514]. Элементы подобной ориентации он усматривал и внутри самой Добровольческой армии[515].

Автор критически воспринимал популярную в определенных кругах идею о «двух Германиях», согласно которой, якобы, военные круги Рейха выступали за восстановление Российской империи, в то время как политические элиты были настроены противоположным образом. А. И. Деникин рассматривал подобную конструкцию как попытку морального самооправдания, указывая на то, что вся германская политика на Востоке сводилась к дезинтеграции России и поддержке большевиков в тех аспектах, которые не противоречили стратегическим интересам Германии[516].

Эта точка зрения контрастировала, к примеру, с позицией генерала А. С. Лукомского, бывшего в конце апреля 1918 года в Киеве и встретившегося с рядом влиятельных, условно «правых» деятелей контрреволюции, и самим гетманом П. П. Скоропадским. Известно, что А. С. Лукомский писал о «поправении» А. И. Деникина, которое произошло в русской

[513] Деникин А. И. Очерки русской смуты : [в 3 кн.]. Кн.3 : т.4, т.5. Вооруженные силы Юга России. 3-е изд. М. : АЙРИС-пресс, 2015. С. 389.
[514] Деникин А. И. Очерки русской смуты. Белое движение и борьба Добровольческой армии: май-октябрь 1918 г. Минск : Харвест, 2002. С. 98
[515] Там же. С. 230.
[516] Там же. С. 124-125.

интеллигенции и придерживался идеи двойственной позиции Германии по «русскому вопросу», хотя, и не сомневаясь в том, что они потерпят поражение в Мировой войне[517].

Иного подхода А. И. Деникин придерживался в оценке союзной интервенции. В общественном сознании он воспринимался как сторонник англо-французской ориентации, и это нередко становилось предметом критики. Однако в «Очерках» он высказывался о действиях союзников и, особенно, Франции гораздо более сложно и неоднозначно. Следует подчеркнуть, что в условиях Первой мировой войны влияние Антанты на Юге России вплоть до конца 1918 года оставалось незначительным, и автор отмечал это в своем повествовании. Первое широкое упоминание союзной интервенции появляется в контексте письма А. В. Колчака к М. В. Алексееву, где критиковалось американо-японское вмешательство на Дальнем Востоке[518].

Что касается Юга России, то там союзные войска появляются после капитуляции Германии в ноябре 1918 года. По наблюдению А. И. Деникина, местное общественное мнение с воодушевлением ожидало прихода англо-французских войск, которые должны были вытеснить германские части с Украины и оказать поддержку белым силам. Однако очень скоро стало ясно, что союзники руководствовались в первую очередь своими собственными интересами. Именно в этом контексте в «Очерках» формируется ключевое различие между двумя «руками» союзной политики. Одна – искренне стремилась помочь национальным силам России, другая – руководствовалась прагматическими соображениями и эгоистическими стратегиями.

В британской политике это противопоставление для А. И. Деникина воплощалось в фигурах Уинстона Черчилля, с одной стороны, и Дэвида Ллойд Джорджа – с другой[519]. Первый активно способствовал поставкам материально-технической помощи, а иногда и военной поддержки антибольшевистским силам. Второй же, по мнению генерала, сознательно создавал искусственные барьеры на Северном Кавказе, затрудняя деятельность Добровольческой армии[520].

Во французской зоне ответственности, охватывавшей территорию западнее Керченского пролива, наблюдалась схожая двойственность. Деятельность французского консула Э. Энно оценивалась автором положительно[521], однако его преемники, Ф. Д'Ансельм и А. Фрейденберг, по мнению генерала, вели политику, подрывавшую всероссийский характер борьбы[522]. Наибольшее возмущение у автора вызывала поддержка ими украинских националистических

[517] Лукомский А. С. Очерки из моей жизни. Воспоминания. М. : Айрис-пресс, 2012. С. 472-473.
[518] Деникин А. И. Очерки русской смуты. Белое движение и борьба Добровольческой армии: май-октябрь 1918 г. Минск : Харвест, 2002. С. 191-192.
[519] Деникин А. И. Очерки русской смуты : [в 3 кн.]. Кн.3 : т.4, т.5. Вооруженные силы Юга России. 3-е изд. М. : АЙРИС-пресс, 2015. С. 48, 187, 256.
[520] Там же. С. 188-196.
[521] Там же. С. 354-355.
[522] Там же. С. 390.

структур, которую он расценивал как фактическое содействие идее расчленения России[523]. Особое раздражение вызывала позиция французского командования в ходе эвакуации Одессы и ряда крымских городов в 1919 году. Общую политику французов на данном этапе он охарактеризовал как унизительную для русского национального достоинства. Это, по его мнению, вызвало глубокое разочарование среди южнорусского общества и породило волну критики в адрес командования ВСЮР[524].

Таким образом, автор «Очерков» не был сторонником союзной ориентации в идейном смысле. Он ясно понимал, что англо-французская политика в России была инструментальной и часто оппортунистической. Тем не менее, в условиях международной изоляции, А. И. Деникин признавал необходимость опоры именно на эти внешние силы, в противовес германской политике, которую он воспринимал как неизменно разрушительную и враждебную для русского национального возрождения.

Ключевым субъектом в репрезентации «русской смуты» А. И. Деникина стала Добровольческая армия, а впоследствии, начиная с 8 января 1919 года, – Вооруженные силы Юга России. Именно эта сила, по мнению автора, не только играла главную роль в борьбе с большевиками, но и выполняла важнейшую объединительную функцию разнородных сил Юга. В этом контексте А. И. Деникин выделял два концептуальных типа организации противобольшевистских сил, отражающих различные аспекты их конституирования: политического, военного, социально-экономического и, что немаловажно, национального.

Первый тип, приведший к созданию будущей Добровольческой армии, был сформулирован автором в период «быховского сидения», где сам генерал стал участником политических обсуждений. Именно там, находясь в тюрьме, по своему собственному посылу, сформировался единый взгляд на организацию, которую А. И. Деникин назвал «корниловской». Генерал полагал, что фамилия Корнилова должна была стать символом, вокруг которого объединятся общественные силы, политические партии и профессиональные организации, то есть все те элементы, которые могли бы участвовать в широком национальном движении за восстановление русской государственности[525]. Примечательно, что альтернативой такой организации, которую уместнее назвать общественной платформой, как точки сбора всех общественных, национальных сил, выступала неприемлемая для генералов идея «корниловской политической партии», предложенной А. Ф. Аладьиным[526]. В этом контексте генерал отмечал,

[523] Деникин А. И. Очерки русской смуты : [в 3 кн.]. Кн.3 : т.4, т.5. Вооруженные силы Юга России. 3-е изд. М. : АЙРИС-пресс, 2015. С. 390-392.
[524] Там же. С. 432-440.
[525] Деникин А. И. Очерки русской смуты: Борьба генерала Корнилова. Август 1917-апрель 1918. Минск : Харвест, 2002. С. 115.
[526] Там же. С. 115.

что для «быховских узников», особенно военных, в отличие от гражданских, идея узкой партийности, даже на основе имени бывшего главкома, была неприемлемой. Очевидно, что А. И. Деникин, предложивший итоговый тип организации, понимал невозможность легкой победы над большевиками и осознавал, что для ее достижения потребуется объединение сил всех политических и общественных групп, что также соответствовало его личным политическим взглядам, далеким от партийного доктринерства.

В связи с таким типом организации, как он ее репрезентировал, «быховцам» пришлось отказаться от чисто политических лозунгов, которые могли бы оттолкнуть другие общественно-политические силы. Так в военной среде возникло понятие «непредрешения», которое стало формой политической организации власти, откладывающей решение ключевых национальных вопросов (государственных, межнациональных, социальных) до созыва Учредительного собрания. Примечательно, что эта форма организации власти возникла не как ответ на необходимость обеспечения правопреемственности власти (наоборот, констатирует разрыв на «до» и «после»), а скорее как идея взаимодействия двух сфер – политической и военной. Судя по всему, за этим скрывалась имплицитная мысль о необходимости оградить военный институт страны от разрушительного воздействия политики[527]. Таким образом, первый тип организации антибольшевистских сил, основанный на принципах широкой внепартийной общенациональной платформы, прозванной «корниловской», являлся максимально удаленным от политики, с позиции автора «Очерков».

Однако, А. И. Деникин рассмотрел и второй тип. Он не давал ему названия, но по логике его рассуждений, можно озаглавить его как «сепарация». Он неспроста смотрел на большевизм не столько как на политическую идеологию, сколько как на болезнь, поражающую душевно-нравственные основы народа. С учетом такого взгляда, он понимал, что эта «болезнь» не исчезнет за «две недели», как предполагали некоторые, и называл подобные идеи «плодом интеллигентского романтизма»[528]. Более того, такие рассуждения, по его логике, вели к мысли о желании переждать большевизм, отгородившись от него в границах новых государств. В действительности, он считал, что такой путь лишь вел к усилению противоречий между такими новообразованиями, в частности, он приводил примеры Украины, Дона, Кубани, Северного Кавказа и Закавказских государств. Эти противоречия лишь ослабляли эти страны перед большевиками, которые, «действуя по “внутренним операционным направлениям” стратегического и политического фронта», могли бы легко разгромить все разрозненные силы.

[527] Деникин А. И. Очерки русской смуты: Борьба генерала Корнилова. Август 1917-апрель 1918. Минск : Харвест, 2002. С. 115-116.
[528] Там же. С. 166.

Таким образом он разбивал тезис «национальных шовинистов», считая, что большевики бы не дали им времени на организацию национальных государств[529]. Полагаем, что в данном случае, с учетом того, как развивались обстоятельства на Украине, Дону и Кубани зимой 1917-1918 гг., точка зрения генерала представляется вполне обоснованной.

Таким образом, как было указано выше, именно первая идея организации противобольшевистских сил лежала в основе сформированной Добровольческой армии. Это было подтверждено уже после провозглашения «триумвирата» в составе М. В. Алексеева, Л. Г. Корнилова и А. М. Каледина, которое произошло в первом воззвании армии от 27 декабря 1917 года. В этом воззвании подтверждались ключевые принципы: первичность вооруженной силы, без которой любая власть быстро была бы разгромлена красной гвардией; ближайшей целью ставилась организация вооруженного отпора «немецко-большевистскому игу»; стратегической целью было создание силы, которая могла бы стать опорой гражданского порядка, обеспечивая «русским гражданам возможность осуществить дело государственного строительства Свободной России» через Учредительное собрание[530].

Примечательно, но А. И. Деникин в целом признавал, что идея такой общественно-национальной платформы очень скоро дала трещину. Весной 1918 года, то есть сразу после возвращения армии из 1-го Кубанского похода, в котором был потерян ключевой символ – Л. Г. Корнилов (а ранее и А. М. Каледин), стало ясно, что объединение с новыми донскими властями на основе «унии» (т.е. «триумвирата) было невозможно. Это было связано с неудачей первой попытки зимой 1917–1918 гг. и чуждостью подобной концепции для военной организации[531]. Под этим, вероятно, автор имел в виду возможную проблему вмешательства политики в военную сферу, чего, как показывал ранее изложенный материал, генералы не желали. Однако политика в армию все же вошла: всего через два дня после первого «политического обращения к русским людям» от А. И. Деникина, который занял пост Л. Г. Корнилова, эта ситуация изменилась. В этом обращении генерал подтвердил все ранее изложенные тезисы, включая созыв нового Учредительного собрания и народоправство. Эти идеи вызвали смущение среди офицерства, среди которых, по традиции (т.е. не в силу идейного убеждения), были сильны монархические взгляды, то есть правые, как их сам автор называл. Далее генерал не скрывал, что именно комплекс политических вопросов, разрастался в глубокую внутреннюю проблему, которая лишит сил армию перед лицом противника[532].

[529] Деникин А. И. Очерки русской смуты: Борьба генерала Корнилова. Август 1917-апрель 1918. Минск : Харвест, 2002. С. 166-167.
[530] Там же. С. 237.
[531] Там же. С. 389.
[532] Там же. С. 392-394.

Однако, помимо обозначенной внутренней проблемы, связанной с вторжением политики в армию, возникала и вторая. «Быховцы», как уже отмечалось, стремились создать платформу, которая могла бы объединить антибольшевистские силы, однако и это не было реализовано. А. И. Деникин констатировал: «Между тем в противобольшевистском стане все усилия <…> правых и левых – по крайней мере в 1918 году были направлены не на преодоление этих противоречий, а на поиски “вернейшей” ориентации и “наилучших” форм государственного строя. Ни того, ни другого мы не нашли»[533]. Таким образом, по логике нарратива, крайние полюса антибольшевистских сил не смогли кооперироваться на основе той платформы, которая была создана в конце 1917 года. Левые силы не могли претендовать на привлечение армии на свою сторону, несмотря на попытки атаковать командование, поскольку офицеры после 1917 года уже не откликались на их лозунги. Напротив, правые стремились подорвать единство, сея внутреннюю смуту и подрывая веру рядового офицерства в своих лидеров.

Очень интересна оценка данного явления в связи с формированием «монархических» армий под германским патронажем другим крупным деятелем Доброармии А. С. Лукомским: «Надо откровенно сознаться, что и в рядах Добровольческой армии формирование “монархической” армии внесло разлад, и некоторый небольшой процент офицеров перешел в ряды Южной армии. В результате – формирование Южной армии безусловно задержало рост Добровольческой армии и внесло разлад в офицерскую среду»[534]. Таким образом, Александр Сергеевич считал, что данная внутренняя «смута» в рядах армии результат не столько «правого» влияния, сколько германского.

Тем не менее, следует зафиксировать, что значительная часть офицерства поддерживала монархический лозунг, что, по признанию А. И. Деникина, могло привести к разрыву с казачеством и народными массами. Однако весной 1918 года благодаря совместным усилиям с М. В. Алексеевым ситуация была стабилизирована, поскольку офицеры, движимые долгом перед Родиной, были готовы подчиняться своим лидерам. Тем не менее, в тот же период генерал заявил свое условие относительно своего командного поста: «Будьте покойны: в тот день, когда я почувствую, что биение пульса армии расходится с моим, я немедленно оставлю свой пост, чтобы продолжить борьбу другими путями, которые сочту прямыми и честными»[535].

Говоря о влиянии партийных интересов на армию и офицерство, можно отметить, что левые группы не имели его, несмотря на обвинения правых в социалистических взглядах, о

[533] Деникин А. И. Очерки русской смуты. Белое движение и борьба Добровольческой армии: май-октябрь 1918 г. Минск : Харвест, 2002. С. 24.
[534] Лукомский А. С. Очерки из моей жизни. Воспоминания. М. : Айрис-пресс, 2012. С. 474.
[535] Деникин А. И. Очерки русской смуты. Белое движение и борьба Добровольческой армии: май-октябрь 1918 г. Минск : Харвест, 2002. С. 231-235.

которых А. И. Деникин упоминал в отношении своего начальника штаба И. П. Романовского. Ситуация была иной с правыми группировками, которые, по признанию бывшего главкома ВСЮР, имели выход на офицерство, особенно на тыловое, и использовали его для подрыва доверия к командованию[536]. Однако еще более опасными, чем крайние правые течения, были умеренные правые, которые «стояли на почве всемерной поддержки Добровольческой армии и в известной, большей или меньшей, оппозиции к власти». Вначале правая оппозиция ограничивалась критикой, но вскоре она противопоставила себе А. И. Деникина, его деятельность и политический курс[537].

В данном контексте автор сохранял интригу относительно будущего противостояния с П. Н. Врангелем, о котором было подробно рассказано далее в «Очерках», когда речь зашла о взаимодействии субъектов Белого юга. Тем не менее, важно подытожить, что, говоря об армии, А. И. Деникин признавал, что именно правые группы представляли большую опасность для единства армии, чем левые, хотя он также подчеркивал разлагающее влияние кубанских самостийников на казачьи полки.

Небезынтересно отметить, что, повествуя об армии, автор также не боялся говорить о ее проблемах: шкурничестве[538], низкой дисциплине[539], стихийных реквизициях[540] и даже «белом терроре». Последнее примечательно, поскольку в рассуждениях о его сущности, А. И. Деникин намечал отличие этого феномена от террора красного. Последнее было четко санкционированной политикой, а первое представляло собой «прежде всего, эксцессы на почве разнузданности власти и мести»[541]. Тем не менее, генерал сознавал, что, ведя борьбу с данными явлениями, командование и он лично, допустили ошибку: «Надо было начинать рубить с голов, а мы били по хвостам»[542]. Автор упрекал себя в недостаточной жесткости в отношении ряда лиц, которых южная пресса вознесла до высоту, но которые были далеки «чистоты риз».

Интересен и тот факт, что автор останавливался на еще одном проблемном вопросе – еврейском, отмечая, что командование делало все, чтобы оградить евреев от неправомерных погромов и эксцессов. В примечательной работе британского офицера Джона Эрнста Ходжсона «With Denikin’s Armies», ее автор отмечал именно еврейский вопрос как центральный во внутрироссийских делах того времени. Он также писал, на основании своих разговоров с

[536] Деникин А. И. Очерки русской смуты : [в 3 кн.]. Кн.3 : т.4, т.5. Вооруженные силы Юга России. 3-е изд. М. : АЙРИС-пресс, 2015. С. 551-552.
[537] Там же. С. 553.
[538] Там же. С. 120
[539] Там же. С. 130.
[540] Там же. С. 133-134.
[541] Там же. С. 522-523.
[542] Там же. С. 135.

офицерами, что позиция генерала Деникина по данной проблеме была столь принципиальной, в том ключе, что он всячески стремился оградить еврейское население юга России от погромов, что это навлекло на него обвинения в излишней мягкости и даже слабости со стороны правого офицерства, а также породило слухи о том, что он был куплен еврейским капиталом[543].

Тем не менее, в целом данный эпизод, связанный с проблемами внутри армии, имеет для данного сюжета серьезную значимость, он намечает не просто проблему вины армии, но ее командования и лично автора, которую он признавал в «Очерках», указывая, что ему нужно было быть жестче в решении ряда вопросов, которые разлагали армию изнутри, в том числе, соответственно, и в отношении отмеченного правого влияния.

Подводя итоги раздела, посвященного репрезентации и интерпретации ключевых субъектов «смуты» в «Очерках», следует выделить одну из центральных проблем, а именно – невозможность консолидации антибольшевистских сил, так как все усилия их были направлены на поиски «ориентаций» и «форм государственного строя»[544]. По его мнению, эти поиски оказались тщетными. Показательной в этом контексте является другая его ремарка: «Южная общественность почтила горячим молитвенным возношением память людей, “непобедимых в своей готовности принять муки за Родину”, память “очистительной жертвы за грехи русской интеллигенции...”. Но на их путь – путь единения – не вышла. Можно думать, что и московские деятели, если бы им довелось перейти от подготовительной, конспиративной работы к открытому государственному строительству, окончили бы тем же. Слишком антагонистична была психология двух течений русской общественности и слишком резко противоположны были их идеалы и стремления. Такими же остались и поныне»[545].

Эти суждения фиксируют не только сам факт провала попыток (как до, так и, что примечательно, после, т.е. в случае победы над большевиками) объединения, но и указывают на природу этого неудавшегося взаимодействия. В оптике автора, главной преградой являлась неспособность левых и правых флангов (понимаемых уже в широком значении) политического спектра преодолеть идеологические и психологические барьеры. За рамками этих крайних позиций оставались центристы, в которых А. И. Деникин видел представителей русской либеральной демократии. Их роль, по его мнению, заключалась в создании платформы для единения антибольшевистских сил, что и было реализовано на начальном этапе. Однако, как подчеркивал генерал, предложенным механизмом консолидации никто из политических флангов

[543] Hodgson J. E. With Denikin’s Armies. Being a Description of the Cossack counter-revolution in South Russian, 1918-1920. Edinburg: Edinburgh Press, 1932. P. 65-66.
[544] Деникин А. И. Очерки русской смуты. Белое движение и борьба Добровольческой армии: май-октябрь 1918 г. Минск : Харвест, 2002. С. 24.
[545] Деникин А. И. Очерки русской смуты : [в 3 кн.]. Кн.3 : т.4, т.5. Вооруженные силы Юга России. 3-е изд. М. : АЙРИС-пресс, 2015. С. 562.

воспользоваться не пожелал. Ключ к пониманию такого отказа А. И. Деникин усматривал в несовпадении целевых установок и глубинных (психологических) установок этих групп.

Автор выделял три основных фактора, препятствовавших созданию единой антибольшевистской коалиции: расхождения по вопросу государственного строя, психологические барьеры и несовместимость идеологических установок. Каждый из этих факторов раскрывается в «Очерках» через анализ конкретных примеров взаимодействия субъектов «смуты».

Взаимоотношения между революционной демократией и армией представляют один из наиболее выразительных примеров. Следует отметить, что армия, в интерпретации А. И. Деникина, ассоциировалась с «русской демократией» (понимаемой не столько в политическом, сколько в социально-политическом ключе, т.е. подчеркивая близость к народу – демосу), противопоставленной социалистическим силам. Так, говоря о событиях, известных как «выступление Корнилова», автор указывал, что в действительности они отражали не военный мятеж, а конфликт между социалистической и либеральной демократией[546]. А. И. Деникин считал конкретно данную «вспышку» противостояния результатом провокации А. Ф. Керенского, поддержку которому оказали «советы». Истинным инициатором этого кризиса он считал главу временного правительства, поддержанного советами, которые отказались от идеи коалиционного «правительства народной обороны». По мнению генерала, мотивацией Александра Федоровича было стремление сохранить личную власть, а для советов – инстинкт самосохранения[547]. Эти действия, по его оценке, окончательно разрушили возможность взаимодействия между «революционной демократией» и офицерством, что в дальнейшем отразилось и на отношениях с либеральными кругами.

Другой пример, на который указывал автор, – деятельность социалистов по подрыву ВСЮР изнутри и их пропагандистская кампания за рубежом. Особое внимание он уделяет фигурам А. Ф. Керенского, Н. Д. Авксентьева, О. С. Минора и В. М. Зензинова, обвинявших белое командование в «тирании» и «реакционности». Эти обвинения, по мнению автора, свидетельствовали о неспособности социалистов преодолеть устойчивые представления (психологические) о военных, как о носителях монархических и реакционных взглядов. Генерал с иронией цитировал слова А. Ф. Керенского: «Деникина не могут переварить даже самые ярые русские консерваторы...», – указывая на абсурдность подобных обвинений[548].

[546] Деникин А. И. Очерки русской смуты: Борьба генерала Корнилова. Август 1917-апрель 1918. Минск : Харвест, 2002. С. 92.
[547] Там же. С. 68-92.
[548] Там же. С. 560.

Близкой по характеру подрывной деятельности, как полагал автор, была политика самостийных организаций. А. И. Деникин акцентировал внимание на их идейной зависимости от российских социалистов и указывал на свойственные им лозунги, направленные против диктатуры «слуг царского режима»[549]. Такие настроения он интерпретировал как проявление психологических комплексов, недоверия и иррациональных страхов перед реставрацией дореволюционного порядка. В реальности, по мнению А. И. Деникина, данные группы не выражали волю народа, а преследовали цель государственной независимости (в частности Кубани)[550], что уже относилось к сфере их идеологической установки. Эта политическая линия привела в дальнейшем, по мнению автора, к событиям «кубанского действа» и последующему разрыву с политическими лидерами кубанского казачества[551].

Указанные примеры, по мнению автора, подтверждали, что различия в установках между политическими флангами и общероссийским военным командованием оказались непреодолимыми. Неспособность левых и самостийных групп преодолеть собственные идеологические и психологические барьеры привела к ослаблению общего фронта борьбы с большевиками, что стало, с точки зрения А. И. Деникина, одной из причин поражения ВСЮР.

Рассмотрим далее примеры взаимодействия правых сил и военного командования. Как отмечалось выше, правые политические круги появляются в «Очерках» после завершения Первого Кубанского похода. В этот период, по наблюдению автора, начиналось брожение среди офицерства Добровольческой армии, ранее защищенного от левой пропаганды, но оказавшегося под воздействием агитации со стороны Правого центра. Последний, к тому же, в тот момент времени стоял на германофильских позициях, что для А. И. Деникина представлялось не только беспочвенным, но и «в смысле государственном» абсолютно бесполезным[552].

Особую обеспокоенность у А. И. Деникина вызывало распространение в среде офицерского корпуса открытых монархических лозунгов. Учитывая, что офицерство в силу исторических традиций тяготело к монархическим взглядам, подобное усиление соответствующих настроений он считал деструктивным. Генерал полагал, что подобная политическая линия не отражала реального настроения народных масс, «не изживших большевизм», и тем более не соответствовала настроениям казачества. В этой связи он расценивал ее как безответственную, не учитывающую конкретный политико-социальный контекст. Кроме того, подобная риторика, с его точки зрения, лишь усиливала большевистскую

[549] Деникин А. И. Очерки русской смуты: Борьба генерала Корнилова. Август 1917-апрель 1918. Минск : Харвест, 2002. С. 600.
[550] Там же. С. 604.
[551] Там же. С. 790.
[552] Деникин А. И. Очерки русской смуты. Белое движение и борьба Добровольческой армии: май-октябрь 1918 г. Минск : Харвест, 2002. С.146-156.

пропаганду, утверждавшую реставраторский характер Добровольческой армии и, в дальнейшем, ВСЮР[553].

Наибольший интерес в рамках рассматриваемой темы представляет анализ А. И. Деникиным деятельности Особого совещания – ключевого гражданского органа при главнокомандующем, наделенного законосовещательными полномочиями и правом законодательной инициативы. В современной историографии устоялась точка зрения, согласно которой в Совещании доминировали либеральные силы, в частности представители Всероссийского национального центра (ВНЦ)[554]. Однако в «Очерках» представлена более сложная конфигурация. По оценке генерала, в Совещании сосуществовали две основные группы: правая и либеральная. Первая, которую он называл «большинством», характеризовалась внутренней спаянностью, мировоззренческой и психологической однородностью. Вторая, то есть либеральная, напротив, отличалась фрагментарностью и отсутствием единства даже внутри «кадетской» фракции. Распространенная в эмигрантской среде версия о «кадетском засилье», по его мнению, была безосновательной. Один из кадетских деятелей, приведенный в тексте, признавал: «У нас не было ни лидера, ни центрального комитета. Внутренняя спайка под давлением событий стала слабеть»[555].

А. И. Деникин также указывал, что сама идея Совещания опиралась на концепт коалиционности, восходивший к замыслам периода Быховского заключения. Однако этот коалиционный проект, по признанию автора, завершился полным провалом[556]. Эта оценка представляется особенно значимой, поскольку она фиксировала осознание невозможности единой политической платформы в условиях жесткой идеологической поляризации.

Автор констатировал, что политическая конфигурация южнорусской власти в тех условиях могла принимать три возможных формы: правую, либеральную или центристскую. Однако, с его точки зрения, каждая из них имела серьезные ограничения. Правый проект не имел народной поддержки, поскольку его носители игнорировали произошедшие в стране социальные сдвиги. Либеральный курс был практически неосуществим – во-первых, в силу настороженности, а порой и враждебности офицерства к либералам (последствие «Корниловского выступления»), а во-вторых, в силу «натиска правых кругов», которому, по словам автора, «мирный по природе своей русский либерализм противостоять не мог». Центристская линия, воплощенная в Совещании и поддерживаемая самим А. И. Деникиным, оказалась несостоятельной в силу

[553] Деникин А. И. Очерки русской смуты. Белое движение и борьба Добровольческой армии: май-октябрь 1918 г. Минск : Харвест, 2002. С. 230-233.
[554] Цветков В. Ж. Белое дело в России: 1917-1919 гг. М. : Яуза-Каталог, 2019. С. 186.
[555] Деникин А. И. Очерки русской смуты : [в 3 кн.]. Кн.3 : т.4, т.5. Вооруженные силы Юга России. 3-е изд. М. : АЙРИС-пресс, 2015. С. 297.
[556] Там же. С. 298.

глубинного антагонизма между входившими в него политическими силами[557]. «В этом был глубокий трагизм положения»[558], – заключал автор.

Любопытно, что, несмотря на формальное равновесие групп, именно либеральное крыло Совещания, по мнению А. И. Деникина, составляло подлинную опору его диктатуры. Напротив, правые, чьи взгляды и без того доминировали в публичном пространстве Юга, использовали Совещание в качестве рычага давления на политический курс. Более того, они развернули целенаправленную кампанию против либеральных групп, что особенно отчетливо проявилось в деятельности А. В. Кривошеина[559]. В результате, как подчеркивал генерал, подрыв его власти осуществлялся по двум направлениям: через латентную реализацию правой политической линии внутри Совещания и через дискредитацию либеральных сил, которые, по сути, были единственной интеллектуальной и политической опорой власти.

Эта тенденция приобрела особенно разрушительный характер в контексте крупных поражений ВСЮР поздней осенью 1919 и зимой 1919-1920 гг. В этот период, по словам автора, «искусно проводимая политическая игра» стремилась возложить ответственность за поражения на левый сектор Совещания и кадетов, обвиняемых в подрывной деятельности. Эта кампания, несмотря на свою упрощенность, демагогический характер и очевидную несправедливость, находила отклик в среде армии и близких к ней кругов, где сознательно формировалось озлобление против кадетского крыла, именуемого «злыми гениями» и «виновниками бедствий»[560]. Все это завершилось роспуском Совещания и попыткой перехода «от диктатуры к конституционным формам правления» – к созданию Южнорусского правительства, которое должно было опереться на «широкие народные круги» и казачество[561]. Однако этот шаг вызвал резкую критику справа и открыл путь для давления на власть с целью передачи ее генералу барону П. Н. Врангелю[562].

В итоге А. И. Деникин приходил к выводу, что действия правых сил в совокупности оказали разрушительное влияние как на общественную атмосферу, так и на армию и само военное командование. Он не исключал также возможности прямого саботажа[563]. В «Очерках» звучит недвусмысленный упрек в адрес правых групп, чьи действия, несмотря на их популярность в армейской среде, привели к деморализации офицерства, особенно через

[557] Деникин А. И. Очерки русской смуты : [в 3 кн.]. Кн.3 : т.4, т.5. Вооруженные силы Юга России. 3-е изд. М. : АЙРИС-пресс, 2015. С. 298-301.
[558] Там же. С. 301.
[559] Там же. С. 544-545.
[560] Там же. С. 705.
[561] Там же. С. 743.
[562] Там же. С. 766.
[563] Там же. С. 545.

кампанию критики в адрес штаба и его начальника – генерала И. П. Романовского. Складывается впечатление, что в восприятии А. И. Деникина подобная политическая линия мало чем отличалась от деятельности левых (революционных демократов), к которым правые относились с глубокой подозрительностью и враждебностью. Более того, она казалась ему в нравственном отношении даже более опасной, поскольку под видом «государственной необходимости» осуществлялась дезорганизация фронта, ослабление доверия и морального единства, столь необходимых в условиях войны. Эта критика особенно ярко проявляется в его оценке действий П. Н. Врангеля, с которыми связывались амбиции правой части политического спектра.

Прежде чем перейти к рассмотрению перипетий личных взаимоотношений, следует обратить внимание на отношение атамана П. Н. Краснова к командованию Добровольческой армии, как оно представлено в «Очерках», поскольку именно через него проявлялось более широкое противоречие между казачеством и русской либеральной демократией. Примечательно, что еще во время русско-японской войны, в период знакомства с будущим атаманом Всевеликого войска Донского, А. И. Деникин отметил у П. Н. Краснова важную черту – склонность к «поэтическому вымыслу» в ущерб истине[564]. Эта особенность, как подчеркивал автор, сохранялась у П. Н. Краснова и в годы Гражданской войны, в том числе в его взаимоотношениях с командованием Добровольческой армии.

Указанная черта особенно ярко проявилась в условиях «смуты», иногда в самых неожиданных формах, например, в известном письме императору Вильгельму II, в котором атаман от имени несуществующего тогда «Доно-Кавказского союза» обращался к главе Германской империи[565]. Это лишь один из многочисленных эпизодов, приведенных в «Очерках», свидетельствующих, по мнению автора, о фактическом отсутствии у П. Н. Краснова устойчивых моральных ориентиров в политической деятельности. Для А. И. Деникина подобный подход был категорически неприемлем. С одной стороны, атаман декларировал солидарность с другими антибольшевистскими силами, но одновременно пытался через немецких посредников добиться соглашения с большевиками. Такие действия, как подчеркивалось в «Очерках», расценивались командованием Добровольческой армии, в лице как самого Антона Ивановича, так и М. В. Алексеева, как «уклонение от борьбы за Россию ценою спасения Дона»[566]. Данная мысль – о такой репрезентации политики П. Н. Краснова, подтверждается в том числе и в личных письмах Михаила Васильевича Антону Ивановичу. «В лице Генерала Краснова немецкие притязания

[564] Деникин А. И. Путь русского офицера. М. : Прометей, 1990. С. 108-109.
[565] Деникин А. И. Очерки русской смуты. Белое движение и борьба Добровольческой армии: май-октябрь 1918 г. Минск : Харвест, 2002. С. 111.
[566] Там же. С. 116-117.

(враждебные общероссийским силам – А. К.) нашли отзывчивого исполнителя»[567], – отмечал первый.

Таким образом, в тексте прослеживается отчетливый паттерн отношения автора, представителя либерально-демократического лагеря, к фигуре П. Н. Краснова: с одной стороны, моральное неприятие используемых им методов, с другой – глубокое расхождение в целевых установках. Под этим углом следует рассматривать и скрытую критику самостийных устремлений казачества. Особенно отчетливо это выражено в следующем положении: «Тесное сотрудничество с немцами укрепляло положение последних, содействовало политике расчленения России и в случае продолжения войны разделяло противобольшевистские силы на два враждебных друг другу лагеря»[568].

Какие именно лагери имелись в виду? С одной стороны, общероссийский – в лице Добровольческой армии и, позднее, Вооруженных сил Юга России (ВСЮР); с другой – областнический, в своем крайнем выражении сепаратистский, представленный частью казачества и национальных движений. Автор отчетливо демонстрировал приверженность идее консолидации антибольшевистских сил, однако признавал, что в силу внутренних противоречий этого добиться не удалось. Причины он усматривал, прежде всего, в позиции областников. При этом генерал подчеркивал, что был готов поддержать создание, к примеру, Доно-Кавказского союза при соблюдении двух принципиальных условий: во-первых, декларации о его общероссийской ориентации как гарантии продолжения борьбы с большевиками после освобождения соответствующих территорий союза; во-вторых, объединения всех вооруженных сил под оперативным и организационным руководством командующего Добровольческой армией, то есть самого А. И. Деникина[569].

Остальные вопросы, включая проблему местной автономии, по признанию автора, могли быть решены впоследствии, уже после консолидации антибольшевистских сил. Однако драгоценное время было утрачено. Объединение произошло лишь после коренного изменения внешнеполитической обстановки – поражения Германии в войне, которое лишило П. Н. Краснова внешней опоры. Тем не менее, как подчеркивал А. И. Деникин, он не стремился к его

[567] ГА РФ Ф. 446. Оп. №2. Д. 1. Л. 41.
[568] Деникин А. И. Очерки русской смуты. Белое движение и борьба Добровольческой армии: май-октябрь 1918 г. Минск : Харвест, 2002. С. 120.
[569] Там же. С. 415-416.

немедленному устранению[570] полагая, что атаман, при условии доброжелательного отношения к Добровольческой армии, мог сыграть роль гаранта устойчивой власти на юге России[571].

Иной характер взаимоотношений прослеживается в случае с П. Н. Врангелем, который находился в подчинении у генерала. Этот факт представляется принципиально важным для понимания взглядов автора на природу их взаимодействия. Генерал прямо указывал, что, назначая П. Н. Врангеля командующим Кавказской Добровольческой армии, он шел на конфликт с рядом заслуженных офицеров–первопоходцев, в частности с Б. И. Казановичем[572]. Данный эпизод является показательным, поскольку свидетельствует о том, что при кадровых решениях главнокомандующий руководствовался, прежде всего, профессиональными качествами военачальников, а не их «старшинством» в Белом движении. Тот же принцип, как подчеркивается, был применен при назначении В. З. Май-Маевского командующим Добровольческой армией в мае 1919 года несмотря на то, что он также не входил в число первопоходцев. Эти соображения необходимо учитывать при дальнейшем анализе.

А. И. Деникин подчеркивал, что барон П. Н. Врангель обладал важными качествами как военный: он был энергичным, порывистым, что особенно ценно для командира кавалерии, хорошо понимал маневр и считался искусным тактиком[573]. Кроме того, автор отмечал, что стремился поддерживать и поощрять своего подчиненного, особенно в период его тяжелой болезни (тифа), проявляя внимание и заботу[574]. Бывший главнокомандующий подчеркивал, что его отношение к барону с самого начала было доброжелательным и внимательным. Тем не менее, уже весной 1919 года именно Петр Николаевич, по выражению автора, «шел на смену власти». Хотя А. И. Деникин нигде прямо не называет причин, побудивших барона к подобному курсу, как будет показано ниже, он видел их корни в моральном облике самого П. Н. Врангеля.

Антон Иванович с особым вниманием реконструировал процесс нарастания противоречий между Ставкой и штабом П. Н. Врангеля. Первые признаки разногласий проявились в январе 1919 года при обсуждении стратегически важного вопроса: выбора главного направления наступления. Ставка отстаивала северное (Донское) направление, тогда как П. Н. Врангель настаивал на восточном – Царицынском. Главнокомандующий, обладая более полной картиной оперативной обстановки, полагал, что ослабление донского направления, где действовали

[570] Это выразилось в том числе в закрытии газеты «Истина» на территории подведомственной А. И. Деникину, которая жестко ополчилась против атамана – прим.авт.
[571] Деникин А. И. Очерки русской смуты. Белое движение и борьба Добровольческой армии: май-октябрь 1918 г. Минск : Харвест, 2002. С. 420.
[572] Деникин А. И. Очерки русской смуты : [в 3 кн.]. Кн.3 : т.4, т.5. Вооруженные силы Юга России. 3-е изд. М. : АЙРИС-пресс, 2015. С. 117.
[573] Там же. С. 117, 158.
[574] Там же. С. 449-450.

деморализованные казачьи части, приведет к военной катастрофе. В свою очередь, штаб П. Н. Врангеля аргументировал свое решение необходимостью соединения с силами адмирала А. В. Колчака, которые, однако, в тот момент еще не начали масштабного наступления и находились на значительном расстоянии от Поволжья.

В результате перед командованием встала так называемая «проблема Царицына», которая, по признанию самого А. И. Деникина, быстро вышла за рамки военно-оперативного спора и приобрела политическую окраску. Более того, она стала использоваться как инструмент политической критики в адрес Ставки[575]. Современная историография также склонна трактовать значение Царицына преимущественно как политическое, как в среде белых, так и красных, нежели как чисто стратегическое[576]. Судя по всему, это понимание А. И. Деникин усвоил достаточно быстро. Он метафорически описывал аргумент штаба Врангеля как «камень», который «готовился задолго и был брошен открыто» в упомянутом февральском письме[577], связанном с выбором направления наступления. Таким образом, первый принципиальный момент в оценке взаимоотношений между А. И. Деникиным и П. Н. Врангелем заключается в обвинении последнего в подмене военно-стратегического анализа политической борьбой, что, по мнению автора, нарушало основы единства и дисциплины в высшем командовании.

Однако, по мнению А. И. Деникина, описанная выше проблема не была единственной и даже не являлась главной. Основная претензия к характеру взаимоотношений между двумя лидерами заключалась, по его мнению, в откровенной безнравственности поведения подчиненного и грубом нарушении им норм военной субординации. А. И. Деникин писал: «Не проходило дня, чтобы от ген. Врангеля Ставка или я не получали телеграмм нервных, требовательных, резких, временами оскорбительных, имевших целью доказать превосходство его стратегических и тактических планов, намеренное невнимание к его армии и вину нашу в задержках и неудачах его операций. Особенное нерасположение, почти чувство ненависти, он питал к ген. Романовскому и не скрывал этого. Эта систематическая внутренняя борьба создавала тягостную атмосферу и антагонизм. Настроение передавалось штабам, через них – в армию и общество»[578]. Таким образом, А. И. Деникин фиксировал не только факт систематического нарушения субординации, но и подчеркивал сознательный, преднамеренный характер подобного

[575] Деникин А. И. Очерки русской смуты : [в 3 кн.]. Кн.3 : т.4, т.5. Вооруженные силы Юга России. 3-е изд. М. : АЙРИС-пресс, 2015. С. 489.
[576] Кручинин А. С. «Проблема Царицына» (1918) в стратегии и историографии // Военно-исторические аспекты жизни Юга России XVII-XXI вв.: вопросы изучения и музеефикации : Материалы III международной научно-практической конференции, Волгоград, 01–02 октября 2021 года. Волгоград: Общество с ограниченной ответственностью "Сфера", 2021. С. 313-320.
[577] Деникин А. И. Очерки русской смуты : [в 3 кн.]. Кн.3 : т.4, т.5. Вооруженные силы Юга России. 3-е изд. М. : АЙРИС-пресс, 2015. С. 496.
[578] Там же. С. 489.

поведения, направленного на дестабилизацию обстановки внутри армии и в обществе в целом. Особенно тревожным для главнокомандующего представлялся тот факт, что барон «знакомил старших военных начальников» с содержанием своих писем, адресованных ему лично. Делалось это, как утверждает автор, преднамеренно и с расчетом на влияние, прежде всего, на офицерскую среду[579].

Содержание этих писем, как подчеркивал Антон Иванович, было насыщено эмоциональными, порой иррациональными реакциями, и в меньшей степени опиралось на аргументацию в рамках объективного анализа. Автор подтверждал это детальным разбором тех обвинений, которые П. Н. Врангель выдвигал в его адрес[580]. Несмотря на всю активность барона и его, по выражению А. И. Деникина, «интриги», подобная линия поведения не получила широкой поддержки ни среди офицерства, ни среди казачества. Особенно наглядно это проявилось в ходе событий декабря 1919 – января 1920 гг., когда П. Н. Врангель предпринял попытку склонить к смещению главнокомандующего ряд влиятельных лиц: терского атамана Г. А. Вдовенко, а также генералов И. Г. Эрдели и А. Г. Шкуро. Эта инициатива окончилась безрезультатно[581].

Завершая характеристику взаимоотношений, А. И. Деникин приводил слова из своего последнего письма к Петру Николаевичу: «Для подрыва власти и развала Вы делаете все, что можете. Когда-то, во время тяжкой болезни, постигшей Вас, Вы говорили Юзефовичу, что Бог карает Вас за непомерное честолюбие... Пусть Он и теперь простит Вас за сделанное Вами русскому делу зло»[582]. По мнению автора, именно личные качества барона, прежде всего, его неуемное честолюбие, и стали источником того «зла», которое он причинил Белому движению. Причем критика эта адресовалась не только самому П. Н. Врангелю, но и тому правому крылу белого лагеря, которое он в тот период, по убеждению автора, фактически возглавлял.

Примечательно, что генерал А. И. Деникин покинул пост главнокомандующего не под давлением интриг и открытых нападок на него и его штаб, а вследствие обстоятельства, которое он сам еще весной 1918 года обозначил как единственно возможное основание для ухода, – утраты доверия со стороны офицерства, в особенности добровольческого. Роковым в этом смысле стало получение 23 февраля 1920 года телеграммы от командующего Добровольческим корпусом, одного из первопоходцев Белого движения, генерала А. П. Кутепова. В ней выражались сомнения в перспективах продолжения вооруженной борьбы и, что особенно значимо, в возможности

[579] Деникин А. И. Очерки русской смуты : [в 3 кн.]. Кн.3 : т.4, т.5. Вооруженные силы Юга России. 3-е изд. М. : АЙРИС-пресс, 2015. С. 492-493.
[580] Там же. С. 485-486, 490-492.
[581] Там же. С. 718-723
[582] Там же. С. 784.

дальнейшего сотрудничества с казачеством. «Вот и конец», – так прокомментировал эту телеграмму А. И. Деникин, тем не менее решив, что прежде, чем оставить пост, он обязан сделать все возможное для организации эвакуации из Новороссийска и закрепления Крымского плацдарма[583].

Показательно, что сам А. П. Кутепов впоследствии сожалел о своем поступке, считая, в частности, что «генерала Деникина заменить никто не может, поэтому считал, что дело наше проиграно. Все это болезненно переносил; упрекал себя за посылку генералу Деникину телеграммы в Новороссийск, так как полагал, что она, может быть, имела значение при решении генерала Деникина»[584]. Сам же бывший главнокомандующий, уже после завершения вооруженной борьбы на юге России, пришел к осознанию того, что офицерство, несмотря на колебания, в действительности ожидало, что именно он продолжит руководство антибольшевистской борьбой[585]. Однако произошедший внутренний надлом, духовная усталость и ощущение исчерпанности своих сил не позволяли ему действовать прежним образом.

Эта последняя мысль представляет собой ключ к пониманию восприятия ситуации самим А. И. Деникиным. Завершение активной вооруженной фазы борьбы, вынужденное оставление России, а также гибель его ближайшего соратника и друга генерала И. П. Романовского, убитого представителями правого крыла белого лагеря, стали для него глубоко травмирующими событиями. В этом контексте анализируемые тома «Очерков русской смуты» можно рассматривать как своего рода акт детравматизации исторического опыта путем его историзации в форме нарратива.

Если обратиться к тропологической теории Х. Уайта и рассматривать структуру повествования через призму типологии сюжетопостроения, то можно с уверенностью утверждать, что в данном случае нарратив выстроен по модели трагедии. Он пронизан стремлением автора к личностному анализу причин крушения «русской государственности» в ее исторической перспективе. При этом следует отметить и выраженную морально-этическую направленность сочинения, которая выражала не столько отвлеченную историческую концепцию, сколько личное мироощущение автора, ставшее основой для оценки и объяснения происходивших событий.

А. И. Деникин в «Очерках русской смуты» предлагал собственное объяснение причин революции и Гражданской войны, выделяя две ключевые составляющие: историко-контекстуальную и морально-этическую. Первая, как показано в ходе настоящего анализа,

[583] Деникин А. И. Очерки русской смуты : [в 3 кн.]. Кн.3 : т.4, т.5. Вооруженные силы Юга России. 3-е изд. М. : АЙРИС-пресс, 2015. С. 788.
[584] Цит.по: Там же. С. 810.
[585] Там же. С. 809-810.

прослеживается на уровне структурных процессов и общественных трансформаций. Революция, по мнению автора, была во многом закономерным итогом исторического развития, предвестником которого стала революция 1905-1907 гг. Она не была ни спонтанной, ни непредсказуемой. Подобным же образом, что может показаться неожиданным, А. И. Деникин рассматривал и феномен центробежности национальных окраин, объясняя его как реакцию на многовековую политику гиперцентрализации, проводимую российскими самодержцами. Развал вооруженных сил, описанный в предыдущих главах, также имел, по его мнению, четко очерченные контекстуальные основания.

Вторая причина – морально-этическая, раскрывалась через анализ взглядов, поступков и действий ключевых фигур и движений периода «лихолетья». Автор подчеркивал, что, оценивая события революции и Гражданской войны, он ясно увидел одну из коренных проблем русской интеллигенции: ее оторванность от народа. Эта черта, по его мнению, была присуща всем направлениям – либералам, революционерам, самостийникам, правым, и выражалась, в частности, в полной неспособности к объединению на какой-либо общественно-политической платформе[586].

Отдельной темой, выявленной при анализе, является критика А. И. Деникиным различных политических сил и деятелей «смуты». Примечательно, что она носила последовательный и, в определенной степени, самокритический характер. Революционную демократию он упрекал за неспособность преодолеть предубеждение по отношению к офицерству, проявлявшему в 1917 году демократические настроения, а также за подмену служения Родине служением идее Революции. Либеральную демократию, к которой относил и себя, он критиковал за неспособность к осуществлению твердой власти. Правых обвинял в игнорировании изменений социального контекста и склонности к интригам. А. И. Деникин открыто признавал и собственные ошибки – будь то чрезмерная мягкость по отношению к нарушителям дисциплины в армии или чрезмерное терпение к самостийным стремлениям, что, по его мнению, объективно ослабляло Белое движение изнутри. Однако, пожалуй, главной ошибкой всего движения и самого себя он считал выдвижение идеи общественно-политической платформы для сбора антибольшевистских сил. Сам автор утверждал, как было показано в ходе анализа, что именно он был тем человеком в Быхове, который предложил данную идею, он попытался пронести ее через всю борьбу, но именно она, в конечном итоге, привела к поражению. Он не сумел сразу оценить неспособность политических флангов русской общественности к совместному объединению,

[586] Деникин А. И. Очерки русской смуты : [в 3 кн.]. Кн.3 : т.4, т.5. Вооруженные силы Юга России. 3-е изд. М. : АЙРИС-пресс, 2015. С. 562.

что, в итоге, раскололо платформу. В этом признании содержалась не только самокритика, но и терапия – признание своей ошибки.

Судя по всему, данное осмысление вело автора к переосмыслению и тактики борьбы с большевизмом. В «Очерках» он указывал на фактор, который, по его убеждению, должен был стать решающим в падении советской власти, – процесс ее «изживания» в народной среде. Именно на этот процесс, как он полагал, должны были ориентироваться действия русской эмиграции. В эмигрантский период Антон Иванович связывал воссоздание национальной России с деятельностью внутренних национальных сил, прежде всего с Красной армией – парадоксально, но именно этой структуре, бывшему противнику белых, он отводил ключевую роль в деле территориального сохранения исторической России. В этом он видел национальную задачу[587]. Бывший главком ВСЮР последовательно выступал против любых форм сотрудничества с внешними силами, включая интервенцию, полагая, что только пробуждение национального самосознания у русских солдат и офицеров в рядах РККА приведет сначала к победе над внешним врагом, а затем – к свержению коммунистического правительства в Москве[588]. Подобная идея, называемая «двойной задачей», имела своим истоком «Очерки».

В историософской конструкции А. И. Деникина в статусе phaenomena bene fundata выступает идея «смуты» как эпохи помрачения национального сознания, а также вытекающий из нее тезис о болезни «воли и духа»[589] как причине временных успехов большевизма. Данные идеи формируют репрезентацию, которая, признавая тактическое поражение Белого движения, сохраняет телеологическую уверенность в конечном торжестве национального духа, концептуализированную в формуле «двойной задачи».

Нарратив А. И. Деникина – это нарратив русской национальной трагедии, попытка осмысления этого процесса. Тем не менее, масштабная и целостная критика ключевых акторов революции и Гражданской войны, включая военных, предпринятая в работе, не могла не вызвать ответной реакции. Тем самым «Очерки русской смуты» стимулировали дальнейшее развитие историографических взглядов на события 1917–1920 годов, став не только личным документом эпохи, но и важным звеном в формировании исторической памяти о «русском лихолетье».

2.2. Контр-нарративы «Смуты» в трудах П. Н. Краснова и П. Н. Врангеля.

Публикация «Очерков русской смуты» А. И. Деникина стала значительным событием для русского зарубежья. Как уже отмечалось в начале главы, она вызвала бурную и нередко противоречивую реакцию. В рамках настоящего исследования не ставится задача детального

[587] Тарусский Е. Теория и практика (на докладе ген. А. И. Деникина) // Часовой. — Париж, 1935. — № 145. С. 25.
[588] Ипполитов Г. М. Деникин. М. : Молодая гвардия, 2006. С. 542-543.
[589] Деникин А. И. Очерки русской смуты : [в 3 кн.]. Кн.3 : т.4, т.5. Вооруженные силы Юга России. 3-е изд. М. : АЙРИС-пресс, 2015. С. 90.

рассмотрения всей полемики, развернувшейся вокруг этого труда, тем более что она была проанализирована Д. Н. Пановым. Основное внимание далее будет уделено контр-нарративам событий Гражданской войны, представленным оппонентами Антона Ивановича – П. Н. Красновым (в работах «Всевеликое войско Донское» [1922], «Венок на могилу неизвестного солдата Императорской российской армии» [1924] и «На внутреннем фронте» [1925]), а также П. Н. Врангелем в его «Воспоминаниях» (1928).

Важно подчеркнуть, что эти произведения не могут рассматриваться как прямая критика репрезентации А. И. Деникина по следующим причинам. Во-первых, хронология публикаций: «Всевеликое войско Донское», представлявшее собой ключевую часть воспоминаний атамана, появилось после первого тома «Очерков», в котором Дон и события 1917 года освещались лишь фрагментарно; «Венок...» и «На внутреннем фронте» вышли соответственно уже после третьего тома «Очерков»; «Воспоминания» П. Н. Врангеля, хотя и опубликованы после завершения всей серии трудов Деникина, были, по данным С. В. Карпенко, написаны еще в 1921-1923 годах. Во-вторых, сами авторы, особенно П. Н. Врангель, явно не стремились, чтобы их тексты рассматривались в качестве полемических откликов на произведения А. И. Деникина[590].

Тем не менее, с научной точки зрения представляется оправданным рассматривать данные источники как контр-нарративы – то есть как повествования, предлагающие альтернативные интерпретационные модели тех же событий, которые освещались в «Очерках». Подобный подход представляется продуктивным, поскольку позволяет отказаться от идеи существования единственно верной или авторитетной трактовки событий в пользу концепции множественности разноплановых нарративов и конкурирующих дискурсов. Более того, это дает возможность рассматривать такие тексты не как формы самооправдания, а как самостоятельные исторические конструкции, обладающие внутренней логикой и нарративной связностью.

Исходя из этих позиций, начнем анализ с воззрений П. Н. Краснова.

П. Н. Краснов родился 10 сентября 1869 г. в Петербурге в семье потомственных казаков. Получил образование в Александровском кадетском корпусе и Павловском военном училище, но был исключен из Николаевской академии Генштаба из-за литературно-публицистической деятельности, к которой проявлял интерес с юности[591]. Приверженность писательству он сохранил до конца жизни, став в эмиграции одним из самых продуктивных публицистов военной диаспоры.

---

[590] Карпенко С. В. Судьбы людские: генерал П. Н. Врангель и его «Записки» [Электронный ресурс] // Антибольшевистская Россия : [сайт]. URL: https://www.antibr.ru/studies/ao_zapwr_k.html (07.07.25)

[591] Белое движение. Исторические портреты: Л. Г. Корнилов, А. И. Деникин, П. Н. Врангель. М. : Астерль: АСТ, 2006. С.169

В Первую мировую войну занимал командно-штабные должности от командира полка до командующего 3-м конным корпусом; в октябре 1917 г. безуспешно пытался ликвидировать большевистскую власть в Петрограде. После возвращения на Дон скрывался до освобождения Новочеркасска, а в 1918 г. на Круге спасения Дона был избран атаманом (кандидатуру выдвинул С. В. Денисов); старшинство и отсутствие связей с местными элитами способствовали избранию[592].

После отставки подчинялся Н. Н. Юденичу, с марта 1920 г. в эмиграции в Германии, занимался военно-научными публикациями (включая военную психологию[593], и сотрудничал с «Часовым». В годы Второй мировой войны, будучи германофилом и антибольшевиком, сотрудничал с нацистами, возглавлял Главное управление казачьих войск; после войны выдан СССР и казнен в 1947 г.

Если нарратив, представленный в «Очерках» А. И. Деникина, представлял собой попытку осмысления национального падения России, анализа допущенных ошибок и фиксации опыта борьбы, то исторические размышления П. Н. Краснова, также констатируя общий крах государства, были в большей степени сосредоточены на проблеме национальной борьбы казачества. В связи с этим в его работах, посвященных событиям 1917-1919 годов, участником которых он непосредственно являлся, можно выделить несколько ключевых сюжетов, требующих пристального внимания: крах Российской государственности, большевизм, судьба казачества, Добровольческая армия и ее руководство, а также характер взаимодействия последних двух сил, в рамках которого проявлялось авторское видение их военных установок и идеологических позиций.

Примечательно, что П. Н. Краснов не оставил развернутого анализа причин революции, ограничившись лишь констатацией того, что после «великой бескровной» он, как и большинство его подчиненных, пребывал в уверенности, что «Временное правительство идет быстрыми шагами к Учредительному собранию, а Учредительное собрание – к конституционной монархии. <…> На Совет солдатских и рабочих депутатов смотрели как на что-то вроде нижней палаты будущего парламента»[594]. Более того, по его признанию, тогда казалось, что революция уже завершилась. Такая точка зрения отражает восприятие революции как ограниченного политического процесса, не затронувшего глубинные основы российского общественного устройства. Куда более серьезными последствиями, по мнению автора, обладал Приказ № 1, создавший предпосылки для разложения армии за счет разрушительного влияния тыла. При этом

[592] Кисин С. В. Генерал Деникин. За Россию, Единую и Неделимую. М. : Центрополиграф, 2021. С. 237-238.
[593] Краснов П. Н. Душа армии : очерки по воен. психологии; с предисл. Н. Н. Головина. — Берлин : Медный всадник, 1927. — 156 с.
[594] Краснов П. Н. Атаман: Воспоминания. М. : Вагриус, 2006. С. 286.

он отмечал, что казаки оказались более устойчивыми к разлагающей пропаганде, нежели солдаты, а непосредственным следствием приказа стал Брест-Литовский мир, который, по его мнению, был бы заключен даже в случае сохранения власти Временного правительства[595].

Главным фактором дезорганизации армии, по мысли П. Н. Краснова, стало распространенное в войсках ожидание скорого мира, что, по его оценке, вступало в прямое противоречие с позицией русского офицерства и, прежде всего, с позицией Л. Г. Корнилова. Характерно, что Корниловское выступление он трактовал как попытку государственного переворота («coup d'état»), обреченную на провал ввиду того, что сам командующий Ставкой не решился возглавить войска, направлявшиеся на Петроград, и остался в Могилеве под защитой верных частей. Эта оценка содержит очевидную критическую составляющую, подкрепленную восприятием Л. Г. Корнилова как революционера, принципиально отличающегося по взглядам от самого П. Н. Краснова. Последний, напротив, последовательно отстаивал монархические убеждения, что позволяет говорить о глубоком идеологическом расхождении между ними. Последствием неудачного мятежа, по его мнению, стало лишь усиление позиций большевиков в Петросовете и комитетов в армии, что способствовало ускорению общего распада[596].

Приход большевиков к власти П. Н. Краснов рассматривал как логичное следствие отречения императора, полагая при этом, что реализацию подобного сценария можно было бы предотвратить лишь при выполнении двух взаимосвязанных условий: немедленного заключения мира с Центральными державами и полной демобилизации армии[597].

Сам большевизм автор осмысливал в схожем с А. И. Деникиным ключе, характеризуя его как «заразу», разрушающую в человеке понимание «права и чести»[598]. Особую ценность в его размышлениях представляют личные наблюдения за восприятием большевистской идеологии солдатами и матросами в октябре 1917 года. Краснов отмечал, что взгляды этих групп носили предельно идеалистический характер: стремясь к «счастью» и «свободе», они воспринимали большевизм не как политическую программу, а как проекцию собственных ожиданий. Примечательны и рассуждения самих бойцов о том, что теперь только они являются подлинной властью, и, при необходимости, могут даже свергнуть В. И. Ленина, если тот отступит от их представлений об идеале[599]. Эти замечания особенно показательны, поскольку отражали, с точки зрения автора, крайнюю степень аполитичности и идеалистичности солдат, матросов и казаков, поддавшихся большевистской пропаганде. Противодействием ей, по мнению П. Н. Краснова,

[595] Краснов П. Н. Атаман: Воспоминания. М. : Вагриус, 2006. С. 292.
[596] Там же. С. 307-328.
[597] Там же. С. 343-385.
[598] Там же. С. 381.
[599] Там же. С. 387-388.

могла служить лишь «сила образования и просвещения»[600], однако в условиях Гражданской войны эту силу должна была заменить вооруженная борьба[601]. Следует отметить точность представленных генералом мыслей относительно идеализации солдатской массой революции и лишь их условной большевизации (солдаты поддерживали последних только до тех пор, пока они отражали их собственные воззрения, желание мира и земли), точка зрения, нашедшая полное отражение и доказательную базу в современной русистике[602].

Важное место в нарративе П. Н. Краснова занимали казачество и Добровольческая армия – ключевые субъекты Гражданской войны. По его оценке, после того как казачество оказалось заражено идеями большевизма в 1917 году, в первую очередь по причине большевистской пропаганды мира, донские власти, возглавляемые атаманом А. М. Калединым, оказались в крайне затруднительном положении. П. Н. Краснов критиковал А. М. Каледина, считая, что тот «плывет по течению», не осознавая, что это течение ведет казачество к большевикам. Особое раздражение у автора вызывала идея паритетного правительства, продвигаемая А. М. Калединым: она, по его словам, привела к власти на Дону «интеллигентных болтунов», неспособных принимать необходимые и своевременные решения[603]. Примечательно, что в подобной оценке атаман шел дальше и радикальнее С. В. Денисова – командующего Донской армией (май 1918 – февраль 1919 гг.), который считал, что А. М. Каледин «царствовал, но не управлял», подчеркивая таким образом политико-административную скованность преемника П. Н. Краснова, как одну из причин провала всего правительства[604]. Несколько иную трактовку падения правительства А. М. Каледина давал В. В. Добрынин, начальник оперативного управления Донской армии, заострявший внимание на том факте, что атаман уделял первоочередное внимание общероссийским проблемам, а не внутриказачьим, в результате чего «просмотрело назревший на Дону кризис»[605].

Как справедливо отмечает современный исследователь В. Ж. Цветков, данный вопрос представлял собой одно из уязвимых мест внутренней политики в отношении казачества, в рамках которой конкурировали три взаимоисключающие позиции: расказачивание (программа большевиков), «паритет» (позиция А. М. Каледина) и оказачивание (платформа П. Н. Краснова и

---

[600] Краснов П. Н. Атаман: Воспоминания. М. : Вагриус, 2006. С. 342.
[601] Там же. С. 379.
[602] Wildman A. K. The End of the Russian Imperial Army: The Road to Soviet Power and Peace. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1987. P. 328-329.
[603] Краснов П. Н. Атаман: Воспоминания. М. : Вагриус, 2006. С. 407.
[604] Денисов С. В. Записки. Гражданская война на юге России 1918–1920 гг. Книга 1-я: Январь–май 1918 г. Константинополь : Тип. «Пресса», 1921. С. 25-27.
[605] Добрынин В. В. Борьба с большевизмом на юге России. Участие в борьбе донского казачества: февраль 1917 — март 1920 : очерк. Прага : Славянское издательство, 1921. С. 35.

ряда других представителей Белого движения)[606]. Последняя подразумевала расширение казачьего сословия за счет иногородних, готовых защищать Дон от наступления красных.

Рассуждая о казачестве и народных массах в целом, П. Н. Краснов акцентировал внимание на утрате ими национальной гордости и неспособности осознать глубину позора, который, по его мнению, стал тяжким моральным бременем для него самого и его боевых соратников – офицеров[607]. Так, в контексте событий 1917 года, он прежде всего констатировал утрату русского национального самосознания. В сочетании с размышлениями о гибели или предсмертном состоянии России[608] становится очевидной его убежденность в невозможности возвращения к прежней России и для казачества. Эта мысль представляла собой краеугольный элемент его повествования, а также служила источником напряженности и непонимания в его отношениях с Добровольческой армией.

После освобождения Новочеркасска от большевиков и созыва Круга Спасения Дона П. Н. Краснов поставил перед собой четкую и конкретную задачу: «спасти Дон»[609]. По его оценке, данный Круг был подлинно демократическим органом, выражавшим настроения так называемой «серой» части казачества, стремившейся, как подчеркивал сам П. Н. Краснов, к независимости от России, к которой она испытывала исторические обиды за прежние притеснения[610]. Именно эта часть казачества, составлявшая подавляющее большинство, являлась, по его мнению, истинным выразителем воли народа и избрала П. Н. Краснова атаманом. Тем самым автор признавал, что его политика во многом соответствовала интересам этой группы. В то же время он подчеркивал свою личную приверженность идее единства с Россией. Это признание важно в контексте имплицируемых в «Очерках» А. И. Деникина обвинений в самостийности, адресованных П. Н. Краснову.

Таким образом, в репрезентации фиксировалось столкновение двух принципиальных позиций – казачьей и общероссийской, каждая из которых боролась за реализацию собственных целей. В этом контексте, по словам атамана: «война с большевиками на Дону имела уже характер не политической или классовой борьбы, не гражданской войны, а войны народной, национальной. Казаки отстаивали свои казачьи права от русских. Атаман, являясь ставленником казаков, не мог с этим не считаться»[611]. В воспоминаниях прямо утверждалось, что казачество вело национальную борьбу за независимость от России. Эта мысль акцентировалась

[606] Цветков В. Ж. Белое дело в России: 1917—1919 гг. М. : Яуза-Каталог, 2019. С. 204-205.
[607] Краснов П. Н. Атаман: Воспоминания. М. : Вагриус, 2006. С. 397.
[608] Там же. С. 513-514.
[609] Там же. С. 406.
[610] Там же. С. 464.
[611] Там же. С. 447.

неоднократно, в том числе в следующем утверждении: «Вся Россия шла на Дон. <…> Вся Россия шла уничтожить казаков и мстить им за 1905 год»[612].

Стоит отметить, что еще одним выразителем идей «серого» казачества был, уже упомянутый выше, С. В. Денисов, который ранее самого П. Н. Краснова в своем нарративе, посвященном гражданской войне, четко разграничивал казачество и «русских людей», сообщая им разные качественные характеристики, самой главной из которых являлась непонимание «свободы» русским безграмотным солдатом, в отличие от казака[613]. Главной преградой, которая не позволила казакам спасти «если не всю Россию, то юг ее от большевиков», были действия генералов, которые сначала не дали казакам покинуть фронт и вернуться на Дон[614], а потом чинили препятствия для военного и политического объединения сил на юге[615].

Тем самым, оба «казачьих» автора стремились подчеркнуть национальный характер борьбы казачества. При этом, в случае П. Н. Краснова, данная концепция вступала в противоречие с его собственными размышлениями о трагическом состоянии России. С одной стороны, он декларировал верность идее единой и неделимой России, но одновременно утверждал, что эта Россия пребывает в состоянии катастрофы: «Россия теперь поругана и опозорена большевиками, она разгромлена ими и лежит в обломках. Можно сказать, нет России. Дон стал совершенно одинок. Ему нужно – впредь до восстановления России – стать самостоятельным государством»[616]. С другой стороны, он описывал казачество как борющееся против России, которая выступала против него с оружием.

Это внутреннее противоречие в нарративе может быть разрешено лишь при одном логически обоснованном допущении – отождествлении России с большевизмом в восприятии П. Н. Краснова. Однако сам автор прямо не артикулировал такую позицию в своих воспоминаниях, что дает основания предполагать: он сознательно избегал ясного выражения своего отношения к вопросу о взаимоотношениях между Россией, казачеством и большевизмом. Именно в этой точке его повествование теряет внутреннюю связность, позволяя исследователю реконструировать подлинную политическую позицию автора на основе выявленных умолчаний и логических разрывов.

С другой стороны, наряду с казачеством борьбу с большевиками (которых автор косвенно отождествлял с Россией) вела Добровольческая армия под командованием А. И. Деникина. Последний получил в воспоминаниях П. Н. Краснова наиболее критическую оценку.

---

[612] Краснов П. Н. Атаман: Воспоминания. М. : Вагриус, 2006. С. 537.
[613] Денисов С. В. Записки. Гражданская война на юге России 1918–1920 гг. Книга 1-я: Январь–май 1918 г. Константинополь : Тип. «Пресса», 1921. С. 11.
[614] Там же. С. 13.
[615] Там же. С. 6.
[616] Краснов П. Н. Атаман: Воспоминания. М. : Вагриус, 2006. С. 409.

Подчеркивая негативное влияние А. И. Деникина, автор утверждал: «не вмешайся в дела Войска генерал Деникин и союзники, может быть, и сейчас Войско Донское существовало бы на тех же основаниях, как существует Эстония, Финляндия, Грузия, – существовало отдельно от советской России»[617]. С точки зрения атамана, Добровольческая армия с самого начала стремилась подчинить себе Дон с целью ведения «классовой» борьбы под лозунгами «единой и неделимой России», которые были чужды подавляющему большинству казаков, рассматривавших свое вооруженное сопротивление как национально-освободительную борьбу.

Кроме того, автор указывал на то, что глава общероссийских сил юга, используя лояльную ему часть донской интеллигенции, стоявшей на позициях централизованного единства, систематически критиковал и политически атаковал атамана. Тем не менее, П. Н. Краснов подчеркивал, что он был открыт к сотрудничеству с Добровольческой армией, но исключительно на союзнических основаниях. Более того, он допускал возможность создания единого оперативного командования, однако в качестве руководителей этого объединения видел не самого А. И. Деникина, а генералов Н. И. Иванова или Д. Г. Щербачева[618].

Принципиальные расхождения позиций между атаманом и командованием Добровольческой армии фиксировались П. Н. Красновым следующим образом: «Гетман и атаман первою задачею ставили борьбу с большевиками и уничтожение большевизма в России, и только по завершении этой задачи они склонялись решать вопрос о будущем России. Добровольческая армия ставила если не первой своей задачей, то, по крайней мере, задачей одновременной с борьбой с большевиками “объединение осколков бывшей России в Единую, Неделимую Россию” – иными словами, уничтожение самостоятельной Украины, самостоятельной Грузии, посягательства на полную автономию Крыма, Дона и Кубани. Если Скоропадский и Краснов, как русские люди, не менее русские, нежели Деникин, могли пойти на это, то гетман и атаман идти на это, не предавая избравший их народ, не могли»[619]. Таким образом, П. Н. Краснов противопоставлял централизаторской идее А. И. Деникина свой альтернативный проект борьбы с большевизмом, основанный на координации усилий ряда независимых, но союзных государств, возникших на обломках Российской империи. К тому же, исходя из демократической интерпретации казацкого самоуправления, он видел себя как представителя интересов казачества. Эта концепция, с нашей точки зрения, ориентированная на принцип национального самоопределения, противопоставлялась проекту реставрации «единой и неделимой» и в

[617] Краснов П. Н. Атаман: Воспоминания. М. : Вагриус, 2006. С. 406.
[618] Там же. С. 488.
[619] Там же. С. 472.

дальнейшем оказала значительное влияние на развитие историографической критики Добровольческого движения со стороны части консервативных и националистических кругов.

Вместе с тем в позиции П. Н. Краснова содержалось существенное внутреннее противоречие. С одной стороны, он признавал, что казачество не стремилось к экспансии за пределы своего региона и не желало переносить боевые действия на территорию советской России[620]. С другой, – для преодоления этого ограничения атаман предпринял ряд шагов: во-первых, он способствовал созданию регулярной Донской армии, организованной по образцу старой армии Российской империи; во-вторых, он поддерживал формирование прогерманских вооруженных соединений – Южной, Северной и Астраханской армий[621]. Однако реализация этой политики объективно ослабляла позиции Добровольческой армии, снижая приток офицеров в ее ряды, что вызывало дополнительное напряжение между двумя центрами антибольшевистской силы. Таким образом, становится очевидным, что действия Петра Николаевича имели двойственный характер: с одной стороны, он декларировал стремление к союзничеству с Добровольческой армией, с другой – стремился к укреплению собственной военной и политической автономии. Это позволяет предположить, что политика атамана была не столь бескорыстной, как он сам ее представлял в воспоминаниях.

Какова была причина столь противоречивого и двойственного отношения П. Н. Краснова к Добровольческой армии? Сам атаман ясно давал понять, что основная проблема, по его мнению, заключалась в личности ее главнокомандующего – А. И. Деникина. В своих воспоминаниях он выдвигал целый ряд обвинений в адрес генерала, среди которых: неспособность к творческому подходу в военном и политическом руководстве, непонимание характера Гражданской войны, в особенности ее национального измерения, склонность к жесткости и силовому решению всех вопросов (редкий случай подобной критики – чаще всего А. И. Деникина упрекали прямо в противоположном, что является примером действия перспективы), неспособность организовать регулярные вооруженные силы и устойчивый тыл, а также опора исключительно на кубанских казаков и офицеров, ориентированных на борьбу «с крестьянами и рабочими, с пролетариатом». Кроме того, Краснов обвинял А. И. Деникина в подавлении «кубанской самостоятельности», отсутствии адекватной идеологической программы и продвижении лозунга «единой и неделимой России», который, по его мнению, был чужд украинцам, грузинам и другим народам бывшей империи[622].

[620] Краснов П. Н. Атаман: Воспоминания. М. : Вагриус, 2006. С. 448.
[621] Об этом, в частности, писал В. Ж. Цветков. См.: Цветков В. Ж. Белое дело в России: 1917—1919 гг. М. : Яуза-Каталог, 2019. С. 236-242.
[622] Краснов П. Н. Атаман: Воспоминания. М. : Вагриус, 2006. С. 522.

Примечательно также то, что П. Н. Краснов считал А. И. Деникина монархистом, о чем он «боялся сказать», так как не желал разрыва «с республиканцами», из-за чего сами монархисты считали его республиканцем. В качестве еще одного уязвимого пункта П. Н. Краснов критиковал лозунг о созыве Учредительного собрания, указывая, что «все понимали, что его фактически не собрать». Эта мысль позволяла П. Н. Краснову обвинять А. И. Деникина в стремлении к реставрации эсеровской политической модели через институт, который, по логике самого атамана, уже утратил свою легитимность. Подвергался сомнению и боевой потенциал армии главнокомандующего: по словам П. Н. Краснова, Добровольческая армия отличалась доблестью, но была плохо дисциплинирована и недостаточно обеспечена.

Одним из наиболее значимых упреков в адрес А. И. Деникина было обвинение в стратегической недальновидности. П. Н. Краснов утверждал, что тот вел войну прежде всего с «окраинами», стремясь обеспечить надежный тыл, тогда как сам атаман считал главным противником именно большевиков и стремился договориться с различными региональными силами. В этом контексте он заявлял: «Надо идти прямо к цели – и цель эта: гнездо большевизма – Москва и Петроград», – в то время как главком Доброармии, по его словам, противился подобному плану[623].

Тем не менее, этот масштабный перечень претензий к А. И. Деникину при более внимательном рассмотрении оказывается во многом внутренне противоречивым, как в рамках собственных утверждений П. Н. Краснова, так и в контексте фактических обстоятельств. Анализируя «Очерки русской смуты», можно прийти к выводу, что А. И. Деникин хорошо понимал специфику донской борьбы и отнюдь не был сторонником чрезмерной централизации. Не менее сомнительно звучат обвинения в его якобы скрытом монархизме и поддержке Учредительного собрания, тогда как сам А. И. Деникин считал необходимым созыв нового Собрания. Получается смысловой парадокс (в размышлениях П. Н. Краснова): монархиста обвиняют в стремлении к воссозданию старого Учредительного собрания, где абсолютное большинство составляли эсеры.

Но, пожалуй, самыми примечательными элементами критики являлись иные, которые противоречили собственным ранее высказанным суждениям. Так, П. Н. Краснов критиковал А. И. Деникина за его борьбу с народными элементами – крестьянством и пролетариатом, в то время как сам атаман не скрывал, что также боролся с ними, считая их «волком в овечьей шкуре»[624]. Однако при этом он отказывался признавать в этом классовую подоплеку, настаивая на том, что казаки лишь защищали свои национальные права от посягательств со стороны

[623] Краснов П. Н. Атаман: Воспоминания. М. : Вагриус, 2006. С. 522-524.
[624] Там же. С. 448.

«русских» и утверждая: «Дон для Донцов!»[625]. Подобная формулировка отражала крайнюю форму национализма, которая, тем не менее, сочеталась в его риторике с декларируемой приверженностью к русской идее – в противоположность А. И. Деникину, которого он обвинял в непонимании национального вопроса[626].

Особого внимания заслуживает также позиция П. Н. Краснова относительно стратегии наступления на Москву и Петроград, которую он продвигал осенью 1918 года в союзе с А. В. Колчаком и чехословацким корпусом. Подобный план, впрочем, отсутствовал в его ранних политических заявлениях: напротив, в период весны–лета 1918 года атаман активно лоббировал заключение мира с Советской Россией, обращаясь к германскому императору с просьбой «"оказать давление на советские власти Москвы и заставить их своим приказом очистить пределы Всевеликого Войска Донского и других держав, имеющих войти в Доно-Кавказский союз, от разбойничьих отрядов Красной гвардии и дать возможность восстановить нормальные, мирные отношения между Москвой и Войском Донским"»[627].

Таким образом, первоначальный политический замысел атамана скорее заключался в создании нейтрального, де-факто независимого казачьего государства, нежели в вооруженной борьбе с большевизмом. Более того, у П. Н. Краснова были серьезные сомнения относительно сотрудничества с чехословацким корпусом[628]. Судя по всему, идея решительной вооруженной конфронтации с советской властью, с переносом борьбы на территорию последней, стала для него актуальной лишь после осознания геополитической катастрофы – поражения Германии осенью 1918 года. Впоследствии он прямо признавал, что именно этот фактор изменил его позицию и заставил перейти к вооруженному сопротивлению как единственному способу сохранить Дон и собственную власть[629].

Интерес представляют и некоторые дополнительные детали нарратива П. Н. Краснова. Так, он подчеркивал, что перенос военных действий с территории Дона на территорию советской России кардинально изменил бы характер конфликта для казачества: «Перейти границы Войска Донского – это значило из народной войны сделать войну гражданскую, завоевательную в лучшем случае, идти ради добычи, ради грабежа. Создавался заколдованный круг – идти надо, но идти нельзя»[630]. Однако в обращении к германскому императору Вильгельму II он просил «содействовать присоединению к Войску по стратегическим соображениям городов Камышина и Царицына Саратовской губернии и города Воронежа и станции Лиски и Поворино и провести

[625] Краснов П. Н. Атаман: Воспоминания. М. : Вагриус, 2006. С 447.
[626] Там же.
[627] Там же. С. 433.
[628] Там же. С. 432.
[629] Там же. С. 479.
[630] Там же. С. 465.

границу Войска Донского, как это указано на карте, имеющейся в Зимовой станице»[631]. Таким образом, речь шла фактически о территориальной экспансии, то есть расширении границ казачьего государства – и притом с использованием немецкой поддержки. Этот факт, подтверждаемый современной историографией, свидетельствует о вновь проявляющемся противоречии в позиции атамана: провозглашенный им отказ от завоевательной войны сосуществовал с практическими попытками аннексии сопредельных территорий[632]. Было ли это с его точки зрения «завоеванием» – остается неясным, но несомненно, что в данном случае вновь проявляется неопределенность политической линии.

С учетом многочисленных противоречий, которыми изобилует нарратив П. Н. Краснова, закономерно встает вопрос о принципах его интерпретации. Очевидно, что для его корректного анализа необходимо принимать во внимание меняющийся внешний и внутренний контекст, прежде всего – динамику событий 1918 года. Сам атаман, впрочем, также прямо указывал на значимость изменения именно внешнеполитической обстановки. Таким образом, на первом этапе, когда сохранялась германская поддержка, его стратегия была ориентирована на сепарацию от России, что подтверждается как фактами, так и самим автором (то есть их нарративной интерпретацией у самого П. Н. Краснова), выступавшим за создание независимого казачьего национального государства, ведущего борьбу против большевизма как внешнего врага. Второй этап наступил после краха Германии, свержения власти гетмана П. П. Скоропадского на Украине и резкого ослабления южного фронта, что потребовало от атамана корректировки как риторики, так и политической линии. П. Н. Краснов стремился к объединению антибольшевистских сил окраин, однако, в реальности, боеспособные силы имелись лишь у самого Дона и Добровольческой армии. При этом он пытался сохранить достигнутое ранее усиление личной власти, легитимированной Кругом Спасения Дона.

Однако, командование Добровольческой армии не желало согласовывать данные противоречия в единую интерпретационную канву, помня о двойственной политике П. Н. Краснова по отношению к себе: попытка кадрового ослабления через создание оперативно подчиненных своему донскому командованию армий, а также, как указывает В. Ж. Цветков, стремление к прямому подчинению армии посредством учреждения Юго-Восточного союза, с потенциальной возможностью ее последующего роспуска по требованию Германии – все это рассматривалось как угроза единству и централизму антибольшевистского фронта[633].

---

[631] Краснов П. Н. Атаман: Воспоминания. М. : Вагриус, 2006. С. 433.
[632] Цветков В. Ж. Белое дело в России: 1917—1919 гг. М. : Яуза-Каталог, 2019. С. 238.
[633] Там же. С. 208.

Вместе с тем, важнейшее свидетельство взглядов атамана представлено его речью от 1 февраля 1919 года, произнесенной на заседании Большого войскового Круга, созванного для обсуждения вопроса о продолжении его полномочий: «Вы становитесь на путь России... – говорил атаман. – Сначала Великий Князь Николай Николаевич, потом Брусилов, потом Гучков, затем Керенский и Главковерх Крыленко. Вы знаете, ибо сами это пережили, к чему это привело. Одумайтесь, что вы делаете, и не шатайте власти тогда, когда враг идет, чтобы вас уничтожить»[634]. Эта цитата наглядно демонстрирует, что П. Н. Краснов считал путь «общероссийской» политики ошибочным не только на первом, но и на втором этапе. Его главной целью оставалось сохранение национального самоуправления казачества – если не в форме полной независимости, то в виде широкой федерации или даже конфедерации, что, впрочем, было категорически неприемлемо для руководства Вооруженных сил Юга России, придерживавшегося централизаторского курса и считывающим курс атамана как «самостийность».

Таким образом, историко-публицистическое наследие П. Н. Краснова представляет собой сложный, внутренне противоречивый, но вместе с тем ценный источник по истории Гражданской войны на Юге России. Его нарратив одновременно является личным свидетельством, программным заявлением и политическим манифестом, отражающим эволюцию взглядов атамана на характер, цели и средства антибольшевистской борьбы. Свою задачу автор видел в обосновании особого пути донского казачества – как народа, стремившегося к национальной автономии или даже государственному суверенитету, и отстаивавшего этот путь в условиях революционной смуты. Вместе с тем, анализ текстов П. Н. Краснова показывает, что его рассуждения о стратегии, тактике и политике нередко отличались противоречивостью, проявлявшейся как в описании событий, так и в интерпретации собственных поступков. Эти противоречия во многом объясняются изменением внешнеполитического контекста и необходимостью приспособления политического дискурса к быстро меняющейся обстановке.

Нарратив П. Н. Краснова, по существу, выступал как контр-нарратив по отношению к «Очеркам русской смуты» А. И. Деникина. В отличие от деникинской концепции централизованной «единой и неделимой» России, борющейся с большевизмом от имени исторического государства, П. Н. Краснов предлагал иной подход – основанный на принципе регионального национального самоопределения и построения антибольшевистского фронта как союза самостоятельных государств. Эта концепция предполагала не восстановление исторической России, а реорганизацию пространства бывшей Российской империи по конфедеративному/федеративному принципу, с доминирующей ролью национальных

[634] Краснов П. Н. Атаман: Воспоминания. М. : Вагриус, 2006. С. 575-576.

вооруженных сил и опорой на местные силы. Центральным pbf в нарративе П. Н. Краснова является интерпретация конфликта не в категориях Гражданской войны, а как национальной борьбы казачества против «России». Это положение служит основой для оценки действий командования Добровольческой армии, репрезентируемого как сила, враждебная казачьей автономии и навязывающая проект «единой и неделимой России». Указанное концептуальное противоречие между централистским (деникинским) и федералистским (красновским) проектами составляет одно из ключевых идеологических размежеваний в лагере белого Юга.

Несмотря на внутреннюю непоследовательность и склонность к идеологической полемике, воспоминания П. Н. Краснова сохраняют высокую источниковедческую ценность. Они позволяют реконструировать систему взглядов части белой военной элиты, отличавшейся регионализмом, прагматизмом и стремлением к сохранению местной идентичности. В то же время, они дают возможность понять причины напряженности и несогласованности внутри белого лагеря, которая во многом предопределила его стратегическую и политическую уязвимость в годы Гражданской войны.

Барон П. Н. Врангель родился 27 августа 1878 г. в Ковенской губернии в семье остзейских потомственных дворян. По образованию инженер (окончил Горный институт в 1901 г.), он вскоре добровольно поступил на военную службу, в 1902 г. произведен в корнеты. Участие в Русско-японской войне, по наблюдению В. Ж. Цветкова, окончательно определило его выбор в пользу военной карьеры[635]. После войны окончил Николаевскую академию Генерального штаба.

В Первую мировую войну начал службу в гвардии, затем командовал Забайкальским казачьим полком, с 1917 г. в чине генерал-майора – бригадой Уссурийской казачьей дивизии. В этот период проявил себя сторонником сильной власти, поддерживал Л. Г. Корнилова и сочувствовал установлению военно-ориентированной диктатуры[636].

После Октябрьского переворота оказался в Крыму, избежал казни благодаря жене и местным жителям. Весной 1918 г., с началом германской оккупации, отправился в Киев, где получил приглашение от гетмана П. П. Скоропадского, но отказался, не разделяя «самостийных» устремлений[637]. Осенью 1918 г., по рекомендации А. М. Драгомирова, вступил в Добровольческую армию, назначен командиром 1-й конной дивизии; столкнулся с трудностями управления казачьими частями, но заслужил уважение храбростью и строгостью. В 1919 г. возглавил Кавказскую армию, взял Царицын и стал одним из самых известных генералов Белого Юга.

---

[635] Белое движение. Исторические портреты: Л. Г. Корнилов, А. И. Деникин, П. Н. Врангель. М. : Астерль: АСТ, 2006. С.347-348.
[636] Там же. С. 350.
[637] Там же. С.353.

Отношения П. Н. Врангеля с главнокомандующим ВСЮР А. И. Деникиным имели ключевое значение для Белого движения на Юге России. Разногласия, начавшиеся со стратегических споров, переросли в политический конфликт. В начале 1920 г. Врангель подал в отставку, но весной, после ухода Деникина, был избран главнокомандующим.

На этом посту он организовал оборону Крыма, превратив его в последний очаг антибольшевистского сопротивления. Провел реформы, сформировал Совет при Главнокомандующем, вел переговоры с казачеством о федеративном устройстве будущей России, пытался восстановить порядок и мобилизовать ресурсы в условиях блокады.

После ноябрьской эвакуации Крыма (1920) его военная карьера завершилась. В эмиграции возглавил РОВС, стремясь сохранить дух Белого движения. Умер 25 апреля 1928 г. в Брюсселе при невыясненных до конца обстоятельствах[638].

Ключевым нарративом, посвященным событиям революции и Гражданской войны, написанным П. Н. Врангелем, являлись его «Воспоминания», опубликованные уже после его смерти. В них он отразил свои представления о крахе государственности, ходе белой борьбы, взаимоотношениях ее основных акторов, создав единое повествование, отражающее представления условного правого фланга южнорусского Белого движения.

П. Н. Врангель, как и многие представители офицерской и военно-политической элиты своего времени, рассматривал армию в качестве ключевого института государства, от состояния которого в значительной мере зависело само существование последнего. В этом контексте заслуживают внимания его оценки изменений, произошедших в кадровом составе армии в годы Первой мировой войны. В отличие от А. И. Деникина, склонного акцентировать внимание на положительных сторонах этих трансформаций, включая рост демократизма в армии, П. Н. Врангель сосредоточивался преимущественно на негативных явлениях. Он указывал на распространенный в высшем командовании протекционизм, ослабление «военного духа» и оторванность значительной части офицерского корпуса от армии как профессиональной среды – особенно в случае офицеров, пришедших из гражданской сферы и не связанных с военной службой ранее. Особенно показателен его критический подход к новому, не кадровому офицерству. Под «интересами» и «занятиями», чуждыми армии, барон, по-видимому, подразумевал демократические установки, широко распространенные среди мобилизованных офицеров, что он воспринимал как явную угрозу традиционной военной иерархии и дисциплине[639].

---

[638] Белое движение. Исторические портреты: Л. Г. Корнилов, А. И. Деникин, П. Н. Врангель. М. : Астерль: АСТ, 2006. С. 382.

[639] Врангель П. Н. Воспоминания: в 2 частях.1916-1920. М. : ЗАО Центрополиграф, 2006. С. 9.

Такой акцент очень примечателен, особенно в том, что касается «интересов» нового, не кадрового офицерства. Эта демократизация рассматривалась им как один из факторов внутреннего разложения вооруженных сил. В негативном ключе характеризовались и солдаты, особенно мобилизованные, которым, по его мнению, недоставало боевого духа и которые стремились к скорейшему заключению мира. Тем не менее, несмотря на ослабление армии, П. Н. Врангель подчеркивал, что она оставалась мощной силой, способной к сопротивлению, и лишь слом самой идеи власти мог привести к ее окончательному краху[640].

Этот процесс, по его мнению, происходил постепенно, но под влиянием ошибок властей ускорялся, что вызывало в среде офицерства обсуждение возможных альтернатив существующему порядку. Среди таких альтернатив, упомянутых в мемуарах барона, фигурировали, в частности, планы дворцового переворота, надежды на реформу политической системы после окончания войны, а также готовность отдельных офицеров использовать революцию в личных целях. Исследователь В. Ж. Цветков обращает внимание на характер этих размышлений, указывая, что генералу А. М. Крымову, непосредственному начальнику П. Н. Врангеля, отводилась ключевая роль в подготовке переворота. Сам барон, несмотря на заявление о том, что все ограничивалось лишь разговорами, по мнению В. Ж. Цветкова, был осведомлен о сути происходящего. В этой связи исследователь справедливо отмечал кажущееся противоречие: как мог бывший конногвардеец и флигель-адъютант, человек с репутацией убежденного монархиста, участвовать в обсуждении переворота, не стремясь предотвратить его? Однако из «Воспоминаний» самого П. Н. Врангеля становится очевидным, что он противопоставлял принцип монархии как формы твердой государственной власти – конкретному ее носителю в лице Николая II, что, по его мнению, оправдывало возможность смены власти в целях сохранения самого монархического принципа[641].

Последовательные отречения Николая II и великого князя Михаила Александровича в ходе Февральской революции, по мысли П. Н. Врангеля, породили то состояние, которое он обозначал термином «анархия». Под ним он понимал, с одной стороны, утрату сильной, персонифицированной власти, а с другой – падение самой идеи легитимного авторитета, выступавшего ранее краеугольным камнем государственного устройства[642].

Особое внимание П. Н. Врангель уделял проблеме персонализации власти. Идеал власти, по его мнению, должен воплощаться в фигуре сильного лидера, способного принимать решительные меры. Анализируя период двоевластия Временного правительства и Петросовета,

---

[640] Врангель П. Н. Воспоминания: в 2 частях.1916-1920. М. : ЗАО Центрополиграф, 2006. С. 10-11.
[641] Белое движение. Исторические портреты: Л. Г. Корнилов, А. И. Деникин, П. Н. Врангель. М. : Астерль: АСТ, 2006. С.349.
[642] Врангель П. Н. Воспоминания: в 2 частях.1916-1920. М. : ЗАО Центрополиграф, 2006. С. 23-24.

он характеризовал его как бесперспективный, поскольку Временное правительство было неспособно к сопротивлению социалистическим партиям, предпочитая компромиссы борьбе. Речи А. И. Гучкова служили для П. Н. Врангеля примером беспомощности этого органа. Он прямо заявлял: «я видел, что лишь твердой и непреклонной решимостью можно было положить предел дальнейшему развалу страны. Ни в составе правительства, ни среди окружавших его общественных деятелей человека, способного на это, не было. Его надо было искать в армии, среди немногих популярных вождей»[643].

Таким образом, политическая позиция барона П. Н. Врангеля строилась вокруг идеи сильной, персоналистской власти, воплощенной в форме диктатуры. При этом диктатура, в его понимании, выступает не как исключение или временная мера, а как единственно возможный ответ на вызовы «анархии» и политического разложения. В отличие от более умеренных деятелей, включая самого Л. Г. Корнилова, П. Н. Врангель демонстрировал полную уверенность в необходимости жесткого авторитарного правления[644].

С точки зрения П. Н. Врангеля, лишь два генерала имели потенциал для исполнения роли диктатора – Л. Г. Корнилов и П. А. Лечицкий. Выбор в пользу первого был, по-видимому, продиктован социально-политическим контекстом, требовавшим лидера с определенной степенью демократической легитимности. Однако, как следует из анализа «Воспоминаний», нерешительность выступления Л. Г. Корнилова и его политическое поражение, по мнению мемуариста, привели к окончательному разложению армии и подорвали последнюю возможность для спасения государственной целостности[645].

Октябрьская революция и приход к власти большевиков, по всей видимости, воспринимались бароном как логическое завершение анархии и развала вооруженных сил. В этой связи представляет интерес анализ его представлений о «национальных окраинах», внешнеполитических ориентациях и таком важном субъекте Гражданской войны, как казачество.

Покинув Ставку после большевистского переворота, П. Н. Врангель оказался в Крыму и не участвовал в формировании Белого движения на его первоначальном этапе. С достаточной уверенностью указать на его приверженность какой-либо одной внешнеполитической ориентации в этот период затруднительно. Так, впервые столкнувшись с германскими войсками в Крыму, он испытывал двойственные чувства: с одной стороны – облегчение от избавления от «власти хама», с другой – «болезненное чувство уязвленного национального достоинства»[646]. Тем не менее, рассуждая в категориях государственной пользы, он приходил к выводу о

[643] Врангель П. Н. Воспоминания: в 2 частях.1916-1920. М. : ЗАО Центрополиграф, 2006.С. 37.
[644] Савинков Б. В. К делу Корнилова. Париж. : Union, 1919. С. 25
[645] Врангель П. Н. Воспоминания: в 2 частях.1916-1920. М. : ЗАО Центрополиграф, 2006. С. 37-59.
[646] Там же. С. 73.

целесообразности ориентации на Германию. С одной стороны, он видел в ней возможного временного союзника для борьбы с большевизмом, с другой – указывал на отсутствие у России, по его мнению, моральных обязательств перед Антантой, которая, как он полагал, сыграла деструктивную роль в Февральской революции. Это соображение, по сути, предоставляло ему политико-нравственную индульгенцию для пересмотра союзнической линии.

Однако и полная ориентация на Германию, как признавал сам барон, была невозможна, поскольку последняя стремилась к гегемонии и насаждению собственных порядков на оккупированных территориях. Вместо разрыва Брест-Литовского мира и совместной борьбы с большевиками, германское руководство предпочло реализовать исключительно свои интересы, направленные на ресурсную эксплуатацию восточноевропейского пространства[647].

Украина, в этом контексте, представлялась П. Н. Врангелю политически несамостоятельной территорией, находящейся под фактическим контролем Германии и эксплуатируемой ею в аграрных и сырьевых целях. Подобную оценку, хотя и с иным акцентом, давал и генерал-квартирмейстер германского Генерального штаба Эрих Людендорф, подчеркивая, что главной целью германского присутствия на Украине было обеспечение армии продовольствием и сырьем[648].

Сознавая зависимость режима гетмана П. П. Скоропадского от германской поддержки, а также не разделяя идею украинской самостоятельности, П. Н. Врангель отказался от предложения занять высокий военный пост в структуре гетманского государства. Его мотивация этого отказа свидетельствует о неприятии самого проекта отделения Украины от России, а не о нежелании командовать. Сам барон подчеркивал, что был готов принять командование крупным конным соединением, но только в случае иной политической конфигурации[649].

Тем не менее, такая позиция не позволяет отождествить П. Н. Врангеля с безусловными сторонниками лозунга «Единой и неделимой России» в духе А. И. Деникина. Впоследствии он критически высказывался о данном принципе и допускал возможность федеративного устройства России[650], с признанием автономии Украины в ее составе – идея, неприемлемая для бывшего главнокомандующего ВСЮР. В целом, можно констатировать, что в вопросах государственного устройства и степени централизма позиция П. Н. Врангеля была более гибкой. Однако остается открытым вопрос, являлась ли эта гибкость выражением искренних политических убеждений или же следствием тактического расчета в условиях Гражданской войны.

---

[647] Врангель П. Н. Воспоминания: в 2 частях.1916-1920. М. : ЗАО Центрополиграф, 2006. С. 76-77.
[648] Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914-1918 гг. М. : Вече, 2014. С. 501.
[649] Врангель П. Н. Воспоминания: в 2 частях.1916-1920. М. : ЗАО Центрополиграф, 2006. С. 77.
[650] Цветков В. Ж. Белое дело в России. 1920–1922 гг. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). Ч. 1. М. : [б. и.], 2011. С. 195

Особое значение в воспоминаниях П. Н. Врангеля приобретал вопрос отношения к казачеству и его репрезентации. Барон неоднократно подчеркивал, что не разделял надежд, возлагавшихся рядом генералов на казачество как на опору порядка. Он акцентировал внимание на традиционной центробежности казачьих устремлений, которые в условиях падения авторитета государственной власти могли усилиться под влиянием «политических казачьих кругов», нередко декларировавших сепаратистские позиции[651].

С явным скепсисом П. Н. Врангель относился и к возможности возникновения на Дону полноценного контрреволюционного движения. Вероятно, в подобной оценке содержится скрытая критика решений М. В. Алексеева, инициировавшего начало формирования Добровольческой армии именно в этом регионе. С точки зрения П. Н. Врангеля, подобную деятельность можно было начинать лишь тогда, когда само казачество переживет «на собственной шкуре прелести коммунистического режима»[652].

Эти размышления позволяют предположить, что сам характер действий П. Н. Врангеля после Октябрьской революции, в частности, его переезд в Крым, был обусловлен представлением о необходимости первоначального опыта народных масс жизни при коммунистической власти. Только в результате такого опыта, считал он, могли быть созданы реальные предпосылки для массового и зрелого контрреволюционного движения. Важным, наряду с этим, было и условие общероссийской направленности такого движения, которое, по мнению П. Н. Врангеля, не должно было зависеть от воли иностранных держав, как это произошло, например, на Украине при гетмане П. П. Скоропадском.

П. Н. Врангель весьма обоснованно сомневался в том, что казачество, даже после изгнания большевиков и освобождения собственных земель, будет готово продолжать участие «в дальнейшей нашей (т.е. общероссийской – А. К.) борьбе» за пределами своих областей[653]. В этой связи он последовательно выступал за создание регулярных кавалерийских частей, комплектуемых из не-казачьего населения. Однако, как он сам отмечал в дальнейшем, эти идеи не нашли поддержки в штабе главнокомандующего.

Крайне негативно П. Н. Врангель относился и к проявлениям казачьей «самостийности», особенно со стороны Кубанской Краевой Рады. В своих воспоминаниях он неоднократно подчеркивал, что решительный «окрик» со стороны А. И. Деникина на раннем этапе мог бы привести к более лояльному поведению кубанских политиков (т.е. это не критика жесткости, как у Краснова, а мягкости позиции). Однако, по мнению П. Н. Врангеля, главнокомандующий занял

[651] Врангель П. Н. Воспоминания: в 2 частях.1916-1920. М. : ЗАО Центрополиграф, 2006. С. 33.
[652] Там же. С. 63.
[653] Там же. С. 121.

неоправданно мягкую позицию, что впоследствии вылилось в «кубанское действо», в котором самому П. Н. Врангелю пришлось сыграть важную роль, разогнав, силами подчиненного ему генерала В. Л. Покровского, Законодательную Раду и арестовав ряд ее ключевых деятелей.

После прихода к власти в 1920 году П. Н. Врангель провозгласил принципы широкой автономии казачьих областей на договорной основе, оформив их в «Соглашении» от 2 апреля 1920 года[654].

Таким образом, репрезентация казачества в воспоминаниях П. Н. Врангеля окрашена скепсисом и недоверием, что отражает его прагматичное восприятие роли этого социального сословия в условиях Гражданской войны. Барон видел в казачестве важную военную силу, но не считал ее надежным оплотом общероссийской борьбы. Его критика касалась не только традиционной автономистской и «самостийной» линии казачьих элит, но и ограниченности их мотивации, связанной, прежде всего, с защитой собственных земель, а не с идеей единого государства.

Позиция барона особенно отчетливо проявилась в конце 1919 года, когда поражения ВСЮР от РККА заставили его предложить стратегическую эвакуацию наиболее боеспособных частей Добровольческой армии в Крым, что фактически означало оставление казачьих войск на их усмотрение[655]. А. И. Деникин отверг этот план, руководствуясь как политическими соображениями, так и необходимостью сохранить союз с казачеством. Однако сама постановка вопроса со стороны П. Н. Врангеля подчеркивает его убежденность в том, что только регулярная армия, лишенная «местнических» и региональных интересов, способна вести долгосрочную борьбу за Россию. В этом заключается ключевая линия его отношения к казачеству – признание его военной ценности при одновременном неприятии его политической обособленности и ограниченной готовности к жертвенной борьбе за единую страну.

Важнейшую роль в репрезентации «второй русской смуты» П. Н. Врангель отводил контрасту двух периодов южнорусского Белого движения – деникинского и врангелевского (т.е. своего). При этом ключевым мотивом было не простое стремление уязвить своего предшественника, а желание сформировать образ двух феноменов, отражающих различные подходы (чаще всего в бинарной оппозиции: мягкая, несправедливая политика – жесткая, справедливая политика) и идеологические ориентации в борьбе за Россию. Важную роль в этом процессе играла эпистолярная переписка и взаимодействие двух военачальников – А. И. Деникина и П. Н. Врангеля.

---

[654] Цветков В. Ж. Белое дело в России. 1920–1922 гг. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). Ч. 1. М. : [б. и.], 2011. С. 185.

[655] Врангель П. Н. Воспоминания: в 2 частях.1916-1920. М. : ЗАО Центрополиграф, 2006. С. 340-341

Фигура А. И. Деникина занимает важное место в нарративе П. Н. Врангеля, и, несмотря на то что барон признавал его определенные достоинства как военачальника, его отношение к нему носило амбивалентный характер. П. Н. Врангель отмечал, что «генерал Деникин производил впечатление вдумчивого, твердого, кряжистого, чисто русского человека. Он имел репутацию честного солдата, храброго, способного и обладавшего большой военной эрудицией начальника»[656]. Однако важно подчеркнуть, что барон использовал фразу «производил впечатление», что отличается от прямого утверждения, что Антон Иванович был таковым. Сами по себе эти слова, по сути, указывают на некоторое дистанцирование П. Н. Врангеля от восхищения А. И. Деникиным как личностью (которое демонстрировал в своих воспоминаниях, например, генерал П. С. Махров[657]). Барон также упоминал, что их отношения на первом этапе совместного военного пути были сердечными, однако, с течением времени, эти оценки стали меняться[658]. Уже далее в тексте П. Н. Врангель начинал давать более критическую оценку своему предшественнику.

Ключевое замечание П. Н. Врангеля касалось того, что А. И. Деникин, несмотря на свои военные таланты, не был способен овладевать сердцами людей. В своей характеристике он подчеркивал, что А. И. Деникин был схож со «средним обывателем», и это, в свою очередь, негативно влияло на его лидерские качества. П. Н. Врангель делал акцент на том, что в условиях Гражданской войны и борьбы за власть, способность вовлекать людей в борьбу, вызывать доверие и поддерживать мораль армии были ключевыми элементами успеха, что, по мнению барона, А. И. Деникин не мог эффективно осуществить[659].

Кроме того, барон Врангель выделял иные важные моменты, касающиеся личных качеств первого главкома ВСЮР, которые, по его мнению, мешали успешному исполнению им государственной роли. По мнению барона, А. И. Деникин, несмотря на его военную эрудицию, не имел правильного понимания политической сферы, что и приводило к его ошибкам в управлении. В частности, автор указывал на тот факт, что бывший главком ВСЮР, будучи сыном армейского офицера и выросший в военной среде, сохранил многие черты мелкобуржуазной с «либеральным оттенком», провинциальной среды, что, в свою очередь, предопределяло его отношение к «аристократии», «двору», «гвардии», а также недостаточную гибкость в политическом руководстве. Все это, по мнению П. Н. Врангеля, не позволяло А. И. Деникину

[656] Врангель П. Н. Воспоминания: в 2 частях.1916-1920. М. : ЗАО Центрополиграф, 2006. С. 87.
[657] См. : Махров П. С. В Белой армии генерала Деникина. Записки начальника штаба главнокомандующего Вооруженными силами Юга России. – СПб.: Logos, 1994. – 300 с.
[658] Врангель П. Н. Воспоминания: в 2 частях.1916-1920. М. : ЗАО Центрополиграф, 2006. С. 120.
[659] Там же. С. 135.

проявить решительность и уверенность, необходимые для успешного ведения Гражданской войны и управления страной[660].

Таким образом, П. Н. Врангель утверждал, что А. И. Деникин не был готов к той роли, которую играл. По нашему мнению, критика последнего бароном, как его личной неподготовленности, так и его идеологических позиций, является частью более широкого нарратива, в котором П. Н. Врангель проводил разграничительную черту между собой и своим предшественником. В частности, автор критиковал идеологические лозунги Антона Ивановича, такие как «Единая, Великая и Неделимая Россия», которые, по его мнению, были слишком туманными и неопределенными. Также он отмечал, что А. И. Деникин в своей борьбе со всем, что противоречило его взглядам, оттолкнул потенциальных союзников, таких как казачество и украинцы, что было проявлением политической неподготовленности. В отличие от А. И. Деникина, П. Н. Врангель считал, что идеология Белого движения должна быть более четкой и учитывать интересы различных регионов и народов[661].

Таким образом, в данных соображениях мы встречаем два вектора критики: идеологической позиции первого главнокомандующего ВСЮР – либеральность и национализм; а также личной неподготовленности его к той должности, которую он занял.

В воспоминаниях П. Н. Врангеля представлена целая серия, порой совершенно уничижительных, характеристик Добровольческой армии. Однако интересно отметить наличие определенных противоречий в его оценках. Как подчеркивает В. Ж. Цветков, «уже в 1921 г., в интервью альманаху “Россия” генерал старательно указывал на “ложное толкование” его оценок периода 1918–1919 гг., тщательно подчеркивая свою преемственность в руководстве единым “Русским Делом”: “Я никогда не говорил и не мог говорить, что “Белое движение” требует каких-то “оправданий”, “что наследие Деникина – разрозненные банды”. Я два года провел в армии генерала Деникина и сам к этим “бандам” принадлежал, во главе этих “банд” оставался в Крыму и им обязан всем, что нами сделано… Я во многом расходился с генералом Деникиным, но, не взирая на это, я не могу не отдать ему должного, как мужественному борцу за Русское Дело»[662]. Однако эта позиция не привела к более недвусмысленной интерпретации П. Н. Врангелем своих оценок в «Воспоминаниях», написанных в 1921–1923 годах. Напротив, он в этих воспоминаниях уделял особое внимание негативным аспектам, не пытаясь сгладить противоречия или разночтения, а наоборот, подчеркивая их, что является частью его бинарной стратегии по выстраиванию образа двух политических конфигураций – деникинской и своей.

---

[660] Врангель П. Н. Воспоминания: в 2 частях.1916-1920. М. : ЗАО Центрополиграф, 2006. С. 135.
[661] Там же. С. 145.
[662] Цветков В. Ж. Белое дело в России. 1920–1922 гг. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). Ч. 1. М. : [б. и.], 2011. С. 161.

Барон в своих воспоминаниях не ограничивался простым анализом проблем Добровольческой армии и ВСЮР, как это делал А. И. Деникин, который, например, описывал повседневные кутежи крупных военачальников Юга, таких как А. Г. Шкуро, В. Л. Покровский, В. З. Май-Маевский. П. Н. Врангель же, спустя несколько месяцев после своего руководства, отмечал: «Русская армия стала другой, что те войска, которые пришли ныне, ничем не напоминают те части, которые несколько месяцев назад мало чем отличались от большевиков»[663]. Эта характеристика особенно значима, если учитывать контекст других воспоминаний, в которых П. Н. Врангель писал о грабежах и разврате войск, в том числе и самых лучших подразделений, таких как Корниловский ударный полк[664]. Такое подчеркивание контраста «до» (бинарность-1) и «после» (бинарность-2) служит важным элементом нарратива барона и, вероятно, имеет несколько причин: стремление к исторической точности в воспроизведении событий (подчеркнем, со своей перспективы) и, главным образом, желание подчеркнуть преимущества его собственных порядков по сравнению с порядками предшественника.

Интересно отметить, что данный подход, несмотря на его определенную историческую достоверность, скорее выполняет инструменталистскую задачу – сформировать у читателя правильное представление в пользу самого П. Н. Врангеля. Стремление акцентировать внимание на недочетах и недостатках армии в период А. И. Деникина и контрастировать их с более эффективными действиями, предпринятыми П. Н. Врангелем, служит, по сути, созданию более выгодного имиджа его собственной военной деятельности и правления.

Заметим, что проблема «кризиса добровольчества», а именно о ней писал барон, получила развитие в одноименной работе Б. А. Штейфона. В ней автор представил белую борьбу на юге России в двух этапах: первый, локальный, ограниченный «юго-востоком России», был озарен славой добровольчества, тогда как второй, связанный с выходом ВСЮР за пределы первоначального региона, сопровождался кризисом, поскольку сама «идеология» добровольчества оказалась несоответствующей масштабным задачам. Примечательно, что Б. А. Штейфон рассматривал этот вопрос сквозь призму военной организации. Добровольчество он связывал с революцией и импровизированными формами организации вооруженных сил, противопоставляя им «регулярный» тип, свойственный дореволюционной армии[665].

Таким образом, автор занимал достаточно редкую для эмигрантской историографии позицию: исход борьбы определили не столько политические, сколько военные факторы. «Не подлежит сомнению, что, если Добр.армия заняла бы Москву, то все остальное (т.е. политические

[663] Врангель П. Н. Воспоминания: в 2 частях.1916-1920. М. : ЗАО Центрополиграф, 2006. С. 500.
[664] Там же. С. 302.
[665] Штейфон Б. А. Кризис добровольчества. Белград: Русская типография, 1928. С. 3-4, 55-56.

вопросы – А.К.), так или иначе, но устроилось. И если этого не случилось, то основной причиной краха белой борьбы на юге России надо считать несовершенство нашей военной системы»[666], – писал Штейфон. Главную вину за то, что военная система не была приведена в соответствие с ростом вооруженной борьбы, он возлагал на командование армии, не проявившее, по его словам, «мудрости и государственного предвиденья»[667].

Ключевую роль в нарративе П. Н. Врангеля занимал вопрос его взаимоотношений с генералом А. И. Деникиным. Важность этих отношений подчеркивалась их перепиской и обменом военными мнениями, особенно со стороны барона через систему рапортов. Если значение личной переписки легко понятно с точки зрения ее направленности и целей, то рапорт требует дополнительных пояснений. Согласно словарю Брокгауза и Ефрона, рапорт – «служебная бумага, которой низшее должностное лицо сносится с высшим, а также устный доклад по службе в установленной форме»[668]. Рапорт, таким образом, является средством коммуникации по должностной линии снизу вверх, с помощью которого нижестоящее в иерархии лицо доносит свою служебную позицию по различным вопросам.

В современной историографии данную коммуникацию между бароном П. Н. Врангелем и главнокомандующим ВСЮР оценивают следующим образом: «Деникин же, не всегда справедливо, оценивал предложения Врангеля не как пожелания реорганизации системы управления, а как попытки “дискредитировать власть”, причем в самый опасный для фронта момент. Не последнюю роль в этом играли предубеждения Деникина по отношению к Врангелю»[669]. В этом контексте В. Ж. Цветков фиксирует бинарную оппозицию в целеполагании данной коммуникации: если барон Врангель стремился посредством ее воздействия оказать положительное влияние на власть, с идеей возможного прихода к власти[670], то А. И. Деникин видел в этих действиях лишь попытку дискредитации, что скорее было не целью, а средством. Прежде чем перейти к хронологическому разбору этой коммуникации, полезно привести точки зрения обоих ее акторов.

А. И. Деникин придавал большое значение анализу конфликта с П. Н. Врангелем. Он четко определял два предварительных соображения относительно их личной коммуникации. Во-первых, с точки зрения генерала, коммуникация в рамках военной иерархии, то есть рапорты, не должна была выходить за рамки дисциплинарных границ, что, как он полагал, систематически

---

666 Штейфон Б. А. Кризис добровольчества. Белград: Русская типография, 1928. С. 106.
667 Там же. С. 44.
668 Брокгауз Ф. А. Энциклопедический словарь Т. XXVI. Санкт-Петербург : Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1890-1907. С. 273.
669 Цветков В. Ж. Белое дело в России. 1920–1922 гг. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). Ч. 1. М. : [б. и.], 2011. С. 160.
670 Там же. С. 160.

происходило. Во-вторых, в случае межличностной коммуникации, такой как письма, А. И. Деникин считал непозволительным их распространение среди посторонних лиц. Другое важное соображение касалось выхода коммуникации на определенном этапе из чисто военной области в область политическую. В этом контексте, по мнению А. И. Деникина, истинными целями П. Н. Врангеля было стремление выйти на ключевые политические роли и захватить власть. Этот факт, по мнению А. И. Деникина, имел трагические последствия для всего южнорусского Белого движения, поскольку подрывал восприятие власти и создавал сомнения в ее легитимности[671].

П. Н. Врангель придерживался иной точки зрения относительно своей коммуникации с А. И. Деникиным, не считая ее нарушением дисциплины или моральных норм (например, посвящение сторонних лиц в личную переписку). Он рассматривал ее как попытку легитимно воздействовать на власть с помощью аргументов и силы слова: «я не щадя красок, с полной правдивостью высказывался о нашем стратегическом положении, указывал на ошибки, послужившие к настоящему развалу, и намечал некоторые меры, которые, по моему мнению, в предвидении новых грозных событий надлежало принять»[672]. Таким образом, можно выделить полярные точки зрения на характер их коммуникации.

Стоит отметить, что первое значительное различие в оценках, касающееся чисто военно-стратегических вопросов, произошло после освобождения Северного Кавказа от красных и определения нового главного операционного направления наступления. В то время как Ставка указывала каменноугольный район (Донбасс) в качестве ключевого направления для наступления, штаб П. Н. Врангеля предложил ориентироваться на Царицын. Такое разногласие, однако, еще не имело катастрофических последствий, так как оно происходило в пределах четко установленных рамок. П. Н. Врангель подчеркнул это в разговоре с А. В. Кривошеиным, указав, что стратегия Ставки (которую, согласно ему, представляли А. И. Деникин и И. П. Романовский) не была продиктована личными предпочтениями главнокомандующего[673]. Тем не менее, барон добавил, что не понимает причин, стоящих за таким военно-стратегическим решением Ставки. Это недоумение стало основанием для большого рапорта от 4 апреля 1919 года, в котором П. Н. Врангель вновь изложил свой оперативно-стратегический план: наступление на Царицын с целью соединения с армиями А. В. Колчака (которые тогда наступали к Волге) и оставление

[671] Деникин А. И. Очерки русской смуты : [в 3 кн.]. Кн.3 : т.4, т.5. Вооруженные силы Юга России. М. : АЙРИС-пресс, 2015. С. 489-490.
[672] Врангель П. Н. Воспоминания: в 2 частях.1916-1920. М. : ЗАО Центрополиграф, 2006. С. 313.
[673] Там же. С. 146.

каменноугольного района с отходом с правого берега Дона, с прикрытием железной дороги Новочеркасск-Царицын, что было необходимо для наступления на последний[674].

Ставка признала данный план нецелесообразным ввиду ряда серьезных обстоятельств. Во-первых, с февраля развернулись ожесточенные бои в Донбассе с превосходящими силами противника, а также стали очевидны признаки падения боевого духа в донских казачьих частях, что требовало безотлагательной поддержки им. Во-вторых, отказ от активных действий в этом регионе грозил неблагоприятными последствиями: в военном отношении – потерей стратегического плацдарма для последующего наступления на Москву; в экономическом – утратой угольного бассейна; в политическом – разрывом с ключевым союзником в лице Донского войска. Кроме того, переброска основных соединений ВСЮР под Царицын в разгар сражений создавала риск оголения фланга наступающей группировки и ее последующего окружения[675]. В итоге точка зрения Ставки, которую отстаивал А. И. Деникин, оказалась решающей, и несколько недель спустя он одержал победу в сражении на Маныче, хотя П. Н. Врангель ранее отказался возглавить это контрнаступление.

Следующее крупное письмо-обращение П. Н. Врангеля датировано 29 июля 1919 года. К этому времени подчиненная ему Кавказская армия овладела Царицыным и Камышином, ведя тяжелые бои с численно превосходящими силами РККА. Кроме того, к этому моменту уже была приведена в действие «Московская директива» главного командования ВСЮР. Сам П. Н. Врангель следующим образом объяснял выбор жанра своего обращения – письма, а не официального рапорта: 1) ощущение горечи в связи с ошибочными, по его мнению, стратегическими решениями Ставки; 2) невыполнение данных ею обещаний о пополнениях и переброске свежих частей; 3) недостаточное внимание к Кавказской армии и ее боевым нуждам.

Начиналось письмо с выражения благодарности А. И. Деникину. П. Н. Врангель подчеркивал, что именно усилия и лидерство главнокомандующего после гибели Л. Г. Корнилова позволили продолжить борьбу за «спасение Родины». Однако, как отмечал барон, его личная преданность А. И. Деникину обязывала его откровенно высказать то, «что наболело <…> на душе». Основное содержание письма сводилось к описанию боевых эпизодов и анализу решений, приведших, по мнению автора, к тяжелому положению его армии. П. Н. Врангель акцентировал внимание на нехватке материально-технических средств, высоких потерях, а также на неудачных тактических (в частности, наступление на подготовленные позиции противника под Царицыным

[674] Врангель П. Н. Воспоминания: в 2 частях.1916-1920. М. : ЗАО Центрополиграф, 2006. С. 146-147.
[675] Деникин А. И. Очерки русской смуты : [в 3 кн.]. Кн.3 : т.4, т.5. Вооруженные силы Юга России. М. : АЙРИС-пресс, 2015. С. 441-452.

без ожидания подкреплений) и оперативных решениях (продолжение наступления после взятия города), в результате чего Кавказская армия, как он подчеркивал, оказалась крайне истощена.

Особый интерес представляет фрагмент, в котором П. Н. Врангель интерпретирует отношение Ставки, и лично А. И. Деникина, к вверенным ему войскам. Главную причину он видел в том, что главнокомандующий питал предпочтение исключительно к Добровольческой армии, а «для других ничего не осталось». Примечательно его замечание о том, что эта армия двигалась к «сердцу России» почти без сопротивления и обладала хорошим материально-техническим обеспечением. Барон предлагал и альтернативные объяснения отсутствия внимания к своей армии: 1) из-за самостийных устремлений кубанских политиков (учитывая, что Кавказская армия комплектовалась в значительной мере кубанцами); 2) из-за личной неприязни А. И. Деникина к нему. В финале письма П. Н. Врангель подчеркивал, что, несмотря на внутренние разногласия, как солдат он останется верен присяге: «…подчас как человек я могу не сочувствовать тому или иному Вашему требованию, но как солдат <…> я первый подам пример беспрекословного повиновения»[676].

А. И. Деникин ответил 10 августа 1919 года. Он начал свое письмо с замечания, что, несмотря на постоянную нехватку ресурсов, он нередко получал советы и упреки от подчиненных, однако никто прежде не обвинял его в «несправедливости и лицеприятии». Поэтому он воспринял слова П. Н. Врангеля как тяжкое обвинение и счел необходимым изложить свою точку зрения. В центре письма – подробный разбор решений Ставки и лично главнокомандующего. Так, он указывал на ошибочность наступления под Царицыном до завершения восстановления моста через р. Сал и до прибытия бронетехники и авиации, подчеркивая, что инициатива наступления исходила не от Ставки, а от командования самой Кавказской армии. Также А. И. Деникин отвергал обвинения в задержке с подкреплениями, объясняя это отсутствием необходимой инфраструктуры (в частности, все того же моста через Сал), что делало невозможной переброску, в том числе 7-й пехотной дивизии. Это был не единственный пример, где он указывал на техническую необоснованность претензий П. Н. Врангеля.

В целом, А. И. Деникин выступал с аргументированной и спокойной апологией действий Ставки, стараясь опровергнуть обвинения в пренебрежении к Кавказской армии. Одним из его ключевых контраргументов на стратегическом уровне было напоминание о том, что предложение ослабить Кавказскую армию ради создания ударной кавалерийской группы, наступающей на Курск и Киев, исходило изначально от самого штаба П. Н. Врангеля. Более того, им

[676] Врангель П. Н. Воспоминания: в 2 частях.1916-1920. М. : ЗАО Центрополиграф, 2006. С. 216-222.

предполагалось, что сам барон возглавит это войсковое соединение – предложение, исходившее до выпуска «Московской директивы»[677].

Примечательно, что А. И. Деникин оставил без ответа обвинения в личной неприязни к П. Н. Врангелю и в предвзятом отношении к кубанцам – по-видимому, считая эти упреки недостойными официального разбора. Сам П. Н. Врангель, оценивая результат переписки, отмечал, что письмо главнокомандующего имело, с его точки зрения, полемический характер и не могло восстановить поколебленную веру в А. И. Деникина[678]. Тем самым, по сути, это письменное взаимодействие можно считать водоразделом, ознаменовавшим окончательный разрыв в отношениях между двумя главными фигурами южнорусского Белого движения.

Дальнейшее развитие ситуации, связанное с поражением войск ВСЮР на московском направлении и последующим стремительным отступлением, привело к необходимости назначения Ставкой П. Н. Врангеля командующим Добровольческой армией. Однако, к тому времени, ситуация, по словам барона, сложилась столь критически, что требовалось принять решительные меры. Чтобы убедить верховное командование в необходимости данных шагов, П. Н. Врангель решил «не щадя красок, с полной правдивостью» изложить текущее стратегическое положение в новом рапорте от 9 декабря 1919 года.

В первую очередь барон указал на две ключевые, по его мнению, причины военного кризиса: пренебрежение «основными принципами военного искусства» и расстройство тыла[679]. Во-вторых, он посчитал необходимым детализировать обе эти проблемы. Первая касалась вопроса распределения наступления по нескольким расходящимся оперативным направлениям, в отличие от концентрированного удара только на Москву. Вторая была связана с недостатком материально-технического обеспечения и незавершенности оборонительных полос.

По мнению П. Н. Врангеля, побочным следствием отсутствия централизованной системы снабжения стало явление «самоснабжения» войск, что в свою очередь привело к росту неуставных отношений: грабежам, террору и спекуляциям, оказавшим разрушительное влияние на моральный дух войск Добровольческой армии, а также к восстаниям в тылу. Подводя итог, барон заявлял, что «армии как боевой силы нет»[680].

Кроме того, Петр Николаевич считал необходимым указать на меры, которые могли бы исправить ситуацию: выбор единственного операционного направления в качестве главного, несмотря на возможную потерю пространства на других участках растянутого фронта; эвакуация тыла с особым вниманием к семьям офицеров; начало строительства оборонительных полос на

[677] Врангель П. Н. Воспоминания: в 2 частях.1916-1920. М. : ЗАО Центрополиграф, 2006. С. 228-235.
[678] Там же. С. 236.
[679] Там же. С. 314.
[680] Там же. С. 315-317.

главном операционном направлении; сокращение числа военных и гражданских учреждений и штабов с последующим направлением высвободившегося персонала в качестве пополнений на передовую; ликвидация грабежей и других неуставных явлений с применением самых жестких мер; создание инспекции конницы для подготовки лошадей и кавалерийских резервов; нормализация работы контрразведывательных органов и системы сыска; перевод железнодорожного транспорта на военные нужды. В конце рапорта барон добавил, что, если данные меры не будут приняты, он не готов продолжить командование Добровольческой армией[681].

В целом, нельзя не отметить здравость предложенных П. Н. Врангелем идей. Однако, не следует полагать, что Ставка не была осведомлена о сложившейся ситуации. Как ранее указывал сам Петр Николаевич, А. И. Деникин был прекрасно осведомлен о реальном положении дел[682]. В дополнение к этому, ультимативное требование исполнения предложенных мер с угрозой отставки лишь усложняло ситуацию. Помимо этого, П. Н. Врангель признавал, что распространил свой рапорт среди других военачальников, что трактовалось главнокомандующим как нарушение дисциплины[683].

В ходе личной встречи двух военачальников в Таганроге, состоявшейся после отправки рапорта, П. Н. Врангель также обозначил ключевое оперативное направление – Крым. Однако А. И. Деникин выразил сомнение по поводу данного решения, полагая, что такой маневр мог бы привести к окончательному падению казачества и обвинениям в предательстве, на что он не был готов пойти[684]. Сам главнокомандующий, комментируя рапорт, приводил свои аргументы, за исключением обвинений в политическом предательстве. Он отмечал, что именно добровольческие части впоследствии продемонстрировали наибольшую боеспособность в боях с красными, что ставит под сомнение доводы Петра Николаевича (о том, что «армии как боевой силы нет»). Однако, пожалуй, самым важным аргументом против доводов барона было то, что советское командование, ожидая отступления Добровольческой армии на запад как наиболее вероятного развития ситуации, а потому до 20 декабря тянуло свои передовые части в этом направлении. Таким образом, отход добровольцев не был бы легче, чем отход на ростовском направлении, как предполагал барон[685].

---

[681] Врангель П. Н. Воспоминания: в 2 частях.1916-1920. М. : ЗАО Центрополиграф, 2006. С. 317-318.
[682] Там же. С. 122.
[683] Деникин А. И. Очерки русской смуты : [в 3 кн.]. Кн.3 : т.4, т.5. Вооруженные силы Юга России. М. : АЙРИС-пресс, 2015. С. 489.
[684] Врангель П. Н. Воспоминания: в 2 частях.1916-1920. М. : ЗАО Центрополиграф, 2006. С. 319.
[685] Деникин А. И. Очерки русской смуты : [в 3 кн.]. Кн.3 : т.4, т.5. Вооруженные силы Юга России. М. : АЙРИС-пресс, 2015. С. 682.

Кроме того, в тот момент главнокомандующий не терял надежд на перелом военной ситуации из-за истощения РККА и растянутых коммуникаций, а также знал, что в Крыму отсутствовали необходимые военные запасы и инфраструктура для долгосрочной обороны.

Примечательным является тот факт, о котором не упоминал барон, но который был зафиксирован в «Очерках» А. И. Деникина: именно в Таганроге П. Н. Врангель впервые затронул вопрос об отказе от «добровольческого флага» и одновременно высказал свои сомнения относительно монархической идеологии[686].

Возвращаясь к нарративу П. Н. Врангеля, следует отметить, что барон осознавал необходимость моральной поддержки для А. И. Деникина, которую он оказал, написав личное письмо с заверением в полной поддержке.

11 декабря, в связи с прорывом красных через свою линию обороны, П. Н. Врангель составил новый рапорт, в котором предложил отступление по двум разнонаправленным операционным направлениям: в Крым и на Дон. Он также предложил объединить поредевшие армии в одну под личным командованием главнокомандующего и, что было озвучено впервые, подготовить эвакуацию войск из России[687].

Далее барон Врангель в своем нарративе подчеркивал мысль о крушении южнорусской власти и ее повсеместном кризисе, а также недовольстве ею со стороны ряда крупных военачальников, таких как командующего Донской армией генерала В. И. Сидорина, а также П. Н. Шатилова.[688].

В целом, данная личная коммуникация, которая, следует отметить, не завершилась на данном этапе, наглядно демонстрировала нарастание кризиса в ВСЮР с точки зрения П. Н. Врангеля, а также, что особенно важно, переход от критики военно-оперативных и стратегических решений к политическим вопросам осенью и зимой 1919 года. Барон сам подтверждал эту мысль, замечая, однако, что вопрос о политических решениях как предпосылке изменений в военной сфере (барон сформулировал эту взаимосвязь к тому моменту) приходил не только ему в голову. В частности, Петр Николаевич честно признавал, что инициатива смещения главнокомандующего исходила от генералов В. И. Сидорина и А. К. Кельчевского (подробнее о некоторых перипетиях взаимоотношений первого и А. И. Деникина писал после Второй мировой войны генерал П. С. Махров[689]), то есть командования Донской армии. Его собственная точка зрения была несколько иной: признавая необходимость смещения А. И. Деникина, он считал, что

[686] Деникин А. И. Очерки русской смуты : [в 3 кн.]. Кн.3 : т.4, т.5. Вооруженные силы Юга России. М. : АЙРИС-пресс, 2015. С. 685.
[687] Врангель П. Н. Воспоминания: в 2 частях.1916-1920. М. : ЗАО Центрополиграф, 2006. С. 320-321.
[688] Там же. С. 319-323.
[689] См. : Махров П. С. В Белой армии генерала Деникина. Записки начальника штаба главнокомандующего Вооруженными силами Юга России. – СПб.: Logos, 1994. – 300 с.

тот должен сам прийти к осознанию необходимости своей отставки, поскольку силовой вариант решения вопроса, по мнению П. Н. Врангеля, привел бы к окончательной гибели Белого дела[690].

Примечательно, что в конце декабря 1919 года П. Н. Врангель подытожил два концептуальных варианта преодоления кризиса: условно, общероссийский и казачий (областнический). Первый вариант предполагал принятие ряда стратегических решений, которые барон не уточнял, однако, судя по всему, речь шла о возможной эвакуации войск в Новороссию, мероприятиях, направленных на укрепление власти, налаживание дисциплины в войсках, а также замене ряда лиц, «оказавшихся не на своем месте». Второй план предусматривал реорганизацию власти, отказ от диктатуры и оставление в руках главнокомандующего только оперативного управления войсками[691].

Судя по рапорту П. Н. Врангеля от 25 декабря 1919 года, барон четко придерживался первого варианта, предлагая А. И. Деникину перенести борьбу на запад и, вступив в сношения с поляками, организовать единый фронт против Красной армии. После знакомства с этим рапортом между главнокомандующим, его начальником штаба и бароном состоялся, помимо прочего, примечательный разговор, приведенный автором. В нем обсуждался вопрос политических интриг, направленных друг против друга. Однако разговор завершился тем, что обе стороны отказались признать наличие таковых. Важным моментом в контексте того, что Петр Николаевич был осведомлен о стремлении командования Донской армии сместить главнокомандующего, стали его слова: «Я не знаю и знать не хочу, кто занимается этими интригами, одно определенно мне известно: что эти интриги плетутся уже давно»[692]. Кроме того, Петр Николаевич не высказал тогда своих предположений о том, что центром интриг против него может быть ОСВАГ и лично И. П. Романовский, которых он сам ранее упоминал[693].

Таким образом, данный вопрос остался неразрешенным. Однако важно отметить, что это событие свидетельствует о дальнейшем развитии военно-политического видения ситуации П. Н. Врангелем. Он сформулировал программу, которую позднее попытается реализовать, став лидером Русской армии и правительства в Крыму. В то время как А. И. Деникин, по мнению П. Н. Врангеля, выбрал второй вариант, намеченный ранее в его нарративе, который оказался ложным (с перспективы барона), так как не учитывал фактор развала казачьих военных сил и самостийных устремлений.

Следующий виток развития ситуации и личной коммуникации можно отнести к периоду недолгого крымского пребывания барона, во время мятежа капитана Орлова (которого он

[690] Врангель П. Н. Воспоминания: в 2 частях.1916-1920. М. : ЗАО Центрополиграф, 2006. С. 333.
[691] Там же. С. 339.
[692] Там же. С. 343.
[693] Там же. С. 210-211.

публично не поддержал и осудил) и последующего увольнения после разговора с британским адмиралом Э. Сеймуром. Письмо, написанное бароном после этих событий, Петр Николаевич сам не приводил полностью, объясняя это тем, что оно было написано «под влиянием гнева», и, хотя оно «точно излагало историю создавшихся взаимоотношений», тем не менее «грешило резкостью и содержало местами личные выпады»[694]. В сущности, это письмо является полноценным нарративом, содержащим важнейшие сведения о том, как барон видел и понимал ситуацию, сложившуюся в южнорусском Белом движении с момента его присоединения к Добровольческой армии и до момента своего увольнения.

В письме он вновь излагает свое военно-стратегическое виденье – необходимость наступления в начале 1919 года на Царицын для соединения с «победоносно подходившему к Волге» (это было преувеличением, наступление Русской армии начнется только 4 марта 1919 года) А. В. Колчаку. Тогда же, с победами ВСЮР, росло и, по мнению барона, честолюбие А. И. Деникина. Барон, кроме всего прочего, сомневался в искренности признания главнокомандующим общероссийской власти А. В. Колчака, аргументируя это отсутствием какой-либо военной поддержки со стороны сибирских армий.

В письме он также снова озвучивал свою принципиальную позицию по вопросу морального облика армии, воспитанной «на произволе, грабеже и насилии», а также отсутствия внятной военной стратегии в ее руководстве. После поражений, понесенных ВСЮР осенью-зимой 1919 года, А. И. Деникин, по мнению барона, уже думал не о спасении Отечества, а о сохранении своей власти, в то время как все активное общество стремилось к политическим изменениям. В этих условиях, по его мнению, Ставка начала искать источники интриг, которые были найдены в нем лично, что выразилось в постоянных слухах о его нелояльности и подготовке переворота. Барон в письме категорически отвергал эти обвинения, утверждая, что разногласия с главнокомандующим носили не политический, а исключительно военный характер[695].

Таким образом, данное письмо представляет собой краткое изложение значительной части нарратива, изложенного в «Воспоминаниях». Однако ключевым является посыл Петра Николаевича о том, что роковым для южнорусского Белого движения стало решение в январе 1919 года отказаться от наступления на Царицын. Именно это, сугубо военно-стратегическое решение, стало катализатором, приведшим к крушению Белого движения на юге России. Примечательна и вновь заявленная им позиция относительно связи военной стратегии и политики, которая была осознана после того, как он понял, что изменение ошибочных военных

[694] Врангель П. Н. Воспоминания: в 2 частях.1916-1920. М. : ЗАО Центрополиграф, 2006. С. 361.
[695] Дрейер В. Н. фон Крестный путь во имя Родины : двухлетняя война краснаго Севера с белым Югом 1918-1920 года. Берлин ; Шарлоттенбург : Тип. «Нейе Цейт», 1921. С. 82-90.

решений Ставки невозможно без политических преобразований. Однако эти изменения стали невозможными из-за честолюбивого стремления генерала А. И. Деникина удерживать власть любой ценой.

Не менее важным является тот факт, что это личное письмо было вновь распространено бароном среди ряда высших военачальников, а его принципиальная позиция, выраженная в письме, была открыто высказана и его помощником, генералом П. Н. Шатиловым, в период пребывания в Константинополе[696].

25 февраля 1920 года А. И. Деникин в последний раз ответил П. Н. Врангелю кратким личным письмом, в котором еще раз подтвердил, что все сведения, приведенные бароном, являются ложными и нанесли колоссальный вред «русскому делу». Примечательно, что сам Антон Иванович опубликовал это письмо впервые в пятом томе «Очерков», предварительно разобрав заблуждения барона.

Примечательны размышления барона П. Н. Врангеля о перспективах антибольшевистской борьбы в период между его увольнением и возвращением в Крым. В середине марта 1920 г. он писал: «Я не сомневался, что борьба проиграна, что гибель остатков армии неизбежна. Отправляясь в Крым, я оттуда, вероятно, уже не вернусь. В то же время долг подсказывал, что, идя с армией столько времени ее крестным путем, деля с ней светлые дни побед, я должен испить с ней и чашу унижения»[697]. Таким образом, автор ясно демонстрировал осознание неизбежности поражения, однако, руководствуясь чувством офицерского долга, принимал решение вернуться и возглавить армию – шаг, в необходимости которого он не сомневался.

По прибытии в Крым Петр Николаевич выразил явное неудовольствие относительно избранной формы определения нового главнокомандующего – посредством выборов, которые напоминали ему «совдеп» и, по его мнению, противоречили армейским принципам. В частной беседе с А. М. Драгомировым он высказал убеждение, что только А. И. Деникин должен остаться во главе армии в столь тяжелый момент, и вновь подтвердил свою оценку общего исхода борьбы[698].

С момента назначения П. Н. Врангеля главнокомандующим Вооруженными силами Юга России начинается новый этап борьбы, который в его нарративе четко и последовательно отделен от предшествующего – деникинского (главная бинарная оппозиция в тексте). Подводя итог этому переходу, он писал: «Неопределенная за последнее время, неустойчивая политика генерала Деникина, в связи с широко развившейся пропагандой враждебных нашему делу групп,

[696] Штерн С. В огне гражданской войны : воспоминания, впечатления, мысли. Париж : Русское книгоиздательство Я. Поволоцкий и Ко., 1922. С. 186.
[697] Врангель П. Н. Воспоминания: в 2 частях.1916-1920. М. : ЗАО Центрополиграф, 2006. С. 370.
[698] Там же. С. 382.

окончательно сбила с толку всех»[699]. Тем самым П. Н. Врангель усматривал прямую связь между действиями этих «враждебных групп» и политикой бывшего главкома. Под этими группами, несомненно, он подразумевал казачество, особенно его самостийные элементы, которые, с его точки зрения, навязали власти, ослабленной поражениями, собственное политическое видение, включая отказ от диктаторской модели управления. Такая трансформация политической конфигурации представлялась П. Н. Врангелю, сторонникуу сильной персоналистской власти, глубоко неприемлемой.

Эта критика, как и нарративное размежевание периодов, не ограничивалась отдельными замечаниями. П. Н. Врангель упрекал своего предшественника в целом ряде проблем, а также в тяжелом «наследстве», полученном им от него. В центре внимания барона оказался аграрный вопрос, который, с его перспективы, при А. И. Деникине так и остался на стадии обсуждения, тогда как большевики превратили его в главное оружие своей пропаганды[700]. Далее барон переходил к формулировке ключевых причин слабости, унаследованной им ситуации. На первом месте – подчинение стратегии политике, при том, что «политика никуда не годилась»[701]. Здесь вновь проявлялось его характерное восприятие происходящего с позиции «чисто военного» подхода, в соответствии с которым вся жизнь страны в условиях вооруженной борьбы должна быть подчинена требованиям военной стратегии. Подобный взгляд вступал в противоречие с классической формулой К. фон Клаузевица, трактовавшей войну как продолжение политики и, как представляется, достаточно прочно усвоенной А. И. Деникиным. Считаем, что такой взгляд Петра Николаевича является противоречащим всему его последующему нарративу, где четко декларировалась идея подчинения военных операций политическим и социально-экономическим детерминантам.

В чем же, по мнению барона, заключалась ошибочность политики его предшественника? Он характеризовал политический курс А. И. Деникина не как «русский», а как «добровольческий». Это различие виделось П. Н. Врангелю в чрезмерной политической узости деникинской линии, что и приводило к постоянной конфронтации с другими антибольшевистскими силами – Украиной, Грузией, Азербайджаном, а также, отчасти, с казачеством. Подобный подход к критике можно интерпретировать как своеобразную «внутреннюю революцию» внутри самого «общероссийского», а не регионального, антибольшевистского лагеря. Барон признавал, что приверженность лозунгу «Единая, великая и неделимая Россия» привела, в конечном счете, к расколу всех «антибольшевистских русских

[699] Врангель П. Н. Воспоминания: в 2 частях.1916-1920. М. : ЗАО Центрополиграф, 2006. С. 399.
[700] Там же. С. 405.
[701] Там же. С. 427.

сил». Если Антон Иванович в своем изложении событий стремился подчеркнуть неспособность, а порой и прямой отказ самостийных правительств сотрудничать с белыми, то Петр Николаевич занимал диаметрально противоположную позицию, открыто заявляя: «С кем хочешь, но за Россию – вот мой лозунг»[702]. Наконец, еще одной проблемой – уже сугубо военного порядка – П. Н. Врангель называл упадок дисциплины и правопорядка в рядах Вооруженных сил Юга России.

Исходя из поставленного им диагноза текущему положению дел, был намечен курс на исправление ошибок предшественника. Ключевым нововведением при этом становилась не идея возобновления наступления на Москву, а установка на создание «хотя бы на клочке русской земли такого порядка и таких условий жизни, которые потянули бы к себе все помыслы и силы стонущего под красным игом народа»[703]. Эта формулировка показательна, поскольку отражала принципиальный отход от стратегии А. И. Деникина, предполагавшей первоочередную задачу военного разгрома противника с последующим занятием его центрального политического и экономического центра, что должно было лишить большевиков базы для продолжения борьбы. В противоположность этому, барон Врангель выдвигал идею политического и социального преобразования подвластной территории как средства идейной и пропагандистской борьбы с противником.

Таким образом, в своей концепции он отстаивал примат политической задачи над военной, что вступало в противоречие с теми установками, которые ранее прослеживались в его собственном нарративе. Это противоречие поднимает важную гносеологическую проблему: осознавал ли П. Н. Врангель необходимость подчинения военного института политическому? От ответа на этот вопрос зависит и трактовка его критики в адрес решений и действий А. И. Деникина – была ли она следствием различий в фундаментальных представлениях о взаимодействии политики и военного дела или же представляла собой инструменталистскую стратегию, направленную на формирование образа «ошибочной» политики предшественника.

Дальнейшее развитие нарратива, даже оставляя за скобками смену стратегических приоритетов, позволяет дать определенный ответ на поставленную проблему. Приступив к исполнению обязанностей главнокомандующего, П. Н. Врангель в первую очередь сосредоточился на анализе внутреннего состояния подведомственной территории, структуры гражданского управления и вооруженных сил. Среди основных проблем он выделял: отсутствие действенного правительственного аппарата, чрезмерно разросшуюся тыловую систему армии,

[702] Врангель П. Н. Воспоминания: в 2 частях.1916-1920. М. : ЗАО Центрополиграф, 2006. С. 428.
[703] Там же. С.428.

нехватку продовольствия и лошадей в Крыму, дефицит материально-технических ресурсов, а также расстройство финансовой системы[704].

Приняв в управление крайне дезорганизованное наследство, барон Врангель считал своей первоочередной задачей восстановление эффективного функционирования тыла, а также выстраивание конструктивных отношений с казачеством. Однако главной своей целью он определял следующее: «Создание для населения Юга России, занятого моими войсками, такого правопорядка, при котором население могло бы быть удовлетворено в своих чаяниях возможно шире»[705]. В рамках этой задачи рассматривалось и решение одного из наиболее острых и болезненных вопросов – аграрного. За основу административной практики был взят принцип «левой политики правыми руками».

Современный исследователь В. Ж. Цветков характеризует этот курс следующим образом: «В Таврии <…> в 1920 г. не происходило существенной эволюции “вправо”. Деятельность нового Главнокомандующего ВСЮР (позднее Русской армии) генерал-лейтенанта П. Н. Врангеля определялась как “левая политика правым руками”, и речь здесь шла в первую очередь о политике, проводимой т.н. “цензовиками” <…>. Идеологически принцип “левой политики правыми руками” был не оригинален и практически повторял популярный в свое время принцип британских консерваторов (тори) – “правыми руками левое дело” (“Left policy from the right site”), на что обращал внимание П. Б. Струве. Одним из существенных проявлений подобного курса было провозглашение монархического лозунга»[706]. Несомненно, однако, что для самого Петра Николаевича данный курс приобрел скорее иное название – русская ориентация.

Следует отметить, что в отличие от А. И. Деникина или П. Н. Краснова, барон Врангель воздерживался от четкого формулирования собственной политической платформы, предпочитая имплицитные намеки, в которых прослеживался идеал сильной, централизованной власти, сосредоточенной в руках одного лица. Более того, П. Н. Врангель стремился дистанцироваться от прямого признания своих монархических взглядов, что, по-видимому, диктовалось в большей степени тактическими соображениями. В одном из писем П. Н. Краснову, открыто выступавшему за восстановление монархии, П. Н. Врангель писал: «Вы не можете сомневаться в том, что по убеждениям своим я являюсь монархистом, и что столь же монархично, притом сознательно, и большинство Русской Армии <…> Но революция разорвала два прежде связанных понятия о

[704] Врангель П. Н. Воспоминания: в 2 частях.1916-1920. М. : ЗАО Центрополиграф, 2006. С. 392-394.
[705] Там же. С. 427.
[706] Цветков В. Ж. Белое дело в России. 1920–1922 гг. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). Ч. 1. М. : [б. и.], 2011. С. 156.

Родине и о монархизме, и нужна длительная работа, чтобы в народном сознании оба эти понятия вновь слились воедино»[707].

Важное значение для понимания взглядов П. Н. Врангеля имеет структура его нарратива: как и в случае с «Очерками русской смуты» А. И. Деникина, в «Воспоминаниях» первенствующее место отведено политическим описаниям. Это обусловлено тем, что барон уделял приоритетное внимание именно «гражданским» вопросам, считая их ключевыми для исхода борьбы. При этом существенную роль в раскрытии его позиции играли и рассуждения о внешнеполитических обстоятельствах и боевых действиях. Анализируя подготовку и ход летней наступательной кампании в Таврии, П. Н. Врангель выделял несколько факторов, оказавших определяющее влияние на ее проведение. Во-первых, он указывал на боевые действия между польскими и советскими войсками, которые, будучи сначала успешными для Польши, а затем – для Красной армии, отвлекали значительные силы противника от Южного фронта. Во-вторых, он подчеркивал крайне тяжелое экономическое положение в Крыму[708].

Тем самым автор демонстрировал, что стратегические решения были им обусловлены не столько военными, сколько политическими и социально-экономическими соображениями. Он ясно осознавал невозможность реализации программы восстановления нормальной жизни в регионе, опираясь лишь на крымскую ресурсную базу, и потому подчинял военные действия необходимости достижения политических целей. Таким образом, стратегия рассматривалась им как средство подготовки условий для долгосрочной реализации государственного курса.

Значительное внимание автор уделял и международному фактору: одной из главных преград для начала наступления он считал позицию Великобритании, стремившейся добиться мирного урегулирования в Восточной Европе. Заключение подобного мира, по мнению П. Н. Врангеля, привело бы к признанию за Русской армией лишь Крымского полуострова. Накануне боевых действий, 23 мая (3 июня), П. Н. Врангель направил в ответ на два послания британских властей собственное письмо, в котором изложил свою точку зрения на сложившуюся ситуацию. В нем он: отвергал возможность личных и прямых переговоров с советской властью; подчеркивал необходимость наступления как средства обеспечения Крыма продовольствием; указывал, что успех кампании усилил бы позиции Великобритании в переговорах с большевиками; признавал, что, даже допуская возможность соглашения с советской властью, не видел на тот момент, «каким образом таковое могло бы быть обеспечено»[709].

[707] Цит. по: Цветков В. Ж. Белое дело в России. 1920–1922 гг. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). Ч. 1. М. : [б. и.], 2011. С. 156.
[708] Врангель П. Н. Воспоминания: в 2 частях.1916-1920. М. : ЗАО Центрополиграф, 2006. С. 471.
[709] Там же. С. 481.

Таким образом, барон Врангель признавал в письме детерминирующее значение политических и, что важно, социально-экономических элементов для наступления, но, кроме всего прочего, допускал и возможность «договора» с советской властью при условии: 1) сохранения северной Таврии; 2) дачи гарантий его правительству, которые бы обезопасили его в более отдаленной перспективе от агрессии со стороны красных.

Проведение крупной наступательной операции Русской армии, по его мнению, должно было неминуемо сопровождаться решением вопросов взаимоотношений с Польшей и Украиной, которые также вели борьбу против Советской России. В этом контексте в мае-июне 1920 года П. Н. Врангель придерживался четкой позиции: 1) исключал политические соглашения с правительствами этих стран, 2) настаивал на чисто военной координации действий и установлении линии боевого разграничения[710].

Примечательной в данном контексте является его позиция о соотношении политики и военной стратегии. С военно-стратегической точки зрения, основной удар Русской армии следовало бы направить в тыл советской группировки, наступавшей на польские войска. Однако П. Н. Врангель считал, что решающим фактором в развитии боевых операций был политический аспект: он был убежден, что удар по тылу РККА, включая форсирование Днепра в районе Никополя, привел бы Русскую армию на территорию, которую польское правительство считало частью Украины. Это, в свою очередь, вынудило бы барона вступить в политические переговоры с Польшей и Украиной, что означало бы де-факто признание независимости Украины как политического субъекта. На такую уступку П. Н. Врангель был категорически не готов пойти[711].

Таким образом, барон косвенно признавал, что именно политические факторы определяют направление военных операций, а не наоборот, как он первоначально полагал, будучи исключительно военным профессионалом. В сущности, с Петром Николаевичем произошла та же метаморфоза, с которой ранее столкнулся А. И. Деникин. Оба, изначально будучи профессиональными военными, считали возможным подчинение военной стратегии политическим целям. Однако, став политическими лидерами, они осознали, что ход таких соображений невозможен. В случае П. Н. Врангеля это осознание было имплицитным, а у А. И. Деникина – эксплицитным. Тем не менее, барон, несмотря на изменение своего подхода, не пересмотрел своей критики действий предшественника, что скорее указывает на инструменталистский характер этой критики – стремление продемонстрировать ошибочность как политической, так и военной линии поведения предшественника.

[710] Врангель П. Н. Воспоминания: в 2 частях.1916-1920. М. : ЗАО Центрополиграф, 2006. С. 478-480.
[711] Там же. С. 479.

Возвращаясь к нарративу, важную информацию о дальнейшей трансформации политической линии П. Н. Врангеля предоставляет письмо П. Б. Струве председателю французского правительства, которое отражало взгляды главнокомандующего на основные внутренние и внешние политические вопросы. Среди ключевых позиций, изложенных в письме: 1) признание результатов аграрной революции, что соответствовало принципу «левой политики правыми руками»; 2) федеративный договор как основа будущего единства России; 3) построение будущей федерации на основе свободного волеизъявления граждан; 4) отказ от капитуляции перед советским правительством, что фактически означало принятие британского плана по мирному соглашению; 5) принципиальная возможность заключения мира между «двумя режимами», но при условии четких гарантий невмешательства большевиков в дела территории, контролируемой Русской армией, а также признания обособления казачьих территорий и кавказских «новообразований» от Советской России; 6) давление на советское правительство с требованием признания иностранной частной собственности на экономические объекты, расположенные на территории, находящейся под контролем Русской армии, с целью организации экономических отношений; 7) отказ от применения силы для объединения России; 8) признание невозможности восстановления старого порядка и неприемлемости «коммунистической тирании»[712].

Безусловно, данное письмо представляет собой исчерпывающее объяснение взглядов барона и его окружения на дальнейшую борьбу с Советской Россией, предполагающую ее внутреннее перерождение через принятие принципов частной собственности в законодательстве и улучшение жизни населения на территории, контролируемой Русской армией. Этот путь, по мнению П. Н. Врангеля, мог вывести страну «из состояния анархии».

Тем не менее, дальнейшее развитие военной и политической ситуации сделало невозможным принятие данного плана. Еще в июле 1920 года британские политики считали возможным заключение «перемирия» между П. Н. Врангелем и большевиками, но только при условии вывода войск Русской армии из северной Таврии в Крым. Такое решение было для П. Н. Врангеля неприемлемо, поскольку он рассматривал его как «равносильное обречению армии и населения на голодную смерть»[713].

В условиях невозможности заключения мира на том этапе, автор считал единственно возможным продолжение вооруженной борьбы, что, однако, требовало наличия значительно более широкой ресурсной базы – людской, промышленной и финансовой. Сложившаяся ситуация, по меткому выражению самого Петра Николаевича, представляла собой

[712] Врангель П. Н. Воспоминания: в 2 частях.1916-1920. М. : ЗАО Центрополиграф, 2006. С. 505-508.
[713] Там же. С. 529.

«заколдованный круг» Новороссии. Единственным выходом, с точки зрения П. Н. Врангеля, была попытка переноса борьбы в казачьи области, не теряя при этом контроля над своей «житницей»[714]. Признание невозможности продолжения вооруженной борьбы без участия казачьих территорий и их ресурсов, по существу, означало признание правоты военной стратегии А. И. Деникина, сосредоточенной на удержании этих земель, и, одновременно, осознание ошибочности собственных прежних стратегических решений, связанных с отступлением в Крым и Северную Таврию. Такой вывод логически вытекал из всей структуры нарратива Врангеля хоть и прямо им не формулировался. Примечателен и другой момент – неспособность сломить инерцию раздутого тылового аппарата армии, за что автор ранее резко критиковал своего предшественника[715].

Провал операций на Кубани в августе–сентябре существенно изменил не только военно-стратегическую, но и политическую ситуацию для врангелевских сил. Однако, по свидетельству «Воспоминаний», решающее значение приобрел фактор польского контрнаступления на Висле и связанное с ним стремление польского правительства к заключению мира с Советской Россией. Это обстоятельство делало «национальную Россию» П. Н. Врангеля менее привлекательной для западных держав, прежде всего – для Франции, ранее де-факто признавшей его режим. П. Н. Врангель писал, в связи с этим: «Предоставленные самим себе, мы неминуемо должны были рано или поздно погибнуть»[716].

С целью недопущения подобного исхода главнокомандующий предпринял попытку переосмысления стратегической линии, стремясь вовлечь Францию в активные боевые действия. В частности, он выдвинул план оперативного объединения польской и русской армий под французским командованием для совместных действий против Советской России. Ради реализации этого замысла П. Н. Врангель даже выразил готовность повести наступление своим левым флангом навстречу полякам – несмотря на то, что ранее подобные действия отвергались им по политическим соображениям. Однако подобная корректировка не свидетельствовала о смене парадигмы и подчинении политических соображений чисто военной логике. Напротив, данное изменение как раз и было обусловлено изменившейся политической конъюнктурой – угрозой польско-советского мира и перспективой международной изоляции, которая для врангелевского режима означала бы фактическую политическую гибель.

Определенную роль в реализации нового плана барон возлагал на пропаганду, акцентировавшую опасность большевизма для европейского мира. Однако поражение советских

[714] Врангель П. Н. Воспоминания: в 2 частях.1916-1920. М. : ЗАО Центрополиграф, 2006. С. 522.
[715] Там же. С. 517, 607.
[716] Там же. С. 565.

войск в польской кампании существенно ослабило убедительность такого дискурса: европейские политики в значительной мере разуверились в представлении о большевизме как о непосредственной угрозе. Примечательно, что П. Н. Врангель предпринял попытку интерпретировать неудачу Кубанской операции как сознательное решение изменить вектор оперативных действий – с восточного на западное направление[717]. В данном случае речь шла об очевидной попытке сохранить политическую и военную репутацию своего режима.

Переговоры в Риге между Польшей и Советской Россией кардинально изменили военно-политическую обстановку для Русской армии в Северной Таврии и Крыму. Дополнительным фактором, ухудшившим общую ситуацию, стал провал Заднепровской операции. Несмотря на это, на военном совещании 1 октября 1920 года было принято решение дать бой РККА в Северной Таврии, поскольку любые иные варианты фактически означали бы неминуемое поражение. В итоге именно провал оборонительной операции в этом регионе предопределил окончательный исход вооруженной борьбы на юге России и последовавшую эвакуацию Крыма в ноябре 1920 года.

Подытоживая воззрения автора «Воспоминаний», его нарративная структура, в отличие от сочинений А. И. Деникина и П. Н. Краснова, выражает взгляд на революцию с правых позиций, основанный на представлении о неразрывной связи национального спасения с централизованной, патерналистской властью. Если у А. И. Деникина отчетливо прослеживался «эволюционная» либерально-государственническая модель, в рамках которой приоритетом являлось единство и правопорядок на основе умеренного правового государства, а у П. Н. Краснова доминировал областнический, казачий взгляд, ориентированный на местную самобытность и, как минимум, этническую автономию, то барон формировал свою позицию как солдат и политик, стоящий на фундаменте идей «правого порядка», но адаптирующего их к новым реалиям.

П. Н. Врангель воспринимал революцию как разрушение основ правопорядка и государственной целостности. При этом, в отличие от идеологически негибкого реакционера, он стремился осмыслить и последствия революции, в частности, аграрный вопрос и социальную трансформацию, в категориях необходимости тактического приспособления: «левая политика правыми руками». Это отражало его понимание того, что контрреволюция не может быть слепым восстановлением «ancien régime», но должна оперировать его категориями: порядок, сильная власть, ответственность.

Далее, одной из важнейших трансформаций, которые претерпевал П. Н. Врангель в ходе Гражданской войны, являлось осознание (имплицитное) приоритета политических факторов над

[717] Врангель П. Н. Воспоминания: в 2 частях.1916-1920. М. : ЗАО Центрополиграф, 2006. С. 575-576.

военными. Это особенно показательно в его попытках организовать политическую и социальную систему в Крыму – не как временную военно-административную зону, а как модель будущей России. В этом смысле его нарратив – это нарратив об эволюции правого лидера от военного диктатора к государственному строителю, пусть и вынужденному действовать в условиях ограниченной ресурсной базы и внешнеполитической изоляции.

Интересен момент признания автором необходимости федеративного устройства будущей России, что, с одной стороны, приближало его к позициям областников, но с другой – он настаивал на сохранении национального единства и на отказе от признания самостийных образований вроде Украины. Это выдает в нем не идеологического федералиста, а тактического централизатора, стремящегося интегрировать региональные элиты в общерусский проект через систему договорных отношений. Особое значение имела идея «русской» власти – не в узко монархическом смысле, а как проекта авторитарной модернизации, сочетающей принципы правопорядка, социального реформизма и внешнеполитического прагматизма («левая политика – правыми руками»).

Таким образом, нарратив П. Н. Врангеля – это не просто мемуары главнокомандующего. Это рефлексия правого антибольшевистского деятеля, пришедшего к пониманию ограниченности чисто военной логики в условиях народной революции и краха государства. Его взгляд – это взгляд справа, но не догматический, а практический, признающий необходимость обновления политической формы, при сохранении идеалов вертикали власти, национального единства и патриотической ответственности. Центральным pbf в историографическом наследии П. Н. Врангеля выступает концепт сильной персонифицированной власти как непременного условия государственного спасения. Согласно этой логике, ход и исход Гражданской войны были предопределены отсутствием в белом лагере жесткого управленческого центра, единственно способного, по его мнению, обеспечить мотивацию, дисциплину и проведение необходимых преобразований. Данный тезис был аргументирован через нарративное построение бинарной оппозиции, контрастирующей «неудачный» период деникинского командования с «удачным», но запоздавшим периодом собственного правления П. Н. Врангеля.

Наконец, следует указать, что в данном параграфе были представлены авторские взгляды двух крупнейших деятелей южнорусского антибольшевистского фронта, сформулировавшие свои нарративные представления о характере происхождения революции, гражданской войны, ее ходе и итогах. С одной стороны, П. Н. Краснов сформулировал концепцию борьбы областных региональных центров против большевистской власти, с другой, П. Н. Врангель обосновывал идею общероссийской борьбы, основанной не на либеральной, а правоконсервативной политической платформе. Однако, следует отметить, что проанализированные работы сыграли

важное значение для развития уже историко-аналитического дискурса военных эмигрантов о данных событиях, представленных в работах А. А. Зайцова и Н. Н. Головина.

2.3. Гражданская война в аналитическом дискурсе А. А. Зайцова.

В 1934 году в Париже была опубликована одна из самых значимых работ, посвященных Революции и Гражданской войне в России, автором которой стал профессор А. А. Зайцов. Его труд «1918 год: очерки по истории русской гражданской войны» оказал значительное влияние на развитие историографии данного вопроса. Особенность работы заключалась не столько в узко военном анализе, сколько в ее аналитическом подходе, который превосходит многие монографические исследования, несмотря на серьезные ограничения, связанные с доступом к историческим источникам. В этом параграфе мы подробнее рассмотрим этот аналитический подход Арсения Александровича и его влияние на оценки событий и решений эпохи «смуты».

Арсений Александрович Зайцов родился в 1889 году в Санкт-Петербурге в дворянской семье. Имел прекрасное образование: в 1906 году окончил Пажеский корпус, а затем Николаевское инженерное училище, получив офицерское звание в 1909 году. Служил в лейб-гвардии Семеновском полку, где проявил себя как дисциплинированный и грамотный офицер.

Незадолго до начала Первой мировой войны А. А. Зайцов поступил в Императорскую Николаевскую военную академию, но учебу пришлось прервать из-за мобилизации, в связи с чем он вернулся в свою часть. За участие в боевых действиях был награжден Георгиевским оружием и несколькими орденами[718]. В 1917 году окончил старший класс ускоренных курсов Николаевской военной академии, получив чин капитана и причисление к Генеральному штабу.

Не приняв Октябрьскую революцию, А. А. Зайцов присоединился к Белому движению. С конца 1918 года командовал батальоном своего родного Лейб-гвардии Семеновского полка. Позже, в 1920 году, занимал должность старшего адъютанта штаба Донского корпуса. После поражения Белых войск он эвакуировался из Крыма и продолжил службу в эмиграции[719].

В 1924 году А. А. Зайцов переехал в Париж, где был привлечен Н. Н. Головиным к преподавательской деятельности на Зарубежных высших военно-научных курсах, занимаясь также научной деятельностью, специализируясь на изучении тактики, Красной армии и истории Гражданской войны[720]. Скончался Арсений Александрович 2 апреля 1954 года, оставив после

[718] Рутыч Н. Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных сил Юга России : (Материалы к истории Белого движения). М. : Рос. арх. ; [Париж] : Regnum, 1997. С. 126
[719] Там же.
[720] Ганин А. В. Подготовка кадров Генерального штаба в русской эмиграции межвоенного периода (1921–1939 гг.) // Военно-исторический журнал. 2015. № 11. С. 51.

себя богатое письменное наследие, посвященное различным военно-историческим и военно-прикладным аспектам.

Н. Н. Головин, чья работа по Гражданской войне в России будет рассмотрена позднее, высоко оценил научный вклад А. А. Зайцова в изучение этой темы, отметив, что его труд «1918 год: очерки по истории русской гражданской войны»: «является первой попыткой объективного исторического исследования нашей Гражданской войны», поставив его выше всех предыдущих нарративов. Н. Н. Головин выделил два, на его взгляд, ключевых и уникальных аспекта этой работы: во-первых, стремление проследить преемственность между Первой мировой и Гражданской войнами, а во-вторых – анализ влияния психологии военного времени на принятие решений лидерами антибольшевистского движения[721].

Вместе с тем, представляется, что в данной оценке был упущен еще один значимый аналитический принцип, реализованный А. А. Зайцовым, – системное исследование взаимовлияния политических и военных решений в рамках различных институтов (армии, политических субъектов и др.). Данный подход находит отражение в нарративной логике его работы, что ярко демонстрируется на примере анализа объединения Добровольческой армии с Кубанским правительственным отрядом. В рамках этого союза, где доминирующая роль формально принадлежала военному командованию, армия Л. Г. Корнилова оказалась вовлечена в решение политических задач кубанских властей[722]. Это привело, с точки зрения Зайцова, к подчинению военной логики политической целесообразности, что впоследствии имело негативные последствия для оперативных возможностей Добровольческой армии, как будет показано далее.

Вместе с тем необходимо отметить, что нарративное изложение событий 1918 года у А. А. Зайцова характеризуется определенными методологическими особенностями, свойственными ретроспективному историческому анализу. Его оценки и выводы нередко строятся с учетом известных последствий описываемых решений, в то время как мотивация и информационный контекст самих участников событий остаются на втором плане. Подобный подход, при котором анализ исходит из последующего исторического опыта, а не из горизонта возможностей и знаний современников, создает определенные методологические сложности с точки зрения принципа историзма. Это ведет к тому, что контекстуальная обусловленность принимавшихся решений не всегда получает адекватное отражение, что может влиять на объективность (в рамках конвенций) исторической реконструкции.

[721] Зайцов А. А. 1918 год : Очерки по истории русской гражданской войны. Париж : [б. и.], 1934. С. 2.
[722] Там же. С. 85-86.

Стоит также отметить, что автор осознавал ключевое ограничение, которое оказывало влияние на его историописание – недостаток архивных данных. Однако он стремился превратить этот «недостаток» в «достоинство», утверждая, что для него, как исследователя и участника событий, важно было не столько создать детальное описание происходившего, сколько систематизировать опыт этих событий, разобравшись в их практическом значении. С этой точки зрения он обозначал свою исследовательскую задачу как попытку «уловить своеобразие ее характера и понять природу гражданской войны в русских условиях в нашу эпоху»[723].

Кроме того, А. А. Зайцов был исследователем, вступившим на историографическое поле с критикой предыдущих попыток уловить «своеобразие» и причины поражения Белых сил. Он выделял две ключевые причины поражения, рассматриваемые в белоэмигрантской историографии: 1) подавляющее численное превосходство красных, 2) не изжитие большевизма в народных массах. Указание на вторую причину представляло собой прямую отсылку к позиции А. И. Деникина, развернуто изложенной в пятом томе «Очерков русской смуты». Примечательно, что к аналогичным выводам в своих исследованиях впоследствии пришел позже и Н. Н. Головин. Не менее критически историк оценивал вклад советских исследователей, отмечая, что их труды носили тенденциозный характер, сводившийся к идеологической посылке о превосходстве социализма над капитализмом[724].

Однако, за чисто научно-практической задачей, как ее формулировал Арсений Александрович, скрывалась, как будет показано далее, попытка критики решений руководства Добровольческой армии, которое, с его точки зрения, не уловило «своеобразие» Гражданской войны из-за своей психологической ограниченности. Перейдем далее к анализу его репрезентации.

С первых размышлений о характере Гражданской войны автор высказывал критическое сомнение в том, что большевики одержали полную победу в этом конфликте. Он утверждал, что ряд национальных государств, таких как Финляндия, Эстония, Латвия и Польша, сумели отстоять свою независимость[725]. Таким образом, автор склонялся рассматривать национальную борьбу ряда государств, возникших на постимперском пространстве, как часть антибольшевистской борьбы. Однако такой подход имел одно серьезное ограничение, которое, как представляется, не вполне осознавал сам автор, в отличие от того же А. И. Деникина. Это ограничение заключалось в различии целей противостояния и в том, что противодействие большевикам вновь возрожденных или возникших государств, существенно отличалось от конфликтов других

[723] Зайцов А. А. 1918 год : Очерки по истории русской гражданской войны. Париж : [б. и.], 1934. С. 3.
[724] Там же. С. 4.
[725] Там же. С. 7.

антибольшевистских сил. Очевидно, что их борьба была нацелена не на свержение советского правительства, а на обретение собственного суверенитета. Уже на этом этапе становится ясно, что авторская установка заключалась в желании продемонстрировать, что общероссийская борьба потерпела неудачу, в отличие от национальной.

Аргументируя свою позицию, А. А. Зайцов утверждал, что революция 1917 года разрушила традиционную связь между центром и окраинами, которая, по его мнению, поддерживалась династией Романовых за счет подчинения региональных интересов общеимперским. На смену династическому принципу был выдвинут национальный (на общероссийском уровне), однако, как отмечал автор, его внутренняя слабость была быстро осознана на периферии. С точки зрения А. А. Зайцова, национальный принцип должен был объединять разнородные части бывшей империи не через авторитарную вертикаль (как этого желали новые власти), а на основе добровольного договора равных политических субъектов[726]. Тем самым, историк косвенно вводил в исторический контекст идею федеративного или конфедеративного устройства как способа интеграции национальных регионов. Ошибкой, по его мнению, было то, что силы, заявлявшие о себе как общероссийские – то есть от имени центра – пытаясь создать национальную Россию, использовали методы авторитета (как при монархии), не осознавая значимость договорных отношений. В этом они не поняли сути произошедших событий, недооценили окраины, не осознали природу национального принципа и его средства, а также переоценили свою собственную силу.

Концептуально обосновав свой тезис о дезинтеграционном процессе России и ее пути пересборки на новой, договорной основе, А. А. Зайцов уделял значительное внимание описанию «окраин». С его точки зрения, революция (как «февральская», так и «октябрьская») сыграла ключевую роль в нарушении связи между центром и окраинами. Это обстоятельство, по его мнению, стало важнейшей предпосылкой для непризнания большевистского «переворота» в столице (центре). Историк представлял сложную картину дезинтеграции, в которой он выделял следующие компоненты: большевистский центр (Великороссия), казачьи области (занимающие промежуточное положение) и окраины (национально-этнические центры на границе Империи: Украина, Закавказье).

Казачество играло важнейшую роль для антибольшевистских сил, будучи военным центром, способным обеспечить контрреволюцию сильными кадрами, особенно на начальном этапе борьбы. А. А. Зайцов ясно осознавал, что для того, чтобы эффективно использовать этот важный ресурс, необходимо понять исходные предпосылки государственно-областного

[726] Зайцов А. А. 1918 год : Очерки по истории русской гражданской войны. Париж : [б. и.], 1934. С. 9.

положения казачества и их желаний. В первом случае речь шла о хозяйственной самобытности казачества (отсутствие крепостного права, широкое распространение частной собственности) и военно-корпоративном духе (более строгий порядок несения военной службы и охрана рубежей империи), что отличало их от других территорий государства и создавало предпосылки для большей областной автономии. Во втором случае имелось в виду желание казачества сохранить «свои вольности» (описанные выше) и, более того, четко закрепить их через договор с центром. Однако эти «вольности» вступали в противоречие с политикой большевиков, что поначалу не поколебало позиции казачества, стремившегося к примирению с революцией и занявшего позицию «нейтралитета» в противостоянии красных и белых. Как известно, этот нейтралитет был нарушен красными после занятия Дона в начале 1918 года. Также автор ясно заявлял, хотя и без приведения доказательств, что казачество не стремилось к отделению от России[727].

Дальнейшее развитие ситуации представлялось А. А. Зайцову противоречивым, особенно в свете деятельности атамана А. М. Каледина, который заменил идею «казачьего противосоветского фронта» на концепцию «независимого демократического государства», основанного на принципе «паритета». Таким образом, военный историк приходил к совершенно новому выводу для историографии о сепаратистской, по сути, политике атамана А. М. Каледина. А. А. Зайцов критиковал такую линию поведения как недальновидную, утверждая, что она «затмевала» интересы казачества[728]. Легко заметить, что эта интерпретация углубляла понимание П. Н. Краснова революционного процесса на Дону, а также расширяла его идею об областническом антибольшевистском фронте, включая другие «окраины».

Ситуация среди кубанского казачества, в изображении А. А. Зайцова, была еще более сложной. С одной стороны, как и на Дону, там шла борьба между казачьим и иногородним населением, с другой – происходило противостояние между «черноморцами», которых А. А. Зайцов называл украинцами или малороссами, и «линейцами» – великороссами[729].

Сложной, по мнению историка, была ситуация и в Украине. Процесс ее сепарации от России развивался параллельно с углублением революции в Великороссии, что, по мнению А. А. Зайцова, было обусловлено стремлением предотвратить распространение анархии на украинскую территорию. Этот процесс историк рассматривал на примере «универсалов»: первый провозглашал автономию Украины, второй «фиктивно» урегулировал взаимоотношения центра и «окраины», а третий, после «октябрьского переворота», объявил создание народной республики, сохраняя с Россией «федеративную связь». Дальнейший исторический выбор

[727] Зайцов А. А. 1918 год : Очерки по истории русской гражданской войны. Париж: [б. и.], 1934. С. 10.
[728] Там же. С. 32-35.
[729] Там же. С 43.

местных политиков, по мнению А. А. Зайцова, был обусловлен дихотомией: немцы или большевики. Выбор пал на немцев, как «меньшее зло», что привело к отделению Украины[730]. Таким образом, историк признавал, что украинская власть, представленная Центральной Радой, изначально не стремилась к сепарации от России, а скорее пыталась защитить свою территорию от разрастания «руины».

Общий вывод историка состоял в том, что «к середине 1918 года, от Украины через Дон и Кавказ до Оренбурга, окраины не признавали власти советского центра и более или менее успешно стремились организовать вооруженное сопротивление»[731]. Однако реальной проблемой окраин было фактическое отсутствие у них вооруженных сил, способных эффективно противостоять красногвардейским отрядам. Исключением были лишь относительно немногочисленные силы: Добровольческая армия, донские партизаны, отряд В. Л. Покровского на Кубани и казаки-ополченцы оренбургского атамана А. И. Дутова. Это противоречие в значительной степени предрешало дальнейшее развитие военно-политической ситуации, если бы не связь российских событий с «мировой войной».

А. А. Зайцов подробно описывал последствия прихода большевиков к власти и влияние этого события на ход Первой мировой войны. Ключевое значение в данном контексте имели переговоры о мире в Брест-Литовске между Центральными державами и Советской Россией. Историк согласился с выводом бывшего немецкого начальника штаба Главнокомандующего Восточным фронтом М. Гофмана, что «единственным шансом большевиков удержаться у власти является заключение мира»[732]. Однако, советская делегация затягивала переговоры, что привело к началу сепаратных переговоров украинской делегации и Центральных держав. В ответ на это советские части начали боевые действия против Украины, что ускорило переговоры между двумя сторонами и привело к заключению мира 9 февраля 1918 года, согласно которому немецко-австрийские войска начали операцию по вытеснению красных частей с территории УНР в обмен на расширенные поставки продовольственных и минеральных ресурсов. Этот исход кардинально изменил ситуацию во внутриполитических делах России: отделение Украины, Крыма, Финляндии и начало восстания на Дону против советской власти (вторая причина – национализация казачьих земель)[733].

Тем не менее, влияние мировой войны на «русскую гражданскую войну» не ограничилось этим и продолжало расти.

---

[730] Зайцов А. А. 1918 год : Очерки по истории русской гражданской войны. Париж : [б. и.], 1934. С. 26-30.
[731] Там же. С. 45.
[732] Там же. С. 45.
[733] Там же. С. 90-93.

На Украине, под немецким влиянием, в результате апрельского переворота к власти пришел гетман П. П. Скоропадский, чья задача заключалась в обеспечении стабильности государства и бесперебойных поставок зерна и ресурсов Центральным державам. А. А. Зайцов добавлял, что, по сути, в Украине к власти пришли гораздо более контрреволюционные силы, чем свергнутая Рада[734]. Такое развитие событий, с одной стороны, открывало новые возможности для антибольшевистского лагеря, но с другой, германская сторона была не заинтересована в субъектности новой власти, а потому сковывала любые попытки организации эффективных вооруженных сил и «свела почти до нуля ее контрреволюционные возможности»[735].

В связи с этим историк поднимал один из ключевых вопросов существования Белого движения – вопрос ориентации. Этот вопрос стал особенно актуальным с началом интервенции держав «Согласия», что привнесло новое влияние мировой войны на внутриполитическую ситуацию в России. А. А. Зайцов пытался ответить на данный вопрос с позиций практической пользы, которую могла принести та или иная сторона.

Для анализа данного вопроса историк исходил из ключевых целей двух противоборствующих сторон – Германии и Антанты. Так, Германия была заинтересована в ресурсах бывшей Российской империи для продолжения войны, однако для их эффективного использования требовалась стабильность на этой территории. Именно здесь, по мнению А. А. Зайцова, возникло противоречие между германской дипломатией, стремившейся к поддержанию отношений с Советской Россией, и военным командованием, осознававшим (особенно в лице М. Гофмана) необходимость свержения большевистского режима. Историк считал позицию генералитета более обоснованной, поскольку любой контакт с большевизмом мог привести к его распространению, что представляло угрозу в первую очередь для германских войск. Ссылаясь на М. Гофмана и Э. Людендорфа, Арсений Александрович отмечал, что немецкое командование рассматривало возможность военного удара по Москве и Петрограду. На это указывали такие косвенные признаки, как сосредоточение значительных сил к северу от Припятских болот, а также рассуждения военных деятелей о том, что свержение большевиков и создание дружественного Германии правительства в России соответствовало бы интересам Центральных держав[736]. Таким образом, А. А. Зайцов полагал, что хотя гипотетическая ориентация на Германию могла быть выгодна русской контрреволюции, даже ограниченное вмешательство немцев позволило оградить от большевистского влияния Украину, Дон и Закавказье, что объективно способствовало интересам антибольшевистских сил.

[734] Зайцов А. А. 1918 год : Очерки по истории русской гражданской войны. Париж : [б. и.], 1934. С. 97-98.
[735] Там же. С. 133.
[736] Там же. С. 108-112.

Вооруженное вмешательство держав Антанты в «русский вопрос» преследовало, как и в случае с Германией, исключительно собственные цели, тесно связанные с ведением Первой мировой войны. Во-первых, с точки зрения историка, интервенция была направлена на недопущение переброски германских дивизий на западный фронт, выдачи военнопленных Центральных держав, а также захвата военного имущества в портовых городах России[737]. Таким образом, державы «Согласия», по мнению А. А. Зайцова, в своем целеполагании мало чем отличались от немцев, поскольку их вмешательство также было детерминировано продолжающейся мировой войной. Более того, именно в действиях бывших российских союзников он усматривал ведение «двойной игры»: с одной стороны, они поддерживали Белое движение, а с другой, особенно в первой половине 1918 года, обещали помощь большевикам, лишь бы те продолжали сопротивляться Четверному союзу.

В связи с данными обстоятельствами, рассматривая деятельность двух центров силы мировой войны, исследователь приходил к выводу: «к лету 1918 года территория России, за исключением центра страны, в сущности представляла собой две зоны взаимно пересекающихся между собой интересов»[738]. В целом А. А. Зайцов суммировал, что обе ориентации русской контрреволюции имели свои ограничения просто в силу того, что не учитывали истинных интересов как Центральных держав, так и Антанты. За спором сторонников этих противоборствующих ориентаций была потеряна собственно «русская ориентация»[739]. Это утверждение А. А. Зайцова, близкое ранее высказанному П. Н. Врангелем[740], было основано на схожих формулировках двух авторов, а именно, на желании использовать в русских интересах противоречия между двумя блоками, что могло пойти на благо контрреволюции[741]. Однако, ретроспективно рассматривая общее влияние этих ориентаций с практической точки зрения, автор все же склонялся к выводу, что германская ориентация, особенно на начальном этапе борьбы, была более полезной, так как без нее не было бы самой борьбы, поскольку она способствовала образованию ряда изолированных от большевиков окраинных государств.

Примечательно, что, имплицитно, по логике нарратива А. А. Зайцова, истинно русскую ориентацию представлял атаман Всевеликого войска Донского П. Н. Краснов. Это подтверждается следующей сентенцией, высказанной в тексте: «Наконец, “ставка на немца” могла быть осмысленной до перелома военного счастья центральных держав в середине июля и совершенно потеряла его после этого»[742]. Эта позиция автора точно коррелировала с началом

[737] Зайцов А. А. 1918 год : Очерки по истории русской гражданской войны. Париж : [б. и.], 1934. С. 118.
[738] Там же. С. 129.
[739] Там же. С. 147.
[740] Врангель П. Н. Воспоминания: в 2 частях.1916-1920. М. : ЗАО Центрополиграф, 2006. С. 427.
[741] Там же. С. 148.
[742] Там же. С. 147.

постепенной перемены в политике Дона. Также стоит подытожить мысль историка о том, что вопрос ориентаций был одним из водоразделов, разделивших российскую контрреволюцию, что, в свою очередь, стало важным фактором влияния мировой войны на Гражданскую войну в России.

Далее необходимо рассмотреть вопрос взаимоотношений окраин и общероссийской контрреволюции в интерпретации А. А. Зайцова. Важно прежде всего зафиксировать исходную позицию исследователя, которая является префигуративной по своему смыслу, то есть определяющей внутреннее содержание его репрезентации: 1) революция породила процесс стихийной децентрализации России; 2) эта децентрализация оказалась полезной в контексте нарастающей анархии в центре – Великороссии, особенно после прихода к власти большевиков, так как позволила оградить окраины бывшей империи от большевизма; 3) по его мысли, русской контрреволюции следовало использовать открывшуюся децентрализацией возможность для того, чтобы на договорной основе сформировать единство всех окраинных контрреволюционных сил с целью свержения советской власти в Великороссии. Эти мысли стали каркасом структурного наполнения репрезентации А. А. Зайцова, определив набор фактов и соответствующих им выводов, подтверждавших три исходных префигуративных идеи.

Возникает вопрос: почему можно категорически утверждть ярковыраженную связь префигурации и содержательного наполнения репрезентации? Ответ кроется в композиционной структуре текста автора. Арсений Александрович склонен, прежде всего, излагать условные рамки своего исследования, то есть концепцию, что он делал на страницах 8–23. Уже после этого он переходил к конкретизации своей концепции. Таким образом, вместо классического построения научной работы, где сначала артикулируются вопросы к текстам источников, А. А. Зайцов пытался уместить материал источников в намеченную структуру, подбирая его под обозначенные им рамки своей авторской концепции. Этот способ организации репрезентации особенно ярко проявлялся при описании взаимоотношений окраин – Украины, казачьих областей и частично других регионов, включая сибирских областников, с общероссийской контрреволюцией, представленной Добровольческой армией, КОМУЧем и Директорией.

А. А. Зайцов, будучи сторонником Белого движения, радикализировал областнический аргумент, считая, что любой национализм, в том числе украинский, был полезен в контексте его антибольшевистской направленности. Он писал: «”Щирое” украинство, в гетманском его облике, с точки зрения вооруженной борьбы с большевизмом, было все-таки течением определенно противосоветским. С точки зрения интересов будущей России, украинизация Малороссии была,

конечно, несравненно менее опасной, чем советизация Великороссии»[743]. Однако подобные рассуждения сталкивались с рядом незатронутых, в силу предельного концептуализма автора, аспектов проблемы сепарации национальных окраин, которые, например, рассматривал А. И. Деникин.

Первый аспект касается выборки источников и внимания автора. А. А. Зайцов концентрировался, главным образом, на Украине, донском казачестве и сибирских областниках, не уделяя должного внимания другим окраинным образованиям. Второй аспект связан с практическим наполнением той помощи, которую окраины оказали общероссийскому Белому движению. Третий аспект касается вопроса о том, стремились ли локальные национальные образования использовать общероссийскую контрреволюцию в своих собственных интересах. Все эти вопросы остаются без ответа у автора, хотя они являются важнейшими для понимания взаимоотношений окраин и общероссийской контрреволюции.

Анализируя данные взаимоотношения, А. А. Зайцов выделял ряд ключевых субъектов Белого движения, в частности Добровольческую армию и КОМУЧ. Историк критически оценивал идеологическую платформу «непредрешенчества», принятую Добровольческой армией, которая, по его мнению, не предлагала четкой альтернативы первым декретам советской власти и в силу этого не могла привлечь на свою сторону крестьянство как ключевую социальную группу периода Гражданской войны. Более того, А. А. Зайцов ставил под сомнение трактовку тезиса о созыве Учредительного собрания, содержащегося в воззвании от 9 января 1918 года, полагая, что в тот момент еще не могло идти речи о новом собрании, поскольку прежнее к тому времени официально распущено не было[744]. Данный вывод исследователя представляется недостаточно обоснованным, поскольку он опирался лишь на один формальный хронологический аргумент.

Критике А. А. Зайцова подверглись и военно-стратегические решения командования Добровольческой армии, особенно после падения власти атамана А. М. Каледина. Перед армейским руководством стояли два возможных оперативных варианта: отход в степи с выжиданием развития ситуации (к этому варианту склонялся Л. Г. Корнилов) или поход на Кубань (за него выступал М. В. Алексеев). Был выбран второй вариант, который историк оценивал как менее удачный. По его мнению, причиной стали, с одной стороны, «импульсивное» желание М. В. Алексеева вырваться из красного окружения на простор, а с другой –

[743] Зайцов А. А. 1918 год : Очерки по истории русской гражданской войны. Париж : [б. и.], 1934. С. 132.
[744] Там же. С. 42.

представление, что даже в случае военного провала данное направление позволяло бы распустить армию в предгорьях Кавказа[745].

Однако в данных рассуждениях историк допускал методологическую ошибку, опираясь на оценку «после-знания»: «Будущее показало, что надежды походного Атамана донцов (П. Х. Попов) оказались много реальнее (то есть уход в степи-зимовники)»[746]. Подобный ретроспективный подход, основанный на знании исхода событий[747], противоречит принципам классического историзма, поскольку требует точного восстановления контекста и учета фактических данных, которыми располагали участники событий в момент принятия решений. В данном случае А. А. Зайцов пытался воспроизвести известные командованию предпосылки и детерминанты, однако сам признавал, что реальная обстановка в рассматриваемых районах была им в тот момент неизвестна, а выбор осуществлялся на основе оценки «вероятных последствий» – того, какое решение могло принести наибольшую потенциальную пользу[748].

С точки зрения А. А. Зайцова, конечным результатом похода на Кубань стала не только гибель Л. Г. Корнилова, но и тесная привязка общероссийской Добровольческой армии к кубанским областным интересам, что проявилось в решении А. И. Деникина инициировать Второй кубанский поход. В целом, оценивая «Ледяной поход», историк склонялся к выводу, что его последствия носили скорее отрицательный, чем положительный характер[749].

Данный эпизод значительно подробнее был освещен в зарубежной эмигрантской литературе его непосредственным участником А. С. Лукомским, который уделял особое внимание динамике принимавшихся решений. По его свидетельству, решение о движении на Кубань было принято Л. Г. Корниловым еще до встречи с походным атаманом (вероятно, под влиянием М. В. Алексеева). Однако именно под влиянием позиции походного атамана главнокомандующий Добровольческой армии согласился вновь обсудить данный стратегический вопрос. Как отмечал А. С. Лукомский, сам Л. Г. Корнилов, еще до выслушивания мнения П. Х. Попова, приводил в качестве основного довода в пользу похода на Кубань наличие там добровольческих формирований и возможность поднять на борьбу с большевиками местное казачество[750]. Полагаем, что именно данные мысли, высказанные ранее Михаилом Васильевичем Л. Г. Корнилову, оказали на него наибольшее воздействие.

---

[745] Зайцов А. А. 1918 год : Очерки по истории русской гражданской войны. Париж : [б. и.], 1934. С. 69-74.
[746] Там же. С. 73.
[747] Fischhoff B. «Hindsight ≠ foresight: The effect of outcome knowledge on judgment under uncertainty» // Quality & Safety in Health Care. 2003. №12. P. 304-312.
[748] Зайцов А. А. 1918 год : Очерки по истории русской гражданской войны. Париж : [б. и.], 1934. С. 72.
[749] Там же. С. 85-101.
[750] Лукомский А. С. Очерки из моей жизни. Воспоминания. М. : Айрис-пресс, 2012. С. 440.

В заседании приняли участие: Л. Г. Корнилов, М. В. Алексеев, П. Х. Попов, А. С. Лукомский, И. П. Романовский, С. Л. Марков, В. И. Сидорин и еще несколько строевых офицеров, приглашенных Корниловым. Примечательно, что в военном совете не участвовал А. И. Деникин, в тот момент болевший, а потому его влияние на ситуацию было исключено[751]. Свои позиции, согласно Александру Сергеевичу, изложили: генерал Алексеев (Кубань), он сам (остаться на Дону с походным атаманом), вновь Алексеев, генерал Романовский (занявший промежуточную позицию), генерал Корнилов. Итог обсуждений был тот же – идти на Кубань, но изменился операционный маршрут похода и было также принято решение (кулуарно) осуществить предварительные переговоры с кубанским правительством, что должен был сделать сам А. С. Лукомский, совместно с генералом С. А. Ронжиным[752].

Таким образом, данный военный совет оказал определенное влияние на последующие шаги армии, хотя, по сути, подтвердил неизменность ранее принятого Л. Г. Корниловым решения, скорректировав лишь его операционное воплощение.

При рассмотрении взаимоотношений командования Добровольческой армии и Всевеликого войска Донского после завершения Первого кубанского похода А. А. Зайцов продолжал критиковать действия первых. По его мнению, Добровольческая армия должна была заключить с окраинами «равноправные» договоры, опираясь на идею федерализма, выдвинутую революцией. Однако, как отмечал сам автор, «и та, и другая сторона, однако, на это шли неохотно»[753], признавая тем самым, что и окраинные националистические правительства по собственным причинам не стремились вступать в равноправные отношения с общероссийскими силами, предпочитая курс на политическую сепарацию от России.

Данные рассуждения носят основополагающий характер, однако ключевая критика автора сфокусирована на руководстве Добровольческой армии, прежде всего на А. И. Деникине. В своих дальнейших оценках исследователь открыто занимал сторону атамана П. Н. Краснова и М. В. Алексеева, чья политическая позиция, по его мнению, была ближе друг к другу, чем к взглядам Деникина[754]. Какова же была позиция А. И. Деникина? Она была сформулирована в Декларации Добровольческой армии от 6 мая 1918 года, суть которой заключалась в «идее непредрешенчества и волеизъявления народа»[755]. В то же время политические взгляды лидера казачества и бывшего главнокомандующего российской армией были названы автором мудрыми, так как они были значительно правее, тяготея к монархизму. Автор подытоживал: «Ярких

[751] Лукомский А. С. Очерки из моей жизни. Воспоминания. М. : Айрис-пресс, 2012. С. 440.
[752] Там же. С. 440-444.
[753] Зайцов А. А. 1918 год : Очерки по истории русской гражданской войны. [Б. м.] : [б. и.], 1934. С. 148.
[754] Там же. С. 163.
[755] Там же. С. 162-163.

политических лозунгов, могущих объединить все контрреволюционные силы (без чего победа была невозможна), Добровольческая Армия в 1918 г. не дала»[756]. Вина за это имплицитно возлагалась А. А. Зайцовым на А. И. Деникина, так как им отмечалось, что взгляды Антона Ивановича не соответствовали, в том числе, взглядам рядовых добровольцев.

Эта позиция очень важна, поскольку она демонстрировала истинную цель критики, которая будет развита позже Н. Н. Головиным, а именно – выявление ошибочности политического обоснования общероссийской контрреволюции. Отмечая монархизм устремлений как окраин, особенно Дона, так и большей части самого добровольчества, автор стремился продемонстрировать неэффективность либерально-демократической платформы А. И. Деникина, неспособной, по его мнению, объединить разнородные силы русской контрреволюции: «идея Национальной России заменяла и старую идею монархии и родившиеся в процессе революции автономно-федеративные устремления окраин»[757].

Однако эти чисто политические противоречия составляли лишь часть проблем, возникающих во взаимоотношениях контрреволюционных сил (Добровольческой армии и Дона). Помимо политических разногласий, автор также выделял такие важнейшие аспекты, как вопрос ориентаций, военное главенство и роль окраин в антибольшевистском движении. В этом споре историк вновь занимал сторону П. Н. Краснова, подчеркивая, что для него, в отличие от А. И. Деникина, «уния» была максимумом требований, в то время как для командующего Добровольческой армией она являлась лишь минимумом. В этой связи А. А. Зайцов игнорировал те данные, приведенные А. И. Деникиным со ссылками на источники, которые раскрывали нелицеприятные методы, с помощью которых атаман пытался дезорганизовать внутреннее устройство и организацию Добровольческой армии. Также не было упомянуто и желание атамана подчинить себе армию А. И. Деникина, что, однако, в большинстве своем не поддерживали даже рядовые участники армии. В современной историографии также сложилось мнение, что П. Н. Краснов стремился подчинить себе Добровольческую армию, что не согласуется с заявленным А. А. Зайцовым максимумом требований атамана[758].

Таким образом, можно сделать вывод о явном инструментализме критики А. И. Деникина и позиций Добровольческой армии со стороны А. А. Зайцова, критике, основанной скорее на политических детерминантах и глубоком концептуализме его исторических реконструкций.

Похожий (на «южнорусский») конфликт, по мнению историка, разгорелся и в Заволжье. Здесь КОМУЧ, названный А. А. Зайцовым «кучкой авантюристов», заявивший о своих

[756] Зайцов А. А. 1918 год : Очерки по истории русской гражданской войны. [Б. м.] : [б. и.], 1934. С. 164.
[757] Там же. С. 164.
[758] Цветков В. Ж. Белое дело в России: 1917—1919 гг. М. : Яуза-Каталог, 2019. С. 209.

общероссийских притязаниях, но опиравшийся на весьма ограниченные военные силы, боролся в политическом смысле с сибирским областничеством. При этом, с точки зрения автора, ключевую военную силу в этом регионе представляли подразделения чехословацкого корпуса, роль которых в свержении власти большевиков в регионе была решающей. Кроме того, отдельные офицерские части, придерживавшиеся более правых политических взглядов, также играли важную роль. В этом внутреннем противоборстве автор склонялся к выводу, что именно областнические силы нашли верный путь к объединению в регионе[759].

Однако, несмотря на все проблемы во взаимоотношениях различных антибольшевистских центров, у них все еще оставался путь к победе, и он заключался в соединении флангов южнорусской и волжско-сибирской контрреволюции. Ключевым пунктом в этом процессе становился Царицын. Не имеет смысла вновь углубляться в разбор этого военно-стратегического вопроса, поскольку ранее уже было указано, что в современной историографии признается политизированность роли Царицына. Сам город не предоставлял решающего преимущества какой-либо из сторон, поскольку для соединения двух центров потребовалось бы наступление вверх по Волге. Однако и оно оказалось бы бессмысленным для южнорусских сил, когда Народная армия отступила от Волги к Уралу.

Тем не менее, историк поднимал данный вопрос именно в контексте дальнейшей критики командования Добровольческой армии, которое, в отличие от Донской армии, операционно направилось на Кубань. А. А. Зайцов прямо утверждал, что эта операция была ошибочной, а точка зрения А. И. Деникина о том, что германские силы могли вмешаться, чтобы не дать Добровольческой армии объединиться с чешскими частями, была слабо аргументированной.

«Восточная контрреволюция» также не осознавала стратегической важности Царицына. Под влиянием чехословацкого военного командования, которое стремилось продвигаться к Вологде и Архангельску, основное операционное направление Народной армии КОМУЧа также склонялось в противоположную от Царицына сторону. Это наступление А. А. Зайцов называл «миражом», поскольку силы Антанты на севере России не имели возможности двигаться навстречу чехословацким частям. Примечательно, с точки зрения исследователя, что даже после объединения двух контрреволюционных восточных центров в Директорию, сибирские подразделения продолжали стремиться к наступлению в северо-западном направлении. Причину такой военной стратегии А. А. Зайцов усматривал в политическом контексте: «стратегия была принесена в жертву политическим симпатиям Болдырева и желанию Сибири иметь свое собственное операционное направление, независимое от Самары и Народной Армии»[760].

[759] Зайцов А. А. 1918 год : Очерки по истории русской гражданской войны. Париж : [б. и.], 1934. С. 168-175.
[760] Там же. С. 236.

Несколько иного, более комплексного мнения, придерживался А. П. Будберг, считавший, что выбор северного направления был детерминирован не только политическими симпатиями и «миражом» Антанты (хотя и отмечая второе), сколько географией – близостью Москвы, а также тем, что «по слухам» (в которые сам Алексей Павлович отказывался верить): «главным козырем северного направления была возможность избежать соединения с Деникиным, ибо младенцы, засевшие на всех верхах, очень боятся, что тогда они все полетят и будут заменены старыми опытными специалистами»[761].

Подытожим, что А. А. Зайцов не только констатировал ошибочность военной стратегии общероссийской контрреволюции (как на юге, так и на востоке), но и выявил их политическую ограниченность (в рамках своего репрезентации).

Заключительным элементом исследования Арсения Александровича стали его размышления о трех ключевых эпизодах: попытке объединения областнических сил на юге России, внутреннем противостоянии во Временном Всероссийском правительстве и окончании мировой войны.

Рассматривая данный аспект, историк указывал, что после полного освобождения Дона перед казачьим руководством возникли новые военно-политические задачи, поскольку большевики не намеревались прекращать вооруженное сопротивление. При этом, как неоднократно отмечалось и другими исследователями, перед П. Н. Красновым со всей остротой встала проблема нежелания казачества участвовать в боевых действиях за пределами своей территории. В качестве ответа на это атаман предпринял попытку создания регулярной «русской армии», призванной заменить казачьи ополчения. Однако, по оценке исследователя, сформированная таким образом Особая Южная армия отличалась слабой организацией и низкой боевой подготовкой. Более того, на подконтрольных территориях она стремилась восстановить дореволюционные порядки. Совокупность этих факторов привела к ее неготовности к масштабным операциям. Ключевой причиной этого, по мысли историка, стала «неприязнь Добровольческой армии к этим формированиям»[762]. Данный тезис находит свое объяснение у А. А. Зайцова в необходимости консолидации всех антибольшевистских сил, продиктованной логикой мировой войны, в частности – приближающимся поражением Германии.

Это обстоятельство оказало сильное давление на два ключевых областных антибольшевистских центра – Украину и Дон. Правители этих территорий начали осознавать необходимость объединения на основе договора, что в концептуальном аппарате историка означало федерацию. Примечательно, что в составе такой федерации, по мнению

[761] Будберг А. Я. Дневник белогвардейца: Воспоминания. Мемуары. Минск. : Харвест, М.: АСТ, 2001. С. 35-37.
[762] Зайцов А. А. 1918 год : Очерки по истории русской гражданской войны. Париж : [б. и.], 1934. С. 248-251.

П. П. Скоропадского, должны были быть Кубань, Крым, народы Кавказа и Грузия. А. А. Зайцов, анализируя данный проект, справедливо отмечал, что из всех предложенных субъектов только Дон имел реальные боевые силы, а Добровольческая армия вообще не была упомянута. Это, по мнению историка, свидетельствовало о том, что Добровольческая армия не считалась политическим объединением, а рассматривалась лишь как чисто военная сила. Таким образом, по логике автора, реально объединяться могли только два субъекта, которые уже имели сильные и зарекомендовавшие себя военные силы. Однако и они не смогли осуществить объединение из-за конфликта на уровне своих лидеров, где главным виновным, по мнению А. А. Зайцова, был А. И. Деникинн[763].

Вторым важным сюжетом конца 1918 года стала внутренняя политическая борьба в Директории. В этом противостоянии столкнулись две полярные силы: «Перебравшись в Омск, Директория постепенно поглощалась сибиряками <…> в лице „Всероссийского" Совета Министров. С другой стороны от времен Самары и Уфы в Поволжье остался и другой след в виде Уфимского Совета управляющих ведомствами (оставшийся в наследство от Комуча) и перебравшийся в Екатеринбург Съезд членов Учредительного Собрания во главе с небезызвестным крайним эсером Черновым. Это наследство Комуча продолжало давить на Директорию и особенно на ее членов – партийных эсеров. Борьба этих двух течений предрешала дальнейшую участь Директории»[764]. Итогом внутреннего противостояния стал переворот, фактически анти-эсеровский, 18 ноября 1918 года, который привел к утверждению А. В. Колчака в роли всероссийского диктатора.

Однако, по мнению А. А. Зайцова, данное событие меркло на фоне провальной военной стратегии восточного белого фронта, который не сумел воспользоваться крайне благоприятной военной ситуацией весной и летом 1918 года.

Заключительным эпизодом, кратко рассмотренным А. А. Зайцовым, было завершение Первой мировой войны и влияние этого события на «русский вопрос». 11 ноября стало днем окончания первого этапа борьбы русской контрреволюции, которая, как казалось, была близка к разгромному поражению большевиков, поскольку последние находились «в кольце» оппонентов. Однако для антибольшевистских сил оставалась серьезная проблема – отсутствие единства. Эти силы связывали свои надежды с союзниками, полагая, что после завершения мировой войны те смогут оказать решительную помощь в борьбе с большевизмом.

Историк отмечал, что государства Антанты рассматривали гражданскую войну в России лишь как часть мировой войны, и с окончанием последней для них исчезал серьезный стимул для

[763] Зайцов А. А. 1918 год : Очерки по истории русской гражданской войны. Париж : [б. и.], 1934. С. 253-254.
[764] Там же. С. 259.

оказания непосредственной военной помощи русским контрреволюционным силам, что в значительной степени предрешало их дальнейшую участь[765].

На основе анализа работы А. А. Зайцова о гражданской войне 1918 года, можно сделать несколько важных выводов о его историографическом подходе и его ограничениях.

Во-первых, ключевым элементом труда А. А. Зайцова является его концептуализм. Он активно использовал аналитическую модель, которая, с одной стороны, позволяла ему осмыслить и систематизировать процессы гражданской войны в России, а, с другой стороны, ограничивала его восприятие реальных исторических процессов. Его стремление продемонстрировать взаимосвязь политических и военных решений приводила к попытке формализовать процесс и сделать его понятным через концептуальные рамки. Однако этот подход страдал от ограничений, связанных с недостаточной гибкостью для учета всей сложности исторической ситуации.

Особенно ярко эта ограниченность проявлялась в критике позиций Добровольческой армии и А. И. Деникина. А. А. Зайцов в своих рассуждениях критически воспринимал политические установки А. И. Деникина, связав их с провалом попыток объединения антибольшевистских сил. Он утверждал, что Добровольческая армия, с ее политической платформой «непредрешения», не смогла организовать единый фронт против большевиков, что также связалось с внутренними противоречиями и разногласиями в руководстве армии. Этот инструментализованный подход к критике позиции А. И. Деникина был связан с политическими разногласиями и предпочтениями самого историка, что формировало однобокую картину происходивших событий.

Вторым важным аспектом является то, что А. А. Зайцов, хотя и пытался создать более объективную картину гражданской войны, в своих суждениях слишком опирался на «после-знание». Он часто делал выводы, исходя из того, что было известно позже, что является нарушением историзма – принципа, который требует оценки решений в контексте того времени, когда они были приняты.

Что касается национальной борьбы, исследователь, акцентируя внимание на борьбе окраин, часто упрощал сложные политические реалии, не учитывая, что многие из тех, кто стремился к независимости, не имели общих целей с общероссийской контрреволюцией. Он делал акцент на антибольшевистской направленности этих движений, но не раскрывал в должной мере, что на самом деле их цели были направлены на обретение суверенитета, а не на свержение советской власти. Это ограничение его историографической позиции также подтверждает, что его

[765] Зайцов А. А. 1918 год : Очерки по истории русской гражданской войны. Париж : [б. и.], 1934. С. 271-275.

репрезентация, несмотря на стремление к объективности, часто не учитывала ключевые политические нюансы.

Phaenomena bene fundata в работах А. А. Зайцова представлены двумя взаимосвязанными тезисами. Первый – установление им системной взаимосвязи между Первой мировой и Гражданской войнами, подхваченное позже Н. Н. Головиным. Второй, остававшийся на периферии внимания современников, – обоснование идеи структурного распада империи и выдвижение на авансцену окраинных национализмов, чья специфика не была осмыслена общероссийским Белым движением. Эта концептуальная двойственность позволяет рассматривать А. А. Зайцова как мыслителя, чьи построения содержали в себе зачатки исследовательского подхода, позднее развитого в рамках постколониальных исследований постимперских пространств[766].

В общем, подход А. А. Зайцова представляет собой интересное, но концептуально ограниченное историческое исследование, автор которого критически воспринимал политические и военные решения того времени, однако не всегда адекватно учитывал контекст событий, что сужает его анализ.

2.4. Социально-психологический подход Н. Н. Головина к осмыслению революции и Гражданской войны.

На страницах данного исследования мы уже разбирали историографические воззрения Н, Н. Головина относительно событий Первой мировой войны. Однако, научные интересы военного социолога распространялись за пределы данного конфликта. Актуальность исследования тематики Гражданской войны в России для ученого, по-видимому, была доказана в работе, предисловие к которой он написал. Речь идет о разобранном выше труде А. А. Зайцова, в котором его автору удалось успешно доказать связь мирового конфликта и Гражданской войны, как ключевого своеобразия последней.

В своей работе «Российская контрреволюция в 1917-1918 гг.», представленной в пяти частях, Н. Н. Головин, фактически, продолжал и углублял исследование Арсения Александровича, акцентируя свое внимание на задаче выяснения внутреннего устройства контрреволюционного движения в России, в обозначенных автором временных рамках[767].

При рассмотрении вопроса об аналитическом аппарате историка было отмечено его научное увлечение социологией, переносимой в военную плоскость. В данном сочинении он концептуально также придерживался данного метода, несколько усилив отдельные его элементы.

---

[766] См.: Санборн Дж. Великая война и деколонизация Российской империи/ Джошуа Санборн ; [пер. с англ. О. Поборцевой]. — СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2021. — 456 с.

[767] Головин Н. Н. Российская контр-революция в 1917-1918 г.г. Зарождение контр-революции и первая ее вспышка Ч. I, кн. 1. Париж. : Иллюстрированная Россия, 1937. С. 9.

В первую очередь речь идет о социальной психологии. В данном случае Н. Н. Головин был склонен раскрывать этот аналитический аспект через идею взаимодействия и взаимовлияния коллективной и индивидуальной психологии. Последняя играла скорее подчиненную первой роль, однако, в отдельных случаях историк рассматривал и обратное влияние. Во-вторых, сам революционный процесс он склонен представлять через призму диалектики, где углубление самого явления революции вызывало к жизни появление другого – контрреволюции. В этом смысле, концептуально, он рассматривал Гражданскую войну как диалектическое противоборство двух ее сторон. В-третьих, неизменным оставался общий позитивистский взгляд Н. Н. Головина на историю, как объективное явление, в котором взаимодействуют объективные внешние условия и субъективные, то есть личностные факторы[768].

Структурные особенности данного масштабного труда (пять частей в двенадцати книгах) представляют собой отдельную методологическую проблему. Н. Н. Головин применял комбинированный принцип структурирования: хронологическая канва сочетается с предметным делением материала. Историк последовательно рассматривал в хронологическом порядке отдельные проблемы (формирование русской контрреволюции, образование областных центров сопротивления, интервенция и др.), каждая из которых получала развитие в одной или нескольких книгах. Подобная организация материала осложняет его историографический анализ, поскольку последующие книги, возвращаясь к более ранним хронологическим этапам, развивали и дополняли сюжеты, затронутые в предыдущих. Для решения этой аналитической задачи целесообразно исследовать труд в нескольких взаимосвязанных проекциях: как изображение диалектического процесса перехода от революции к контрреволюции; анализ состава контрреволюционных сил и их внутренней динамики; исследование феномена большевизма; оценку влияния Мировой войны и интервенции. Этот многомерный подход дает возможность не ограничиваться пересказом, но системно выявить ключевые аспекты работы и проинтерпретировать позицию автора, раскрывающую природу российской контрреволюции и Гражданской войны.

Начнем анализ со специфики взаимоотношения революции и контрреволюции. Н. Н. Головин в своей работе пытался вскрыть логику взаимоотношения революции и контрреволюции (как широкого явления) – не как набора фактов, а как диалектическую модель развития событий. С его точки зрения революция всегда порождает контрреволюцию как закономерный ответ, и задача историка заключалась в том, чтобы проследить, при каких условиях ответ этот становился созидательным, деструктивным или реставрационным. Такой постановкой

[768] Головин Н. Н. Российская контр-революция в 1917-1918 г.г. Зарождение контр-революции и первая ее вспышка Ч. I, кн. 1. Париж. : Иллюстрированная Россия, 1937. С. 63.

вопроса исследователь ставил во главу угла не столько отдельные эпизоды, а типологию возможных исходов, что наделяет его репрезентацию рациональной (с позиций его времени) стройностью и, отчасти, предсказательной направленностью, что было в целом характерно для позитивистской научной мысли, склонной к идее генерализации, то есть формулированию законов, имевших прогностическую функцию.

Три сценария, которые автор выделял, образовывали понятную шкалу последствий революционного перелома. Первый сценарий – не остановленная контрреволюцией революция, приводящая, по Н. Н. Головину, к разрушению народного хозяйства и культуры – создавала худший из возможных исходов, где разрушительный импульс оказывался без сдерживающего начала. Второй сценарий – революция, разрушившая старый порядок, но при этом остановленная контрреволюцией, и в результате обеспечившая творческое развитие народного потенциала; она представляла для автора конструкцию, где контрреволюция служила бы катализатором обновления. Третий сценарий – ситуация, когда революция не успевает сломать старый порядок и контрреволюция реставрирует прежний режим; она трактовалась им как итог, близкий к консервации прежних структур и ценностей. В совокупности эти три варианта давали ему исследовательскую рамку, позволяющую соотнести политические события с их социально-культурными последствиями на примере русской революции[769].

Важнейшая теоретическая интенция Н. Н. Головина – акцент на «положительной идее» как условии продуктивности контрреволюции, позволившей бы ей остановить революцию и открывавшей путь к эволюции существовавших ранее социально-политических структур. Он прямо указывал, что контрреволюция без позитивной программы рисковала выродиться; и данная мысль является центральной во всей работе, поскольку российская контрреволюция в силу ряда причин, о которых рассуждал автор, не смогла дать такой программы. Подобный подход переводил проблему из плоскости изучения тактики и военной силы в плоскость рассмотрения ее идейной состоятельности: для автора политический успех контрреволюции определялся не только ресурсами, но и способностью предложить обществу позитивную перспективу, убедительный смысл[770].

Фактически историк задавался вопросом: «Почему русская контрреволюция не сформировала положительные идеи?», – и ответ он искал во взаимоотношениях коллективной и индивидуальной психологии, являвшихся своеобразным ключом к ответу. Этим маркируется переход от чисто институционального анализа, свойственного для Н. Н. Головина при анализе

[769] Головин Н. Н. Российская контр-революция в 1917-1918 г.г. Зарождение контр-революции и первая ее вспышка Ч. I, кн. 1. Париж. : Иллюстрированная Россия, 1937. С. 7-8.
[770] Головин Н. Н. Российская контр-революция в 1917-1918 г.г. Зарождение контр-революции и первая ее вспышка Ч. I, кн. 1. Париж. : Иллюстрированная Россия, 1937. С. 9.

событий Первой мировой войны, к психосоциальному прочтению исторического акта; у Н. Н. Головина контрреволюция не только организация, но и состояние массового сознания, эмоциональный климат, в котором рождались и погибали различные политические проекты.

С аналитической точки зрения такой синтез идейного и психологического факторов был сильным ходом: он позволял, при соблюдении автором нарративной логики, объяснять неочевидные феномены (например, почему силы, располагающие военной мощью, не смогли выдвинуть привлекательную политическую программу).

Наконец, обращение автора к типологии исходов революции демонстрирует и его научную амбицию – вывести обобщенную теорию, применимую к различным историческим контекстам. В этом он был последователен: сначала концепция (диалектика), затем проверка на историческом материале (варианты исходов и внимание к психологии). Такая методологическая последовательность делала его исследование ценным как теоретическое построение; но одновременно она влекла за собой риск «привязать» факты к уже заданной схеме, то есть порождала проблему узкого концептуализма, с которой столкнулся его предшественник и ученик – А. А. Зайцов.

В интерпретации Н. Н. Головина сущность русской революции и контрреволюции 1917 года раскрывается как сложный и динамичный, диалектический процесс, где решающую роль играли не только политические, но также психологические, социальные и культурные факторы. Согласно его анализу, революция стала в целом закономерным итогом глубокого кризиса монархии и несостоятельности «старого порядка», что привело к утрате доверия к власти со стороны народа и, в особенности, армии. Исследователь подчеркивал, что прежний уклад, основанный на вере в сакральность власти, рухнул в течение буквально восьми дней. Отречение Николая II осмысливалось им как акт окончательной утраты этой веры. В сущности, крушение старой власти, по его мнению, не было простым политическим переворотом, но являлось следствием фундаментального разрыва между государством и обществом[771].

Примечательно, но в интерпретации Н. Н. Головина Февральская революция предстает как явление, не выполнившее классической функции установления нового порядка. С социологической точки зрения, ее главным следствием стала деструкция старой государственно-политической системы при отсутствии консолидирующих механизмов управления, что открыло период анархии. Социолог определял события февраля как «солдатский мятеж», подчеркивая его природу спорадического социального протеста, а не реализации осмысленной политической программы. Эта характеристика подтверждалась им, в частности, пассивностью крестьянства,

[771] Головин Н. Н. Российская контр-революция в 1917-1918 г.г. Зарождение контр-революции и первая ее вспышка Ч. I, кн. 1. Париж. : Иллюстрированная Россия, 1937. С. 14-16.

составлявшего демографическое большинство. Его интересы лежали прежде всего в плоскости социальных и аграрных требований, а не в сфере абстрактных политических проектов, что и обусловило неучастие в революции как сознательном политическом акте[772].

Историк также писал, что Временное правительство оказалось в плену Петроградского гарнизона, который ориентировался на Петросовет, революционная демократия которого приняла решение об углублении революции (эта позиция – интерпретация), и не смогло наладить эффективное управление страной. В этих обстоятельствах его решение продолжать войну, а также неспособность удовлетворить основные чаяния крестьянства и рабочих, привели к утрате им авторитета и последующему низложению. Таким образом выходило, что власть Временного правительства, волею событий оказавшегося в результате мятежа на политическом небосклоне, оказалась слабой, что обусловило дальнейший рост анархии и хаоса, где массы стали действовать сами, стремясь к простым, то есть понятным для них, формам народовластия – Советам[773].

Ключевым моментом для Н. Н. Головина являлось понимание того, что революция привела не к победе, а к разрушению политической и социальной структуры. В то время как власть Временного правительства не смогла возглавить страну, контрреволюция, в лице офицерства и части интеллигенции, пыталась восстановить порядок, необходимый для продолжения боевых действий (т.е. тут наличествовала очень узкая мотивация), но при этом, не имея ясной политической программы, что также оказалось неприемлемым для широких масс. Здесь автор поднимал вопрос об отсутствии у контрреволюции «положительной идеи», без которой контрреволюция не могла предложить обществу альтернативы революции.

Особое внимание социолог уделял анализу роли армии и офицерства в революционных событиях. Армия, как он подчеркивал, не поддержала Николая II и монархию, так как она уже участвовала в революции, и не была готова защищать старый порядок[774]. Этот процесс разложения армии стал важным фактором, предрешившим судьбу старой власти и ускорившим переход к новым политическим силам.

Рассматривая роль личностей в контексте контрреволюционного движения, Н. Н. Головин выделял как фигуры, способствовавшие возникновению контрреволюции, так и тех, кто своими действиями либо ослаблял, либо ускорял ее победу. Он анализировал как действия А. И. Деникина, так и роль Л. Г. Корнилова, подчеркивая, что их участие в контрреволюции не

[772] Головин Н. Н. Российская контр-революция в 1917-1918 г.г. Зарождение контр-революции и первая ее вспышка Ч. I, кн. 1. Париж. : Иллюстрированная Россия, 1937. С. 44.
[773] Там же. С. 59-65.
[774] Там же. С. 36.

всегда было результатом четкой политической воли, а скорее являлись действиями в условиях общей политической неопределенности и недостатка единой идеи[775].

С этой точки зрения Н. Н. Головин предлагал примечательную репрезентацию Корниловского выступления. В своих рассуждениях о Л. Г. Корнилове он тщательно исследовал как личные качества военного лидера (субъективный фактор исторического процесса, по Н. Н. Головину), так и объективные условия, в которых он действовал, делая акцент на взаимодействии между социальными, политическими и военными факторами.

Ключевой аспект, который выделял Головин, заключается в противоречивости личности Л. Г. Корнилова, его стремлении к диктатуре, но не для реставрации старого порядка. В данном случае Головин акцентировал внимание на том, что главнокомандующий, несмотря на свои амбиции, не рассматривал монархию как основу своего предполагавшегося выступления. Вместо этого он хотел организовать сильную власть, способную вывести страну из кризиса и довести войну до победного конца. Это указывало на попытку построить альтернативное государственное устройство, но с оглядкой на социальные реалии того времени. В целом Н. Н. Головин считал, что Л. Г. Корнилов оказался в плену своей индивидуальной психологии, будучи патриотом, который не осознавал всей сложности социальной жизни и в какой-то момент был легко подвержен влиянию своего окружения[776].

Более того, по мнению социолога, Л. Г. Корнилов и А. Ф. Керенский были схожи в том, что оба пытались взять на себя роль спасителей Отечества, но с различными политическими подходами и пониманием сложившейся ситуации. Н. Н. Головин считал, что А. Ф. Керенский был более ориентирован на поддержку революционной демократии, хотя и стремился удерживать власть при помощи тонкого политического баланса между разными политическими группами, в то время как Л. Г. Корнилов ориентировался на поддержку (преувеличенную им самим) либеральной интеллигенции и офицерства, но, в репрезентации историка, готового к компромиссам. Однако, по словам исследователя, ни тот, ни другой не были подходящими лицами для того, чтобы преодолеть кризис и справиться с вызовами революции[777].

Результатом провокации А. Ф. Керенского в отношении прямолинейного Л. Г. Корнилова (именно так интерпретировал историк «Корниловское выступление») Н. Н. Головин считал не только политические последствия для контрреволюции, но и влияние на внутреннюю динамику поведения офицерства и солдатских масс. Так, первые окончательное перешли в лагерь контрреволюции, а вторые закрепились в лагере революционном. Однако именно результаты

[775] Головин Н. Н. Российская контр-революция в 1917-1918 г.г. Зарождение контр-революции и первая ее вспышка Ч. I, кн. 1. Париж. : Иллюстрированная Россия, 1937. С. 133-139.
[776] Там же. Ч. I, кн. 2. Париж. : Иллюстрированная Россия, 1937. С. 10-11
[777] Там же. С. 8.

Корниловского выступления, его поражение, имело последствием крах военной дисциплины, что привело к углублению раскола и росту анархии среди солдат[778].

Особое внимание Н. Н. Головин уделял реакции офицерства на выступление Корнилова, подчеркивая, что оно стало поворотным моментом, который привел к окончательному разрыву между офицерами и революционной демократией[779]. Эта ситуация, по мнению социолога, предопределила дальнейшее развитие событий, ведя к усилению позиций большевиков, которые воспользовавшись ошибками как Л. Г. Корнилова, так и его противников, укрепили свое положение и подобрали в октябре бесхозную власть[780].

Наконец, Н. Н. Головин, анализируя действия Л. Г. Корнилова, наглядно демонстрировал использование своего аналитического аппарата для выявления взаимодействий коллективной и индивидуальной психологии. Автор концентрировал внимание на том, как личные качества исторических деятелей, Л. Г. Корнилова и А. Ф. Керенского, были не только определяющими для их политических решений, но и тесно переплетались с более широкими социальными и политическими процессами. Социолог видел в их действиях не столько конфликт между двумя фигурами, сколько более сложное взаимодействие между их личными мотивами, общественным настроем и коллективной психикой общества, находящегося в состоянии революционного кризиса. Благодаря этому анализу автору удалось подчеркнуть, как личная психология лидеров оказывала влияние на их действия, но при этом их решения не могли не зависеть от коллективных настроений и ожиданий общества.

Далее поговорим о феномене большевизма в репрезентации социолога. К последнему он подходил, вновь основываясь на методологии, учитывавшей взаимосвязь индивидуальной и коллективной психологии. Исследователь рассматривал данный феномен, как не только политическое движение, но и как явление, коренящееся в коллективной психологии масс и характере их восприятия власти.

Он отмечал, что в условиях внутренней слабости и политической нестабильности, значительные массы населения, в особенности рабочие и крестьяне, легко пошли за радикальными идеями большевиков. Эти массы, согласно Н. Н. Головину, были в значительной степени детерминированы в своем восприятии и поведении действующими социальными и

[778] Там же. С. 63. Следует отметить, что данная оценка последствий августовских событий 1917 г. является общепризнанной в современной исторической науке. Как показал в своем исследовании историк А. Уайлдман, противостояние между «корниловской» и «комитетской» моделями управления армией было решено именно в этот момент («выступление»), что сделало последующую большевизацию (стихийную, но ограниченную) и разложение вооруженных сил неизбежными. См.: Wildman A. K. The End of the Russian Imperial Army: The Road to Soviet Power and Peace. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1987. P. 202-210.
[779] Там же. Ч. I, кн. 2. Париж. : Иллюстрированная Россия, 1937. С. 41.
[780] Там же. С. 116.

психологическими процессами, такими как малая образованность – «темнота» и «обскурантизм», что, по сути, способствовало победе большевиков[781].

Сам большевизм, с точки зрения Н. Н. Головина, являл собой послевоенное социальное заболевание, которое поражало воюющие, и, особенно, проигравшие нации, в основе своей идеологии опираясь на примитивные и бандитские методы (в этом отношении его восприятие было идентично деникинскому или красновскому). Он связывал рост большевизма с психически-патологическими процессами в российском обществе, в которых нашли выражение не только индивидуальные психологические состояния таких лидеров, как В. И. Ленин, но и массовые, коллективные настроения: «Подорванный, благодаря поражению, авторитет правительства не может уже сдерживать склонности к насилию, к разрушению и к жестокости, которые просыпаются в людских массах под влиянием войны. Именно эти паталогические условия и являются той благоприятной средой, в которой легко прививаются и размножаются микробы большевизма»[782].

С точки зрения историка, большевизм не был связан только с борьбой за классовую власть, это был более широкий социальный процесс, в котором важную роль играли не столько политические, сколько культурные и моральные аспекты. Более того, революция в России, по его мнению, не имела явного классового характера, а была скорее борьбой обскурантизма (т.е. тех самых психологических детерминант масс) с просвещением. Большевики же использовали народную слабость и разобщенность, чтобы достичь своей цели[783].

Кроме того, военный социолог не только анализировал социальную и идеологическую платформу, но и акцентировал внимание на связи большевизма с международной политикой, в частности, на поддержке со стороны Германии, что подтверждалось его утверждениями о тесной связи В. И. Ленина с немецким правительством и военным командованием: «до выхода России из рядов сражающихся против Германии, немцы и большевики были попутчиками, оказывающими друг другу услуги»[784].

Таким образом, в труде Н. Н. Головина большевизм репрезентировался не как политико-идеологическое движение, а скорее как социальная болезнь, захватившая российское общество в условиях кризиса. Автор сознательно использовал при его описании метафору болезни, чтобы подчеркнуть разрушительный и деструктивный характер большевизма, который, по его мнению, был результатом внутренних заболеваний общества. Эти процессы проявлялись главным образом

[781] Головин Н. Н. Российская контр-революция в 1917-1918 г.г. Большевистский переворот превращает контрреволюцию в противобольшевистское движение Ч. II, кн. 3. Париж. : Иллюстрированная Россия, 1937. С. 10.
[782] Там же. С. 11.
[783] Там же. С. 10.
[784] Головин Н. Н. Российская контр-революция в 1917-1918 г.г. Интервенция врагов и союзников. Ч. III, кн. 6. Париж. : Иллюстрированная Россия, 1937. С. 10.

в коллективной психологии масс, готовых поддержать радикальные идеи, что стало возможным в силу незавершенности модернизационных процессов в России и военных неудач.

Сконцентрируемся на вопросе репрезентации российской контрреволюции в работе Н. Н. Головина. Отметим, что процесс образования контрреволюции являлся в перспективе автора одним из ключевых элементов повествования. Она, по его мнению, являлась не просто политическим движением, а феноменом, сформированным под воздействием как объективных обстоятельств, так и индивидуальных черт участников. Историк трактовал российскую контрреволюцию не просто как антибольшевистское движение, таковым она стала скорее позже, но как стихийно возникшую реакцию на процесс углубления революции после «солдатского мятежа»[785].

С точки зрения исследователя, в ответ на «мятеж» в Петрограде российское общество в целом не стремилось защищать самодержавие, что стало важным фактором, определившим ход дальнейших событий[786]. Контрреволюция, по Н. Н. Головину, формировалась в ответ на события, но с самого начала она не могла оперировать идеей восстановления старых порядков (тем самым был невозможен один из исходов революции). Процесс вовлечения сил в контрреволюционный лагерь был при этом постепенным. Сначала он затронул офицерство, которое, несмотря на свою приверженность к отходу от политики, испытывало разочарование в том, что революция затронула армию и привела к разрушению дисциплины. Офицеры, как социальная группа, чувствовали себя изгнанными, а их традиционная роль оказалась под угрозой, что особенно четко сквозило в одной из весенних публичных речей будущего лидера Добровольческой армии А. И. Деникина: «Берегите офицера! Ибо от века и доныне он стоит верно и бессменно на страже русской государственности. Сменить его может только смерть»[787].

Таким образом, офицерство стало первым элементом русской контрреволюции, к которому впоследствии примкнули более широкие слои интеллигенции, желавшей продолжать вооруженную борьбу с Германией[788]. При этом ключевым моментом, подорвавшим, с точки зрения историка, возможность создания единого контрреволюционного лагеря, стал разрыв между офицерством и социалистами. Важным событием в этом отношении, по мнению Н. Н. Головина, было уже упомянутое выше «выступление» Л. Г. Корнилова. Вследствие этого

[785] Головин Н. Н. Российская контр-революция в 1917-1918 г.г. Зарождение контр-революции и первая ее вспышка Ч. I, кн. 1. Париж. : Иллюстрированная Россия, 1937. С. 133.
[786] Там же. С. 44.
[787] Деникин А. И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917. Минск : Харвест, 2002. С. 319.
[788] Головин Н. Н. Российская контр-революция в 1917-1918 г.г. Зарождение контр-революции и первая ее вспышка Ч. I, кн. 1. Париж. : Иллюстрированная Россия, 1937. С. 137.

офицеры начали воспринимать социалистов как предателей, что подрывало возможность создания единого антибольшевистского фронта[789].

Говоря об идеологии контрреволюции, по Н. Н. Головину, последняя была основана на военном патриотизме, который являлся следствием психологии Мировой войны: «Сделавшийся душою Белого движения патриотизм имел специфический отпечаток “психологии войны”. Если можно так выразиться, это “военный патриотизм” с геройством и самопожертвованием, доведенными до наибольшей высоты на одном полюсе, и верою в решающее значение “силы” – на другом. Этим предрешалась главенствующая роль в контрреволюционном движении офицерства. Настроения последнего начнут играть доминирующую роль в среде патриотически настроенной интеллигенции. Заметим, что до «выступления» имело место обратное: «патриотически настроенная интеллигенция определяла поведение офицерства»[790]. Этот психологический настрой, описанный автором, и обусловленный военной атмосферой, привел к тому, что контрреволюция не смогла в дальнейшем сформулировать позитивную цель, предполагавшую идею нового социально-политического порядка. Вместо этого она оставалась движением исключительно против большевиков и за продолжение участия в войне, без четкого понимания, как должна быть организована новая политическая реальность[791]. В конечном итоге, с точки зрения Н. Н. Головина, контрреволюция оказалась раздробленной, а ее силы не смогли объединиться вокруг единой положительной идеи.

Поговорим далее о феномене Белого движения в работе Н. Н. Головина. Последний представлялся в «Российской контрреволюции» как процесс (а «движение» это и есть процесс), не ограничивавшийся простым противостоянием большевикам. Оно возникло в ходе широкой реакции именно военных кругов на углубление революции и последующую большевистскую власть. Важным моментом в анализе Н. Н. Головина являлось то, что Белое движение не являлось единым и централизованным, и его развитие происходило в условиях серьезной внутренней разобщенности. Центральным элементом движения автор признавал Добровольческую армию.

Эта армия, что примечательно, сравнивалась историком с «конем», на котором не каждый мог ездить, поскольку она требовала особого отношения и подхода, который был не всегда возможен для всех ее руководителей (проблема несоответствия психологий). Таким образом, автор вновь демонстрировал работу своего теоретико-методологического аппарата: армия обладала коллективной психологией, которая влияла на ее вождей, но и вожди, имевшие свою

[789] Головин Н. Н. Российская контр-революция в 1917-1918 г.г. Зарождение контр-революции и первая ее вспышка Ч. I, кн. 2. Париж. : Иллюстрированная Россия, 1937. С. 41.
[790] Там же. С. 131.
[791] Там же. Ч. IV, кн. 8. Париж. : Иллюстрированная Россия, 1937. С. 8.

индивидуальную психологию, могли влиять на офицерские массы, если последние признавали лидера[792].

В отличие от более широких социальных групп, таких как крестьянство или рабочие, офицеры занимались исключительно военными вопросами и были глубоко патриотичны, что отличало их, к примеру, от того же крестьянства, которое знало только «инстинктивный патриотизм», который был «сырым»[793]. Это обособление офицеров и широких кругов интеллигенции от народных масс на почве патриотизма (сознательный у первых, инстинктивный у вторых) создало проблемы для Белого движения, которое со временем столкнулось с кризисом единства. Однако, основной проблемой было отсутствие уже упомянутой «положительной» политической платформы, поскольку среди лидеров движения существовали разногласия по поводу целей и методов борьбы.

В динамике дальнейшего развития Белого движения Н. Н. Головин описывал изменения общественно-политической платформы, которая, по его мнению, менялась в зависимости от стадии войны. Начальный этап, связанный с быховским проектом (Л. Г. Корнилова и А. И. Деникина), выдвигал идею не только противостояния большевикам, но и создания мощной и эффективной армии, а также борьбы с Центральными державами в единстве с союзниками. Этот проект, по мнению исследователя, был тесно связан с «военным патриотизмом», который, однако, ставил войну до победного конца на первое место, так как его приверженцы считали, что именно она сможет объединить народ[794]. Со своей стороны отметим, что данная программа не могла быть пролонгированной, так как могла ограничиваться лишь периодом «Великой войны», окончание которой должно было привести к ее изменению.

Н. Н. Головин акцентировал внимание и на другом проекте – программе, выдвинутой генералом М. В. Алексеевым, которая, с его точки зрения, значительно более конструктивно подходила к вопросам создания эффективной армии, управления страной и, что самое важное для социолога, взаимодействия с областными силами. Он писал: «Так же, как и генерал Каледин, генерал Алексеев думает, что спасение России должно быть начато с оздоровления ее Юго-Востока»[795]. Заметим, что схожей позиции придерживается и современная историография, в частности, В. Ж. Цветков, отмечающий: «В тактические планы генерала Алексеева входило становление именно Юго-Восточного центра»[796]. Однако, несмотря на детализированные

[792] Головин Н. Н. Российская контр-революция в 1917-1918 г.г. Освобождение Сибири и образование «Белого» военного фронта Гражданской войны Ч. IV, кн. 8. Париж. : Иллюстрированная Россия, 1937. С. 43.
[793] Там же. Ч. I, кн. 2. Париж. : Иллюстрированная Россия, 1937. С. 81.
[794] Там же. С. 135-136.
[795] Головин Н. Н. Российская контр-революция в 1917-1918 г.г. Развитие общероссийского противобольшевистского движения Ч. II, кн. 5. Париж. : Иллюстрированная Россия, 1937. С. 16-17.
[796] Цветков В. Ж. Белое дело в России: 1917—1919 гг. М. : Яуза-Каталог, 2019. С. 165.

положения, эта программа, констатировал Н. Н. Головин, так и не смогла стать основой для единой Белой контрреволюции, поскольку не была поддержана значительной частью политических и военных деятелей. Критически важной в данном случае, с точки зрения автора, была социально-психологическая позиция рядового офицерства, которое желало «дерзания» и было не готово тратить время на организацию и поддержку местного антибольшевистского движения[797].

Важно при этом отметить, что в личной переписке между генералами М. В. Алексеевым и А. И. Деникиным, первый очень резко отзывался о любых попытках возвысить областной дискурс над общероссийским. Так, комментируя возможность объединения Дона и Кубани, он писал: «Автономность – болезнь времени и здесь разрушит благие намерения»[798]. В данном случае речь шла не о частных и отвлеченных рассуждениях М. В. Алексеева, а о четкой линии интерпретации перспектив Юго-Восточного союза, который, по его мнению, носил прогерманский характер[799]. Судя по всему, несмотря на желание вести антибольшевистскую борьбу с юга страны, генерал скептически смотрел на саму перспективу политического обособления этого региона от общероссийских сил.

Общую же перспективу взаимодействия Союза с большевистской Россией М. В. Алексеев описывал А. И. Деникину как ориентацию на достижение мира, что фактически означало отказ от продолжения вооруженной борьбы[800]. Данные сведения, даже если и не раскрывают полностью степень скепсиса М. В. Алексеева по отношению к областническим идеям, однозначно свидетельствуют о его критической оценке конкретного проекта П. Н. Краснова. В этом контексте интерпретация Н. Н. Головина, реконструировавшего взгляды генерала, представляется излишне упрощенной, что, вероятно, объясняется отсутствием доступа к части источников (в частности, к личной переписке М. В. Алексеева), хотя некоторые письма, опубликованные в «Белом архиве», были ему доступны[801]. Подытоживая, следует обратить внимание на показательную оценку М. В. Алексеевым инструкции, переданной П. Н. Красновым А. В. Черячукину, представлявшему интересы Всевеликого Войска Донского перед германскими властями: генерал считал ее фактом измены Родине со стороны донского атамана[802].

---

[797] Головин Н. Н. Российская контр-революция в 1917-1918 г.г. Развитие общероссийского противобольшевистского движения Ч. II, кн. 5. Париж. : Иллюстрированная Россия, 1937. С. 44.
[798] ГА РФ Ф. 446. Оп. №2. Д. 1. Л. 50.
[799] ГА РФ Ф. 446. Оп. №2. Д. 1. Л. 41.
[800] ГА РФ Ф. 446. Оп. №2. Д. 1. Л. 44.
[801] Белый архив : сборники материалов по истории и литературе войны, революции, большевизма, белого движения и т. п. Т.1. Париж : [б. и.], 1926. С. 136-158.
[802] ГА РФ Ф. 446. Оп. №2. Д. 1. Л. 41.

Таким образом, внутри Белого движения, согласно Н. Н. Головину, сосуществовали две стратегические концепции: военно-патриотическая программа Корнилова-Деникина, направленная на продолжение общеевропейской войны, и регионоцентричный проект М. В. Алексеева, ориентированный на построение новой государственности с Юго-Востока. Однако интерпретация Н. Н. Головиным взглядов М. В. Алексеева как последовательно областнических является упрощением, не учитывающим критическую позицию генерала по отношению к сепаратизму, что подтверждается его частной перепиской.

В дальнейшем, с приходом А. И. Деникина на пост главнокомандующего Добровольческой армией, политическая платформа Белого движения, по оценке Н. Н. Головина, эволюционировала вправо. Ключевую роль в этом сыграла доктрина «непредрешенчества», восходящая к Л. Г. Корнилову, которая предполагала отказ от заранее заданных решений по аграрному и государственному вопросам, откладывая их окончательное рассмотрение до будущего Учредительного собрания. Эта же программа, как отмечал он, предусматривала установление военной диктатуры как временной формы власти до момента созыва этого представительного органа[803].

Проблема, однако, заключалась в том, что А. И. Деникин, сменив генерала Л. Г. Корнилова, начал менять данную платформу. Он, несмотря на все ту же военно-патриотическую программу, также столкнулся с проблемой отсутствия единой политической идеологии в противобольшевистском лагере, что в итоге привело к его уклонению от принятия конкретных решений, в том числе и корниловской версии «непредрешенчества»[804]. Н. Н. Головин считал, что этот неопределенный курс, как корниловский, но еще в большей степени деникинский, только усугубил проблемы Белого движения, делая невозможным создание прочного антибольшевистского фронта, поскольку он игнорировал чаяния крестьянства, пролетариата и областных сил[805].

В конечном счете, именно отсутствие ясной и четкой политической программы стало одной из причин, по которой Белое движение, в воззрениях Н. Н. Головина, не смогло эффективно объединить все контрреволюционные силы России, а его прогрессивные элементы не смогли наладить связь с широкими народными массами (т.е., с точки зрения Н. Н. Головина, не произошло самого формулирования «положительной» программы Белого движения).

Остановимся подробнее на вопросе влияния А. И. Деникина на Добровольческую армию в репрезентации Н. Н. Головина. В замысле историка влияние Антона Ивановича на

[803] Головин Н. Н. Российская контр-революция в 1917-1918 г.г. Развитие общероссийского противобольшевистского движения Ч. II, кн. 5. Париж. : Иллюстрированная Россия, 1937. С. 68-69.
[804] Там же. С. 98-99.
[805] Там же. С. 70-72.

политическую платформу армии разворачивалось как смена акцентов внутри одной и той же «военно-патриотической» матрицы, заданной Быховской программой 1917 г.: первоначальное корниловское непредрешенчество, подчиненное логике продолжения войны, сменялось затем деникинским уклонением от конкретной политики при сохраняющейся негативной цели свержения большевиков[806]. Для Н. Н. Головина именно на этапе руководства А. И. Деникина эта последняя линия приобрела наибольшую политическую неопределенность: в первых обращениях главнокомандующего он видит туманность формулировок, отсутствие «положительной идеи» и отход не только от предрешения (что делал и Л. Г. Корнилов), но и от самой процедуры (возможного) предрешения – Учредительного собрания, отчего «белое движение вообще не имело программы» в строгом смысле слова. Такая оценка у него соотносилась с тезисом о «поправении» Добровольческой армии на южном антибольшевистском фронте по сравнению с более «левым» тоном белой Сибири[807]. В сумме это превращало, по логике автора, деникинскую платформу в совокупность отрицаний, а именно: антибольшевизм, «единая и неделимая» Россия, продолжение войны, восстановление дисциплины, а также отсутствие ясного механизма легитимации будущего строя и решения крестьянского вопроса. Тем самым, по логике социолога, индивидуальная сдержанность А. И. Деникина совпала с коллективной установкой офицерства на отказ от политичности во имя войны и идеей порядка, и эта конвергенция увела движение от союзов с иными антибольшевистскими силами и массами[808].

Однако, как представляется, критика Н. Н. Головиным А. И. Деникина имеет ряд серьезных проблем. В данном случае Н. Н. Головин неоднократно игнорировал корпус открытых источников и собственные ранние наблюдения: например, он писал, будто А. И. Деникин «привлек из гражданских деятелей в свое окружение исключительно представителей правой или сильно поправевшей части русской общественности» и был не ограничен во власти[809], хотя состав Особого Совещания в значительной части состоял из либералов из Национального Центра, о чем он сам писал ранее[810]; сам начальник штаба И. П. Романовский был либералом, а современная историография вообще видит там доминирование умеренных[811], – следовательно, вывод о «узковоенной» и «правой» диктатуре выглядел инструменталистской натяжкой.

[806] Головин Н. Н. Российская контр-революция в 1917-1918 г.г. Освобождение Сибири и образование «Белого» военного фронта Гражданской войны Ч. IV, кн. 9. Париж. : Иллюстрированная Россия, 1937. С. 93.
[807] Там же. С. 93.
[808] Там же. Ч. V, кн. 12. Париж. : Иллюстрированная Россия, 1937. С. 79.
[809] Там же. Ч. V, кн. 11. Париж. : Иллюстрированная Россия, 1937. С. 102.
[810] Головин Н. Н. Российская контр-революция в 1917-1918 г.г. Интервенция врагов и Союзников Ч. III, кн. 6. Париж. : Иллюстрированная Россия, 1937. С. 62.
[811] Цветков В. Ж. Белое дело в России: 1917—1919 гг. М. : Яуза-Каталог, 2019. С. 184-185.

Интересно в связи с данными рассуждениями привести позицию монархиста, председателя Особого совещания, А. С. Лукомского, отмечавшего, что любые попытки обвинить А. И. Деникина в недемократизме ошибочны, поскольку в своем политическом видении он шел даже дальше основателей армии (Л. Г. Корнилова и М. В. Алексеева), считая, что народ должен не просто создать новую государственность, но и сам выбрать пути ее образования. Это очень примечательная интерпретация, которая, как представляется, являлась наиболее верной в плане оценок политических детерминант генерала А. И. Деникина. Любые лозунги в тех условиях, согласно А. С. Лукомскому, являлись бы попыткой привнесения и утверждения идей узкой партийности, которую, как мы убедились в первом параграфе, главнокомандующий отвергал[812].

Аналогичным образом, Н. Н. Головин был склонен преуменьшать роль М. В. Алексеева в легитимации перехода верховного командования к А. И. Деникину после гибели Л. Г. Корнилова. И это несмотря на собственное признание о более конструктивных отношениях между М. В. Алексеевым и А. И. Деникиным[813]. В итоге «поправение» армии у историка превращалось скорее в концептуальную фигуру, а не в строго доказанный на основании источников сдвиг, что указывает, скорее, на инструменталистский выбор свидетельств и тенденциозность опоры на полемические мемуары политических конкурентов А. И. Деникина, в частности П. Н. Краснова и П. Н. Врангеля с игнорированием позиции первого. Иначе говоря, часть сурового вердикта Н. Н. Головина проистекала не столько из документального материала, сколько из его общей схемы: если белые проиграли, то их программа была либо недостаточно «положительной», на что он намекал в первой книге, либо «слишком правой», – и из этой посылки он обратно реконструировал мотивы вождя и платформу армии.

Убедительность этого построения Н. Н. Головин вновь старался подкрепить методологией соотношения индивидуальной и коллективной психологии. Он последовательно выводил поведение лидера из «эффекта среды»: так, офицерский корпус, бывший ядром Добровольческой армии, с его позиций, это не сословие, а особая социально-психологическая группа, выработавшая собственный код: самопожертвование, культ решающей силы, сверхоценка волевого рывка и нетерпение к «политической мудрости»[814]. Именно поэтому, писал он, «мудрость» казалась офицерству недостатком, а психологически «ехать» на этом «коне», метафорически выражаясь, мог далеко не каждый: Л. Г. Корнилов интуитивно соответствовал ожиданиям офицерского корпуса как символ прямого действия, М. В. Алексеев – нет, потому что

[812] Лукомский А. С. Очерки из моей жизни. Воспоминания. М. : Айрис-пресс, 2012. С. 555-557.
[813] Головин Н. Н. Российская контр-революция в 1917-1918 г.г. Добровольческая армия и освобождение Кубани Ч. V, кн. 11. Париж. : Иллюстрированная Россия, 1937. С. 62-64.
[814] Головин Н. Н. Российская контр-революция в 1917-1918 г.г. Развитие общероссийского противобольшевистского движения Ч. II, кн. 5. Париж. : Иллюстрированная Россия, 1937. С. 44.

его стратегическая «мудрость» не резонировала с нервом добровольческой массы[815]. Из той же логики вырастали, как репрезентировал историк, и ранние политические формулы: алексеевская апелляция к Учредительному собранию, а также корниловское непредрешенчество – оба варианта пытались отодвинуть ответ на потом, чтобы не раскалывать офицерство политическими декларациями в момент конфликта.

Однако, когда командование перешло к А. И. Деникину, эта линия, по Н. Н. Головину, привела к минимизации политики: главнокомандующий сознательно уходил от жестких формул – и о форме строя, и об аграрной реформе, потому что любая конкретика грозила расщепить офицерскую массу и оттолкнуть его консервативные слои. В результате деникинские тексты-декларации давали только «негативную цель» и избегали даже предрешенческой процедуры Учредительного собрания[816]. Так коллективная психология, по мысли Н. Н. Головина, не просто формировала взгляды вождя, а диктовала контур самой платформы: война, порядок, «единая и неделимая», без ясной социальной повестки.

Но в этом месте снова проступает внутреннее противоречие его конструкции: Н. Н. Головин требовал (в репрезентации) от белого лидера резкой социальной инициативы и одновременно сам признавал, что такая мера увеличивала риск разорвать шаткий союз с казачеством и другими группами; сверх того, после признания верховенства А. В. Колчака А. И. Деникин уже не мог в одиночку «решить» вопрос для всей страны. Тем не менее, по общей мысли историка, именно «неполитичность» главкома ВСЮР стала главным фактором изоляции белого юга и его правого крена, и эта изоляция, будучи проекцией «офицерского» мировосприятия на всю политику, разъединяла «общероссийскую» контрреволюцию с областническими и социалистическими антибольшевистскими силами[817]. Здесь его метод – от коллективной психологии к индивидуальной, работал как объяснительная рамка, но убедительность частных выводов страдала там, где он, в силу индивидуальных причин, сознательно отставлял в сторону неудобные источники или подводил обобщения под ранее высказанный тезис.

Из всех рассмотренных нами авторов, Н. Н. Головин внимательнее всех подходил к вопросу формирования и организации Белого движения в Сибири. Историк описывал формирование и развитие Белого движения в данном регионе как процесс, в корне отличавшийся от южнорусского сценария, прежде всего потому, что здесь решающую роль сыграла не просто военная инициатива местных организаций или областнические интересы, а стихийное военное

[815] Головин Н. Н. Российская контр-революция в 1917-1918 г.г. Развитие общероссийского противобольшевистского движения Ч. II, кн. 5. Париж. : Иллюстрированная Россия, 1937. С. 44-47.
[816] Там же. Ч. V, кн. 11. Париж. : Иллюстрированная Россия, 1937. С. 96.
[817] Там же. С. 99.

восстание, легализованное впоследствии политическими структурами (здесь важно, что ни Комуч, ни «сибирские областники» – ВСП, не являлись частью Белого движения в логике Н. Н. Головина). По его версии, переворот 18 ноября 1918 года родился как импульс военных кругов: он был во многом спонтанен, но затем получил юридическую и политическую санкцию – Совет министров признал свержение Директории и остановился на форме диктатуры, которую возглавил адмирал А. В. Колчак[818]. Н. Н. Головин подчеркивал, что эта диктатура на Севере и в Сибири была ограниченной по характеру, то есть, по замыслу создателей, должна была быть «конституционной», призванной прежде всего обеспечить военное и административное восстановление порядка на огромной территории для организации военного сопротивления большевикам[819].

Вектор политики А. В. Колчака, по Н. Н. Головину, строился вокруг нескольких взаимосвязанных задач: восстановление боеспособной регулярной армии; согласование позиций с другими государственными и областными образованиями; наведение правопорядка и восстановление государственной дисциплины; и лишь затем – созыв национального собрания[820]. Этот порядок приоритетов у Н. Н. Головина представлялся логичным отражением «военно-рожденного» характера сибирской власти: программа была во многом продуктом военного кризиса и потому была ориентирована сначала на военную победу и на упорядочение жизни, а не на создание детальной политико-идеологической платформы. В то же время историк отмечал важную особенность колчаковской политической идеи – ее явное дистанцирование от реакции и критическое отношение к царизму, публичное провозглашение демократических и дисциплинарных задач, намерение не проводить реставрации «старого порядка» в откровенно реакционном виде (в данном случае, Н. Н. Головин четко отвергал тезисы, к примеру, опубликованного труда «Белая Сибирь» К. В. Сахарова о том, что А. В. Колчак был убежденным монархистом). Поэтому, по Н. Н. Головину, программа адмирала в ряде пунктов выглядела «левее» программы белого юга: акцент на восстановлении правопорядка и созыве национального собрания делал ее менее направленной на реконструкцию и, формально, более ориентированной на государственное конституционирование, чем южная политика[821].

Н. Н. Головин связывал эти различия не только с персональными свойствами лидеров, но и с внешними политическими ориентирами: в Сибири сильнее ощущалось влияние держав Антанты, что сдвигало политическую риторику на более «союзническую» и умеренную линию;

[818] Головин Н. Н. Российская контр-революция в 1917-1918 г.г. Освобождение Сибири и образование «Белого» военного фронта Гражданской войны Ч. IV, кн. 9. Париж. : Иллюстрированная Россия, 1937. С. 33-36
[819] Там же. С. 38.
[820] Там же. С. 86.
[821] Там же. С. 38-39, 84-85.

на юге же, по автору, присутствовало более выраженное германское влияние и иная политическая конъюнктура, что в итоге придавало южной платформе иной тон и привело к иному набору практических решений[822]. Интересно заметить, что схожая интерпретация отклонения влево декларируемой политической линии А. В. Колчака (если рассматривать в русле интерпретаций Н. Н. Головина, т. е. относительно юга России), то есть из-за позиции союзников, и, отчасти, эсеров, была присуща монархисту, военному эмигранту К. В. Сахарову, одному из видных генералов, командовавшего армией, а затем всем Восточным фронтом белых войск[823].

Методологически Н. Н. Головин анализировал приход А. В. Колчака как продукт диалектики индивидуального и коллективного: выбор адмирала диктатором объяснялся не столько его личными качествами, сколько соответствием его образа тому запросу, который выдвигало коллективное сознание офицерства и верхних военных кругов Сибири в момент политической турбулентности. Для Н. Н. Головина А. В. Колчак оказался тем лидером, чья личность могла удовлетворить коллективную психологию военной среды. В результате, по мнению социолога, приход адмирала сделал восточную контрреволюцию именно «Белой»: с его пришествием Белое движение в Сибири обрело централизованный политический центр и более четкую программную канву, чем ранее существовавшие разрозненные политические инициативы[824]. Но и этот центр, по Н. Н. Головину, оставался заложником военной логики: программа А. В. Колчака, хотя и отличалась от южной более выраженным стремлением к отказу от явной реставрации, все же, в сущности, была программой армии; она помнила о войне и потому не смогла сформулировать по-настоящему широкую позитивную платформу, способную привлечь крестьянство и снять разрыв между офицерством и народом[825].

Таким образом, Н. Н. Головин видел в сибирском опыте одновременно и отличие, и повторение общей белой драмы: отличие заключалось в том, что А. В. Колчак представил более определенную, относительно «левую» и конституционно заявленную модель восстановления порядка; повторение же обозначалось в том, что и эта модель оставалась продуктом военного времени и коллективной военной психологии, что препятствовало созданию подлинно всенародной альтернативы большевизму.

Интересно, что одних из наиболее радикальных оценок личностной характеристики А. В. Колчака придерживался уже упоминавшийся А. П. Будберг, один из его сотрудников. Он считал, что при всех положительных нравственных качествах адмирала он мало подходил для той

[822] Головин Н. Н. Российская контр-революция в 1917-1918 г.г. Освобождение Сибири и образование «Белого» военного фронта Гражданской войны Ч. IV, кн. 9. Париж. : Иллюстрированная Россия, 1937. С. 94.
[823] Сахаров К. В. Белая Сибирь (внутренняя война 1918-1920 гг.). Мюнхен : [б. и.], 1923. С. 148.
[824] Головин Н. Н. Российская контр-революция в 1917-1918 г.г. Освобождение Сибири и образование «Белого» военного фронта Гражданской войны Ч. IV, кн. 9. Париж. : Иллюстрированная Россия, 1937. С. 93-94.
[825] Там же. С. 87.

высокой роли и должности, которая выпала на него: «верховный правитель едва ли в состоянии <…> навести настоящий порядок: очень уж он доверчив, легковерен, несведущ в военном деле, податлив на приятные доклады и заворожен теми, кто говорит ему приятное и в оптимистическом тоне»[826]. Похожую оценку давал и К. В. Сахаров, считавший, что адмирал имел волевой характер, который, однако, был надломлен революцией, а потому был склонен к резким перепадам духа[827]. Данные свидетельства ставят под сомнение сам вопрос о том: был ли Верховный правитель принципиально способен на то, чтобы сформулировать «положительную» программу для всего Движения.

Поговорим далее о революционно-демократических силах в репрезентации. В авторской реконструкции Н. Н. Головина последние, и, прежде всего эсеры, занимали важное место в разворачивании кризиса 1917 года, но это место определялось скорее не их лидерством, а их ответственностью за дезорганизацию государственности и армии. Уже весной-летом 1917 года, по его оценке, Временное правительство фактически оказалась «в плену» Петроградского гарнизона и зависимого от него Совета, а Приказ № 1 стал институциональным оформлением курса на «углубление революции» ценой краха воинской дисциплины[828]. Тем самым бремя дальнейшей эскалации революционной ситуации легло на революционную демократию как субъект, который, войдя во власть, совместил взаимоисключающие цели – «продолжать войну» и «продолжать революцию».

Эта двойственность, считал историк, и породила ключевую дилемму как эсеров, так меньшевиков: спасать Родину, рискуя прослыть «контрреволюционерами», или спасать Революцию – и неизбежно приблизить приход большевиков[829]. В практической политике социалисты чаще выбирали второе, больше боялись «контрреволюции», нежели большевизма, а надежды на Учредительное собрание подпитывали их веру в скорое «разрешение» кризиса легальным путем[830].

Между тем, подчеркивал историк, для солдатских масс Учредительное собрание ассоциировалось с Госдумой, тогда как их реальные ожидания были связаны с Советами[831]; в итоге в октябре А. Ф. Керенский оказался изолированным в точности так же, как Николай II в марте, а большевики, не получив большинства в Учредительном собрании, сознательно

[826] Будберг А. Я. Дневник белогвардейца: Воспоминания. Мемуары. Минск. : Харвест, М.: АСТ, 2001. С. 30.
[827] Сахаров К. В. Белая Сибирь (внутренняя война 1918-1920 гг.). Мюнхен : [б. и.], 1923. С. 34.
[828] Головин Н. Н. Российская контр-революция в 1917-1918 г.г. Зарождение контр-революции и первая ее вспышка Ч. I, кн. 1. Париж. : Иллюстрированная Россия, 1937. С. 59-62.
[829] Там же. Ч. II, кн. 3. Париж. : Иллюстрированная Россия, 1937. С. 36.
[830] Там же. С. 53.
[831] Головин Н. Н. Российская контр-революция в 1917-1918 г.г. Большевистский переворот превращает контрреволюцию в противобольшевистское движение Ч. II, кн. 3. Париж. : Иллюстрированная Россия, 1937. С. 61.

готовились к его разгону[832]. В данном случае вновь небезынтересно отметить, насколько оценки, данные представителями военной эмиграции, созвучны с аргументированной позицией современной историографии, а также зарубежных историков[833].

Н. Н. Головин фиксировал: на этом фоне эсеры проявили политическую нерешительность и были вытеснены большевиками из революционного лагеря – фактически в «контрреволюционный», где их, однако, не ждали: офицерство, как уже ранее говорилось, после «выступления Корнилова» видело в социалистах предателей, и эта психологическая травма надолго сделала невозможным единый антибольшевистский фронт. В итоге дилемма «Родина или Революция» так и не была ими решена в пользу первой.

При этом главной претензией Н. Н. Головина к эсерам стала «партийность», которую следует понимать не как формальную принадлежность, а как узкий горизонт целей, подменяющий государственные задачи интересами организации. В региональной динамике это, по его мнению, проявилось наиболее выпукло в Сибири[834]. Сначала местные социалисты пытались взаимодействовать с большевиками, пользуясь относительной мягкостью их политики в крае, затем – утвердились во власти, систематически подменяя «дело государства» интересами партии, но в то же время опираясь на областные институты. Аналогичная логика, по Н. Н. Головину, проявилась и в Ижевско-Воткинском восстании: потенциально «всенародное» по своей социальной базе и опыту самоорганизации, оно оказалось сведено к формуле второго Комуча, потому что эсеры вновь предпочли линию партийной монополии и утратили шанс на широкую коалицию[835]. Таким образом, можно констатировать, что с точки зрения автора, партийность у эсеров выступила не тактической ошибкой, а устойчивым психологическим мотивом, разрушавшим возможность создания единого общенационального движения.

На этом фоне особую ценность для Н. Н. Головина приобретал опыт правого крыла революционной демократии, прежде всего деятельность Н. В. Чайковского и Союза Возрождения России (СВР). В его интерпретации, это был редкий пример, когда «революционная демократия» ставила Родину выше доктрины: СВР ориентировался на антибольшевистскую коалицию, искал контакт с либеральными центрами в Москве, имел рабочие связи с генералом М. В Алексеевым

---

[832] Головин Н. Н. Российская контр-революция в 1917-1918 г.г. Большевистский переворот превращает контрреволюцию в противобольшевистское движение Ч. II, кн. 3. Париж. : Иллюстрированная Россия, 1937. С. 63-64.

[833] Уже не раз упоминаемый в данном диссертационном исследовании А. Уайлдман отмечал, что солдатские массы были весьма равнодушны к идее Учредительного собрания, предпочитая получить насущные им землю и мир до созыва Всероссийской конституанты, на которое так уповали эсеры и меньшевики. См.: Wildman A. K. The End of the Russian Imperial Army: The Road to Soviet Power and Peace. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1987. P. 289.

[834] Головин Н. Н. Российская контр-революция в 1917-1918 г.г. Образование областных противобольшевистских движений Ч. II, кн. 4. Париж. : Иллюстрированная Россия, 1937. С. 81.

[835] Там же. Ч. III, кн. 7. Париж. : Иллюстрированная Россия, 1937. С. 110-111.

и Добровольческой армией[836]. Метафора «малой машинки», способной запустить большое маховое колесо, выражала у Н. Н. Головина идею функционального разделения обязанностей: он сознавал, что военные вожди могли создать вооруженную организацию и дисциплину, но связать «маховик» армии и общества с «машинкой» политической легитимации в глазах народа способны только левые силы[837]. Проблема, однако, в том, что большинство эсеров в 1918 году сохраняли веру в Учредительное собрание и не желали вступать в такие коалиции, боясь потерять политическое господство. В результате даже конструктивные инициативы, как у Н. В. Чайковского, оставались «островками», не превращаясь в контуры общенационального центра управления антибольшевистской борьбой.

В сумме Н. Н. Головин создавал последовательную и детерминированную картину: революционно-демократические силы, получив шанс управлять страной, оказались заложниками собственной психологической матрицы – страха «контрреволюции», догмы партийного первенства и иллюзии о самопроизвольной самоликвидации большевистской власти через Учредительное собрание. Это породило стратегические ошибки весны-осени 1917 года, закрепило раскол с офицерством после корниловских событий и сорвало формирование единого антибольшевистского фронта. И хотя в этом ряду есть принципиальные исключения (Н. В. Чайковский, СВР), они, по Н. Н. Головину, не изменили общего хода: в центре осталась не государственная целесообразность, а партийная воля, что в регионах, особенно в Сибири, ускорило дрейф к недемократическим режимам как единственно дееспособной альтернативе большевикам при полном расхождении левых социалистов с армией и значительной частью общества. Именно так, сквозь призму коллективной и индивидуальной психологии, он объяснял и слабость эсеровской стратегии, и ее неоднократные провалы в революции и Гражданской войне.

Обратимся к «областничеству». В репрезентации этого феномена, Н. Н. Головин выстраивал образ движения не как простого сепаратизма, а как сложного социально-политического ответа периферии на коллапс имперского центра. Возникновение областничества, согласно историку, следовало понимать в контексте глубоких социально-психологических особенностей окраин: здесь были сильны региональные интересы, местная социальная структура (особенно применительно к казачеству) и экономическая замкнутость, что формировало у региональных сил и масс специфическую «местную» логику политики – стремление прежде всего «навести порядок у себя», а уже затем участвовать в общероссийских делах. Эта логика, отмечал автор, была характерна для сибирских областников в начале их деятельности: они, по

[836] Головин Н. Н. Российская контр-революция в 1917-1918 г.г. Развитие общероссийского противобольшевистского движения Ч. II, кн. 5. Париж. : Иллюстрированная Россия, 1937. С. 13.
[837] Там же. С. 14-16.

существу, ставили задачу упорядочения власти на собственной территории как первостепенную[838].

Историк выделял несколько ключевых центров областнического движения и определял их различия. Дон и Кубань предстали у него как особые казачьи области с собственной социальной психологией: казаки, по Н. Н. Головину, сохраняли особый «областной» патриотизм и традиции, им присуще было стремление к нейтралитету и локальному управлению[839]; одновременно на Дону и Кубани возникали политические структуры, нацеленные на защиту местных интересов и, порой, на автономию в составе России[840]. Ситуацию в Сибири Н. Н. Головин трактовал иначе: здесь областнические идеи находили опору в местной элите и интеллигенции, которая в условиях растущей анархии и недостатка центральной власти проявляла стремление сначала «навести порядок», а затем уже решать общероссийские задачи[841]. В Омске и ряде сибирских центров областнические позиции оказывались сильными, хотя первоначально застигнутыми врасплох и частично подорванными деятельностью эсеров и местных лидеров[842].

Следует сказать несколько слов о проблеме «атаманщины», как проявления казачьего областничества в Сибири и на Дальнем Востоке. Н. Н. Головин считал, что данный феномен, отличавший «азиатские» казачьи воинства от европейских, имел две причины. Первая относилась к своего рода исторической инерции, когда у местных казаков не было серьезного и длительного опыта самоуправления (только «бытовое» в терминологии Н. Н. Головина). Вторая относилась к области индивидуальной психологии местных лидеров, склонных к авантюризму[843]. Таким образом выходило, что в данном конкретном случае индивидуальная психология подчиняла коллективную. Само же явление «атаманщины» (его внешнее проявление) историк связывал с разбоем.

Интересно, что это не единственная оценка данного феномена в эмигрантской историографии. Так, А. П. Будберг, в августе–октябре 1919 года военный министр Российского государства, был склонен считать «атаманщину» феноменом, выходящим за рамки казачества и определявшим всю военно-политическую линию белой Сибири. Он писал: «Фронт и тыл поражены бессилием и дряблостью власти, проедены и прогноены разновидностями сибиреязвенной атаманщины, этого специфического белого большевизма. Центр требует закона

[838] Головин Н. Н. Российская контр-революция в 1917-1918 г.г. Освобождение Сибири и образование «Белого» военного фронта Гражданской войны. Ч. IV, кн. 9. Париж. : Иллюстрированная Россия, 1937. С. 12.
[839] Там же. Ч. I, кн. 2. Париж. : Иллюстрированная Россия, 1937. С. 121.; Там же. Ч. II, кн. 4. Париж. : Иллюстрированная Россия, 1937. С. 30-31
[840] Там же. Ч. V, кн. 10. Париж. : Иллюстрированная Россия, 1937. С. 22.
[841] Там же. Ч. IV, кн. 9. Париж. : Иллюстрированная Россия, 1937. С. 12.
[842] Там же. Ч. II, кн. 4. Париж. : Иллюстрированная Россия, 1937. С. 80-81.
[843] Там же. С. 70-71.

и порядка, машет бумажным мечом по адресу насильников и беззаконников, а кругом растут и ширятся произвол, презрение ко всякому распоряжению свыше и собственное усмотрение»[844]. Данная цитата четко указывала на характеристику феномена не столько откровенного разбоя, сколько беззакония и саботажа – то есть не исполнения поручений вышестоящих властей. Генерал заключал, что именно данное явление привело к тому, что местное население начинало склоняться к принятию большевизма[845].

Далее органично встает вопрос о том, как историк воспринимал идею борьбы областных центров против большевизма, каков был их потенциал? С одной стороны, он признавал, что именно окраины – Дон, Кубань, Сибирь и другие, сыграли важную роль в создании очагов сопротивления красным и что без их участия общероссийская контрреволюция оказалась бы еще слабее. В этом смысле, согласно его логике, областники выступали как «прикрытие» и ресурс для сбора общероссийских сил, но в то же самое время, им самим требовалась военная поддержка со стороны офицерства[846]. Кроме того, Н. Н. Головин четко указывал, что интересы областников были в значительной мере локальными и зачастую несовместимыми с задачей восстановления единой России в прежнем виде, поскольку они стремились защищать скорее свои вольности, добиваться широкой автономии. Поэтому Н. Н. Головин выдвигал идею, что общероссийская контрреволюция нуждалась в конфедеративной или федеративной форме объединения окраин против большевиков, а не в жесткой централизации. Так он писал: «Для воссоздания Великой России требовалась не смена крыши, а постройка здания заново, начиная с нижних его этажей. Развал Российской Империи, вызванный непосильной внешней войной и вспыхнувшей во время этой войны революцией, достиг такой ужасающей степени, что даже возможность немедленная осуществления федерации освободившихся от большевизма областей являлась весьма сомнительной и вопрос должен был ставиться в плоскости создания из этих областей противобольшевицкой конфедерации»[847].

Впрочем, в работе Н. Н. Головина просматривается существенное методологическое затруднение: автор по мере изложения был склонен идеализировать полезный для своей концепции аспект областничества (его антибольшевистскую энергию и способность поддерживать порядок на местах) и одновременно недооценивать или вовсе игнорировать те его проявления, которые расходились с этим образом и, прежде всего, сепаратистские, «самостийные» устремления некоторых центров. Н. Н. Головин не давал четкого ответа на

[844] Будберг А. Я. Дневник белогвардейца: Воспоминания. Мемуары. Минск. : Харвест, М.: АСТ, 2001. С. 153-154.
[845] Там же. С. 8.
[846] Головин Н. Н. Российская контр-революция в 1917-1918 г.г. Большевистский переворот превращает контрреволюцию в противобольшевистское движение Ч. II, кн. 3. Париж. : Иллюстрированная Россия, 1937. С. 101.
[847] Там же. Ч. IV, кн. 8. Париж. : Иллюстрированная Россия, 1937. С. 149.

вопрос, согласны ли были областные центры действительно выполнять роль борцов с большевиками и стремились к воссозданию России в общероссийском смысле. Скорее, по материалам, которые он использовал, эти центры отстаивали узкие региональные интересы.

Эта методологическая однобокость вновь влекла за собой еще одно следствие, о котором ранее говорилось, инструменталистский подбор источников. Историк стремился показать, что области должны служить своего рода пунктами опоры для общероссийской контрреволюции, и в подборе фактов отдавал приоритет тем свидетельствам, которые подтверждали эту концепцию; в то же время противоречивые факты (например, склонность кубанских или донских элит к сепаратизму, их готовность к соглашениям с немцами или к автономным проектам[848]) либо характеризовались как временные явления, либо интерпретировались в выгодном автору плане. Это порождало в его репрезентации некоторую несогласованность между декларируемой необходимостью «антибольшевистской конфедерации» и реальной политикой, проводимой областными правительствами.

Наконец, Н. Н. Головин подчеркивал диалектическую взаимозависимость: общероссийская контрреволюция нуждалась в окраинах как в материальном и мобилизационном ресурсе, а областники, в свою очередь, нуждались в легитимации и военной поддержке, так как не могли привлечь на свою сторону большое число офицеров[849]. Но именно на стыке этих интересов и возникало напряжение: «имперская» риторика «единой и неделимой России», свойственная многим лидерам Белого движения, вступала здесь в конфликт с реальными ожиданиями и чаяниями окраин, что ограничивало способность белых создать устойчивый коалиционный фронт. Н. Н. Головин, в связи с этим, делал вывод, что без учета этих противоречий и без реальной договорной (федеративной) платформы восстановление России было, по сути, нереалистично[850]. И, тем не менее, он сам в ряде мест аналитически оказывался заложником своей же концепции, недооценивая глубину сепаратистских тенденций и допуская инструментализацию источников при подтверждении своих тезисов. Примером такой зависимости являлись его рассуждения о том, что федерализм был выдвинут областными элитами в ответ на давление командования Добровольческой армии. В такой постановке суждений выходило, что областники изначально не придерживались данного подхода, а встали на него вынужденно, то есть тактически, когда осознали силу добровольцев, представляющих общероссийскую контрреволюцию[851]. Восстановим логику нарратива: такая интерпретация была

[848] Головин Н. Н. Российская контр-революция в 1917-1918 г.г. Добровольческая армия и освобождение Кубани Ч. V, кн. 11. Париж. : Иллюстрированная Россия, 1937. С. 79.
[849] Там же. Ч. II, кн. 3. Париж. : Иллюстрированная Россия, 1937. С. 101.
[850] Там же. Ч. IV, кн. 8. Париж. : Иллюстрированная Россия, 1937. С. 80; Там же. Ч.5. Кн.11. С. 74.
[851] Там же. Ч. V, кн. 11. Париж. : Иллюстрированная Россия, 1937. С. 79.

бы возможна только в том случае, если бы местные силы изначально выступали за отделение от России, но историк обходил этот вопрос, попадая в логическую ловушку, лишая себя всей системы утверждений, обосновывающих его суждение.

Таким образом, в представлении Н. Н. Головина областническое движение являлось, с одной стороны, ресурсом (источник живой силы для борьбы против большевизма), а с другой, – вызовом для общероссийской контрреволюции (фактором распада единого российского пространства, требующим изменения подхода к реконструкции России в сторону федерации или конфедерации).

Важное внимание, вслед за А. А. Зайцовым, автор уделял аспекту интервенции. Последний феномен Н. Н. Головин репрезентировал как продолжение и одновременно трансформацию мировой войны на российской почве: для него интервенция не была постфактум-вмешательством внешних сил, стремившихся помочь русским национальным силам, а логическим продолжением международной конфронтации 1914–1918 гг., перенесенной во внутриполитическую российскую ситуацию. По его мысли эта трансляция мирового конфликта в Гражданскую войну проявлялась двояко – через прогерманское и антантовское направления. Более того, каждое из них преследовало собственные, прежде всего военные и геополитические, цели, а не альтруистическую помощь одной или другой стороне.

Он подчеркивал, что германское направление вмешательства начало проявляться первым и носило прагматический характер: немцы сначала фактически «провезли» В. И. Ленина через свою территорию и использовали политическую нестабильность в России ради одной цели – вывести ее из войны[852]. Судя по логике репрезентации автора, военная часть германского руководства, в лице Э. Людендорфа и значительной части генерального штаба, рассматривала большевиков как удобного противника общего с Германией врага, но одновременно понимала и опасности, связанные с распространением радикальной революционной «болезни». Поэтому, по Н. Н. Головину, германская политика сочетала два противоречивых мотива: с одной стороны – стремление ослабить Россию, вывести ее из войны и создать «карантин» от большевизма путем создания лояльных режимов на окраинах; с другой, – страх перед неконтролируемым распространением революционной болезни, который позже побуждал военных искать опоры в русских правых и монархических кругах[853]. Практически это выразилось в поддержке прогерманских лидеров на Украине (Скоропадский) и в попытках создать или легализовать прогерманские формирования и марионеточные режимы, а также в сближении с атаманами вроде

[852] Головин Н. Н. Российская контр-революция в 1917-1918 г.г. Интервенция врагов и Союзников Ч. III, кн. 6. Париж. : Иллюстрированная Россия, 1937. С. 7.
[853] Там же. С. 8-11.

П. Н. Краснова, поскольку последние казались надежным щитом против большевиков и гипотетического фронта с Антантой на Волге.

Историк фиксировал при этом «двойную игру» немцев в России: попытки не оккупировать Россию напрямую, а включить ее в сферу влияния, использовав местные антибольшевистские силы и ресурсы. В результате такая стратегия имела обратный эффект – усиление националистических и антигерманских настроений в ряде окраин, рост недоверия и даже радикализации крестьянства, что отчасти подпитывало и большевистские позиции, что особенно характерно для Украины[854]. Кроме того, вмешательство Германии стимулировало создание и мобилизацию советских институтов обороны. Н. Н. Головин прямо связывал немецкую угрозу с принятием большевиками мер по организации Красной армии и использованием национальных мотивов для пополнения ее рядов[855].

Антанта, согласно автору, действовала иным, но не менее корыстным образом. Ее интервенция также была продиктована интересами мировой войны, а именно: желанием не допустить переброски германских дивизий на западный фронт, сохранить под контролем порты и военное имущество, использовать Россию как арену борьбы с Германией[856]. Примечательно, с точки зрения автора, что военные союзники России сначала даже вели с большевиками переговоры и пытались склонить их к продолжению боевых действий. По сути, считал Н. Н. Головин, союзники рассматривали Россию как средство борьбы с Германией, а не как субъект, которому следовало оказывать безусловную политическую поддержку[857]. Как результат, интервенция порождала новое поле конфликтов. Она не только помогала или противодействовала конкретным белым центрам, но и формировала новые политические линии ориентации (прогерманские и про-союзные), что усугубляло раскол в самой антибольшевистской среде.

Для историка функциональная роль интервенции многогранна и парадоксальна. Можно выделить четыре ключевых момента. Во-первых, интервенция усилила милитаризацию и привела к дальнейшей мобилизации как белых – «организованные французской военной миссией, безнадежные восстания на верхней Волге»[858], так и красных. Во-вторых, интервенция стала фактором идеологической и организационной поляризации антибольшевистских сил, породив раскол между «германофилами» и «германофобами», который Н. Н. Головин отмечал,

[854] Головин Н. Н. Российская контр-революция в 1917-1918 г.г. Интервенция врагов и Союзников Ч. III, кн. 6. Париж. : Иллюстрированная Россия, 1937. С. 36-38.
[855] Там же. С. 16.
[856] Там же. Ч. III, кн. 7. Париж. : Иллюстрированная Россия, 1937. С. 11.
[857] Там же. С. 7-11.
[858] Там же. С. 95.

как важнейшую линию дробления российского правого и центристского лагерей[859]. Этот раскол, по его логике, затруднил создание единого контрреволюционного фронта и тем самым уменьшил шансы на победу над большевиками.

В-третьих, интервенция способствовала еще большей регионализации: различные интервенты оказывали влияние на разные регионы (немцы – на Украину и юг, союзники – на Сибирь и север), что укрепляло автономные, а порой и сепаратистские тенденции на окраинах и меняло характер взаимоотношений между центром и периферией[860]. Безусловно, это осложняло отношения между общероссийскими силами и областными правительствами. Наконец, в-четвертых, Н. Н. Головин видел интервенцию как фактор, делающий первый этап Гражданской войны (здесь он следовал за А. А. Зайцовым) продолжением мировой: иностранные армии и дипломатии не просто вмешивались – они встраивали российские события в собственную стратегию[861]. Для него это означало, что анализ Гражданской войны как исключительно внутреннего конфликта ошибочен, так как интервенция придала ей международный характер и, одновременно, выступила фактором, который коренным образом изменил внутренние расчеты всех сторон.

Остается рассмотреть специфику рассмотрения автором народных масс в работе. Н. Н. Головин в своих размышлениях о роли народных, прежде всего крестьянских, масс в революции и Гражданской войне выстраивал образ весьма практичный: крестьянство, в его построениях, – не идейный субъект, а скорее масса с собственной, глубоко прагматичной психологией, которую политические силы могли либо использовать, либо не понять и потерять союзника. Историк подчеркивал, что крестьянство представляло собой благодатную почву для социальной демагогии, так как шло за теми, кто обладал силой и, главное, обещал близкую перспективу осуществления насущных чаяний – земли и мира[862]. Этим объяснялась пассивность его участия в событиях февраля 1917-го. Историк прямо декларировал отсутствие массового активного движения крестьян как в «мятеже», так и в защиту монархии, а значит, отречение Николая II было для него симптомом глубокого психологического разрыва между верхами и народом, а не результатом заранее спланированной политической акции[863]. Именно этот психологический акт, по Н. Н. Головину, предопределил невозможность реставрации старого режима: крестьяне не захотели и не стали массово защищать монархию, поскольку им понятнее

[859] Головин Н. Н. Российская контр-революция в 1917-1918 г.г. Интервенция врагов и союзников. Ч. III, кн. 6. Париж. : Иллюстрированная Россия, 1937. С. 67-68.
[860] Там же. Ч. IV, кн. 9. Париж. : Иллюстрированная Россия, 1937. С. 94.
[861] Там же. Ч. III, кн. 7. Париж. : Иллюстрированная Россия, 1937. С. 11.
[862] Там же. Ч. I, кн. 1. Париж. : Иллюстрированная Россия, 1937. С. 43.
[863] Там же. С. 16.

и ближе были бытовые интересы, а не идеологический аспект действий. Примечательно, что схожих оценок придерживался оппонент Н. Н. Головина А. И. Деникин, как было указано ранее.

По мере углубления революции, контуры участия крестьян менялись под воздействием конкретных действий: аграрные переделы, самовольные захваты земли и обещания земли тем, кто ее обрабатывает, сформировали фактическую аграрную революцию, которая в ряде регионов оказалась важнее партийных программ[864]. Н. Н. Головин детализировал внутреннюю стратификацию крестьянства: зажиточные «крестьяне-собственники», «середняки», «крестьянская беднота», и показывал, что именно их соотношение в той или иной местности во многом определяло локальную политическую динамику[865]. В различных регионах эта структура давала разный результат: в Поволжье и в Украине аграрный фактор особенно усиливал притяжение к тем политическим силам, которые обещали реальные выгоды[866], в Сибири же определяющую роль играли «староселы» и «новоселы», в также слабое развитие пролетариата[867].

Н. Н. Головин подчеркивал и качественную разницу в восприятии государственных институтов: для крестьян Временное правительство оставалось чуждым, абстрактным образованием; они, по сути, понимали лишь «примитивные» формы народовластия – советы – и потому быстро переключались на институты, дававшие им реальную власть или материальные блага[868]. Это понимание объясняло, почему Петросовет и советы вообще (как институт) оказывались более привлекательными для масс. В то же время провал Временного правительства в аграрном вопросе и в неспособности придать народу ощущение непосредственной власти обусловил его предопределенную слабость. В этой логике Головин видел и одну из причин раннего успеха большевиков: те сумели предложить близкие и материально осязаемые решения, а затем скорректировать политику (например, приостановив ряд антикрестьянских мер, упразднив комбеды), чтобы привлечь середняков и бедняков на свою сторону[869].

Последнее, по Н. Н. Головину, делало задачу для контрреволюции принципиально сложной: контрреволюционные силы не умели и часто не желали предложить крестьянству простую, понятную и, главное, материально убедительную альтернативу советской власти. В результате Белое движение терпело не только политический, но и социокультурный провал: у них

[864] Головин Н. Н. Российская контр-революция в 1917-1918 г.г. Большевистский переворот превращает контрреволюцию в противобольшевистское движение Ч. II, кн. 3. Париж. : Иллюстрированная Россия, 1937. С. 74-75.
[865] Там же. С. 82.
[866] Там же. С. 85.
[867] Там же. Ч. IV, кн. 9. Париж. : Иллюстрированная Россия, 1937. С. 7-9.
[868] Там же. Ч. I, кн. 1. Париж. : Иллюстрированная Россия, 1937. С. 64-65.
[869] Там же. Ч. III, кн. 7. Париж. : Иллюстрированная Россия, 1937. С. 93-94.

не было морального авторитета у масс, и их лозунги о «Единой и Неделимой России» не интересовали крестьян, если им не сопутствовало реальное решение земельного вопроса[870].

Отдельным важным аспектом было явление крестьянской «анархии» в работе историка. В своих размышлениях о крестьянстве и его роли в революции и Гражданской войне он проводил четкую причинно-следственную линию. Так, с его позиции, «крестьянская анархия», была скорее не спонтанным явлением, а глубинным последствием института крепостного права и связанной с ним социальной оторванности масс от социо-политической жизни[871]. По Н. Н. Головину, крепостничество породило в великорусской деревне устойчивые модели бытовой и психологической организации. Из этой исходной социо-психологической матрицы историк выводил и типологию крестьянских реакций (верхов, середины и низов) в годы «смуты» 1917–1918 гг. Доминирование той или иной группы в том или ином районе серьезно влияло на политическую динамику: там, где сильны были условные «кулаки» и, примыкавшие к ним «середняки», там склонность к порядку и опоре на контрреволюционные центры была выше; в районах же, где имелись глубинные имущественные противоречия (заложенные крепостным правом), там проявлялась высокая склонность к аграрной революции и анархии.

Н. Н. Головин довольно прямолинейно формулировал и возможный рецепт успеха контрреволюции: отход от логики внешней войны и подчинение всех усилий внутренней политике – то есть предоставление крестьянству реальных выгод, что сделало бы белую власть классово близкой крестьянам. Он указывал, что такой курс был теоретически возможен, но политически затруднителен, так как попытки части белых решить земельный вопрос наталкивались на сопротивление прочих групп, а в ряде регионов радикальные шаги могли оттолкнуть других потенциальных союзников (например, «староселов» в Сибири или казачество на юге)[872]. Следовательно, невозможность синхронизировать свою аграрную политику с интересами различных групп сделало Белое движение непоследовательным и непопулярным у тех, от кого решительно зависел исход борьбы.

Примечательна, в завершении, ключевая для Н. Н. Головина мысль, что именно крестьянство определяло исход революционного перелома, но не как монолитный класс (из прошлого анализа ясно, что он им не являлся), а скорее как совокупность локальных, прагматичных групп с различной восприимчивостью к социальным обещаниям. Он писал: «Естественно, что процесс социально-психического выздоровления от революционного угара главной массы русского крестьянства должен был протекать в несравненно более медленном

[870] Головин Н. Н. Российская контр-революция в 1917-1918 г.г. Добровольческая армия и освобождение Кубани Ч. V, кн. 11. Париж. : Иллюстрированная Россия, 1937. С. 105.
[871] Там же. Ч. II, кн. 4. Париж. : Иллюстрированная Россия, 1937. С. 29.
[872] Там же. Ч. V, кн. 11. Париж. : Иллюстрированная Россия, 1937. С. 88.

темпе, нежели подобное же отрезвление в среде русской интеллигенции. Поэтому преждевременные контрреволюционные взрывы в этой последней в то время, когда главный склад пороха, которому можно уподобить русское крестьянство, был еще сырым, грозили тем, что контрреволюционный пожар в среде русской интеллигенции догорит ранее, чем пожар крестьянской контрреволюции загорится ярким пламенем»[873].

Следовательно аграрная проблема выступала в исследовании не частным вопросом, а центральным политическим условием всего исхода борьбы. Без понимания того, что земля, ее распределение и пережитки крепостного устройства определяли массовую психологию и поведение крестьян, любая военная или политическая инициатива неизбежно наткнулась бы на своего рода пустоту социальной поддержки. Только «оздоровление» деревни, считал Н. Н. Головин, могло создать реальные шансы для восстановления устойчивого государственного порядка и успеха контрреволюционных проектов.

Таким образом, в головинской репрезентации наследие крепостного права было выражением не столько экономической отсталости или юридической зависимости, сколько глубинной социо-психологической проблемой, породившей аграрную анархию и сделавшей крестьянство одновременно уязвимым для социальной демагогии и неспособным к осознанному политическому самоопределению в институциональных формах.

Перейдем далее к выводам об исследовании, которые, с нашей точки зрения, следует полагать результатом развития всей анти-деникинской историографии, называемой нами ранее контр-нарративом. В определенном смысле, следующий широкий вывод резюмирует и общее развитие всей общности контр-нарративов, начиная от областнических, заканчивая правыми.

Внутренняя логика труда Н. Н. Головина «Российская контрреволюция в 1917–1918 гг.» была выстроена так, чтобы через социологию войны и сочетание индивидуальной и коллективной психологии вывести политический диагноз антибольшевистскому лагерю: его поражение проистекало не из одного лишь недостатка сил, а из неспособности сформулировать «положительную идею» (для чего было необходимо понять и согласовать интересы различных слоев и классов русского общества: крестьян (различных его страт), рабочих, казачества, офицерства, интеллигенции, инородческого населения) и заключить широкую коалицию, адекватную распавшемуся имперскому пространству и настроению масс. Эта объяснительная рамка задавала и цель текста, полностью, с нашей точки зрения, его детерминируя. Сама она, то есть цель, двояка: с одной стороны, демонстративная критика первого варианта (корниловско-деникинского) Белого дела, а с другой – критика великодержавного принципа «Единой и

[873] Головин Н. Н. Российская контр-революция в 1917-1918 г.г. Добровольческая армия и освобождение Кубани Ч. V, кн. 11. Париж. : Иллюстрированная Россия, 1937. С. 95.

Неделимой», который, по мысли автора, устарел морально и функционально и потому был негоден для построения антибольшевистской коалиции на окраинах.

Так вместо реставрационного централизма, полагал он, требовалась договорная архитектура, от федерации до конфедерации, способная связать разнородные антибольшевистские силы в реальное управление страной. В этом проявлялось устойчивое концептуальное заимствование у А. А. Зайцова. Тем самым Н. Н. Головин, сознательно политизировал свой аналитический инструментарий: социальная психология служит не только описанию, но и оценке – кого в общероссийской контрреволюции тянуло в прошлое, а кто был способен предложить работоспособную конструкцию будущего. Тем самым, военный историк, интуитивно вскрывал темпоральный аспект: у военного командования – диахронный (забегая вперед скажем, что в определении деникинской темпоральности он ошибался), направленный на воспроизводство старых моделей в новых социальных условиях, в то время как для окраинных политических сил – синхронный, где ключевой акцент уделялся новому настоящему, а опыт прошлого признавался конъюнктурным. Однако, и это следует четко уяснить, тип темпоральности, который приписывался историком разным политическим группам, есть следствие его способа репрезентации, сформулированного в нарративе.

Политика здесь также четко выводилась из психологии: «военный патриотизм» офицерства, ставший душой Белого движения, возвышал силу и дисциплину, но не порождал убедительной общественной цели, которой могли бы довериться массы. В этих координатах и формулировался авторский упрек А. И. Деникину: его «неполитичность» – это не благородная беспартийность, а отказ от решения ключевых вопросов (земля, форма правления, легитимация власти) даже в процедурном виде через Учредительное собрание.

Результатом стала платформа отрицаний – антибольшевизм, порядок, «единая и неделимая», к тому же, без механизма общественного согласия. Схожая логика подводила его и к критике, условного, первого извода южнорусской общероссийской контрреволюции: корниловское непредрешенчество как средство отложить расколы в общественной среде превратилось у преемника в долговременное забытье политики, что обернулось изоляцией белого юга от союзников по антибольшевистскому лагерю и «поправением» армии в сравнении с более умеренной по риторике Сибирью. Идея «Единой и Неделимой», удобная для армии формула, в условиях реального распада не работала: она вступала в конфликт и с ожиданиями окраин, и с их элементарной потребностью в признании субъектности в обмен на участие в общем деле, как это репрезентировал автор.

Далее. Отношения в треугольнике «белые – социалисты – областники» у Н. Н. Головина представлены как цепь качественных нестыковок, усугубленных травмами 1917 года. Связка

белых с социалистами, судя по нарративу, была сорвана психологически – после корниловских событий офицерство увидело в революционной демократии «предателей», а социалисты, войдя во власть, не раз предпочли углубление революции требованиям войны и порядка. Дилемма «Родина или Революция» так и не разрешилась в пользу первой: надежда на Учредительное собрание подменяла необходимость реальной коалиции с армией. Автор фиксировал и важное исключение – Союз Возрождения России, но исключение только подчеркивало правило: партийная узость эсеров и их привычка подменять государственные задачи интересами партии сорвали возможность устойчивого союза с белыми и в центре, и в регионах. Итог – двусторонняя изоляция: социалисты, вытесненные большевиками, не приняты белыми; белые же, в силу решений своих вождей, теряли шанс на союз с левыми, которые могли бы «открыть им дверь» к массам.

На линии «белые – областники» автор еще резче переносил ответственность на Белое движение. Его, движения, имперская риторика и командный тон вступали в прямое противоречие с тем, что окраины реально могли и хотели дать. Дон, Кубань, Сибирь, Дальний Восток выступали как своего рода центры самосохранения – с локальными интересами и сильной региональной субъектностью. Им было нужно признание и договор, а не приказ: сначала навести порядок у себя, а потом перенести борьбу в общероссийское пространство. Отсюда и вывод Н. Н. Головина: необходимо было не сменить фасад, а выстроить государство заново, синтезируя области в антибольшевистскую конфедерацию; без учета этой логики, согласно историку, «Единая и Неделимая» была не только недостижима, но вредна, потому что отталкивала единственных дееспособных партнеров. При этом следует повторить, что автор был склонен недооценивать аспект самостийности ряда областных проектов – инструменталистский отбор свидетельств сглаживал сепаратизм, если он мешал общей схеме необходимости «договорной России».

Отдельный парадокс вскрывался автором на стыке социалистов и областников. Дело в том, что первые часто мыслили в координатах, почти зеркальных белому централизму: эсеры держались партийной монополии и веры в «легальное разрешение» вопросов через разогнанное Учредительное собрание. Это вело к отказу от компромисса ради широкой коалиции. Автор подчеркивал, что в Поволжье, уральском регионе и Сибири партийная узость эсеров превращала массовые инициативы – вплоть до ижевско-воткинского опыта самоорганизации – в провинциальный «второй Комуч», неспособные трансформироваться в признанный общероссийский центр.

Он не избегал и четкого определения виновников. Так в связке с белыми – больше социалисты, потому что не решились поставить государство выше партии; в связке с областниками – больше белые, потому что хотели видеть в союзниках не партнеров, а

подчиненных. Суммарный эффект один: три разнонаправленных центра воли не сложились в систему, способную остановить революцию и воссоздать новое государство.

Из этой оптики легко увидеть и смысл, придаваемый интервенции и мировому контексту. Для Н. Н. Головина участие внешних сил, германского и союзного лагерей, было продолжением логики мировой войны, перенесенной на российскую почву: интервенция не отменяла внутренней задачи коалиционного строительства, а обнажала ее. Снаружи могли помочь оружием и средствами, но не могли заменить «идею» и механизм согласия. Оттого и провал: при внешней подпитке внутри не возникло ни архитектуры федеративного соглашения, ни доверительного канала к крестьянству, чьи ожидания земли и мира никто из антибольшевистских проектов не перевел на язык легитимного государственного права.

В работе Н. Н. Головина «Российская контрреволюция в 1917–1918 гг.» явление контрреволюции предстает как phenomena bene fundata – социально-психологический конструкт, укорененный в диалектической логике исторического процесса и социальной психики (индивидуальной и коллективной). Исходя из позитивистской установки на выявление объективных закономерностей, Н. Н. Головин трактовал гражданскую войну как диалектическое противостояние: тезисом выступает революция, порождающая в качестве антитезиса контрреволюцию, а синтезом в идеале должно было стать формирование «положительной идеи», способной не только остановить разрушение, но и предложить обществу новую созидательную программу (эта «идея» так и не была синтезирована и Н. Н. Головин писал свою работу, чтобы ответить на вопрос о том, почему этого не произошло). Ключ к объяснению такой динамики он видел в тщательно реконструируемом им взаимодействии индивидуальной и коллективной психики основных акторов – офицерства, интеллигенции, крестьянства, революционных демократов. Именно через анализ психологических механизмов – от личностных амбиций Л. Г. Корнилова и А. И. Деникина до коллективных настроений армии и крестьянских масс, он выявлял глубинные причины идейной и организационной раздробленности белого движения, его неспособности предложить привлекательную альтернативу большевизму. Таким образом, именно данный принцип детерминировал рассмотрение Н. Н. Головиным проблематики и хода Гражданской войны в России.

Общий вывод автора представляется следующим. Российская контрреволюция была продуктом диалектики войны и революции и, следовательно, требовала иных, чем до 1917 года, средств политической инженерии. Ее силы обладали мужеством и организационной волей, но не выработали позитивного смысла, равного масштабу распада. Белые, по преимуществу из-за культуры силы и централизма, не признали договорной природы новой России; социалисты, из-за партийной узости, не признали цену военного инструмента и потребность в единовременной

легитимации. Коалиция, которой требовала история, не состоялось. Вина за провал этой коалиции, по логике автора, возлагалась на деникинский Юг с его «неполитической» установкой и имперским словарем, задавшим тон несбывшейся «Единой и Неделимой» там, где требовалась напряженная работа по созданию федеративного договора и новой легитимации власти. В этом заключается и научный, и политический смысл труда: он предъявлял представителям потерпевшей поражение контрреволюции требование идеи и союза, без которых сила и дисциплина превращались лишь в частное доблестное усилие.

2.5. Метафорические основания исторических нарративов военных эмигрантов.

Н. В. Устрялов в статье «Смущенные сердца» писал: «Чем определеннее выясняется идеология южно-русского движения ген. Врангеля, тем отчетливее становится страшная истина: – Это не что иное, как движение великого отчаяния и потрясающего неверия. Его вожди потеряли веру в Великую Россию. Помню, когда в прошлом году союзники намекали Омску и Екатеринодару на необходимость декларировать окончательное признание Эстонии, Латвии и прочих вырезанных из живого тела России кусков, – с какой твердостью были парированы эти намеки!

Тогда жив был лозунг русского величия, и с ним обращались как с действительной святыней, завещанной и врученной нам веками. <…> “Оттого оно и не удалось”. Может быть. Возможно (хотя, признаться, и весьма маловероятно), что ценой забвения всероссийских задач оно ухитрилось бы кончиться удачнее. <…> Но вместе с тем оно бы отказалось от самого себя, от собственной природы. Оно не захотело этого, предпочитая гибель предательству своей идеи.

Отречение от идеи всероссийского государственного могущества, в силу создавшихся международных условий, было бы тем самым и отречение от его факта. Красному империализму большевиков русские патриоты, верные себе, с открытым забралом противопоставляли традиционный лозунг “великой и единой России”. Они не могли и не хотели иначе. Во имя спасения своей политической жизни они не хотели жертвовать ее смыслом»[874]. Данный взгляд отечественного мыслителя на характер преломления внутренней идеи общероссийской контрреволюции в ходе вооруженной борьбы с большевизмом, как представляется, являлся хорошим интеллектуальным разграничителем для двух попыток исторического осмысления событий революции и гражданской войны, предпринятой в зарубежье рядом русских военных деятелей.

Это были две параллельные линии, которые, как кажется, не имели пересечения. Прежде всего перед историографом встает задача хотя бы условного обозначения этих

[874] Устрялов Н. В. Национал-большевизм. М.: Изд-во Эксмо, 2003. С. 114-115.

интерпретационных линий, представленных в работах: А. И. Деникина, П. Н. Краснова, П. Н. Врангеля, А. А. Зайцова, Н. Н. Головина, А. С. Лукомского и ряда других деятелей военной эмиграции. Представляется, что разграничителем может быть сформулированная Н. В. Устряловым идейно-политическая установка, базировавшаяся на восприятии «великой и единой России», точнее на характере ее осмысления в военной историографии.

В этом восприятии деникинский путь осмысления представал незыблемым в своей вере в этот принцип, а потому являлся национальным и, непременно, демократическим (ориентированным на веру в народную «волю»), поскольку обе политические идеи составляли суть исторических воззрений Антона Ивановича. С другой стороны, этим историческим воззрениям противопоставлялись контр-нарративы, которые не были едиными по внутреннему содержанию, но имели все же одно общее основание – отказ от великодержавной идентичности в пользу восстановления России, условно, в любом виде.

Представляется очевидным, что для А. И. Деникина и его последователей, находившихся в меньшинстве, второй путь был неприемлем, поскольку подразумевал отказ от самой русской\российской идентичности. Эта позиция может быть обозначена как идеалистическая, так как была ориентирована на сохранение России такой, какой она была до «смуты» в своем внутреннем идейном содержании, но с новым дополнением – с демократизмом и народным суверенитетом. С точки зрения временной ориентации, эта позиция, синтезировавшая элементы прошлого и потенциал нового, была направлена в будущее, которое должно было быть определено уже после окончания Гражданской войны. Фактически, в представлении А. И. Деникина, борьба Белого движения – это борьба за грядущее, в котором «новое» (выразившееся в торжестве анархии и сепаратизма как «болезни воли и духа») должно, после победы, уступить место подлинному выражению народной воли – отсюда отчасти и вытекала идея «непредрешенчества». Эта идея позволяла на интеллектуальном уровне абстрагироваться от несовершенства настоящего, используя его потенциал для формирования будущего, которое учитывало бы исторический опыт (старое) и «волю» народа (новое).

Вторая линия являла собой отказ от идеализма в угоду жестокому реализму смуты, продемонстрировавшей силу центробежных тенденций, а также выходу на сцену истории народа, который было необходимо привлечь на свою сторону, чтобы одолеть большевизм, а для этого было необходимо ориентироваться на его чаяния. Эти две мысли привели к появлению программы П. Н. Врангеля «левая политика правыми руками». Эта позиция, нашедшая свое отражение в трудах П. Н. Краснова, П. Н. Врангеля, А. А. Зайцова и Н. Н. Головина может быть обозначена как реалистическая, в которой приоритет отдавался не абстрактному будущему, а настоящему. Данную темпоральность необходимо обозначить как синхронную.

Таким обозначением двух господствующих и борющихся интерпретационных позиций, что доказывала в том числе и полемика вокруг «Очерков», которая была разобрана Д. Н. Пановым, может быть обойден крайне острый подтекст политико-идеологического детерминирования в пореволюционном военном зарубежье. При всей полемичности и кажущейся невозможности пересечений при интерпретации ключевых аспектов, феноменов и событий революции и Гражданской войны был один момент, который сближал, по крайней мере, взгляды А. И. Деникина и Н. Н. Головина.

В данной главе очень много и подробно описывалось восприятие феномена большевизма в историографии. Именно в этом намечалось явное единство позиций. В соответствии с положениями французского мыслителя М. Фуко о смысле слов как результате словоупотребления, а не прояснения отношения между «словами и вещами»[875], следует вновь обозначить, что «большевизм» многими разобранными на страницах данной диссертации авторами представлялся не иначе как «болезнь». Это восприятие является очень важным, поскольку оно задавало специфику методов борьбы с этим недугом.

Так, С. В. Денисов, взгляды которого были затронуты лишь косвенно, то есть в связи с основными авторами, писал: «Всеобщая зараза большевизма, которым стремительно была охвачена России уже к концу октября месяца 1917 года, – долго стучалась в двери Донской земли и наконец в средних числах февраля месяца 1918 года, через трупы Великих Атаманов ген. Каледина и ген. Назарова, – ворвалась бурным потоком в гор. Новочеркасск»[876]. Схожим образом рассуждал В. В. Добрынин, указывая, что большевизм, это «гангрена» на «теле» донского казачества[877]. Такое же уподобление использовал П. Н. Краснов: «Большевистская зараза только тронула казаков, как уже были утеряны ими все понятия права и чести»[878]. Выходит, что три донских деятеля видели и репрезентировали большевизм не в политических коннотативах, а в паталогических, видя в нем «заразу», которая стремительно распространяется и разрушает у пораженных представления о верховенстве закона, воинской чести и долге.

А. И. Деникин не обошел стороной эту интерпретацию донцов, дополнив ее очень важными замечаниями: «В сущности обе стороны в своих обвинениях исследовали только нездоровую почву, на которой могло произрасти то явление чисто психологического характера, которое Краснов и Денисов определяли согласно “заболеванием фронта большевизмом”.

[875] См. наиболее концентрированное выражение этой мысли: Фуко М. Слова и вещи : Археология гуманитарных наук. СПб. : A-cad : АОЗТ «Талисман», 1994. С. 133.
[876] Денисов С. В. Записки. Гражданская война на юге России 1918–1920 гг. Книга 1-я: Январь–май 1918 г. Константинополь : Тип. «Пресса», 1921. С. 41.
[877] Добрынин В. В. Борьба с большевизмом на юге России. Участие в борьбе донского казачества: февраль 1917 - март 1920 (Очерк). Прага: Славянское издательство, 1921. С.46.
[878] Краснов П. Н. Атаман: Воспоминания. М. : Вагриус, 2006. С. 381.

Определение – верное только в отношении симптомов той болезни, которая поражала временами не одно донское, но и другие казачества, русскую интеллигенцию и русский народ. Болезни – воли и духа»[879].

А. И. Деникин не оспаривал представлений донского атамана и генералов, но полагал, что они указывали лишь на симптоматику, в то же время сам аналитически указывал, что внешнее проявление болезни имеет причиной поражение «воли и духа». Именно последние качества, по мнению главкома ВСЮР, отвечали за желание жить по закону и чести.

Данной точке зрения вторил Н. Н. Головин: «Социологическая сущность большевизма, как послевоенной социальной болезни народов, потерпевших поражение, подтвердилась последовавшими после окончания мировой войны революционными вспышками»[880]. Таким образом, разные военные мыслители (в контексте данного вопроса их уместно обозначить именно так) диагностировали большевизм как болезнь. В этом контексте снова обращаем внимание на терминологию, апеллирующую не к социо-политическому означению феномена, а к его патологическому осмыслению.

Если принять точку зрения представленных военно-политических деятелей, что большевизм – болезнь, то необходимо четко определить итог ее воздействия на общественный организм. В этом ключе результатом становилась утрата уважения к закону и чести, а точнее – утрата способности руководствоваться ими вследствие упадка «воли и духа», что приводило к «анархии». Именно эта идея пронизывала в качестве одного из ключевых лейтмотивов весь цикл из двенадцати книг Н. Н. Головина. О ней же писал А. И. Деникин главе британской военной миссии в России Ч. Д. Бриггсу: «Прошу Вас довести до сведения Вашего Правительства о том, какие цели преследует Командование вооруженными силами Юга России в вооруженной борьбе с советской властью и в государственном строительстве. (1) Уничтожение большевистской анархии и водворение в стране правового порядка»[881].

В схожем ключе писал А. П. Будберг, добавляя, правда, новую сущностную особенность, что «большевизм» мог быть не только «красным», но и «белым», проявляясь теми же патологическими признаками – отказом следования закону и чести[882].

Из этих рассуждений вытекает важный вывод: анархия как следствие воздействия большевизма переводит проблему патологического дискурса на уровень государственно-политический – само государство уподобляется «организму», пораженному им. Если же

[879] Деникин А. И. Очерки русской смуты : [в 3 кн.]. Кн.3 : т.4, т.5. Вооруженные силы Юга России. М. : АЙРИС-пресс, 2015.С. 90.
[880] Головин Н. Н. Российская контр-революция в 1917-1918 г.г. Большевистский переворот превращает контрреволюцию в противобольшевистское движение Ч. II, кн. 3. Париж. : [б. и.], 1937.С. 11.
[881] ГА РФ Ф. 446. Оп. №2. Д. №1. Л.31.
[882] Будберг А. Я. Дневник белогвардейца: Воспоминания. Мемуары. Минск. : Харвест, М.: АСТ, 2001. С. 217.

большевизм, в понимании многих деятелей Белого движения, являлся болезнью, то естественно вставал вопрос об излечении. Было бы упрощением полагать, что средствами излечения могли стать одни лишь законы: при параличе воли к их исполнению они теряли смысл.

В одном из документов, подготовленных Особым Совещанием, отмечалось: «Возвращение Добровольческой Армии на Дон совпало с началом выздоровления Дона от большевистского угара»[883]. В данном фрагменте признавалось, что воздействие большевизма – «угар» – порождает, в метафорико-медико-биологическом ключе, не только поражение, но и выработку неопределенных антител, обеспечивающих процесс «выздоровления». В этом отношении, авторы документа мыслили связь «болезни» и «выздоровления» диалектически.

Схожим образом высказывался А. И. Деникин: «Донское войско явно выздоравливало от того повального маразма, который охватил его в январе, вновь приобретало веру в себя, в свои силы, в возможность дальнейшей борьбы». В его представлении, однако, казаки были лишь частью единого русского народа, и конечный исход борьбы «красных» и «белых» зависел от позиции всей народной массы: «Освобождение нами огромных областей должно было вызвать народный подъем, восстание всех элементов, враждебных советской власти, не только усиление рядов, но и моральное укрепление белых армий. Вопрос заключался лишь в том, изжит ли в достаточной степени народными массами большевизм и сильна ли воля к его преодолению. Пойдет ли народ с нами или по-прежнему останется инертным и пассивным между двумя набегающими волнами, между двумя смертельно враждебными станами»[884]. Данный пассаж отчетливо демонстрирует, что главком ВСЮР ставил военно-политический успех в прямую зависимость от «изживания» большевистской болезни в народном организме, а не от одних лишь оперативных направлений директив.

Поразительно, но аналогичной позиции придерживался и Н. Н. Головин, несмотря на то, что его работа представляла собой своего рода полемический контр-нарратив деникинским «Очеркам». Тем не менее, он приходил к схожему заключению, что, по-видимому, оставалось им самим незамеченным: «процесс социально-психического выздоровления от революционного угара главной массы русского крестьянства должен был протекать в несравненно более медленном темпе, нежели подобное же отрезвление в среде русской интеллигенции. Поэтому преждевременные контрреволюционные взрывы в этой последней в то время, когда главный склад пороха, которому можно уподобить русское крестьянство, был еще сырым, грозили тем,

[883] ГА РФ Ф. 446. Оп. №2. Д. №2. Л.25.
[884] Деникин А. И. Очерки русской смуты : [в 3 кн.]. Кн.3 : т.4, т.5. Вооруженные силы Юга России. М. : АЙРИС-пресс, 2015. С. 500.

что контрреволюционный пожар в среде русской интеллигенции догорит ранее, чем пожар крестьянской контрреволюции загорится ярким пламенем»[885].

Из этого рассуждения вытекает характерная диалектическая логика «выздоровления» от большевизма: исцеление мыслилось как процесс, проходящий через саму болезнь. Чем глубже проникала большевизация, тем более прочным, по мнению авторов, должно было оказаться последующее контрреволюционное отрезвление. Именно через подобные испытания вырабатывалась воля и закалялась внутренняя стойкость – качества, которые, как подчеркивал А. И. Деникин, были необходимы для свержения большевистской власти.

Таким образом, после поражения Белого движения в Гражданской войне некоторые военные мыслители, в частности А. И. Деникин и Н. Н. Головин, аргументировали позицию выжидания. Они связывали надежды не с внешними обстоятельствами, а с постепенным внутренним «выздоровлением» русского народа, рассматривая его как главную предпосылку возможной будущей победы над большевизмом. Важно подчеркнуть, что данный угол зрения не являлся прямым следствием профессиональной военной подготовки авторов или их оперативно-тактического опыта, а равно не вытекал из корпоративных установок офицерской среды. Напротив, он был производным от их мировоззренческих позиций, сформированных в условиях изгнания и травматического разрыва с родиной. В этом смысле осмысление большевизма как «болезни» национального организма отражало не столько специфику военного знания, сколько общую для эмиграции тенденцию переводить политическое противостояние в плоскость диагноза.

В конечном итоге репрезентации обоих мыслителей представляли скепсис в отношении русского «интеллигентского» политикума, не способного объединиться на единой («положительной», как, вероятно, добавил бы Н. Н. Головин) платформе в борьбе с большевизмом.

Кроме того, все рассмотренные нарративы представляли собой аргументированную попытку осмыслить травмирующие историческое сознание события. В связи с этим их следует рассматривать также и как практику глубокой историзации, следуя идеям Й. Рюзена. В этих обстоятельствах, первая интерпретационная позиция – идеалистическая, предстает генетическим нарративом, стремившемся без глубокого раскола осмыслить определенный исторический опыт, признать изменчивость ценностей[886]. Подобная позиция была особенно характерна для

[885] Головин Н. Н. Российская контр-революция в 1917-1918 г.г. Освобождение Дона и Кубани, и образование «Белого» южного фронта Гражданской войны Ч. V, кн. 12. Париж. : [б. и.], 1937. С. 95.
[886] Антощенко А. В., Жуковская Т. Н. Об особенностях исторического познания в России во второй трети XIX века // Сборник материалов по отечественной историографии (вторая треть XIX века) : учебное пособие; ПетрГУ. Петрозаводск, 2001. С. 10-11.

А. И. Деникина, сформулировавшего еще во время войны идею эволюционного изменения России, что стало для него результатом переосмысления собственной общественно-политической позиции в 1917-1918 гг. и принятии революции как свершившегося факта.

Вторая интерпретационная позиция – реалистическая, также принимая революцию, шла дальше, отвергая предыдущий исторический опыт существования России, что вылилось, по крайней мере декларативно, в отказе от формулы «Единой и Неделимой», что сближает ее с критическим типом наррации, подразумевающим отрицание значимости прошлого в угоду новых нарративов[887].

Подводя общий итог вышесказанному, следует суммировать, что историографическая дискуссия военного зарубежья вокруг причин и сущности поражения Белого движения демонстрирует нам наличие двух устойчивых интерпретационных линий: идеалистической и реалистической. Первая, в лице А. И. Деникина и его сторонников, исходила из верности лозунгу «Великой и Единой России» и понимала борьбу с большевизмом как продолжение национальной традиции, требующее сохранения исторической преемственности и демократической ориентации на народ. Вторая, представляемая П. Н. Врангелем, П. Н. Красновым, Н. Н. Головиным и другими, трактовала революцию и Гражданскую войну как радикальный слом прежних устоев и стремилась приспособить движение к новой социальной реальности, включая компромисс с народными чаяниями и центробежными тенденциями.

Объединяющим элементом обоих подходов стало восприятие большевизма как «болезни» народного организма, требующей долгого процесса выздоровления, при котором сама болезнь выступала необходимым условием последующего выздоровления и укрепления. Этот общий мотив свидетельствует о том, что, несмотря на острейшие идейные расхождения, различные нарративы эмигрантских мыслителей сходились в понимании главной задачи – духовного и социального возрождения России как предпосылки к будущему преодолению большевизма.

Тем самым работы А. И. Деникина, Н. Н. Головина и их современников можно рассматривать как разные, но взаимодополняющие способы историзации травматического опыта революции и Гражданской войны, демонстрирующие не только политическую полемику, но и глубокую потребность в сохранении российской государственности.

Необходимо также отметить важный аспект, связанный с расширением предмета исследований военных эмигрантов. Проведенный анализ позволяет заключить, что опыт, приобретенный в годы «русского лихолетья» (1914-1921 гг.), обусловил значимые изменения в их

[887] Антощенко А. В., Жуковская Т. Н. Об особенностях исторического познания в России во второй трети XIX века // Сборник материалов по отечественной историографии (вторая треть XIX века) : учебное пособие; ПетрГУ. Петрозаводск, 2001. С.10.

историографической практике. Речь идет о выходе за рамки сугубо военного анализа событий Первой мировой войны. При изучении событий 1917-1921 гг. этот переход становится окончательным: авторы обращаются к осмыслению политической и социальной сфер, а в работах некоторых из них (А. И. Деникин и, в особенности, Н. Н. Головин) и к анализу общественной психологии. Данное расширение предмета приводило к обоснованию тесной связи между всеми сферами жизни государства и социума. В то же время, начиная с 1917 г. генералы перестали воспринимать себя в узкопрофессиональных категориях, что позволило им включиться в ключевые общественно-политические дискуссии периода революции и Гражданской войны, а впоследствии – и в эмигрантскую полемику.

С этой позиции, нарративы военных деятелей легитимировали их участие в многочисленных дискуссиях, выводя их за пределы замкнутой в себе корпорации, выступавшей ранее под лозунгами «армия вне политики». Как отмечал В. Л. Кожевин: «в условиях революционного кризиса <…> Это в свою очередь означало выход на политическую арену военных, представлявших теперь самостоятельную силу, которая уже не являлась инструментом или орудием чьей-то политики, а сама выстраивала и защищала определенный политический курс»[888].

Последнее приводило к важным идентификационным последствиям для военных деятелей: отныне они не были готовы выступать объектом усилий политически ангажированных групп гражданских деятелей, а сами готовы были выступать в роли точки сбора русской эмиграции. Вследствие этого их нарративы перестали выполнять функцию исключительно объективного описания прошлого и приняли на себя социальную функцию – поддержание русской идентичности за рубежом, что выражалось также в активной мемориальной деятельности[889] и воссоздании сети военно-учебных заведений[890]. Таким образом их специфический опыт, закрепленный в текстах, становился важным символическим капиталом, усиливавшим их позиции в эмиграции.

[888] Кожевин, В. Л. Российское офицерство и Февральский революционный взрыв : монография. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2011. С. 255.
[889] Cohen A. J. Oh, That! Myth, Memory, and World War I in the Russian Emigration and the Soviet Union // Slavic Review, 2003. №1. P.3.
[890] Черных Ю. М., Шмаров А. Н. Традиции гражданско-патриотического воспитания в военном образовании русского зарубежья в «межвоенной» Европе. Известия ВГПУ. Педагогические науки. Волгоград: ВГСПУ, 2013. № 1 (260). С. 129.

Заключение.

Проведенное исследование позволяет определить военно-эмигрантскую историографию межвоенного периода как сложный и многогранный интеллектуальный феномен, сформировавшийся в специфических условиях оторванности от родины (влияние на психоэмоциональном уровне), идеологической борьбы (внутреннее и внешнее размежевание) и ограниченного доступа к источникам (которые остались в советской России). Ее развитие осуществлялось под влиянием данных факторов, а ее направленность отражала не столько стремление к фиксации прошлого, сколько попытку осмыслить национальную катастрофу и наметить пути будущего возрождения и стратегий (что было особенно свойственно для нарративов А. И. Деникина и Н. Н. Головина).

Поясняя фактор политико-идеологической борьбы, следует отметить, что многие исторические оценки, данные военными эмигрантами в своих репрезентациях, напрямую зависели от их мировоззренческих позиций, пролонгируя довоенные споры (о доктринальном развитии вооруженных сил, а также дискуссиях между «академистами» и «русской» школой), а также послевоенные внутренние конфликты. Ярким примером последнего служит заочная полемика между А. И. Деникиным и Н. Н. Головиным по вопросам стратегии Белого движения, отраженная в их трудах. Противостояние «предрешенцев» (имплицитно, в историографической практике, ими выступали все критики корниловско-деникинской линии, не исключая П. Н. Врангеля, для которого «непредрешение» было скорее тактической уловкой) и «непредрешенцев», монархистов и либералов, «областников» и централистов находило прямое отражение в исторических нарративах, определяя отбор фактов и их интерпретацию, как показано на примере разных оценок роли В. А. Сухомлинова или причин поражения Белых армий.

Недоступность советских архивов и опора на вывезенные документы, личные фонды, мемуары и зарубежные публикации предопределили характер работ. Это порождало широкий, но не всегда глубокий охват источников (от советских статистических сборников, приказов, законодательных памятников, до дневников и устных воспоминаний), что, однако, компенсировалось стремлением к смысловой целостности, стремлению обозначить ключевые смысловые идеи, определявшие ход течения двух конфликтов: модернизационная задержка страны в предвоенные годы, слабость русского военного строя и законодательства; системная проблема подбора военных кадров, что было следствием влияния «камарильи» и «интриг» на военный институт; специфика развала дисциплины в вооруженных силах; влияние Мировой войны на Гражданскую; психо-социальное «заболевание» народных масс; роль окраинных национально-автономистских движений и т.д.

Говоря об основных целях, преследуемых в военно-эмигрантской историографии, следует обозначить: осмысление национальной катастрофы и детравматизация исторического сознания; сохранение идентичности и формирование горизонта будущего; участие в политико-идеологической борьбе (как внутренней, так и внешней); формулирование и применение новых подходов к анализу (главным образом, в трудах Н. Н. Головина, концептуальный аппарат которого и до сегодняшнего дня является одним из самых лучших с точки зрения строгости теоретико-методологического анализа).

Следует указать некоторые особенности репрезентационной историографической практики военной эмиграции. Так, историческая репрезентация Первой мировой войны в трудах русской военной эмиграции формировалась под влиянием целого ряда взаимосвязанных факторов: преемственности довоенных дискуссий, (доктринальной и военно-исторической) влияния нового военного опыта и военной теории. Анализ показывает, что эмигрантские авторы не столько стремились к хроникальной реконструкции событий, сколько к выстраиванию осмысленных нарративов, призванных понять и объяснить катастрофу. Например, Н. Н. Головин, интерпретируя войну через призму социологической теории, рассматривал ее как кризис государства под влиянием конфликта «вооруженных народов» и, выявляя системные недостатки российской государственности – от архаичного военного законодательства до неэффективного управления экономикой (историк выступал как ключевой последователь «академической» школы). В то же время А. А. Керсновский видел в поражении проявление духовного упадка, вызванного отходом от «русского национального военного искусства» и заимствованием идей западного рационализма (таким образом, он выступал преемником «национальной» или «русской» военно-исторической школы). Его оценка операций, таких как Брусиловский прорыв, подчинялась общей метафоре «угасания духа» армии, что демонстрирует, как теоретическая установка автора доминировала над эмпирическим материалом. Таким образом, репрезентация Первой мировой войны в эмигрантской историографии стала не просто изложением фактов, а формой интеллектуального и, отчасти, идеологического самоопределения в изгнании.

Осмысление Гражданской войны в работах военных эмигрантов отличалось еще большей идеологической насыщенностью и остротой. А. И. Деникин в «Очерках русской смуты» выстраивал нарратив вокруг идеи национальной катастрофы, вызванной распадом государства и моральным разложением общества. Его заочная полемика с Н. Н. Головиным наглядно иллюстрирует конкурентный характер эмигрантской историографии, где разногласия по военно-стратегическим вопросам (например, выбор направления удара на Царицын или каменноугольный бассейн) становились частью борьбы за легитимность собственной версии прошлого. При этом авторы, такие как А. А. Зайцов и Н. Н. Головин (наиболее ярко) и

А. И. Деникин (жанр очерков), пытались преодолеть чисто мемуарный жанр, предлагая собственные аналитические схемы причин поражения Белого движения – от политической раздробленности как следствия эгоизма, непонимания сути конфликта до отсутствия «положительной» идеи (последнее – имплицитная критика «непредрешения»). Эти труды выполняли не только объяснительную, но и проективную функцию, стремясь извлечь «уроки» для будущего возрождения России. Таким образом, репрезентация Гражданской войны стала для военной эмиграции способом сохранить идейную преемственность, оправдать свой выбор и превратить личный опыт в элемент коллективной исторической памяти, обладающей собственной ценностью в рамках перспективистской парадигмы.

Особую значимость для настоящего диссертационного исследования, как и для историографической практики военных эмигрантов, имело осмысление идейной и причинно-следственной взаимосвязи двух конфликтов. Хотя эта связь наиболее прямо артикулирована в трудах А. А. Зайцова, ее имплицитное присутствие характерно и для других авторов. Например, Н. Н. Головин подчеркивал структурную, социологическую обусловленность этой связи, утверждая, что Мировая война катализировала внутренние социальные процессы в России, что в конечном итоге привело к Гражданской войне. А. И. Деникин в первом томе «Очерков русской смуты» также фиксировал эту взаимосвязь, интерпретируя революцию и гражданскую войну как следствие причин, обостренных и выявленных общегосударственным кризисом военных лет. Аналогичную позицию, не всегда эксплицитно формулируя ее, разделяли П. Н. Краснов и П. Н. Врангель, рассматривавшие Первую мировую войну в качестве ключевого фактора ослабления государственной власти и последующей «Русской революции».

Таким образом, признание структурной взаимозависимости двух войн является устойчивым элементом историографической традиции военной эмиграции, что и обусловило их комплексное рассмотрение в рамках данного диссертационного исследования.

Наконец, важно определить и, соответственно, наметить для будущих штудий, общую специфику военного нарратива. На основе проведенного исследования можно утверждать, что ключом к пониманию специфики является военная эпистема, отраженная в нарративах военных эмигрантов. Последнюю, продолжая размышления М. Фуко[891], необходимо понимать как исторически изменчивое априорное условие, определяющее границы познаваемого и способы производства военного знания. В связи с этим, представленные в работе нарративы являются отражением военной эпистемы, сформированной в XIX в., которую А. Энгберг-Педерсен

[891] Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. – Пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой. Вступительная статья Н.С. Автономовой. – СПб. : A-cad, 1994. – 407 с.

обозначил как «l'empire du hazard» («империи случая»)[892]. Война как объект познания у всех рассмотренных военных профессионалов – за исключением А. А. Керсновского, который им не являлся, а был лишь молодым добровольцем на завершающей стадии Гражданской войны, – предстает как пространство контингентности, а знание о ней или об отдельном ее явлении представляет собой сложную вероятность, калькуляцию множества контекстов и факторов (отсюда описания иных фронтов и антибольшевистских правительств у военных авторов). Именно поэтому все представленные авторы уделяли ключевое внимание мириадам сопутствующей информации, в условиях которой принимались военные и политические решения. Таким образом, представляется, что специфика рассмотренных военных нарративов, заключается в попытке, упорядочивания военных событий через артикуляцию принципиальной контингентности и неопределенности любых условий и состояний. Важно отметить двойственность перспектив, которая четко отражается в военном нарративе: картографическая, охватывающая пространство и личной, связанной с перспективой участника и темпорализацией военного пространства. Это явление наиболее четко видно при описании боевых операций военными эмигрантами.

В конечном итоге разобранные на страницах диссертации сочинения представляют собой попытку военных через наррацию осмыслить «русское лихолетье» (как общая задача по восстановлению собственного травмированного исторического сознания) и отрефлексировать собственный «такт суждения»[893], то есть показать условия и принципы принятия решений в условиях военной и, в период Гражданской войны, социально-политической контингентности, в которой не находился ни один политик или профессиональный историк и, по-видимому, даже не понимал ее.

Представляется, что наиболее активно с данным непониманием столкнулся А. И. Деникин и его «Очерки», что, отчасти, послужило причиной полемики вокруг труда. Наиболее отчетливо это непонимание военной специфики видно на примере рассуждений В. А. Мякотина, который, в целом весьма высоко оценивая труд, отмечал, что генерал предпринял «попытку» «стать историком», причиной этой попытки он называл описания иных антибольшевистских сил и фронтов (т.е., не юга России)[894]. Такое утверждение – символ коренного непонимания труда и мысли автора, что являлось следствием непонимания самого военного как сферы. Большинство гражданских авторов так и не осознали, что война, как социальное явление (что особенно четко

[892] Engberg-Pedersen A. Empire of Chance: The Napoleonic Wars and the Disorder of Things. Cambridge: Harvard University Press. 2015. P. 51
[893] Данный термин заимствован у А. Энгберг-Педерсена, который ссылается на К. фон Клаузевица. См. : Ibid. P. 78.
[894] Кручинин А. С. «Нужно писать правду...» // Деникин А. И. Старая армия. Офицеры. М. : Айрис-пресс, 2005. С. 29.

пытался показать Н. Н. Головин), вышло с «вооруженными народами» далеко за рамки фронтовой полосы, пронизывая саму ткань социума, вовлекая его в свои жестокие жернова. В этих обстоятельствах военный нарратив эмигрантов и его ключевая специфика заключались в том, чтобы показать те новые условия (контингентность, вероятность, «такт суждения»), в которых происходили и продолжали происходить события, – условия, которые гражданский человек, не имевший широкого военного опыта и знаний, понять не мог.

Проведенный в диссертационном исследовании анализ подтверждает продуктивность избранного теоретико-методологического подхода, а именно – герменевтического и нарратологического. Его ключевым аспектом стало рассмотрение корпуса текстов русской военной эмиграции как целостных нарративных репрезентаций. Это позволило, во-первых, преодолеть традиционное восприятие этих текстов как заведомо ненаучных и необъективных. Во-вторых, артикулировав и обосновав влияние морально-психологического (утрата России) и прагматического (недоступность советских архивов) факторов, удалось отказаться от классического для историографии подхода, оценивающего подобные тексты исключительно через призму буквальной автопсии, то есть соответствия историографического источника первичным историческим источникам.

В основу методологии легла репрезентативистская парадигма, разработанная в трудах Ф. Анкерсмита, в рамках которой историографический текст трактуется как репрезентация, основанная на множестве других репрезентаций и скрепленная phaenomena bene fundata – сложным набором логически когерентных и интерпретативно согласованных связей.

Преимущества данного подхода заключаются в его четком теоретическом обосновании, которое играет концептуально важную роль. Оно задает специфическую исследовательскую перспективу, смещающую фокус с верификации отдельных репрезентаций-источников (что в условиях их принципиальной ограниченности было бы контрпродуктивно) на анализ phaenomena bene fundata – связей, структурирующих историческую репрезентацию. Сила и убедительность репрезентации в данной парадигме обосновываются степенью согласованности привлекаемых фактов и внутренней непротиворечивостью авторской перспективы эмигрантов. Следовательно, центральное внимание в диссертации уделяется осмыслению авторами-эмигрантами событий прошлого как ключевому элементу репрезентации, способному прояснить природу phaenomena bene fundata в историографических текстах.

Важно указать, что данная работа представляет собой начальный этап системного осмысления корпуса текстов, созданных русской военной эмиграцией, и задает парадигму для их последующего анализа. При этом значительные лакуны сохраняются как в изучении творчества конкретных авторов (углубление исследований по представленным и тем, кому не нашлось места

на страницах данной работы), так и в исследовании целых тематических пластов (как в отношении обозначенных событий, так и иных: углубление понимания военно-теоретических текстов, военных конфликтов периода interbellum, взглядов на развитие вооруженных сил того периода и др.), нуждающихся в концептуальном освоении. Сегодня существует необходимость перехода от уровня первичного обобщения и введения в научный оборот этого наследия (что было основной задачей историографии с конца 1980-х годов) к этапу его герменевтической интерпретации. В духе концепции Г. Гадамера это можно определить как движение к «слиянию горизонтов» исторического актора и современного интерпретатора. Решение этой задачи невозможно без привлечения новой теоретико-методологической оптики.

Список использованных источников и литературы

I. Источники

Опубликованные:

1. Бабкин Н. Неосторожные слова. Генерал Деникин и «Измена» / Н. Бабкин // Часовой. – Париж, 1935. – № 150. – С. 21–23.

2. Байов А. К. Вклад России в победу союзников / А. К. Байов. – Ревель : [б. и.], 1924. – 60 с.

3. Байов А. К. Истоки великой мировой драмы и ее режиссеры / А. К. Байов. – Таллин : [б. и.], 1927. – 122 с.

4. Баиов А. К. Курс истории русскаго военнаго искусства : [Вып. 1-7] / А. К. Баиов. Эпоха императора Александра I. – Санкт-Петербург : тип. Г. Скачкова, 1909-1913, 1913. – XX, 481 с.

5. Белый архив : сборники материалов по истории и литературе войны, революции, большевизма, белого движения и т. п. Т.1 / под ред. Я. М. Лисового. 1. – Париж : [б. и.], 1926. – 223 с.

6. Бубнов А. Д. В царской ставке / А. Д. Бубнов. – М. : Вече, 2008. – 268 с.

7. Будберг А. Я. Дневник белогвардейца: Воспоминания. Мемуары / А. Я. Будберг. – Минск. : Харвест, М.: АСТ, 2001. – 336 с.

8. Врангель П. Н. Воспоминания: в 2 частях.1916-1920 / Биографические справки С. В. Волокова. – М. : ЗАО Центрополиграф, 2006. – 783 с.

9. Вуич Г. Э. Об «оборончестве» и «пораженчестве» / Г. Э. Вуич // Часовой. – Париж, 1939. – № 232–233. – С. 34.

10. Головин Н. Н. Военные усилия России в Мировой войне. В 2 т . Т. 1 / Н. Н. Головин. – Париж : Т-во объединенных издателей, 1939. – 211 с.

11. Головин Н. Н. Военные усилия России в Мировой войне. В 2 т . Т. 2 / Н. Н. Головин. – Париж : Т-во объединенных издателей, 1939. – 242 с.

12. Головин Н. Н. Галицийская битва (Лекция проф. ген. Н. Н. Головина) // Часовой. – Париж, 1931. – № 55. – С. 6.

13. Головин Н. Н. Мысли об устройстве будущей российской вооруженной силы [очерк 1-13] / Н. Н. Головин. – Белград : Русская типография, 1925 (обл. 1927). – XII, 407 с.

14. Головин Н. Н. Наука о войне : О социологическом изучении войны / Н. Н. Головин. – Париж : Сигнал, Сор. 1938. – 241 с.

15. Головин Н. Н. Российская контр-революция в 1917-1918 г.г. Большевистский переворот превращает контрреволюцию в противобольшевистское движение Ч. II, кн. 3 / Н. Н. Головин. – Париж. : Иллюстрированная Россия, 1937. – 114 с.

16. Головин Н. Н. Российская контр-революция в 1917-1918 г.г. Всевеликое Войско Донское Ч. V, кн. 10 / Н. Н. Головин. – Париж. : Иллюстрированная Россия, 1937. – 77 с.

17. Головин Н. Н. Российская контр-революция в 1917-1918 г.г. Добровольческая армия и освобождение Кубани Ч. V, кн. 11 / Н. Н. Головин. – Париж. : Иллюстрированная Россия, 1937. – 136 с.

18. Головин Н. Н. Российская контр-революция в 1917-1918 г.г. Зарождение контр-революции и первая ее вспышка Ч. I, кн. 1 / Н. Н. Головин. – Париж. : Иллюстрированная Россия, 1937. – 168 с.

19. Головин Н. Н. Российская контр-революция в 1917-1918 г.г. Зарождение контр-революции и первая ее вспышка Ч. I, кн. 2 / Н. Н. Головин. – Париж. : Иллюстрированная Россия, 1937. – 159 с.

20. Головин Н. Н. Российская контр-революция в 1917-1918 г.г. Интервенция врагов и Союзников Ч. III, кн. 6 / Н. Н. Головин. – Париж. : Иллюстрированная Россия, 1937. – 116 с.

21. Головин Н. Н. Российская контр-революция в 1917-1918 г.г. Интервенция врагов и Союзников Ч. III, кн. 7 / Н. Н. Головин. – Париж. : Иллюстрированная Россия, 1937. – 130 с.

22. Головин Н. Н. Российская контр-революция в 1917-1918 г.г. Образование областных противобольшевистских движений Ч. II, кн. 4 / Н. Н. Головин. – Париж. : Иллюстрированная Россия, 1937. – 87 с.

23. Головин Н. Н. Российская контр-революция в 1917-1918 г.г. Освобождение Сибири и образование «Белого» военного фронта Гражданской войны Ч. IV, кн. 8 / Н. Н. Головин. – Париж. : Иллюстрированная Россия, 1937. – 154 с.

24. Головин Н. Н. Российская контр-революция в 1917-1918 г.г. Освобождение Сибири и образование «Белого» военного фронта Гражданской войны Ч. IV, кн. 9 / Н. Н. Головин. – Париж. : Иллюстрированная Россия, 1937. – 112 с.

25. Головин Н. Н. Российская контр-революция в 1917-1918 г.г. Освобождение Дона и Кубани, и образование «Белого» южного фронта Гражданской войны Ч. V, кн. 12 / Н. Н. Головин. – Париж. : Иллюстрированная Россия, 1937. – 96 с.

26. Головин Н. Н. Российская контр-революция в 1917-1918 г.г. Развитие общероссийского противобольшевистского движения Ч. II, кн. 5 / Н. Н. Головин. – Париж. : Иллюстрированная Россия, 1937. – 104 с.

27. Головин Н. Н. Современная конница / Н. Н. Головин. – Белград : б. и., 1923. – 67 с.

28. Головин Н. Н. Из истории кампании 1914 года на русском фронте Начало войны и операции в Вост. Пруссии, С прил. карт и схем на отд. листах / Н. Н. Головин. – Прага : Пламя, 1926. – 437 с.

29. Данилов Ю. Н. Великий князь Николай Николаевич / / Ю. Н. Данилов. – Париж : Impr. de Navarre, 1930. – 370 с.

30. Данилов Ю. Н. На пути к крушению / Ю. Н. Данилов. – М. : XXI век–Согласие, 2000. – 400 с.

31. Данилов Ю. Н. Россия в мировой войне 1914-1915 гг. / Ю. Н. Данилов. – Берлин : Слово, 1924. – 396 с.

32. Деникин А. И. Старая армия. Офицеры. / А. И. Деникин; предисл. А. С. Кручинина. – М. : Айрис-пресс, 2005. – 512 с.

33. Деникин А. И. Очерки русской смуты: Борьба генерала Корнилова. Август 1917-апрель 1918 / А. И. Деникин. – Минск : Харвест, 2002. – 400 с.

34. Деникин А. И. Очерки русской смуты : [в 3 кн.]. Кн.3 : т.4, т.5. Вооруженные силы Юга России / А. И. Деникин. – 3-е изд. М. : АЙРИС-пресс, 2015. – 832 с.

35. Деникин А. И. Путь русского офицера / А. И. Деникин. – М. : Прометей, 1990. – 304 с.

36. Деникин А. И. Очерки русской смуты. Белое движение и борьба Добровольческой армии: май-октябрь 1918 г. / А. И. Деникин. – Минск : Харвест, 2002. – 464 с.

37. Деникин А. И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917 / А. И. Деникин. – Минск : Харвест, 2002. – 464 с.

38. Денисов С. В. Записки. Гражданская война на юге России 1918–1920 гг. Книга 1-я: Январь–май 1918 г. / С. В. Денисов. – Константинополь : Тип. «Пресса», 1921. – 119 с.

39. Добрынин В. В. Борьба с большевизмом на юге России. Участие в борьбе донского казачества: февраль 1917 – март 1920 : очерк / В. В. Добрынин. – Прага : Славянское издательство, 1921. – 123 с.

40. Дрейер В. Н. фон Крестный путь во имя Родины : двухлетняя война краснаго Севера с белым Югом 1918-1920 года / В. фон Дрейер. – Берлин ; Шарлоттенбург : Тип. «Нейе Цейт», 1921. – 154 с.

41. Зайцов А. А. 1918 год : Очерки по истории русской гражданской войны / А. А. Зайцов. – Париж : [б. и.], 1934. – 278 с.

42. Зайцов А. А. Луцкий прорыв // Часовой. – Париж, 1929. – № 9–10. – С. 13.

43. Керсновский А. А. История русской армии в 4 т. Т. 3 : 1881–1915 гг. / А. А. Керсновский. – М. : Голос. – 1994. – 352 с.

44. Керсновский А. А. История русской армии в 4 т. Т. 4 : 1915–1917 гг. / А. А. Керсновский. – М. : Голос. – 1994. – 368 с.

45. Керсновский А. А. Философия войны / А. А. Керсновский. – М. : Изд-во Московской Патриархии, 2010. – 202 с.

46. Кондзеровский П. К. В Ставке Верховного, 1914-1917 : Воспоминания дежурного генерала при Верховном Главнокомандующем / П. К. Кондзеровский. – Париж, 1967. – 129 с.

47. Краснов П. Н. Душа армии : очерки по воен. психологии / П. Н. Краснов ; с предисл. Н. Н. Головина. – Берлин : Медный всадник, 1927. – 156 с.

48. Краснов П. Н. Атаман: Воспоминания / Сост, вступ. ст., примеч. Т. Ф. Прокопова. – М. : Вагриус, 2006. – 650 с.

49. Лукомский А. С. Очерки из моей жизни. Воспоминания / А. С. Лукомский; составл., предисловие, коммент. С. В. Волкова. – М. : Айрис-пресс, 2012. – 752 с.

50. Орехов В. В. Белая идея // Часовой. – Париж, 1929. – № 9–10. – С. 24.

51. Орехов В. В. Галлиполийцы // Часовой. – Париж, 1929. – № 21–22. – С. 13.

52. Ростовцев О. Профессор Николай Николаевич Головин // Часовой. – Париж, 1933. – № 99. – С. 7–8.

53. Савинков Б. В. К делу Корнилова / Б. В. Савинков. – Париж. : Union, 1919. – 29 с.

54. Сахаров, К. В. Белая Сибирь (внутренняя война 1918-1920 гг.) / К. В. Сахаров. – Мюнхен : [б. и.], 1923. – 324 с.

55. Тарусский Е. Теория и практика (на докладе ген. А. И. Деникина) / Е. Тарусский // Часовой. – Париж, 1935. – № 145. – С. 25-26.

56. Устрялов Н. В. Национал-большевизм / Н. В. Устрялов. – М.: Изд-во Эксмо, 2003. – 656 с.

57. Хвольсон К. В., Головин Н. Н. Основные идеи организации западноевропейских армий // Армия и Флот. Вестник сухопутных, морских и воздушных сил / Париж. – 1939. – № 7. – С. 5-14.

58. Шмелев И. С. Памяти «непреклонного» // Русская мысль. 1947. 16 авг. – № 18. – С. 1-3.

59. Штейфон Б. А. Кризис добровольчества / Б. А. Штейфон. – Белград: Русская типография, 1928. – 131 с.

60. Штерн С. В огне гражданской войны : воспоминания, впечатления, мысли / С. Штерн. – Париж : Русское книгоиздательство Я. Поволоцкий и Ко., 1922. – 197 с.

61. Hodgson J. E. With Denikin’s Armies. Being a Description of the Cossack counter-revolution in South Russian, 1918-1920 / J. E. Hodgson. – Edinburg: Edinburgh Press, 1932. – 195 p.

Неопубликованные:

62. ГА РФ Ф. 102. Департамент полиции Министерства внутренних дел. Оп. №265. Д. 995.

63. ГА РФ Ф. 446. Политическая канцелярия Особого совещания при главнокомандующем Вооруженными силами на юге России. Екатеринодар. Оп. №2. Д. 1.

64. ГА РФ Ф. 446. Политическая канцелярия Особого совещания при главнокомандующем Вооруженными силами на юге России. Екатеринодар Оп. №2. Д. 2.

65. ГА РФ Ф. 5827. Письма, записки с воспоминаниями участников Гражданской войны на Юге России, - А.П. Кутепова, П.С. Махрова, А.П. Богаевского, А.Г. Шапрон-дю Ларре, написанные для А.И. Деникина. Автограф, авторизованная машинопись. Имеются пометы А.И. Деникина. Оп. №1. Д. 97.

II. Литература

На русском языке:

1. Авдеев А. В. Первая мировая война глазами Русского Зарубежья / А. В. Авдеев // Последняя война Российской империи: Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов. Материалы Международной научной конференции. Москва, 7-8 сентября 2004 года / [отв. ред. В. П. Козлов]. – М.: Наука, 2006. С. 39-48.

2. Авдошкина О. В. Российский революционный процесс и политические партии в эмигрантской историографии 1920-1930-х гг. / О. В. Авдошкина // Вестник Томского государственного университета. История. – 2012. – № 4 (20). – С. 47-50.

3. Айрапетов О. Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917): 1914. Начало / Р. О. Айрапетов. – М.: Кучково поле, 2014. – 640 с.

4. Александров К. М. «Желаю лишь одного – принести пользу нашей возрождающейся в муках Родине». Жизнь и судьба генерал-лейтенанта Н. Н. Головина // Труды I международных исторических чтений, посвященных памяти профессора, Генерального штаба генерал-лейтенанта Николая Николаевича Головина. Санкт-Петербург, 27 ноября 2010 года. Сборник статей и материалов / Составители К. М. Александров, О. А. Шевцов, А. В. Шмелев. – СПб. : Скрипториум, 2011. – С. 5-18.

5. Анишев А. Очерки истории гражданской войны 1917-1920 гг. / А. Анишев ; Военно-полит. акад. им. т. Толмачева РККА и РККФ. – Л. : Гос. изд-во, 1925. – 288 с.

6. Анкерсмит Ф. Нарративная логика: Семантический анализ языков историков / Ф. Анкерсмит; Пер. с англ. О. Гавришиной, А. Олейникова; Под науч. ред. Л. Б. Макеевой. – М. : Идея-Пресс, 2003 (ПИК ВИНИТИ). – 360 с.

7. Антонова Л. А. Политические воззрения А. И. Деникина в России и эмиграции: формирование и эволюцию : автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Антонова Л. А.; [Место защиты: Юж. федер. ун-т]. – Ростов-на-Дону, 2011. – 25 с.

8. Антощенко А. В., Жуковская Т. Н. Об особенностях исторического познания в России во второй трети XIX века / А. В. Антощенко, Т. Н. Жуковская // Сборник материалов по отечественной историографии (вторая треть XIX века) : учебное пособие / [сост., вступ. ст., коммент.: А. В. Антощенко, Т. Н. Жуковская] ; под ред. А. Н. Цамутали ; ПетрГУ. – Петрозаводск, 2001. – С. 6-24.

9. Антощенко, А. В. Зачем изучать историографию? / А. В. Антощенко // Мавродинские чтения 2018 : Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения профессора Владимира Васильевича Мавродина, Санкт-Петербург, 29–31 октября 2018 года / Под редакцией А.Ю. Дворниченко. – Санкт-Петербург: Общество с ограниченной ответственностью "Нестор-История", 2018. – С. 560-564.

10. Ашкеров А. Ю. Метаистория метаистории, или Декодирование Хейдена Уайта / А. Ю. Ашкеров // Социологическое обозрение. – 2002. – Т. 2, № 1. – С. 86–99.

11. Баиов А. К. Курс истории русскаго военнаго искусства [Текст] : [Вып. 1-7] / А. К. Баиов. Эпоха императора Александра I. – Санкт-Петербург : тип. Г. Скачкова, 1909-1913, 1913. – XX, 481 с.

12. Бакланова И. С. Военно-стратегические планы командования Вооруженных сил Юга России на 1919 год: историография вопроса // Военно-исторический журнал. – 2011. – №3. – С. 66-69.

13. Бакланова И. С. К вопросу об оценке эмигрантскими авторами преобразований в военной сфере главнокомандующего ВСЮР (Русской армией) генерала П. Н. Врангеля // Научный вестник МГТУ ГА. – 2011. – №166. – С. 21-25.

14. Бакланова И. С. Организационные принципы строительства Добровольческой армии в зеркале эмигрантской историографии // Научный вестник МГТУ ГА. – 2010. – №155. – С. 107-110.

15. Бакланова И. С. Военные действия в 1920 году на Юге России: анализ эмигрантских авторов // Научный вестник МГТУ ГА. – 2012. – №182. – С. 13-17.

16. Бегидов А. М. Военное образование в Зарубежной России. 1920–1945 : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02 / А. М. Бегидов; Место защиты: Рост. юрид. ин-т МВД РФ, Нальчикский филиал. – Москва : ИВИ РАН, 2001. – 508 с.

17. Бей Е. В., Евдокимов А. В. Министерская чехарда. Последние военные министры Российской империи // Военно-исторический журнал. 2020. – № 3. – С. 46-53.

18. Бей Е. В. Генерал В. А. Сухомлинов. Военный министр эпохи Великой войны / Е. В. Бей. – М. : Центрополиграф, 2021. – 318 с.

19. Белезяк И. С. Различение типов общества как альтернативный взгляд на дискуссию западников и славянофилов / И. С. Белезяк // Сибирский аэрокосмический журнал. – 2007. – Т. 16, № 2. – С. 167-172.

20. Белое движение. Исторические портреты: Л. Г. Корнилов, А. И. Деникин, П. Н. Врангель … / сост. А. С. Кручинин. – М. : Астерль: АСТ, 2006, – 446 с.

21. Бескровный Л. Г. Очерки военной историографии России / Л. Г. Бескровный //Акад. наук СССР. Ин-т истории. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1962. – 318 с.

22. Блок М. Апология истории, или Ремесло историка / М. Блок; пер. с фр. Е. М. Лысенко; примеч. А. Я. Гуревича; АН СССР. – М. : Наука, 1973. – 232 с.

23. Богданов А. В. Западничество в России: история и современность / А. В. Богданов // Философия и общество. – 2008. – № 3. – С. 160–175.

24. Бордюгов Г. А. Белое дело: идеология, основы, режимы власти. Историографические очерки / Г. А. Бордюгов, А. И. Ушаков, В. Ю. Чураков. – М. : Русский мир, 1998. – 320 с.

25. Бранденбергер Д. Л. Национал-большевизм : Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания. 1931-1956 / Д. Л. Бранденбергер ; [авторизированный пер. с англ. Н. Алешиной и Л. Высоцкого]. – Доп. изд. – Санкт-Петербург : Акад. проект, Изд-во ДНК, 2009. – 415 с.

26. Брокгауз Ф. А. Энциклопедический словарь. Т. XXVI / под ред. проф. И. Е. Андреевского. – Санкт-Петербург : Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1890-1907. – 480 с.

27. Булдаков В. П. Война, породившая революцию / Булдаков В. П., Леонтьева Т. Г. – М.: Новый хронограф, 2015. – 720 с.

28. Быков А. С. Питирим Сорокин и Николай Головин – ученые в изгнании. Грани научного сотрудничества // Питирим Сорокин и парадигмы глобального развития XXI века (к 130-летию со дня рождения): Международная научная конференция, Сыктывкар, 10–12 октября 2019 г. : сборник научных трудов. – Сыктывкар : Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2019. – С. 30-37.

29. Военная энциклопедия : в 8 т. Т. 7 / М-во обороны Российской Федерации, Ин-т воен. истории ; гл. ред. комис.: П. С. Грачев (пред.) [и др.]. – Москва, 2003. – 735 с.

30. Военная энциклопедия: [в 18 т.] / под ред. В. Ф. Новицкого [и др.]. – СПб. ; [М.] : Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1911–1915. Т. 4: Б – Бомба. – 1911. – 642 с.

31. Волобуев П. В. Октябрьская революция: новые подходы к изучению / П. В. Волобуев, В. П. Булдаков // Вопросы истории. – 1996. – №5-6. – С. 28-39.

32. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы филос. герменевтики: Пер. с нем./Общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.

33. Ганин А. В. Подготовка кадров Генерального штаба в русской эмиграции межвоенного периода (1921–1939 гг.) // Военно-исторический журнал. 2015. – № 11. – С.46-51.

34. Гаркуша И. О. Российский государственный военно-исторический архив – крупнейшее хранилище документальных источников по истории Первой мировой войны: из истории формирования // Последняя война Российской империи: Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов : материалы Международной научной конференции, Москва, 7–8 сентября 2004 года / [отв. ред. В. П. Козлов]. – М. : Наука, 2006. – С. 53-57.

35. Герлиц В. Германский Генеральный штаб. История и структура, 1657-1945 / В. Герлиц; [пер. с англ. С. В. Лисогорского]. – М. : Центрполиграф, 2005. – 476 с.

36. Голдин В. И. Солдаты на чужбине: Русский Обще-Воинский Союз, Россия и Русское зарубежье в XX–XXI веках : электронное издание / В. И. Голдин. – М. : Русский Обще-Воинский Союз, 2011. – 522 с.

37. Голдин В. И. Гражданская война в России: осмысление сквозь столетие. В 2 т. Т. 1. / Голдин В. И. – М. : Кучково поле. – 2025. – 736 с.

38. Гребенкин А. Н. Развитие социокультурных традиций российской военной школы в кадетских корпусах Русского Зарубежья: преемственность и новации // Эмиграция как текст культуры: историческое наследие и современность: сборник научных статей. – Будапешт : Изд-во Selmeczi Bt. ; Киров : ООО «Издательство «Радуга-Пресс», 2020. – С. 240-253.

39. Даниленко И. С. Первая мировая война в оценках крупнейших представителей отечественной военной мысли 1920-1930-х годов. / И. С. Даниленко // Последняя война Российской империи: Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов. Материалы Международной научной конференции. Москва, 7-8 сентября 2004 года / [отв. ред. В. П. Козлов]. – М.: Наука, 2006. – С. 58-65.

40. Ершов В. Ф. Общество российских ветеранов Первой мировой войны в эмиграции (по материалам Русского заграничного исторического архива) / В. Ф. Ершов // Последняя война Российской империи: Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов : материалы Международной научной

конференции, Москва, 7-8 сентября 2004 года / [отв. ред. В. П. Козлов]. – Москва : Наука, 2006. – С. 365-371.

41. Зайончковский А. М. Мировая война 1914–1918 гг. : в 2 т. Т. 1. Кампании 1914–1915 гг. / А. М. Зайончковский. – 3-е изд. – Москва : Гос. воен. изд., 1938. – 382 с.

42. Залесский К. А. Кто был кто в Первой мировой войне биографический энциклопедический словарь / К. А. Залесский. – М. : Астрель, АСТ, 2003. – 891 с.

43. Зимина В. Д. Белое дело взбунтовавшейся России: Политические режимы Гражданской войны 1917-1920 гг. / В. Д. Зимина. М. : Рос. Гуманит. Ун-т, 2006. – 467 с.

44. Золотарев В. А. Русско-турецкая война 1877-1878 гг. в отечественной историографии конца XIX – начала XX в. / В. А. Золотарев. – М. : Наука, 1978. – 144 с.

45. Ильин И. А. Национальная Россия. Наши задачи / И. А. Ильин. – М. : Родина, 2023. – 416 с.

46. Ипполитов Г. М. Деникин / Г. М. Ипполитов. – [Изд. второе, доп. и перераб.]. – Москва : Молодая гвардия, 2006. – 664 с.

47. Ирхин Ю. В. Политология : учебник для вузов / Ю. В. Ирхин, В. Д. Зотов, Л. В. Зотова. – Москва : Юристъ, 2000. – 510 с.

48. Иссерсон Г. С. Эволюция оперативного искусства / Г. С. Иссерсон. – М. : Гос. воен. изд., 1932. – 72 с.

49. Какурин Н. Е. Как сражалась революция : в 2 т. Т. 1 : 1917–1918 гг / Н. Е. Какурин ; [вступ. ст. А. Ненарокова]. – 2-е изд., уточн. – Москва : Политиздат, 1990. – 271 с.

50. Катагощина М. В. Первая мировая война в зеркале частных и корпоративных историко-культурных коллекций России и Российского зарубежья / М. В. Катагощина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2019. – Т. 18, № 1. – С. 151-181.

51. Кенез П. Подлинная история Добровольческой армии, 1917-1918 [Текст] : [перевод с английского] / П. Кенез. – М. : Алгоритм, 2017. – 318 с.

52. Кисин С. В. Генерал Деникин. За Россию, Единую и Неделимую / С. В. Кисин. – М. : Центрополиграф, 2021. – 317 с.

53. Клаузевиц К. фон. О войне / К. Клаузевиц ; пер. с нем. А. Рачинского ; [вступ. ст. В. Н. Лобова, с. 8-22]. – М. : Логос : Наука, 1998. – 446 с.

54. Ключевский В. О. Курс русской истории / В. О. Ключевский. Ч. 1. – М. : Соцэкгиз, 1937. – 394 с.

55. Кожевин В. Л. Причины поражения армии А. В. Колчака в дневниках и воспоминаниях белогвардейских генералов / В. Л. Кожевин // Гражданская война на востоке

России: взгляд сквозь документальное наследие : материалы IV Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Западно-Сибирского восстания и 10-летию Центра изучения истории Гражданской войны (Омск, 20–21 октября 2021 г.). – Омск : Издательство ОмГТУ, 2021. – С. 141-147.

56. Кожевин, В. Л. Российское офицерство и Февральский революционный взрыв : монография / В. Л. Кожевин. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2011. – 260 с.

57. Козенко Б. Д. Отечественная историография Первой мировой войны // Новая и новейшая история. – 2001. – № 3. – С. 3-27.

58. Конев К. А. Лозунг «Великая, единая и неделимая Россия» и формирование образа союзников в официальной и проправительственной печати белой Сибири (июнь 1918 – декабрь 1919 г.) / К. А. Конев // Вестник Томского государственного университета. – 2015. – № 399. – С. 80-85.

59. Короткий А. Ю. «Очерки русской смуты»: опыт тропологической интерпретации // КЛИО. – Санкт-Петербург, 2026. – № 3 (231). С.13-18.

60. Короткий А. Ю. Историософские представления А. И. Деникина // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2026. Т. 13, No 2 (50). С. 62-66.

61. Короткий А. Ю. Пореволюционная русская военная эмиграция о проблеме национальной консолидации в Первую мировую войну // Ученые записки Петрозаводского государственного университета / Петрозаводский государственный университет. – Петрозаводск, 2025. – Т.47, №.8. – С. 8-15.

62. Короткий А. Ю. Н. Н. Головин об участии России в Первой мировой войне: истоки институционального подхода // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – Петрозаводск, 2024. – Т.46, №.2. – С. 8-17.

63. Космач В. А. Большевики и Германия в годы Первой мировой войны / В. А. Космач // Псковский военно-исторический вестник. – 2016. – № 2. – С. 195-209.

64. Кручинин А. С. «Проблема Царицына» (1918) в стратегии и историографии / А. С. Кручинин // Военно-исторические аспекты жизни Юга России XVII-XXI вв.: вопросы изучения и музеефикации : Материалы III международной научно-практической конференции, Волгоград, 01–02 октября 2021 года. – Волгоград: Общество с ограниченной ответственностью «Сфера», 2021. – С. 313-320.

65. Курков К. Н., Мельничук А. В. Проблемы стратегии Белой армии на Южном фронте в работе А. И. Деникина «Навет на Белое движение» // Вестник архивиста. – 2018. – № 1. – С. 260-272.

66. Леер Г. А. Метод военных наук (стратегии, тактики и военной истории) / / [Соч. Г.А. Леера]. – Санкт-Петербург : тип. С. Н. Худекова, 1894. – 102 с.

67. Лизина Н. В. Практики власти как управленческие отношения в работах М. Фуко / Н. В. Лизина // Известия Алтайского государственного университета. – 2011. – № 2-2. – С. 206-209.

68. Линченко А. А. Проблема исторического сознания в философии и теории истории Йорна Рюзена / А. А. Линченко // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2013. – № 4-1. – С. 22-27.

69. Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914-1918 гг. / Э. Людендорф; [пер. с нем. Свечина А. А.]. – М. : Вече, 2014. – 704 с.

70. Лях К. И. Функционалистская теория национализма Эрнеста Геллнера / К. И. Лях // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2014. – № 11-1 (49). – С. 124-128.

71. Махров П. С. В Белой армии генерала Деникина. Записки начальника штаба главнокомандующего Вооруженными силами Юга России / П. С. Махров. – СПб.: Logos, 1994. – 300 с.

72. Меннинг Б. У. Пуля и штык. Армия Российской империи 1861-1914 / Б. У. Меннинг ; авторизованный перевод с английского Николая Эдельмана ; под научной редакцией Олега Айрапетова. – М. : Модест Колеров, 2016. – 423 с.

73. Михайлов И. В. Современная историография Гражданской войны в России // Россия и современный мир. – 2007. – № 3. – С. 28-46.

74. Муромцева Л. П. Зарубежные архивы российской эмиграции / Л. П. Муромцева // Россия и современный мир. – 2016. – № 2 (91). – С. 189-206.

75. Муромцева Л. П. Первая мировая война в памяти российской эмиграции // Россия и современный мир. – 2014. – № 4 (85). – С. 155-165.

76. Панов Д. Н. «Очерки русской смуты» А. И. Деникина в общественно-политической борьбе 20-х – начала 30-х гг. XX века : автореф. дис. … канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2003.

77. Писарчик Л. Ю. Философия культуры и методология исторического познания Фрайбургской (Баденской) школы неокантианства / Л. Ю. Писарчик // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2008. – № 2. – С. 31-46.

78. Поликарпов В. Д. Начальный этап Гражданской войны. История изучения / В. Д. Поликарпов. – М. : Издательство «Наука», 1980. – 370 с.

79. Поликарпов В. Д. Пролог Гражданской войны в России / В. Д. Поликарпов. – М. : Издательство «Наука», 1976. – 414 с.

80. Попов А. В. Архивная россика во Франции и российско-французское архивное сотрудничество / А. В. Попов // История и архивы. – 2015. – № 2. – С. 128-142.

81. Раков В. В. Вопрос о земском самоуправлении в политике и государственном строительстве южнорусского Белого движения (1918-1919 годы) / В. В. Раков // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2024. – № 2. – С. 126-140.

82. Рикер П. Время и рассказ. В 2-х т. Т. 1. Интрига и исторический рассказ. / П. Рикер. – М.; СПб.: Университетская книга, 1998. – 313 с.

83. Родионова Н. А. Русский заграничный исторический архив в Праге: история становления и деятельности / Н. А. Родионова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2015. – № 4. – С. 108–119.

84. Российский военный сборник / [ред. А. Е. Савинкин]. Русская военная доктрина. Материалы дискуссий 1911–1939 годов / [сост.: А. Е. Савинкин, Ю. Т. Белов, И. В. Домнин]. – М. : ГА ВС, 1994. – 297 с.

85. Российский государственный военный архив в документах и материалах (1920-2020 гг.) / Федер. арх. агентство, Рос. гос. воен. архив; Сост. В. И. Коротаев, Л. Г. Костарева, И. В. Успенский. – М.: Фонд «Связь Эпох», 2020. – 864 с.

86. Рутыч Н. Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных сил Юга России : (Материалы к истории Белого движения) / Н. Н. Рутыч. – М. : Рос. арх. ; [Париж] : Regnum, 1997. – 295 с.

87. Сабенникова И. В. Архивы русской эмиграции в контексте исторических событий / И. В. Сабенникова // История и архивы. – 2020. – № 3. – С. 87-98.

88. Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений : в 20 т. / М. Е. Салтыков-Щедрин ; [вступ. ст. Е. И. Покусаева, с. 9–68] ; ред. коллегия: С. А. Макашин (гл. ред.) [и др.]. – Москва : Худож. лит., 1965–1977. Т. 17 : Пошехонская старина. 1887–1889. Забытые слова. 1889. Автобиографии. 1858–1889 / подгот. текста К. И. Соколовой ; статьи и примеч. Т. И. Усакиной. – 1975. – 623 с.

89. Самуилова М. О., Банникова Н. Ф. Концепция исторического познания Вильгельма Дильтея // XIII Королевские чтения : Международная молодежная научная конференция, Самара, 6–8 октября 2015 года : тезисы докладов : в 2 т. – Самара : Изд-во СГАУ, 2015. – Т. 2. – С. 350-351.

90. Свилас С. Ф. Российская историография Первой мировой войны // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 2004. – № 4. – С. 68-72.

91. Сотников С. А. Русская военная эмиграция во Франции 1920-1930 гг.: проблемы адаптации // Вестник Московского государственного университета сервиса. 2007. – №2. – С. 120-126

92. Троцук, И. [Рецензия] // Социологический журнал. – 2005. – № 4. – С. 168–178. – Рец. на кн.: Анкерсмит Ф. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков / пер. с англ. О. Гавришиной, А. Олейникова; под науч. ред. Л. Б. Макеевой. – М. : Идея-Пресс, 2003. – С. 168-178.

93. Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX в. / Х. Уайт ; пер. с англ. под ред. Е. Г. Трубиной и В. В. Харитонова. – Екатеринбург : Изд-во Ур. ун-та, 2002. – 528 с.

94. Фуко М. Слова и вещи : Археология гуманитарных наук : Пер. с фр. В. П. Визгина, Н. С. Автономовой / М. Фуко. –СПб. : A-cad : АОЗТ «Талисман», 1994. – 406 с.

95. Харман Г. Введение в Клаузевица / Г. Харман // Логос. – 2019. – Т. 29, № 3. – С. 25-58.

96. Ходаков И. М. «Очерки Русской Смуты» А.И. Деникина как источник по изучению гражданской войны на юге России : автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.09 / Ин-т рос. истории РАН. – Москва, 2006. – 25 с.

97. Цветков В. Ж. Белое дело в России. 1920–1922 гг. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). Ч. 1. / В. Ж. Цветков. – М. : [б. и.], 2011. – 496 с.

98. Цветков В. Ж. Белое дело в России: 1917–1919 гг. / В. Ж. Цветков. – М. : Яуза-Каталог, 2019. – 1056 с.

99. Черных Ю. М., Шмаров А. Н. Традиции гражданско-патриотического воспитания в военном образовании русского зарубежья в «межвоенной» Европе / Ю. М. Черных, А. Н. Шмаров // Известия ВГПУ. Педагогические науки. – Волгоград: ВГСПУ, 2013. – № 1 (260). – С. 128-134.

100. Чирков С. В. Источниковедение историографии в трудах С. О. Шмидта / С. В. Чирков // Археографический ежегодник. – 2019. – Т. 1, № 1. – С. 164-173.

101. Шубин Н. А. Россия в Первой мировой войне. Историография проблемы (1914-2000 гг.)* : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.09 / Н. А. Шубин. – 2002. – 287 с.

102. Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт : Тотальная мобилизация; О боли / Э. Юнгер; Пер. с нем. А. В. Михайловского; Под ред. Д. В. Скляднева. – Санкт-Петербург : Наука, 2000. – 537 с.

На иностранном языке:

103. Ankersmit F. R. Representation: The Birth of Historical Reality from the Death of the Past [Репрезентация: рождение исторической реальности из смерти прошлого] / F. R. Ankersmit. – New York : Columbia University Press, 2024. – 328 p.

104. Aron R. Clausewitz, Philosopher of War. / R. Aron. – Translated by Christine Booker and Norman Stone. A Touchstone Book. New York: Simon & Schuster, 1986. – 418 p.

105. Bushnell J. The Tsarist Officer Corps, 1881-1914: Customs, Duties, Inefficiency. The American Historical Review. 1981. – Vol. 86, No. 4. – P. 753-780.

106. Byrnes R. Kliuchevskii on the multi-national Russian state. Russian History/Histoire Russe. 1986. – Vol. 13, No. 4. – P. 313–330.

107. Cohen A. J. Oh, That! Myth, Memory, and World War I in the Russian Emigration and the Soviet Union // Slavic Review, 2003. – №1. – P. 69-86.

108. Engberg-Pedersen A. Empire of Chance: The Napoleonic Wars and the Disorder of Things / A. Engberg-Pedersen. – Cambridge: Harvard University Press. – 2015. – 324 p.

109. Fischhoff B. «Hindsight ≠ foresight: The effect of outcome knowledge on judgment under uncertainty» / B. Fischhoff. – Quality & Safety in Health Care, 2003. – №12. – P. 304-312.

110. Hall J. R. The Time of History and the History of Times // HT. 1980. Vol. 19. P. 126-131.

111. Núñez Seixas, X. M. «Defeat, Victory, Repeat»: Russian Émigrés between the Spanish Civil War and Operation Barbarossa, 1936–1944 / X. M. Núñez Seixas, O. Beyda // Contemporary European History. — 2024. — Vol. 33, No. 3. — P. 1078-1093.

112. Russia at war : from the Mongol conquest to Afghanistan, Chechnya, and beyond / Timothy C. Dowling, ed. ; forew. by Bruce W. Menning. A-M. – Santa Barbara, Calif. [etc.] : ABC-CLIO, cop. 2015, cop. 2015. – XLVIII, 547 p.

113. Sharma V. S. A Social Theory of War: Clausewitz and War Reconsidered. Cambridge Review of International Affairs. – 2015. – Vol. 28, No. 3. – P. 327-347.

114. Wildman A. K. The End of the Russian Imperial Army: The Road to Soviet Power and Peace. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1987. xv, 443 p.

III. Электронные ресурсы:

115. Данилов Юрий Никифорович [Электронный ресурс] // Хронос: всемирная история в интернете. – URL: https://www.hrono.ru/biograf/bio_d/danilov_yu.php

116. Карпенко С. В. Судьбы людские : генерал П. Н. Врангель и его «Записки» / С. В. Карпенко [Электронный ресурс] // Антибольшевистская Россия : [сайт]. URL: https://www.antibr.ru/studies/ao_zapwr_k.html

117. Квакин А. В. Головин Николай Николаевич / Квакин А. В. [Электронный ресурс] // Русская национальная философия в трудах ее создателей : [сайт]. URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_g/golovin_nn.html

118. Латышов С. Л. Общество ревнителей военных знаний [Электронный ресурс] / С. Л. Латышов // Большая российская энциклопедия : электронная версия. – URL: https://old.bigenc.ru/military_science/text/2675807

119. Лехович Д. В. XXIII. Внешние сношения и внутренние нелады [Электронный ресурс] / Д. В. Лехович // Военная литература. — URL: https://militera.lib.ru/bio/lehovich_dv/23.html (дата обращения: 28.04.2026).

120. Харитонов С. А., Чистяков О. В. Военно-учетный архив. 1917-2017 [Электронный ресурс] / С. А. Харитонов, О. В. Чистяков // Военно-исторический журнал. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2017. – URL: http://history.milportal.ru/voenno-uchyonyj-arxiv-1797-2017-2/?print=print

121. Ходаков И. Русское военное духовенство в 1917 году (комментарий в русле истории) [Электронный ресурс] / И. Ходаков // Седмица.RU : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия». – 2006. – 7 июля. – URL: https://www.sedmitza.ru/text/406290.html

122. Цветков В. Ж. Аграрно-крестьянская политика Белого движения в России (1917–1920 гг.) [Электронный ресурс] / В. Ж. Цветков // Новый исторический вестник. – 2006. – № 15. – С. 57–90. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/agrarno-krestyanskaya-politika-belogo-dvizheniya-v-rossii-1917-1920-gg